ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ
И ПРИКЛАДНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

FUNDAMENTAL
AND APPLIED
RESEARCH
IN THE HUMANITIES

Знание
Понимание
Умение

KNOWLEDGE
UNDERSTANDING
SKILL

Научный журнал
Московского
гуманитарного
университета

№3

2026

Издательство Московского гуманитарного
университета

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Знание. Понимание. Умение» включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов ВАК. Издание рекомендовано для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора наук и кандидата наук.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-84033 от 21 октября 2022 г.

© Московский гуманитарный университет, составление, 2026

Главный редактор

Ильинский И. М., доктор философских наук, профессор (Россия)

Заместитель главного редактора

Журавлев А. Л., академик РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор (Россия)

Заместитель главного редактора, выпускающий редактор

Канарш Г. Ю., кандидат политических наук (Россия)

Редакционный совет

Воротников Ю. Л., член-корреспондент РАН, доктор филологических наук (Россия)

Дадалко В. А., доктор экономических наук, профессор (Беларусь)

Захаров В. Н., доктор филологических наук, профессор (Россия)

Ильинский И. М., доктор философских наук, профессор (Россия)

Мажитов С. Ф., доктор исторических наук, профессор (Казахстан)

Саверченко И. В., доктор филологических наук, профессор (Беларусь)

Тарасов Б. Н., доктор филологических наук, профессор (Россия)

Тощенко Ж. Т., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор (Россия)

Федотова В. Г., доктор философских наук, профессор (Россия)

Чжоу Ци-чао, доктор филологических наук (Китай)

Редакционная коллегия

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор (Россия)

Буранок О. М., доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Россия)

Буренко В. И., доктор политических наук, профессор (Россия)

Винокурова У. А., доктор социологических наук, профессор

Водопьянов П. А., доктор философских наук, профессор (Беларусь)

Гневашева В. А., доктор экономических наук, доцент (Россия)

Захаров Н. В., доктор философии (PhD), кандидат филологических наук (Россия)

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор (Россия)

Ивановский З. В., доктор политических наук, профессор (Россия)

Ковалева А. И., доктор социологических наук, профессор (Россия)
Костина А. В., доктор философских наук, доктор культурологии, профессор (Россия)
Лисович И. И., доктор культурологии, доцент (Россия)
Малинецкий Г. Г., доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Маралов В. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия)
Мосяков Д. В., доктор исторических наук, профессор (Россия)
Позняков В. П., доктор психологических наук, профессор (Россия)
Попков Ю. В., доктор философских наук (Россия)
Похомова А. А., кандидат социологических наук, доцент (Беларусь)
Сальникова Е. В., доктор культурологии, доцент (Россия)
Ситаров В. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия)
Сманцер А. П., доктор педагогических наук, профессор (Беларусь)
Толкачев С. П., доктор филологических наук, профессор (Россия)
Трыков В. П., доктор филологических наук, профессор (Россия)
Фурсов А. И., кандидат исторических наук (Россия)
Шабров О. Ф., доктор политических наук, профессор (Россия)
Шапинская Е. Н., доктор философских наук, профессор (Россия)

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.1

Моисеевские чтения «Молодежь и Будущее: ответственность за Российскую цивилизацию». IX Национальная научная конференция (23–25 апреля 2026 г.)[1]

И. М. Ильинский

Московский гуманитарный университет

Публикуемый текст представляет собой стенограмму IX ежегодной научной конференции Московского гуманитарного университета «Моисеевские чтения». На конференции обсуждались экзистенциальные вызовы современности в контексте наследия академика Н. Н. Моисеева. Центральное место занимало сопоставление угрозы «ядерной зимы», математически просчитанной Моисеевым в 1980-х гг., с новыми рисками неконтролируемого развития искусственного интеллекта, способного привести к «цифровой тьме» и утрате человеческого достоинства. Авторы подчеркивают, что Россия, находясь на стыке цивилизаций, ищет третий путь развития ИИ, основанный на традиционных ценностях — соборности, справедливости и служении человеку, в отличие от западного трансгуманизма и восточного тотального контроля. Развивая идеи Моисеева о коэволюции Человека и Биосферы, докладчики обосновывают необходимость смены ценностной парадигмы — перехода от максимизации прибыли к устойчивому развитию, где образование становится не услугой, а условием формирования человека, способного к построению будущего. Обсуждается антропологический переход, требующий изменения принципов воспитания и подготовки поколений, способных нести этическую ответственность за технологии. Значительное место отведено ценностному потенциалу и субъектности российской молодежи. На основе мониторинговых исследований фиксируется рост патриотизма и интереса к традиционным ценностям, однако отмечаются риски элитарности молодежных программ и неравенства стартовых возможностей. Воспитание рассматривается как управляемый процесс формирования личности, противопоставленный стихийной социализации. Подчеркивается миссия социогуманитарного знания в сохранении культурной идентичности и борьбе с хаосом, а также необходимость восстановления системного экологического образования. В целом участники конференции утверждают: будущее зависит от согласованного нравственного императива и перехода к ноосферному развитию, завещанному Моисеевым.

Ключевые слова: Н. Н. Моисеев; «ядерная зима»; ноосфера; искусственный интеллект; молодежь; воспитание

[1] Стенограмма пленарного заседания (сокращенная версия).

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Добрый день, уважаемые преподаватели, сотрудники университета, уважаемые студенты, гости нашего университета! Сердечно приветствую вас на Моисеевских чтениях! Скажу несколько слов по поводу этого важного события.

Никита Николаевич Моисеев — явление выдающееся, я бы сказал, космического масштаба. Я буду говорить о том, как произошла наша встреча, почему она случилась и каким образом Никита Николаевич появился в жизни нашего университета.

В свое время как исследователь я серьезно увлекался глобальными проблемами человечества. Вот тогда в поле моего зрения попали доклады Римского клуба, книга Аурелио Печчеи «Человеческие качества». Прекрасная книжка. Тогда же я познакомился во Франции с Федерико Майором, Генеральным директором ЮНЕСКО. Он потом дважды по моему приглашению побывал в Москве, выступал у нас в университете. Тогда же Ф. Майор и мэр Москвы Ю. М. Лужков подписали Декларацию об объявлении территории Института молодежи «Территорией культуры мира», появилась моя книга «О “культуре” войны и Культуре мира».

В то время я создал Союз негосударственных вузов, в котором объединились негосударственные вузы Москвы и Московской области. В его состав вошел и Международный эколого-политологический университет, созданный Никитой Николаевичем Моисеевым, который был тогда президентом этого вуза. Так мы познакомились с Никитой Николаевичем.

Познакомились сначала по телефону, а потом встретились у него на даче. Когда он узнал, что я серьезно занимаюсь глобальными проблемами, его интерес ко мне усилился. Ведь его исследования касались вопросов глобализма и ядерных проектов, впоследствии известных как «ядерная зима» и «ядерная ночь». Что будет, если случится ядерная война?

Кстати, осмысление этих процессов входило и в мои научные интересы, потому что я занимался проблемами войны. Я не могу не заниматься этими проблемами. Я до сих пор болею проблемой войны, потому что я ребенок войны. Я блокадник Ленинграда. У меня отец погиб на фронте, семья пострадала. Поэтому война не покидает мою душу, к сожалению.

К тому времени я уже был знаком с публикациями и книгами Никиты Николаевича Моисеева, в которых он писал о ситуации в России и о будущем Планеты именно так, как надо было говорить в тот момент. Стал искать встречи, знакомства и разговора с этим человеком. Это оказалось не так-то просто: в ту пору Моисеев был, как говорится, нарасхват.

В конце мая 1999 г. мне удалось «заманить» его в наш вуз на заседание круглого стола, тема которого была «подстроена» мною под его идеи о глобальных проблемах человечества, о которых он рассказывал российскому обществу в своих статьях и книгах. После окончания круглого стола мы пили чай в моем рабочем кабинете, и я попросил Моисеева рассказать мне о проекте «ядерная зима», о котором я не мог найти полной информации в журналах и газетах.

Никита Николаевич вполне доступно рассказал мне о том, что создал он, как руководитель проекта, и его ученики. В нескольких фразах я перескажу то, что запомнил из его рассказа, для тех из студентов, присутствующих в зале, кто впервые узнает, что на белом свете жил-был такой человек по фамилии Моисеев и что он сотворил такое, за что мир должен помнить о нем, пока существует планета Земля, а на ней — человечество.

В 1983 г. американский астрофизик Карл Саган опубликовал в журнале «Амбио» несколько сценариев возможной крупномасштабной ядерной войны и высказал гипотезу о том, что в результате серии взрывов ядерных бомб и снарядов на Земле может установиться «ядерная ночь» и, как следствие, «ядерная зима». Обратите внимание, уважаемые студенты, речь идет о гипотезе, о теоретических предположениях. Насколько они правдоподобны, реалистичны? Ответа на эти вопросы гипотеза Сагана дать не могла.

Но в те же самые дни и месяцы 1983 г. в Вычислительном центре Академии наук СССР под руководством Н. Н. Моисеева работал коллектив ученых, который — единственный в мире! — располагал системой моделей, достаточных для численных оценок, и необходимой информацией для того, чтобы проверить гипотезу Сагана. Соответствующие расчеты, проведенные летом 1983 г., полностью подтвердили справедливость гипотезы американского ученого.

Одним словом, научный коллектив под руководством Н. Н. Моисеева в соответствии с гипотезой Сагана смоделировал и визуально показал в виртуальном виде последствия крупномасштабной (не говоря уж о тотальной) ядерной войны. Иначе бы гипотеза Сагана так и осталась своего рода «страшилкой» для узкого круга политиков, не стала бы реальным и самым страшным фактором сдерживания гонки вооружений и воинственных настроений для руководителей ведущих стран мира — США, СССР, Франции, Великобритании и других ядерных держав.

Как говорил Моисеев, самое главное в моделировании последствий крупномасштабной ядерной войны, в ее имитациях на моделях — то, что после возмущений, вызванных ядерными взрывами и пожарами, даже то квазиравновесие, которое могло бы возникнуть в биосфере примерно через год, оказалось бы настолько отличным от существовавшего все века до войны, что в этой новой биосфере человек не смог бы существовать. Ядерная война — это конец жизни на Земле. Это было феноменальное научное достижение, за которое человечество должно помнить о Моисееве, пока существует планета Земля.

Как известно, Никита Николаевич и его ученики не ограничились этим, и в последующие годы они провели ряд расчетов, показавших, что наука в принципе способна установить такую систему запретов, соблюдение которых гарантировало бы необходимые обстоятельства для дальнейшего развития человечества. При непременном условии: если человечество сможет смириться с теми ограничениями, которые рекомендовала бы установить наука; если у человечества хватит силы воли принять новую нравственность, необходимую для того, чтобы сохранить на Земле этот биологический вид.

Таким образом, проблема выживания человечества из области естествознания и технических наук «перекочевала» в сферу философии и гуманитарного знания. И Никита Николаевич Моисеев возглавил эту титаническую деятельность.

Тогда одна за другой на свет появлялись его книги, указывавшие путь к спасению от глобальной катастрофы. Стоит перечислить названия только тех книг, которые написал Никита Николаевич уже после завершения первой части работы над проектом «ядерная зима»: «Человек, среда и общество» (1983), «Модели экологии и эволюции» (1983), «Человек и биосфера» (1985), «Экология человечества глазами математика» (1988), «Человек и ноосфера» (1990), «Восхождение к Разуму» (1991), «Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления 1917–1993» (в двух вариантах — 1994 и 1997), «Экология и образование» (1996),

«Есть ли у России будущее?» (1996), «Мировое сообщество и судьба России» (1997) и др.

Изучая труды Моисеева, я убедился в том, что великие философы и гуманитарии вырастают из великих естествоиспытателей...

Прощаясь с Моисеевым после нашей первой встречи на круглом столе в нашем вузе, о котором было упомянуто в начале моего выступления, я подарил ему свою недавно вышедшую книжку «О “культуре” войны и Культуре мира». Каково же было мое удивление, когда дня через три-четыре мне позвонил Моисеев: «Прочитал Вашу книжку, дал почитать еще кое-кому. Общее мнение: отличная работа!..»

Тут я сказал: «Никита Николаевич! А давайте создадим в нашем институте интеллектуальный клуб! И вы будете его президентом!» Помолчав несколько секунд, Моисеев молвил: «Давайте!.. А как назовем?» Поскольку я уже давно думал об этом, поэтому без задержки ответил: «Русский! Русский интеллектуальный клуб... Вы же так много и с волнением пишите о русском народе, о судьбах России...». — «Отлично! — сказал Моисеев. — Именно русский, а не какой-нибудь...».

Через день Моисеев снова позвонил мне, пригласил к себе на дачу в Абрамцево. Вскоре я побывал у него в гостях, и мы окончательно договорились, что создадим Русский интеллектуальный клуб.

В ту же пору, о которой идет речь, решался вопрос о возвращении в Россию из высылки в Германию всемирно знаменитого русского ученого и писателя-диссидента Александра Александровича Зиновьева. Я участвовал в этих делах. В одном из телефонных разговоров с Александром Александровичем, который в то время еще жил в Мюнхене, я рассказал ему о нашей с Никитой Николаевичем идее. Зиновьев горячо поддержал ее, согласился войти в состав клуба.

В июне, когда А. А. Зиновьев прилетел в Москву, я пригласил его и Никиту Николаевича в институт. Было очень трогательно наблюдать встречу двух знаменитостей мирового масштаба... Будучи когда-то неплохо знакомы, они не виделись более 30 лет. Долго и страстно мы втроем говорили о ситуации в России и в мире. Потом — о целях и задачах, составе Русского интеллектуального клуба.

Скоро состоялось организационное заседание РИК, на котором был сформирован первый состав клуба.

Н. Н. Моисеев рекомендовал избрать в состав РИК Юрия Юрьевича Болдырева — заместителя председателя Счетной палаты РФ; Юрия Валерьевича Данилина — заместителя главного редактора «Литературной газеты»; Игоря Алексеевича Михайлова — политобозревателя радиостанции «Голос России»; Дмитрия Семеновича Львова — академика РАН, экономиста. Я рекомендовал Петра Федоровича Алешина — секретаря Союза писателей РФ, писателя; моего давнего друга Владимира Борисовича Ломейко — специального советника Генерального директора ЮНЕСКО Федерико Майора, Чрезвычайного и Полномочного Посла; Игоря Николаевича Родионова — генерала армии, бывшего министра обороны РФ.

Президентом Русского интеллектуального клуба был избран Н. Н. Моисеев, вице-президентами — А. А. Зиновьев, И. М. Ильинский.

С интервалом в полтора-два месяца нам удалось провести три заседания РИК, носивших «пристрелочный» характер. Никита Николаевич начал готовить свой доклад клубу. Мы собрались обсудить его в январе 2000 г.

И вдруг Моисеев оказался в больнице... Болезнь была серьезной. Состоялась операция, за ней новые. Затем стала развиваться мочекаменная болезнь. Было вид-

но, что Никита Николаевич измучен ею. Не раз в ходе наших разговоров я слышал от него: «Устал. Нет сил». К тому же, что ни говори, ему шел 84-й год...

Но как молод он был, боже мой!.. Как загорались, как блестели озорством его глаза, когда он рассказывал о своем любимом «физтехе», о работе в Вычислительном центре Академии наук и вообще — о прошлом, особенно о молодой поре жизни. Как смело, страстно и увлеченно строил он планы на будущее, совершенно не думая о возрасте и болезнях! Можно было подумать, что смерть ему не суждена.

На заседаниях нашего клуба и вообще на разного рода научных собраниях, где мне доводилось его наблюдать, он обычно сидел, приопустив голову, иногда закрывал глаза ладонью, и можно было подумать, будто он дремлет. Ничуть!

Стоило кому-то лишь уронить неточную формулировку, заинтересовавшую или, наоборот, противоречившую взглядам Моисеева фразу, он тут же поднимал подбородок и, слегка наклонив голову влево, устремлял на оратора свой внимательный, проникновенный взгляд. Когда он говорил, мне казалось, я слышу мерное, металлическое постукивание его мыслей — так ритмично, четко, просто и понятно излагал он свои взгляды.

Всем своим обликом — и внешним, и внутренним, всеми своими делами, манерами и поведением, подвижническим образом жизни Н. Н. Моисеев являл классический тип русского интеллигента. Трудяга. Скромняга. Пророк. Великий патриот. Великий гражданин.

В научной и образовательной среде Моисеев был высшим нравственным авторитетом. Он никогда и никому не продавался. У него была одна вера — Наука, одна богиня — Истина. Этот человек представлял собой огромное национальное достояние.

От Моисеева исходил дух простоты и величия одновременно. Его советов и мнения искали многие. Ученые. Политики. Государственные деятели. И самые простые люди.

За недолгое время общения с Никитой Николаевичем, как мне казалось, мы полностью сошлись во взглядах на прошлое и настоящее нашей страны и русского народа, более того — породнились духовно.

Во всяком случае, после третьего заседания РИК, которое проходило в зале заседаний Ученого совета нашего вуза, Никита Николаевич каким-то образом ускользнул из поля моего зрения. И только войдя в свой кабинет, я обнаружил его сидящим в одном из кресел около входной двери.

Принесли чай. Едва отхлебнув глоток, Никита Николаевич вдруг сказал: «Игорь Михайлович! А у вас мне хорошо. Возьмете меня на работу?»

Я был ошарашен: «Никита Николаевич, конечно — да, да, да! Но Вы же президент Международного независимого эколого-политологического университета?» — «А-а!.. – махнул он рукой. — Там все не настоящее...»

Мы уже тогда решили — Моисеев переходит работать в наш вуз.

Но тут его подкосила болезнь.

...Через несколько дней после того, как Никиту Николаевича положили в больницу, мне позвонила его супруга, Антонина Васильевна: «Нужна искусственная почка, а их в Москве всего несколько... Никита Николаевич никому из верхов звонить не хочет, да и не может, плох... Что делать?»

В ту пору у меня, как у президента Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, сложились очень хорошие отношения с вице-мэром Моск-

вы Валерием Павлиновичем Шанцевым, я знал номер его мобильного телефона. Позвонил — вопрос был решен...

Через несколько дней неожиданно мне позвонил Никита Николаевич. Поспрашивал меня о том о сем, пожелал здоровья... В моей душе зародилось какое-то странное чувство. Не напрасно. Это был прощальный разговор.

29 февраля 2000 г. Н. Н. Моисеев ушел из жизни.

Это, без сомнения, была потеря национального масштаба. Ушел из жизни человек, о таланте и величии которого гадать не надо — он состоялся во всю мощь человеческого Разума и Духа. Плодами его трудов, даже не подозревая того, уже пользовалось и ныне пользуется все человечество, ими станут жить будущие поколения. Однако о смерти Моисеева в те дни в средствах массовой информации никто не сказал ни слова. Лишь позднее появилось несколько некрологов.

О смерти Никиты Николаевича мне сообщила Антонина Васильевна, сказав при этом, что он завещал похоронить его на кладбище Свято-Даниловского монастыря.

Что за монастырь, что за кладбище? Я не имел об этом ни малейшего понятия. И почему Моисеев хотел, чтобы его похоронили на церковном, а не на гражданском кладбище? Многократно побывав на его даче в Абрамцево, я не заметил икон ни в одной из комнат, в разговорах он ни разу не вспомнил о Боге.

Но я тут же вновь кинулся звонить Шанцеву, но тот сказал, что по этому поводу надо обращаться к Патриарху Алексию Второму, с которым в ладах Ю. М. Лужков. Пообещал тут же поговорить с мэром. Вскоре я получил ответ: «Патриарх дал свое согласие...»

Посоветовавшись с узким кругом ректоров вузов, входивших в состав Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, мы решили учредить медаль Н. Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке» двух степеней: золотую и серебряную. Причем первую партию медалей изготовить из чистого золота и серебра. Так и сделали.

25 апреля 2002 г. золотые медали Н. Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке» были вручены мною в Государственном Кремлевском дворце на Торжественном собрании, посвященном 10-летию негосударственного образования в России. Назову имена и должности этих людей.

Л. И. Швецова — первый заместитель мэра Москвы, руководитель комплекса социальной сферы.

И. Б. Федоров — председатель Совета ректоров вузов Москвы и Московской области, ректор Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана.

М. Е. Швыдкой — министр культуры РФ.

Г. А. Месяц — вице-президент Российской академии наук.

А. Г. Поршнев — ректор Государственного университета управления, академик РАН.

М. М. Прусак — губернатор Новгородской области, выпускник ВКШ при ЦК ВЛКСМ.

Впоследствии медаль Н. Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке» была вручена 286 выдающимся ученым, преподавателям, общественным и политическим деятелям.

Именно поэтому Московский гуманитарный университет проводит Моисеевские чтения. Эта конференция —– уже девятая. Спасибо вам за внимание, желаю конференции успешной работы!

(Аплодисменты).

Слово Анне Владимировне Костиной, которая будет дальше выполнять функции ведущего. Пожалуйста.

КОСТИНА А. В.

Большое спасибо, Игорь Михайлович!

Добрый день, уважаемые коллеги!

В начале 1980-х гг., на пике холодной войны, академик Никита Николаевич Моисеев взял на себя смелость не просто тревожиться, а математически просчитать последствия глобального ядерного конфликта. Под его руководством в Вычислительном центре АН СССР была создана модель, ставшая сенсацией. Ученые смоделировали ситуацию: массированные ядерные взрывы подожгут города и леса, выбросив в атмосферу миллионы тонн сажи и пыли. Облака заблокируют солнечный свет, и средняя температура на планете рухнет на 15–25 градусов Цельсия. Наступит «ядерная ночь», за которой последует многолетняя «ядерная зима». Главный шокирующий вывод расчетов был неумолим: в такой войне не может быть победителей, а жизнь на Земле окажется на грани полного уничтожения. Сам Моисеев резюмировал: ядерное оружие — это не средство решения противоречий, а «способ самоубийства человечества». Эти расчеты сыграли сдерживающую роль и изменили мировую политику, предотвратив войну, на пороге которой оказался мир.

Однако сегодня перед нами встает угроза такого же экзистенциального масштаба, но иного качества. Если Моисеев говорил о физическом уничтожении биосферы, то современные эксперты, включая «крестных отцов искусственного интеллекта», бьют тревогу по поводу рисков создания искусственного сверхинтеллекта. Мы стоим перед выбором: либо мы научимся встраивать этические ограничения и систему глобального контроля в технологии будущего так же ответственно, как это сделали с ядерным оружием, либо человечество променяет угрозу «ядерной зимы» на не менее страшную «цифровую тьму», где мы утратим контроль над собственным творением. Уже сегодня американская компания Palantir, разрабатывающая программное обеспечение для военных структур, рассуждает о неизбежности оружия на базе ИИ и объявляет о конце атомной эпохи и начале новой эпохи сдерживания на базе ИИ.

Почему этот вопрос так важен? Искусственный интеллект стал фактором экономического роста и безопасности. По прогнозам, к 2030 г. вклад ИИ в глобальную экономику достигнет 15,7 трлн долл. Китай планирует получить за счет ИИ 26% прироста ВВП, а США инвестируют в эту сферу 650 млрд долл. В России только Сбербанк планирует вложить в развитие ИИ около 350 млрд руб. в 2026 г. Но ключевой вопрос не в том, сколько мы вложим, а в том, какой ИИ мы создадим и каким ценностям он будет служить. Запад и Восток предлагают разные пути развития ИИ. Россия, находящаяся на стыке цивилизаций, ищет собственный путь технологической независимости и понимания человека как носителя духа и исторической памяти.

Западный проект ИИ отражает девиз Кремниевой долины: «Move fast and break things» («Двигайся быстро и круши все подряд»). Главный ценностный сдвиг — движение к трансгуманизму и «постчеловеку». Логика здесь такова: человек — несовершенная система, результат слепой эволюции; самой главной ошибкой являются страдания, болезни и смерть. Следовательно, приоритетная задача — устра-

нение этой «ошибки», достижение эффективности и увеличение когнитивных способностей человека с помощью ИИ. Это несет риски алгоритмической дискриминации (например, система подбора персонала Amazon занижала рейтинг женщин, а система COMPAS в США давала завышенные оценки риска рецидива для афроамериканцев). Но главное — это автоматизированное кибероружие и непредсказуемость развития сверхразума, способного хитрить, обманывать и находить незапрограммированные методы решения задач (гипотеза «эффекта максимизатора скрепок»). Кроме того, сегрегация человечества на «улучшенных» и «естественных» породит новые пространства эксплуатации. Израильский историк Юваль Ной Харари предупреждает: человечеству будут угрожать не машины, а способность ИИ подделывать голоса и изображения и развивать глубокие близкие отношения с людьми, что может привести к утрате человеческого быстрее всего.

Для российской цивилизации, где человек всегда понимался как образ Божий или носитель соборного сознания, такой путь неприемлем. Восточная модель (Китай) исходит из приоритета гармонии и следования естественному порядку. В Китае ИИ рассматривается как базис долгосрочного социально-экономического развития, но это сопряжено с вызовами тотального контроля через Систему Социального Кредита и всепроникающее слежение. Для России восточный этос привлекателен уважением к традиции и приоритетом коллективного над индивидуальным, но мы не можем принять модель, где личность полностью подчинена алгоритмическому надзору. Нам нужен баланс.

Россия исторически формировалась как «мост» между Западом и Востоком. Русская идея, соборность, справедливость — это наши традиционные ценности, закрепленные в Конституции и Указе Президента о традиционных ценностях. Они должны стать фундаментом российской модели ИИ. На практике это означает отказ от трансгуманистических экспериментов, ориентацию ИИ на социальные аспекты, прозрачность алгоритмов и право на обжалование, подготовку инженеров с гуманитарным мышлением, а также импортозамещение и технологический суверенитет.

Академик Моисеев предупреждал: человечество вступило в эпоху, когда без согласованного нравственного императива и коллективного разума оно не сможет справиться с угрозами, которые само же и породило. Если в XX в. ученый математически доказал, что «ядерная зима» уничтожит биосферу независимо от политического строя, то сегодня неконтролируемый искусственный интеллект может стать «цифровой зимой» — столь же губительной для человеческого достоинства и свободы. Поэтому подготовка молодого поколения, способного не только пользоваться ИИ, но и нести этическую ответственность за его развитие, — это прямое исполнение завета Моисеева о коэволюции человека, техносферы и природы.

Спасибо за внимание!

(Аплодисменты).

Разрешите предоставить слово для выступления старшему научному сотруднику Вычислительного центра имени А. А. Дородницына, кандидату физико-математических наук Николаю Вадимовичу Белотелову. Тема доклада «Развитие идей Н. Н. Моисеева для исследования антропологического перехода». Пожалуйста.

БЕЛОТЕЛОВ Н. В.

Уважаемые коллеги!

В настоящее время человечество переживает чрезвычайно сложный период, связанный со всевозрастающим загрязнением биосферы, исчерпанием ресурсов и другими кризисными явлениями. Широкое распространение получил термин «антропологический переход», который связан с осознанием невозможности увеличения численности населения планеты прежними темпами. Это с неизбежностью приводит к пересмотру целей и ценностей дальнейшего развития человечества. Значительное место в анализе происходящих процессов занимает наследие академика Н. Н. Моисеева, который еще в конце XX в. сформулировал проблемы коэволюции Человека и Биосферы, экологического императива и роли Учителя.

Начиная с середины 1960-х гг. методы математического моделирования стали широко применяться в дисциплинах, ранее считавшихся описательными. Математическое моделирование стремилось охватить своей методологией всевозможные гуманитарные области. Как отмечал Моисеев, «математика — это еще и язык, и, как всякий язык, это форма мышления». Введение нового языка требует генеральной перестройки дисциплины, но именно это позволяет по-новому взглянуть на изучаемые объекты. Однако осознание того, что моделирование — это циклический процесс перевода формулировки задачи в языки математики и информатики и возвращения к исходной среде, позволило Моисееву выделить «гуманитарный анализ математических моделей» как важнейший этап. Без этого этапа модели остаются лишь абстракцией, не связанной с реальными человеческими смыслами.

Одним из направлений применения моделирования является область глобальных изменений социально-экономической динамики и деградации биосферы. Изменение климата, опустынивание, обезлесение и миграционные потоки порождают проблемы безопасности. Как подчеркивал Моисеев, взаимосвязь людей по мере развития цивилизации настолько усиливается, что решение многих вопросов не позволяет ограничиваться изучением локальных ситуаций. Особенностью этих проблем является их взаимосвязанность и плохая измеримость вследствие больших пространственно-временных масштабов. Здесь математическое моделирование становится основным инструментом междисциплинарного диалога.

Однако главный вывод, к которому пришел Моисеев в последнее десятилетие своей жизни, касается не столько математики, сколько ценностей. Человек — единственная живая система, которая накапливает знания с помощью культуры. Но при этом он, как любая живая система, конкурирует с биосферой за ресурсы. Следствием этого является стремительный рост численности населения и деградация окружающей среды. Человеческая цивилизация потребляет мощность, превышающую мощность фотосинтеза зеленых растений Земли. Проблемой является не столько изменение климата, сколько сверхпотребление первичных ресурсов биосферы. Ведущей проблемой является сформированная за последние 100 лет ценность максимизации прибыли. Лозунги «Образование — это услуга» и «Воспитание грамотного потребителя» — это новации, которые ведут в тупик.

Вывод Моисеева однозначен: необходимо изменить систему ценностей в глобальной системе многообразных культур. Сейчас в рамках глобализации происходит разрушение культурного многообразия, которое замещается простой человеческой массой. Необходимо изменение принципа образования, где гармонично обученные поколения смогут решить многие проблемы лучше ныне живущих. Экологические и образовательные компоненты должны перейти из разряда затрат в разряд потребительской стоимости. Более того, эмиссия денежной массы долж-

на быть привязана к сохранению качества и интенсивности восстановления окружающей среды. Нам надо активно развивать фундаментальное междисциплинарное изучение Природы и Человека не с целью получения прибыли, а для улучшения понимания функционирования биосферы и социосферы, чтобы перейти к состоянию Ноосферы. По сути, в этом и заключается процесс антропологического перехода. Проблемы, сформулированные академиком Моисеевым, остаются центральными, а методология математического моделирования — одной из важнейших для их решения, но лишь при условии ее гуманитарного осмысления.

(Аплодисменты).

КОСТИНА А. В.

Спасибо, Николай Вадимович. Слово предоставляется заведующему кафедрой философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета, доктору социологических наук, профессору Антонине Ивановне Ковалевой. Тема доклада «Ценности и гражданский потенциал российской молодежи». Пожалуйста, Антонина Ивановна.

КОВАЛЕВА А. И.

Уважаемый Игорь Михайлович, уважаемые коллеги!

Уже в первые годы нового для нашей страны времени, с начала 1990-х гг., Московский гуманитарный университет предпринимал упреждающие меры в отношении реформирования системы образования и воспитания. В эти годы целенаправленно размывалась воспитательная функция системы образования и заменялась идеей социализации. Однако воспитание и социализация — взаимопроникающие, но не тождественные процессы. Воспитание — это целенаправленный, управляемый и контролируемый сегмент социализации, который транслирует социальные нормы и культурные ценности новым поколениям. Социализация же может определяться и как стихийный процесс освоения индивидом социальности со всеми ее реальными, в том числе неодобряемыми, элементами.

Огромная страна СССР перестала существовать, разрушена политическая система, КПСС и ВЛКСМ, прежнее социальное пространство. Российское общество утратило свои системные признаки. Как корабль без фарватера, оно дрейфовало в неустойчивости, неопределенности, отсутствии идеологии. В этих условиях разрушалась прежняя и формировалась иная ценностно-нормативная система. Эти процессы затрагивали прежде всего молодежь. По результатам исследований начала 2000-х гг., в молодежной среде прочно укрепились индивидуалистические ценности. Исследователи писали об аномичности общества и называли «дефектной» социализацию российской молодежи 1990-х — нулевых годов. Молодежь была «свободна» как от либеральных иллюзий, так и от чувства горечи по советскому прошлому. Ценностное пространство было задано массовой культурой и магическим миражом «больших денег». Наступившее время стало для молодежи временем самоутверждения и довольства жизнью при отсутствии больших идей.

Аналитический доклад Общественной палаты показал, что наименее действующими нравственными установками стали бескорыстие, совесть, честность, справедливость. Патриотизм и межнациональный мир оказались на последних местах в рейтинге ценностей. Игорь Михайлович Ильинский дал следующую оценку: «Лидирующими чертами молодежи являются отрицательные качества: равнодушие,

злость, хамство, зависть, лень, жадность, а выше всех — эгоизм». Мониторинговые исследования МосГУ в 2012–2017 гг. подтвердили эту тенденцию. Большинство студентов отмечали присущий им индивидуализм (62,6%). Однако при этом студенты ценили в других людях честность, доброту и ответственность, что свидетельствует о связи поколений и устойчивых нормах традиционной морали.

Обращают на себя внимание оценки студентами своего поколения. Они преимущественно негативны: лень, безответственность, эгоизм. Эта критическая оценка отражает сложный процесс становления, сбои социализации и неясность общественных перспектив. Вместе с тем в последние годы заметны позитивные изменения. Доля студентов, считающих себя патриотами, достигла 74% (37% — определенно, еще 37% — скорее). Это важное прогрессивное обстоятельство, связанное с историческими событиями 2014–2015 гг. и последующими вызовами. Однако готовность лично нести ответственность за будущее страны выражена слабее: лишь 38% твердо ощущают себя частью такого поколения.

Главными агентами влияния на ценности молодежи остаются семья (73,6%), интернет и соцсети (58%), ближайшее окружение (51%). Наиважнейшими жизненными ценностями названы семья (79,7%), здоровье (73,9%), любовь (57,2%) и друзья (49,6%). Ценности социального характера (права и свободы, интересная работа, милосердие) отошли на второй план. Следует особо отметить многолетний опыт воспитательной работы МосГУ. Игорем Михайловичем Ильинским разработана концепция воспитания жизнеспособных поколений, а в вузе действуют Кодексы чести, традиции и символы, формирующие профессиональную культуру. В 2024 г. ВЦИОМ зафиксировал ценностные различия между воспитателями и воспитуемыми: воспитатели в большей мере отмечают приоритет духовного над материальным, семью, взаимопомощь и патриотизм, тогда как воспитуемые больше верят в самореализацию. Это показывает, что процесс воспитания требует постоянной корректировки и осмысления.

(Аплодисменты).

КОСТИНА А. В.

Спасибо, Антонина Ивановна за доклад. Слово предоставляется главному научному сотруднику Института социологии ФНИСЦ РАН, доктору философских наук, профессору Сергею Николаевичу Комиссарову. Тема доклада «О субъектном потенциале российской молодежи». Пожалуйста.

КОМИССАРОВ С. Н.

Дорогие коллеги!

Под субъектностью обычно понимается реальная возможность определять свою собственную судьбу и жизнь своей страны. Во всех сферах общественной жизни она осуществляется в социально активной деятельности, осознанной как автономный, саморегулируемый процесс самоутверждения. Историческими прецедентами реализации субъектности в нашей стране были индустриализация, победный подвиг народа в войне и освоение космоса. Однако 1990-е гг. запустили неконтролируемый взрыв социальной активности, принявшей асоциальные формы и лишившей большинство россиян, особенно молодых, возможностей для достойной самореализации. Шоковая терапия лишила субъектности не только граждан, но и страну в целом, фактически превратившуюся в колонию Запада.

Восстановление российской государственности зафиксировано в Стратегии реализации молодежной политики до 2030 года. Ее цели — создание условий для самореализации, воспитание патриотичной личности и обеспечение участия молодежи в оценке качества жизни. Ключевыми «проводниками смыслов» выступают сами участники воспитательного процесса. Ныне продуктивность усилий государства проявляется в деятельности «Движения первых», юнармейских отрядов и волонтерских движений, охватывающих от 15 до 21 млн молодых людей. Процесс обновления элит запущен во всех сферах, хотя высший эшелон экономической власти отличается низкой динамикой.

В основной сфере самореализации — экономике — сегодня отсутствует молодежная безработица, растет число молодых предпринимателей, и, по данным ВЦИОМ, каждый второй молодой специалист доволен зарплатой. Молодые специалисты все чаще выбирают проектный формат работы, а 37% россиян считают, что найти высокооплачиваемую работу молодым стало легче. В культуре курс на коммерциализацию сменился системой конкурсов и грантов, позволяющих новым именам прорываться в телеэфир и социальные сети. Молодежь постепенно превращается из потребителя в актора культурного процесса.

Однако реализуемая молодежная программа отличается элитарностью, в основе которой лежит идеологема успеха избранных. Это создает риск социального разрыва, особенно в условиях очевидного неравенства стартовых возможностей. Принцип советской школы «все парты одинаковы, а за партами все разные» породил Королева и Гагарина. Его отменили в элитных школах с разными зарплатами учителей и родительскими возможностями. Талант не укладывается в прокрустово ложе формальных показателей. Поэтому продуктивнее заменить социальные лифты с ограниченным входом на общую социальную лестницу со свободным доступом, как это было в советское время с бесплатным образованием.

СВО стала рубежом перехода межцивилизационного конфликта в открытую стадию. Формируется новая парадигма социального самоутверждения — государственный ценностный консерватизм. Ключевые ориентиры — семья, патриотизм, созидательный труд — становятся основой идентификации. Если в 2021 г. среди молодежи сторонников традиций было только 20,5%, то в 2023 г. — уже 45,3%. Западные аналитики констатируют провал стратегии превращения «поколения смартфонов» в агентов западного влияния. Сегодня речь идет о «моменте истины» для российской цивилизации. В такой геополитической турбулентности открываются невиданные возможности раскрытия потенциала молодежи. Для этого необходимо устранить все препятствия бюрократического, законодательного и социально-психологического характера, мешающие молодежи выйти на авансцену истории.

(Аплодисменты).

КОСТИНА А. В.

Спасибо, Сергей Николаевич. Разрешите предоставить слово профессору МГТУ имени Н. Э. Баумана, доктору философских наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации Надежде Гегамовне Багдасарьян. Тема доклада «Миссия социогуманитарного знания в процессах трансформации системы российского образования».

Пожалуйста.

БАГДАСАРЬЯН Н. Г.

Дорогие коллеги, участники Моисеевских чтений!

Миссия социогуманитарного знания рассматривается в двух аспектах. Один из них — интеллектуальный, как миссия элит, отвечающих на глобальные вызовы. Сегодня реформирование системы образования идет широким фронтом, касаясь как содержания, так и форматов. По поводу содержания: в следующем году в вузах будет читаться курс «Основы российской государственности», который заменит культурологию и социологию для инженеров. Но культурология и социология — это фундаментальное социальное знание, создающее фундамент для интеллектуального развития личности. Их изъятие из программы без объяснения причин вызывает тревогу. Никто не объяснил, почему эта дисциплина стала «плохой» или «неинтересной». Культурологическое сообщество пыталось повлиять на ситуацию, предлагая включить культурологическую компоненту в ядро новой дисциплины, но результат пока неизвестен.

Еще один тревожный момент — укрупнение групп специальностей с 58 до 25. Среди них 9 — гуманитарные науки, 10 — социальные. Академик Хохлов отмечает, что в рамках ОГС предлагается объединить физику, химию и биологию, что означает обучение будущего физика элементарных частиц по той же программе, что и ботаника. Таких несуразностей много.

Особая проблема — наукометрия. Китай недавно объявил о постепенном отказе от рейтингов журналов, импакт-факторов и индекса Хирша, поскольку они оценивают место публикации, а не вклад ученого. Завершая, хочу сказать, что перед нами стоят большие задачи. Гуманитарное знание обретает онтологический статус, реабилитируя высший смысл культуры как института борьбы Логоса с хаосом. В этом наша миссия.

(Аплодисменты).

КОСТИНА А. В.

Спасибо, Надежда Гегамовна. Разрешите предоставить слово сотруднику кафедры общей экологии и гидробиологии биологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктору биологических наук Дмитрию Николаевичу Кавтарадзе. Тема «Экология: модели Н. Н. Моисеева и развитие российской цивилизации». Пожалуйста, Дмитрий Николаевич.

КАВТАРАДЗЕ Д. Н.

Уважаемые коллеги!

В развитии экологии существует последовательное движение: от исходного геккелевского понимания экологии как науки о связях — к концепции биосферы В. И. Вернадского, затем — к институциональной фрагментации науки, после этого — к системной динамике и моделям как языкам восстановления связности, и, наконец, к экологическому образованию как формату межпоколенческой ответственности. Эрнст Геккель объединил важнейшие стороны феноменологии живого — от «красоты форм в природе» до системного обобщения экологии как «науки о доме» и связях, объединяющих живых и неживых обитателей. Сегодня понятие «экология» стало диффузным. Его экспансия в различные области знания обусловлена тем, что современное понимание экологии — это наука о связях. Как подтвердили диалоги автора с А. А. Брудным, И. А. Шиловым, Н. Н. Моисеевым

и Д. Медоузом, для понимания сложных систем знание о связях зачастую важнее знания численных значений элементов.

Проникновение экологических представлений в экономику и политику вызвано нарастанием экстремальных процессов в биосфере. Оценки риска массовых вымираний, как показали расчеты, составляют 7–8% — неожиданно большая величина. Разработки отечественных специалистов дают основу для реконструкции кризисных ситуаций и их моделирования. Следуя Донелле Медоуз, общее видение желаемого будущего может выступать способом объединения людей разного возраста и опыта. Один из примеров — имитационная образовательная игра «Чернобыль», созданная после аварии на ЧАЭС. Модель прогноза доз облучения была разработана как тренажер для жителей региона, студентов и сотрудников Брянского пединститута. Проект показал возможность международного сотрудничества в разработке образовательных систем, снижающих региональные риски. Однако более 30 лет спустя нам не удалось найти описания подобных образовательных моделей, интерес к ним имеет лишь частный, ведомственный характер.

Наибольшая мощь моделирования была достигнута в работе над «ядерной зимой». Модель, разработанная группой Н. Н. Моисеева, была принята мировым политическим сообществом как инструмент для работы с глобальными сценариями. Она показала, что ограничением действий человека можно добиться изменения состояния биосферы. Эту ситуацию описывает афоризм Н. Н. Баранского: «Из природы выпрыгнуть нельзя». Следуя концепции «пределов роста», был предложен принцип градостроительства — хозяйственная активность в пределах экологической емкости территории.

Картина мира ученого сильно отличается от картины мира преподавателя. Происходит запаздывание распространения знания, что усилилось тем, что на смену научным школам пришли инновации, не требующие проверки. В 2026 г. отмечается восемь лет с момента формирования идеи Си Цзиньпина о создании экологической цивилизации, преобразованной в шесть эколого-гуманитарных принципов: жизнь в гармонии с природой, признание окружающей среды бесценной, комплексное управление экосистемами и др. Это наивысший уровень развития на научной основе.

В экологических системах скорость процессов приравнивают к собственному времени системы. Концепция «пределов роста» группы Д. Медоуза продолжает развиваться более 50 лет. В СССР и России с 1972 по 2025 г. состоялось не менее 180 научных событий, связанных с этой линией исследований. Модель World3 позволяет увидеть последствия запаздываний и обратных связей при разных вариантах предпосылок. Сопоставления с эмпирическими данными спустя десятилетия усиливают аргумент, что даже спорная модель может быть продуктивным инструментом долгосрочного мышления. В СССР и России были разработаны модели долгосрочного развития страны на языке системной динамики, опирающиеся на интеллектуальную базу. Моисеев, воспитанный на примерах традиционного образования и имевший огромный опыт, поднялся к концепции коэволюции — сопряжения общества и природы с отказом от управления эволюцией и переходом к влиянию на реализацию возможных событий. Он поставил во главу угла образование молодежи, обретение ею мировоззрения и выдающуюся роль учителя.

Решение сложных проблем в экологии требует системного мышления. Пример — причинно-следственная диаграмма утилизации твердых коммунальных от-

ходов, объединяющая материальные потоки и социокультурные факторы: мотивацию жителей, активность власти и НКО. Имитационная игра позволила учесть эти факторы и стала инструментом убеждения всех вовлеченных сторон.

Отсутствие в школе предметов «экология» и «астрономия» лишает молодых людей знаний в области окружающей среды. Опыт борьбы с неграмотностью в отечественной истории позволяет ставить задачу общенационального экологического ликбеза. Восстановление системности экологии видится в нескольких направлениях: понимание через личный опыт (знание превращается в понимание только при проверке собственными представлениями), преодоление институциональных барьеров между дисциплинами, расширение временной шкалы мировоззрения до эволюционной перспективы.

Проект «Экополис» в городе Пущино Московской области подтвердил, что мировоззрение формируется через многолетнее вовлечение в работу. Междисциплинарное исследование влияния зимней рекреации на природу потребовало привлечения не менее 18 научных дисциплин. Этот проект питался дружеской средой жителей наукограда, где действовало более 28 общественных объединений. Участников отличала добросовестность, а организаторам удалось обозначить общую цель, объединившую ученых, инженеров, пенсионеров и администраторов.

(Аплодисменты).

ИЛЬИНСКИЙ И. М.

Когда-то мне думалось: правда свое возьмет. Придет время, и о Моисееве напишут рассказы и повести, поставят спектакли, сделают фильмы, соорудят памятники, назовут его именем улицы, площади. Прошло четверть века. Молчание...

Память — это самое дорогое, что есть у людей и что надобно человеку. Что мы обещаем над гробом? Вечную память. И нет такой души человеческой, которая втайне не надеялась бы на эту величайшую из всех наград мира.

На этой Земле произошло многое, и пока мы живы, имя Моисеева будет бессмертным, потому что он предотвратил своей научной деятельностью то, что могло ввергнуть человечество в мировую трагедию. Именно поэтому мы и проводим Моисеевские чтения.

Мы завершаем работу пленарного заседания, впереди — работа секций. Хочу сказать спасибо всем, кто присутствовал здесь, и особенно тем, кто выступал. Сегодня состоялся хороший разговор, из которого можно вынести много интересного и полезного.

Еще раз спасибо.

Дата поступления: 11.08.2026 г.

MOISEEV READINGS "YOUTH AND THE FUTURE: RESPONSIBILITY FOR THE RUSSIAN CIVILIZATION". THE 9TH NATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE (23–25 APRIL, 2026)

I. M. Ilinsky
Moscow University for the Humanities

The published text is a transcript of the 9th annual scientific conference of Moscow University for the Humanities "Moiseev Redings". The existential challenges of our time in the context of academician N. N. Moiseev's heritage were discussed at the conference. The central place is occupied by the comparison of the threat of "nuclear winter", mathematically modelled by Moiseev in the

1980s, to the new risks of uncontrolled development artificial intelligence able to lead to “digital darkness” and loss of human dignity. The authors emphasize that Russia, being at the junction of civilizations, is searching for the third way of AI development, based on traditional values — conciliarity, justice, and serving to human as opposed to the western transhumanism and eastern total control. Developing Moiseev’s ideas about coevolution of Human and Biosphere, the speakers substantiate the need for a change of the value paradigm — transition from profit maximization to steady development, where education becomes not a service but a condition for the formation of a human capable of building the future. The anthropological transition is discussed requiring a change of principles of education and preparation of generations able to take ethical responsibility for technology. A significant focus is placed on the value potential and subjectivity of Russian youth. Based on monitoring research, a growth of patriotism is recorded, as well as the demand for traditional values; however, risks of the elitism of youth programmes and the inequality of starting opportunities are noted. Education is viewed as a controlled process of personality formation, contrasted with spontaneous socialization. The authors emphasize the mission of socio-humanitarian knowledge in preserving cultural identity and in the fight against chaos, as well as the need for restoring systemic environmental education. In general, the authors state: the future depends on a consistent moral imperative and the transition to the noospheric development bequeathed by Moiseev.

Keywords: N. N. Moiseev; “nuclear winter”; noosphere; artificial intelligence; youth; education

Submission date: 11.08.2026.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, президент Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-78-78. Эл. адрес: iilinskiy@mosgu.ru

Ilinsky Igor Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, President, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-78-78. E-mail: iilinskiy@mosgu.ru

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.2

Феноменология российской цивилизации: метаморфозы пребывания человека

Ю. М. Резник
Институт философии РАН

В данной статье рассматривается проблема аутентичности бытия российского человека. Объект исследования — цивилизационное измерение бытия человека в России, а предмет — экзистенциально-феноменологические ракурсы постижения бытия человека в российской цивилизации, которое на протяжении нескольких столетий отражается в образе «пребывания».

Пребывание человека в российской цивилизации осуществляется двумя путями (западнизация или традиционализация), которым соответствуют сменяющие друг друга модели управления (олигархия или автократия), и проявляется в трех основных формах — экзистенциальной, трансцендентной и социетальной (политарной). Первая форма блокирует осуществление таких смыслов индивидуального существования, как «жизнь в доме», «страх перед жизнью», «радость от труда и творчества», «влияние», вторая — приводит к утрате смыслов надындивидуального существования (разотождествление, разобожествление и расчеловечивание, дегуманизация), третья (политарная) — направлена на поддержание условий зависимого существования посредством бюрократического контроля и системного насилия.

Альтернативой пребывания, по мнению автора, выступает самостояние — открытое и свободное бытие человека в цивилизации, раскрывающее в полной мере его созидательный потенциал. Оно проявится лишь в особых исторических условиях, когда на смену политарной системе придет демотическая («всенародная») система, соединяющая в себя преимущества демократичности, социальной справедливости и экологичности.

Ключевые слова: человек; цивилизация; феноменология цивилизации; российская цивилизация; цивилизационное бытие; пребывание; самостояние; политарная система; демотическая система; автократия; демократия; олигархия

К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ПРЕДИСЛОВИЕ)

Цивилизации не возникают ниоткуда и не исчезают бесследно, растворяясь в гуще истории (Бродель, 2023: 47–59). Они оставляют следы в истории мировой культуры и обязаны своим существованием человеку, а точнее, его месту и энергии бытия, которые переживаются как событие (Жижек, 2023). С точки зрения К. Ясперса, цивилизация представляет собой предельно широкий (хотя и локальный) и культурно обусловленный порядок существования людей (Ясперс, 2013: 81–105). Именно так мы и будем определять понятие цивилизации в данной статье.

Следовательно, цивилизация есть *социокультурный порядок, характеризующий систему обществ («общества обществ»), в которых изменения происходят на предельно высоком уровне бытия человека, определяющем его мировоззрение и способность мыслить целое*. При этом человек проявляется в цивилизации не как зависимое существо, привязанное социальными скрепами к месту своего бытия или объект бесчисленных (в том числе цифровых) технологий, а благодаря таким сущностным качествам, как историчность и темпоральность, интегрирующим его в конкретную культуру. Историчность задает масштаб существования человека, указывая на те стороны бытия, которые делают его субъектом собственной истории и представителем данной эпохи, а темпоральность характеризует способность человека жить во времени, причем в своем времени.

Но что значит изучать цивилизацию с точки зрения философии? Так, социальные науки (социология, социальная антропология и пр.) рассматривают «человека как объект, который следует изучить на основании опытных данных» (Ясперс, 2013: 219). Философия же, используя объективное научное знание о человеке, стремится раздвинуть горизонты его познания. Такая философия называется экзистенциальной. «Экзистенциальная философия — это философия бытия человека, которая выходит за пределы человека» (там же: 205). Она изучает человека в экзистенциальном аспекте, делая акцент на том, что «он сам из себя делает» или каким образом он стремится стать самим собой, находясь при этом в гармонии с миром.

В данной статье я буду использовать не просто философский, а феноменологический подход к изучению российской цивилизации. Феноменология цивилизации есть, с моей точки зрения, знание о том, как она предстает в опыте и сознании людей, проходя через их смыслы, образы, ценности и закрепляясь в культурных (этических, эстетических и пр.) кодах. С этой точки зрения цивилизация является феноменом и эпифеноменом (от др. греч. επί — «при, после, возле» и φαινόμενον — «являющееся») человеческого бытия. Это одновременно «вместилище» бытия и продукт деятельности человека.

Феноменология цивилизации, как и философия в целом, имеет свой экзистенциальный ракурс. «Экзистенциальная феноменология пытается охарактеризовать природу восприятия личностью своего мира и самой себя. Это подразумевает не столько попытку описать существующие в ее опыте отдельные объекты, сколько организацию всех отдельных жизненных переживаний в контексте целостного бытия личности в мире» (Лейнг, 1995: 11–12). С точки зрения экзистенциальной феноменологии быть в цивилизации для человека — это значит быть в своем мире, быть для себя и быть собой, обнаруживать в своем сознании смысловые структуры, присущие данной цивилизации.

Феноменология российской цивилизации охватывает представления о том, как наши соотечественники ее переживают и осмысливают на протяжении всей истории, представляя в виде социокультурного горизонта или предельно широкого порядка социального существования. Как отмечают многие отечественные исследователи, для цивилизации в России характерны в идеально типическом плане такие признаки, как «собирание земель» (пространственный аспект восприятия); «циклическое чувство времени», непрерывное возвращение к своим истокам (Ахиезер, 1995); «событийность истории» (переживание исторических переломов); патернализм, приверженность сильной власти и наличие властной «вертикали» (Ильин-

ская, 2023; Спиридонова, Соколова, Шевченко, 2016); социокультурный раскол и социокультурная патология (Ильин, Ахиезер, 2000); сочетание архаичности и инновационности (Ахиезер, 2001; Ахиезер, 2008); чувство справедливости, общинность и соборность. Переходя от одной эпохи к другой, российский человек каждый раз заново переживает основной смысл своей цивилизации, производя перезапуск всего исторического мышления, что нашло отражение в ряде работ отечественных исследователей (см.: Ахиезер, 2008; Ильинская, 2023; Ильинская, 2025; Лапин, 2015; Спиридонова, 2022; Федотова, 2009).

Уточню теперь понятие «российский человек». Под ним я буду понимать здесь и далее *типичного представителя народов России, объединенных общим цивилизационным пространством*. Это конкретная, а не абстрактная всеобщность (типа «человек вообще»), которая формируется в специфически российских условиях, выступая каждый раз в новом историческом обличье и теряя или обретая свои субъектные качества (например, «человек Петровской эпохи» или «советский человек эпохи застоя»).

Рассматривать цивилизационное бытие российского человека — это постигать то, как он переживает свою цивилизацию, пропуская ее через свой жизненный опыт и наделяя личностными смыслами (феноменологический взгляд), а также то, как на него влияют различные культурные матрицы или паттерны, определяя его поведение в повседневной жизни (культурно-антропологический подход). Его бытие характеризуют такие цивилизационные паттерны, как взаимозависимость «мы» и «я» («мы» важнее, чем «я», но оно не отменяет последнее), врожденное чувство справедливости, коллективность и общинность (соборность), приверженность общему делу и приобщенность к традициям и др.

Могу предположить, что в ходе эволюции российской цивилизации было выработано два основных способа бытия человека — *самостояние* и *пребывание*. Противоборство между ними и составляет главное противоречие каждого периода цивилизационного развития России. Самостояние человека, как и всего народа, чаще всего преобладает в моменты подъема народного духа. Такие переломные моменты мы наблюдаем обычно в роковые для страны и государства времена (например, Невская битва 1240 г. и Ледовое побоище 1242 г., Куликовская битва 1380 г., народное ополчение 1611–1612 гг., Отечественная война 1812 г., отмена крепостного права в России в 1861 г., Русская революция 1917 г., Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и др.). Множество примеров военного и гражданского мужества демонстрируют нам и наши современники (спасение людей в чрезвычайных ситуациях, волонтерство, общественные инициативы и т. д.), хотя все это не всегда воплощается в самостоянии человека, делающего его подлинным субъектом исторического творчества.

Таким образом, мне предстоит ответить на следующие вопросы: как бытие цивилизации связано со способом существования человека и как это проявляется в российских условиях на протяжении веков? Неужели человек исторически обречен на пребывание как зависимый и отчужденный способ бытия в цивилизации?

ПРЕБЫВАНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СПОСОБ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО БЫТИЯ РОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Пребывать для российского человека — это значит находиться на периферии общественной жизни, выступать в качестве гостя в собственном доме бытия (в том

числе в цивилизации), состоять в зависимости от правящей элиты, контролирующей основные ресурсы общества. Другими словами, в понятие «пребывание» заложен еще вполне конкретный смысл: находиться в «чужом», определяемом кем-то сверху месте и времени.

Все вышесказанное подтверждает, что пребывание исключает российского человека из смыслового контекста эпохи или того или иного периода цивилизационного развития страны, делая его зависимой и пассивной частью цивилизации и неполноценным субъектом исторического творчества.

На другом полюсе цивилизационного бытия народа пребывание человека соотносится с его самостоянием как коллективным историческим творчеством. Самостояние для российского человека заключается в том, чтобы опираться на собственные силы и находиться со своим народом на одной волне творчества, жить, как и последний, в своем времени.

Таким образом, пребывание характеризует специфический способ цивилизационного бытия человека в России, сложившийся исторически в результате социальной сегрегации (разделения людей на группы по статусной принадлежности), а также отличающийся отчужденностью бытия, исторической отрешенностью и отстраненностью от исторического творчества и всего процесса цивилизационного строительства. Его суть — отчуждение человека, принадлежащего к народному большинству, от подлинного существования, в том числе от управления государством и источников существования (ресурсов общества).

Об отчуждении как системном общественном отношении, включая отчуждение людей от власти, собственности, информации и результатов своего труда, неоднократно писал известный отечественный философ и социолог Н. И. Лапин (см., например: Лапин, 1990; 2019).

В свою очередь, я буду различать три формы пребывания человека в российской цивилизации, связанные с его отчуждением: «пребывание-не-собой» и пребывание-не-у-себя-дома» (экзистенциальная форма отчуждения), «пребывание-вне-себя» и «пребывание-никем-и-вопреки-себе» (трансцендентная форма отчуждения), «пребывание-в-системе» (политарная форма отчуждения).

«ПРЕБЫВАНИЕ-НЕ-СОБОЙ» И «ПРЕБЫВАНИЕ-НЕ-У-СЕБЯ-В-ДОМЕ». ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Определим для начала эти предпосылки. По мнению К. Ясперса, это «жизнь в доме» (цивилизация как дом человеческого бытия), «страх перед жизнью» (цивилизация как безопасное место бытия человека), «радость от труда и творчества» (цивилизация как место созидания), «влияние» (цивилизация как форма влияния на человека). Именно они позволяют человеку чувствовать себя в цивилизации как в своем месте и своем времени.

Российская цивилизация как чужой для человека «дом бытия»: между архаикой и новацией. Что означает выражение «жить в доме» в контексте бытия человека? Для К. Ясперса это совместная жизнь семьи, возникающая из любви и на основе постоянного общения между близкими людьми (Ясперс, 2013: 86). Но у «жизни в доме» имеется еще одно значение, которое не учитывает Ясперс. Здесь под домом я буду понимать цивилизацию как предельно широкий социокультурный порядок, доступный человеку и оправдывающий его ожидания. Подобно семье, ему ну-

жен большой дом, которому соответствует свой язык культуры и свой жизненный уклад на локально-страновом уровне.

В современном мире именно цивилизация, стремясь стать домом бытия человека, подвергается разрушительному воздействию глобальных структур: «...стремление перевести человека на казарменное положение, превратить его жилище в место для ночлега, попытки полностью технизировать не только практическую его деятельность, но и всю жизнь — все это превращает одухотворенный мир в безразличную взаимозаменяемость» (там же: 87). А это значит, что цивилизация перестает быть «домом бытия» для человека, в котором должны преобладать мир, любовь и благополучие.

К. Ясперс полагал, что «границей универсального порядка существования служит свобода индивида, который должен своими силами создавать то, чего никто лишить не может, ибо в противном случае прекратится существование людей» (там же: 90). Однако не только несвобода человека, но и любые деструктивные изменения, ведущие к дезорганизации и разрушению социального порядка, являются ограничениями на пути цивилизационного развития человека.

Является ли нынешняя модель российской цивилизации домом для человека? Конечно же, нет. И независимо от модификации (модернизация и социальные новации или традиционализм и архаика) российская цивилизация с момента своего окончательного оформления (примерно с XV в., когда стало складываться Московское централизованное государство в эпоху Ивана III) перестала быть собственным домом бытия для человека как типичного представителя народа. Именно в этот период был упразднен вечевой строй в Новгородской и Псковской республиках, а также присоединены Тверь, Псков, Смоленск и другие земли. С этого момента Россия взяла твердый курс на укрепление самовластия и централизацию государственной власти, которые соответствуют политарной форме пребывания человека.

Более того, цивилизация превратилась на определенном этапе в «тюрьму для народов». В последнем случае речь идет не просто об угнетенном положении нерусских народов, как у В. И. Ленина[1], а обо всех народах России, оказавшихся в зоне отчуждения и в полной зависимости от высшей государственной бюрократии.

Цивилизация как небезопасное место жизни для человека. Страх перед жизнью и постоянными угрозами — это одна из причин, по которой люди зачастую обращаются к структурам цивилизации, надеясь получить от них защиту. «Страх распространяется на все. Он усиливает неуверенность, если о ней не удается забыть. Существование может защитить человека от забот лишь без гарантий» (там же: 91). Речь идет здесь о порядке безопасного существования, который устанавливает цивилизация. Но последняя не имеет собственных инструментов поддержания и укрепления порядка. Она использует такие институты, как государство, армия, правоохранительная система и пр. Там, где эти институты работают эффективно и защищают интересы и права граждан, цивилизация как жизнеобеспечивающая система выполняет свое предназначение. А все это приводит в конечном счете, как считал Н. И. Лапин, к утрате людьми личной безопасности и системному кризису в обществе (Лапин, 1990).

Россия как цивилизационное пространство возникала в сложной геополитической обстановке. Ни одна страна не понесла таких чудовищных человеческих потерь в многочисленных войнах, как Россия. Ее политическая независимость доста-

лась ей слишком дорогой ценой. Приходилось держать на границе значительный военный контингент. Не случайно для некоторых сословий (например, для казачества) война стала образом жизни.

Кроме внешних захватчиков, существовали и внутренние угрозы, являющиеся источником страха человека перед жизнью (бюрократический беспредел, криминальные группировки, политические репрессии и пр.). Госаппарат часто использовался как инструмент борьбы с собственным народом. А это значит, что власть не была общенародной и зачастую служила интересам узкой группы людей (местообладателей). В XIX–XX вв. именно ей принадлежала в России большая часть земли и основных ресурсов общества.

Цивилизация как место блокирования созидательной активности человека. В позитивном смысле цивилизация представляет территорию труда и творчества, радость от которого испытывают многие поколения людей. Можно привести разные примеры, связанные с проявлениями трудового энтузиазма и даже героизма (например, в советское время стахановское движение и пр.), и, возможно, следует допустить, что участники этих коллективных действий испытывали при этом радость труда. «То, что недоступно массе, чего она не хочет для самой себя, но чем она восхищается как героизмом, которого она, собственно говоря, требует от себя, показывают смелые свершения других» (Ясперс, 2013: 98). Их трудовые подвиги воодушевляют других людей, побуждая их достигать столь же «чрезвычайных успехов».

Что же касается российской цивилизации, то созидательный труд и трудовой энтузиазм не всегда являлись ее сущностными свойствами. Это происходит только в те моменты отечественной истории, когда на фоне внешней опасности или перед лицом новых вызовов к цивилизационному строительству России привлекались конструктивные силы страны, а созидание становилось общим делом людей. Именно о таком общем деле размышлял великий русский мыслитель Н. Ф. Федоров (Федоров, 1982).

Цивилизация как сфера влияния и управления. В то же самое время это место противоборства обладателей места, его хранителей и претендентов. С точки зрения природы управления история политической системы в России есть циклическая смена двух моделей — автократии (власть одного лица) и олигархии (власти группы). При этом периоды самовластия сменялись время от времени доминированием олигархической группы.

Так, например, в советское время на смену сталинской автократии пришла партийно-государственная олигархия (хрущевская «оттепель» и брежневский «застой»), а в 1990-е модель олигархии приобрела еще и финансово-экономическую составляющую и постепенно, начиная с конца 2000-х гг., стала дрейфовать в сторону автократии, которая больше соответствует традиционалистской форме политарной системы.

Для жизни российского человека автократия столь же нежелательна, как и олигархия. Ведь именно они, эти модели, повсеместно ограничивали рамки его существования, делая все более зависимым от центра принятия решений. Ситуация усугублялась еще и тем, что автократия и олигархия были чреваты экономическими преступлениями. Причем, если в условиях автократии коррупция являлась инструментом удержания власти, то в олигархической модели она являлась результатом сращивания власти и собственности. В любом случае в выигрыше оказывались чле-

ны госаппарата и экономическая элита, а не представители народного большинства. При этом в данной системе управления, как правило, отсутствовали или были ослаблены реальные правовые сдержки и противовесы, что усиливало и без того бесправное положение российского человека.

«ПРЕБЫВАНИЕ-ВНЕ-СЕБЯ» ИЛИ «ПРЕБЫВАНИЕ-НИКЕМ-И-ВОПРЕКИ-СЕБЕ». ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕБЫВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (РАЗОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ, РАЗОБОЖЕСТВЛЕНИЕ И РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ)

В идеальном плане цивилизационное бытие России есть ее особенное бытие, ответственность за которое, как и забота о нем, ложится на плечи народов (Гройс, 2024). А его постижение осуществляется через феномены, т. е. то, что можно зафиксировать на табло сознания в виде обобщенных образов, в том числе человечности, которая проявляется в следующем: «Человек — существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть» (Ясперс, 2013: 8). Поскольку он уже есть и живет на переломе эпох, то его дух рвется наружу и стремится к совершенству жизни.

Нынешняя же (современная) эпоха отличается тем, что на смену разобожествления мира приходят его разотождествление (лишение смыслов и утрата идентичности как социокультурной целостности) и расчеловечивание (катастрофическое падение ценности самой человеческой жизни). Все это в полной мере относится и к бытию человека в российской цивилизации.

Разотождествление с реальностью подрывает культурную идентичность людей и снижает их потребность в познании мира целостными образами и в его глубинной логике существования. Благодаря СМИ и другим средствам информационного воздействия современный мир превращается в большую вывеску (рекламный щит), за которой чаще всего ничего, кроме симулякров, не стоит. Видимость и кажимость, как и скрывающиеся за ними пустота и бессмысленность, — вот настоящие спутники постсовременной эпохи, которые сторонники постмодернизма описывают в своих работах. Для них мир превращается в один большой симулякр, т. е. копию без оригинала, которая создает собственную реальность, замещающую собой реальность первого порядка или саму жизнь. Этой же цели (а именно — симуляции) служат СМИ, социальные сети, бренды, реклама и мнимые символы, например образы «успеха», «красоты», «счастья», которые не связаны с реальными потребностями людей (Фромм, 2026), и виртуальные объекты, формирующие вымышленные миры (например, тематические парки типа Диснейленда, аватары в социальных сетях и пр.).

Именно такой, разобщенной и «разорванной» я вижу цивилизационную идентичность человека в сегодняшней России. Его место бытия и принадлежащие ему по праву ресурсы контролируются сверху посредством различных государственных и корпоративных структур. Он давно уже перестал быть хозяином в своем собственном доме, уступив право распоряжаться своими активами (в первую очередь землей), а также собой и собственным телом разного рода корпорациям, начиная от государства и заканчивая монопольными компаниями.

Дегуманизация или *расчеловечивание* — еще один бич современной эпохи. Об этом писал в свое время и К. Ясперс. «Если я ищу духовную ситуацию времени, это означает, что я хочу быть человеком до тех пор, пока я еще противостою человеческому бытию, я размышляю о его будущем и его осуществлении, но как только

я сам становлюсь им, я пытаюсь мысленно реализовать его посредством фактически схваченной мной ситуации в моем бытии» (Ясперс, 2013: 32–33). Дегуманизация ведет к обесцениванию жизни человека, превращению его тела в суррогатный каркас для манипулирования на уровне биополитики.

Духовная ситуация цивилизационного развития той или иной страны заключается в том, чтобы во что бы то ни стало оставаться человеком, не терять человечность, взращенную культурой данного края. Только так человек будет стремиться к совершенствованию мира посредством собственной цивилизационной миссии, которая выражается в достижении собственного образа всечеловечности на просторах нашей Родины. На это указывали наши великие предшественники (Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев и др.). В сегодняшнем мире цифровых и информационных технологий человека пытаются «стереть» или заменить цифровыми аналогами («цифровым человеком», «персонами ИИ» и пр.).

Таким образом, в трансцендентном плане пребывающий человек утрачивает свою идентичность, а вместе с ней — веру в Бога и собственно человечность, которые замещаются со временем искусственными фигурами или цифровыми аналогами. Он перестает быть Человеком в собственном и аутентичном смысле, становясь видимостью, а фактически — никем и ничем, т. е. профанацией человеческого бытия. Это не только обессиленный, обескровленный и отчужденный человек, лишенный чувства собственного достоинства, но и объект манипулирования со стороны «инженеров человеческих душ». И этим он во многом обязан политарной системе, которая «сделала» его таким.

ПОЛИТАРНАЯ ФОРМА ПРЕБЫВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. «ПРЕБЫВАНИЕ-В-СИСТЕМЕ» И «ПРЕБЫВАНИЕ-ВОПРЕКИ-СИСТЕМЕ»

Как известно, политарная система зарождается в конце IX в. и окончательно оформляется в Московском царстве при Иване III после подчинения Новгородской республики (1478). С этого момента высшая власть в стране окончательно принадлежит правителям или государям (великим князьям, царям, императорам, генеральным секретарям и пр.) и поддерживается их слугами.

Оба вектора цивилизационного бытия российского человека, которые характеризуются мной в терминах пребывания («пребывание-не-собой» и «пребывание-вне-себя»), сходятся в политарной модели цивилизации как «пребывание-в-системе» или «пребывание-вопреки-системе».

Следовательно, пребывание как внешнее («потустороннее») и отчужденное бытие человека становится единственной возможностью его существования в условиях доминирования политарной системы. Политарность (термин Ю. И. Семенова) базируется, как известно, на господстве аппарата государственного управления и присвоении земель, а также других ресурсов общества[2]. Однако ее суть заключалась не только в отчуждении у народа собственности (прежде всего собственности на землю и власть), о чем писал Н. И. Лапин (Лапин, 1990), но и в постоянном системном насилии по отношению к собственному народу, а значит, и к человеку как его обобщенному и типичному представителю (Гилинский, 2013; Шипунова, 2010).

В ряде своих статей я пытался показать, что политарная модель цивилизации в России складывается по итогам отъема земель у их истинных владельцев — коренных народов в пользу государства и его правителей (Резник, 2025ab). Это процесс называют также внутренней колонизацией. Однако вместе с отчуждением зе-

мель народов происходило и отчуждение их бытия. Оно переставало быть для них «своим» и «событийным», а становилось отстраненным и неисторичным.

Политарная организация общества и цивилизации представляет собой клано-во-бюрократический способ отбора претендентов и предполагает особую породу людей — «слуг государевых». Бюрократия, в отличие от сословия или класса, не имеет четко выраженного имущественного статуса, но она присваивает себе в качестве общеклассовой или общей корпоративной собственности ресурсы самого государства.

В политарной системе в значительной большей степени востребована лояльность и личная преданность, чем профессионализм и независимость. Как писал Ясперс, мир попадает во «власть посредственности». Конечно, бывали и исключения, но в целом «господствующий аппарат покровительствует людям, обладающим способностями, которые позволяют им выдвинуться…» (Ясперс, 2013: 57). Они сознательно отказывались от подлинного бытия, чтобы получить «хорошее место в аппарате», что давало бы им значительные преимущества и прежде всего возможность приобщения к государственно-корпоративной собственности на землю и другие ресурсы (см., например: Кара-Мурза, 2017; Никольский, 2017).

Особое место в политарной системе занимает ее верховный правитель (политарх), присвоивший себе право на жизнь и смерть своих подданных. Он возглавляет аппарат государственного управления. «Если в таком аппарате иногда появляется руководитель, чья личность растворяется в его деле для бытия мира, ибо он на протяжении десятилетий оправдывал свое положение постоянным влиянием, то все-таки бывает нужен и такой руководитель, который как бы не случайно именно в качестве этого индивида занимает именно это место» (Ясперс, 2013: 103).

«Как бы не случайно» на месте государей оказались в разные периоды цивилизационного развития России великий князь и креститель Руси Владимир, первый русский царь Иван III (фактически основатель политарной системы) и его внук Иван IV (Грозный), первый император Петр I, его наследники, Владимир Ленин (Ульянов) и Иосиф Сталин (Джугашвили). Именно они олицетворяют собой политарный вектор существования российской цивилизации.

По этой причине история России изображается зачастую не как история народов страны, а как история правителей (политархов) российского государства. Персонификация власти в нем есть результат присвоения исконных земель, а вместе с ними и времени, которое перестало принадлежать народам России, потерявшим роль субъектов собственной истории. Иными словами, их землей, как и остальными ресурсами, стали распоряжаться правители, управляющие государством якобы от имени самого народа, а в действительности — в своих корпоративно-клановых интересах.

Но государственная бюрократия является лишь одним из компонентов политарной системы. Второй, не менее важный компонент, — зависимые от нее массы. Как известно, массой называют толпу не связанных друг с другом людей. Но это также безликая и бесправная группа людей. В отличие от К. Ясперса, я считаю массу внешней совокупностью людей, не имеющих духовных скреп и являющихся объектом управления аппарата. Внутри же последнего находится корпорация чиновников и слуг, которая стремится к упорядочиванию ситуации и манипулированию поведением массы. Именно данная корпорация превращает народ в разрозненную массу. Суть бюрократизации как раз и состоит в расчленении народа на отдельные

составляющие, зависимые от госаппарата. «Расчлененная в аппарате масса бездуховна и бесчеловечна. Она — наличное бытие без существования, суеверие без веры» (там же: 63). Масса же, в отличие от народа, напрочь лишена субъектности.

Что же касается основной массы населения, то для нее, как считал К. Ясперс, главное значение приобретает фикция равенства с себе подобными (другими членами этой массы) (там же: 62). Так, на протяжении веков это фикция (наряду с вопиющим социально-экономическим неравенством) сохранялась и воспроизводилась. Например, в Московском (Русском) царстве к беднейшим слоям населения относились примерно 90% всего населения. И это — подавляющая масса крестьян и других зависимых групп людей (холопы, тягловые посадские люди или городская беднота и пр.). Примерно такая же доля зависимых слоев населения наблюдается и в имперский период России. Большинство из них составляли крепостные и монастырские крестьяне (свыше 70% всего населения).

Народ же, в отличии от массы, есть источник собственности и власти в обществе/государстве. Он обладает самосознанием, менталитетом и чувством собственного достоинства. Ему присущи насыщенная духовная жизнь и стремление к высшему благу. По большому счету ему не нужен аппарат, чтобы управлять государством напрямую, т. е. без посредников. Такому субъекту нужна совершенно иная исполнительная власть, ответственная только перед ним и его избранными представителями, а не перед государем. Именно поэтому в политарном обществе, т. е. там, где народ отлучен от власти и земли, трансформируясь в массу, ему «не достает, — как полагал К. Ясперс, — подлинного величия» (там же: 64).

Философия политарной системы включает такие требования, как (1) «мир существует только как искусственный ландшафт» (там же: 77); (2) мир есть объект беспощадной эксплуатации и исходный материал для переработки гигантской фабрикой; (3) человек не может иметь своего собственного бытия, т. е. того, что не предписано ему системой; (4) народ, как «малое дитя», не способен самостоятельно распорядиться своей собственностью и властными полномочиями, ему нужна помощь со стороны системы; (5) опять же система лучше знает и сама устанавливает то, чего якобы хочет народ или что он может, превращая его тем самым в пассивную и бессубъектную массу; (6) от имени системы право контролировать уровень удовлетворения потребностей, а также продолжительность жизни и рождаемость получают избранные лица, объединенные в отдельную корпорацию внутри государства (госаппарат). Именно такой порядок существования устанавливает политарная система как для отдельных людей, так и для целых народов. Поэтому вырваться из ее тисков бывает крайне сложно.

Во внешней же политике политарная система в России обладала признаками империи: наличие цивилизаторской миссии, претензия на всемирный статус, обширная территория и экспансия, идея культурного превосходства и стремление контролировать сопредельные территории, централизация и сильная вертикаль власти, культурное разнообразие и полиэтничность, опора на военную силу и госаппарат, символика и ритуалы, использование разных правовых режимов для граждан и неграждан и др.

Однако для российской и советской империй не были характерны жесткая иерархия «центр — периферия», а также экономическая эксплуатация периферии. Напротив, в экономическом плане часто выигрывали отдельные окраины, уровень жизни которых был выше, чем в центральном регионе (в советский период этим от-

личались республики Прибалтики и Закавказья). Сталинская модель политарной цивилизации («партия — государство»), соединившая социалистический проект с образцами имперской модернизации, ознаменовала собой тоталитарный поворот, при котором системное насилие над собственным народом вышло на первый план (Арнасон, 2021: 193; Ахиезер, 2008; Пантин, 2000).

Цивилизаторскую миссию России в имперский период чаще всего характеризуют в выражениях типа «Москва — третий Рим», «культурный мост между Европой и Азией», а в советский период — «мировая коммунистическая революция», «борьба с колониализмом», «поддержка национально-освободительных движений» и «распространение социализма по всему миру». Вряд ли стоит пояснять, что подобная практика имела главным образом идеологические мотивы. Следует отметить, что имперские мотивы современной России не стали исключением, поскольку она столкнулась с притязаниями западных империй (США, Евросоюз).

С учетом внешнего влияния политарная модель цивилизации, сложившаяся в России за последние несколько столетий, имела две, противоположные по сути, версии реализации: стремиться жить как на Западе, «прорубить окно в Европу» (тенденция модернизации и западнизации, которой соответствует «линия Петра I, Екатерины II и Александра I») или жить в соответствии со своими древними или старинными традициями (тенденция традиционализации и архаизации, соответствующая идеям почвенничества, в том числе частичного возврата к культурным устоям «допетровской Руси», и «линии Ивана III и Николая I») (Ахиезер, 2001).

Альтернатива политарности — демотическая («всенародная») система — была приостановлена, но, возможно, не утрачена окончательно. Как известно, термин «демотический» (от δῆμος, demos — «народ, толпа») имеет несколько значений, в том числе «всенародный», «свойственный народу», «благоприятствующий народу», «соответствующий характеру народа». О наличии такой альтернативы частично свидетельствует опыт самоуправления народа в Древней Руси X–XII вв. (вечевое и общинное самоуправление), а несколько позже — в республиках Новгорода (1136–1478) и Пскова (1348–1510), на Вятской земле, куда основы вечевого строя принесли переселенцы из Великого Новгорода (1374–1489).

Как известно, управление в них отличалось своеобразной (боярско-купеческой по сути) демократией, поскольку все руководящие посты занимали члены влиятельных боярских и купеческих семей, избираемые на Вече (народном собрании) в Совет господ (посадник, тысяцкий и другие должностные лица). Вечевая система — это первая форма самоуправления, которая ограничивала и сдерживала авторитарную власть князей, не допуская с их стороны произвола и насилия.

Нужно признать, что и нынешние поколения российских людей не утратили окончательно дух демотии как политической формы самостояния и самоуправления народа, осуществляемой на основе «органического представительства» и с опорой на собственные силы. Это проявляется в возникновении в 2010-е гг. таких общественно-политических движений, как Народно-социалистическое движение России (НСДР), движения «За новый социализм» и др., а также в общественном дискурсе об особом пути России, о социальной справедливости и социальном неравенстве, защите интересов народа и возвращении ему утраченной роли по контролю над стратегическими ресурсами общества.

Таким образом, политарная и имперская модели российской цивилизации были связаны изначально с отлучением народа от собственности и власти, а также с уси-

лением роли бюрократического аппарата в управлении государством, присваивавшего себе все основные ресурсы общества (землю, людей, их время и пр.) и установившего имперский контроль над сопредельными территориями. Так, феномен политарной цивилизации в России исключил на многие столетия альтернативную модель — демотическую («всенародную»), образуемую напрямую народом и его законными представителями («правящим отбором»).

ОТ ПРЕБЫВАНИЯ К САМОСТОЯНИЮ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Пребывание — это внешнее и потустороннее присутствие человека в теле российской цивилизации. Именно поэтому в России возобладала особая, политарная, модель цивилизации. Независимо от ее традиционалистской или модернистской версий основные активы и ресурсы общества контролировались и перераспределялись в интересах правящей элиты (союза высшей бюрократии и крупнейших промышленно-финансовых групп).

Но как вернуть человека в лоно цивилизационного развития России и сделать субъектом самостояния и участником исторического творчества всех народов? Полагаю, что на этот главный вопрос может быть несколько ответов.

Во-первых, возможен «неолиберальный уклон» в развитии политарной системы, направленный на косметическое оформление процесса модернизации страны, т. е. ее частичное социально-экономическое и технологическое обновление в соответствии с новыми цивилизационными вызовами. Основное средство — имитация либерально-демократических реформ и демократических преобразований в стране.

Такой подход является эволюционным и не предусматривает радикальных изменений политарной системы, а также преобразований всей структуры власти. Скорее, он предполагает «косметический ремонт» данной системы, ее частичное «улучшение», предполагая минимум политической перестройки и максимум инноваций в экономике и технологической сфере при сохранении доминирующих позиций политаристов в экономике и политике. Этот путь мы уже прошли частично в 1990-е — начале 2000-х гг., и возврата к нему пока не предвидится. Ему соответствовала олигархическая форма правления и модернистская политарная модель, ориентированная на избирательную интеграцию в глобальные структуры Запада.

Во-вторых, возможен также «неоконсервативный сдвиг» или курс на адаптацию традиционалистской политарной системы в России к современным условиям без утраты цивилизационной идентичности человека и при сохранении самой политарной системы. На его вооружении имеется ряд подходов, которые предлагают консервативные стратегии и «охранительные» модели дальнейшего цивилизационного развития России, в том числе сохранение и укрепление традиционных ценностей и базовых социальных институтов (семьи, государства, церкви и пр.). Но при этом государство продолжает обслуживать интересы аппарата управления и крупного капитала.

Данный путь, связанный с усилением автократии и политаризма традиционалистского типа, наметился в России в конце 2000-х гг. и пока не привел к фундаментальным изменениям в цивилизационном развитии страны. Традиционалистская модель политарной цивилизации, пришедшая на смену модернистской, лишь усилила влияние государства и крупных корпораций на положение человека, опу-

тав его безличными (анонимными) и формально-бюрократическими социальными сетями.

В-третьих, трансформация политарной системы в демотическую («всенародную») и социалистическую возможна лишь в отдаленной перспективе. Такой путь предполагает революционные сдвиги во всех сферах жизни и преобразование самого способа цивилизационного бытия человека — с пребывания (как отчужденного присутствия) на самостояние (как подлинное самобытие). Каждый народ вправе защищать и отстаивать свой путь к самобытию вполне легальными и ненасильственными средствами. И он вправе создавать собственное (общенародное) государство.

Безусловно, демотическая система и социализм, которые объединяются в модели «державно-народный социализм», — это перспективные проекты цивилизационного развития России. Они, хотя и не исключают целиком модернистскую или традиционалистскую политарность, но замещают ее принципами народовластия (реального самоуправления народа и при посредстве общенародного государства), державности (заботы о политической целостности и подлинном духовном величии страны) и экологичности (достижения гармонии в отношениях между человеком и средой его существования), а также становлением общенародного и социального государства, подчиненного интересам трудового народа.

При этом самостояние человека в полной мере соответствует третьему пути преобразования цивилизационных моделей России. И этот путь далек от идеала, в нем имеются свои ограничения и проблемы. Однако все остальные (неоконсервативный или неолиберальный) пути ведут к еще большему ограничению возможностей человека, усложнению характера его экономических и политических зависимостей. Поэтому они должны иметь подчиненное значение по отношению к демотическому («всенародному») и экологическому социализму.

Итак, пребывание в условиях политарной системы является преобладающим способом цивилизационного бытия человека в России, которое характеризуется на разных исторических этапах такими признаками, как небезопасное место развития, присвоение этого места и отчуждение от его ресурсов, существование на границе выживания, обесценивание человеческой жизни, системное насилие со стороны угнетателей. И это относится в первую очередь к человеку, символизирующему собой большинство народа.

Альтернативным способом бытия человека в российской цивилизации выступает самостояние — открытое и свободное развитие, расширяющее культурный порядок до пределов общего дома бытия, который соответствует допустимым цивилизационным критериям (безопасность и экологичность, открытость и демократичность, социальная справедливость и благополучие и пр.). Но путь к нему еще предстоит пройти, преодолев сопротивление политарной системы, утвердив демотическую систему и построив общенародное социальное государство, тем самым изменив принципиально всю конструкцию цивилизационного бытия человека. Самостояние человека означает на практике «стать всем для себя и других». В идеале общество, как и бытие человека, может быть целостным, не отказываясь при этом от достижений модерности и традиционных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первоначально выражение «тюрьма народов» ввел французский писатель Астольф де Кюстин в книге «Россия в 1839 году». Как известно, В. И. Ленин использовал это выраже-

ние в статье «О национальной гордости великороссов» (декабрь 1914 г., газета «Социал-демократ», № 35). Он писал: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют “тюрьмой народов”...» (Ленин, 1960: 106).

[2] Термины «политарный», «политаризм», «политарх», «политарная система», «политарное общество» и др. в отечественной социальной философии использовал Юрий Иванович Семенов. Он переосмыслил выражение Маркса «азиатский способ производства» и дал ему свою интерпретацию. По мнению Ю. И. Семенова, политарная система базируется на общеклассовой (государственной по форме) собственности и доминировании госаппарата. Руководство данной системой осуществляют «политаристы» — ядро госаппарата, который возглавляет политарх (верховный правитель или распорядитель).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнасон, Й. (2021) Цивилизационные паттерны и исторические процессы / пер. с англ. М. Масловского, Д. Карасева, Ю. Прозоровой [и др.]. М. : Новое литературное обозрение. 304 с.

Ахиезер, А. С. (1995) Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. Т. 4. № 1. С. 3–57.

Ахиезер, А. С. (2001) Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. № 2. С. 89–100.

Ахиезер, А. С. (2008) Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). В 3 т. М. : Новый хронограф. Т. 1. От прошлого к будущему. 312 с. Т. 2. Теория и методология. Словарь. 348 с. Т. 3. Социокультурный словарь. 274 с.

Бродель, Ф. (2023) Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б. А. Ситникова. 2-е изд., испр. М. : Изд. группа «Альма Матер»; «Гаудеамус». 523 с.

Гилинский, Я. И. (2013) Социальное насилие. СПб. : Изд. дом «Алеф-Пресс». 183 с.

Гройс, Б. (2024) Философия заботы / пер. с англ. А. Фоменко. М. : Новое литературное обозрение. 120 с.

Жижек, С. (2023) Событие. Философское путешествие по концепту / пер. с англ. Д. Я. Хамес. М. : РИПОЛ классик. 240 с.

Ильин, В. В., Ахиезер, А. С. (2000) Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М. : Изд-во Моск. ун-та. 301 с.

Ильинская, С. Г. (2023) Мобилизационное государство как сущностная характеристика российской цивилизации: начальный этап формирования // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. Т. 10. № 1. С. 18–28.

Ильинская, С. Г. (2025) Государственная идеология как вектор развития локальной цивилизации // Философские науки. Т. 68. № 4. С. 44–65.

Кара-Мурза, А. А. (2017) Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. Т. 15. № 1. С. 195–205.

Лапин, Н. И. (1990) Тотальное отчуждение и общий кризис раннего социализма // Вестник АН СССР. № 5. С. 15–23.

Лапин, Н. И. (2015) Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 1. Человеческая цивилизация перед лицом выбора конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. № 4. С. 3–15.

Лапин, Н. И. (2019) Отчуждение населения от участия в национальных доходах: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. № 6. С. 40–54.

Лейнг, Р. (1995) Разделенное Я. Киев : Гос. библиотека для юношества. 320 с.

Ленин, В. И. (1960) О национальной гордости великороссов // Пол. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. М. : Политиздат. С. 106–110.

Никольский, С. А. (2017) Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М. : ИФРАН. 125 с.

Пантин, И. К. (2000) Россия: окончание исторического цикла? // Полис. Политические исследования. № 3. С. 39–52.

Резник, Ю. М. (2025a) Геосоциальная трансформация цивилизационных моделей в России: от политарности к державности // Личность. Культура. Общество. Вып. 3. С. 84–102.

Резник, Ю. М. (2025b) Логика геосоциальной эволюции политарной модели цивилизации в России // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Т. XVII. С. 5–38.

Спиридонова, В. И., Соколова, Р. И., Шевченко, В. Н. (2016) Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М. : ИФ РАН. 122 с.

Спиридонова, В. И. (2022) «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Век глобализации. № 1. С. 29–41.

Федоров, Н. Ф. (1982) Соч. М. : Мысль. 711 с.

Федотова, В. Г. (2009) Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. № 12. С. 3–18.

Фромм, Э. (2026) Здоровое общество / пер. с англ. С. Карпушиной, Т. Банкетовой. М. : АСТ. 368 с.

Шипунова, Т. В. (2010) Системное насилие в контексте социального контроля девиантности // Российский криминологический взгляд. № 3 (23). С. 313–320.

Ясперс, К. (2013) Духовная ситуация времени / пер. с англ. М. И. Левиной. М. : АСТ. 285 с.

Дата поступления: 05.08.2026 г.

THE PHENOMENOLOGY OF RUSSIAN CIVILIZATION: METAMORPHOSES OF HUMAN PRESENCE

Yu. M. Reznik
RAS Institute of Philosophy

This article examines the problem of the authenticity of existence of the Russian person. The object of the study is the civilizational dimension of human existence in Russia, and the subject is the existentialphenomenological perspectives on understanding the being of man in the Russian civilization, which has been reflected over several centuries in the image of "presence".

Human presence in the Russian civilization unfolds along two paths (westernization or traditionalization), which correspond to successive models of governance (oligarchy or autocracy), and manifests itself in three main forms — existential, transcendent, and societal (politary). The first form blocks the realization of such meanings of individual existence as "living in a home," "fear of life," "joy from work and creativity," and "influence"; the second leads to the loss of meanings of supra individual existence (disidentification, de deification, and dehumanization); the third (politary) form is aimed at maintaining the conditions of dependent existence through bureaucratic control and systemic violence.

According to the author, the alternative to presence is selfsufficiency — an open and free human existence in civilization, which fully reveals his creative potential. It will manifest itself only under special historical conditions, when the politary system is replaced by a demotic ("nationwide") system that combines the advantages of democracy, social justice, and environmental friendliness.

Keywords: man; civilization; phenomenology of civilization; Russian civilization; civilizational being; presence; selfsufficiency; politary system; demotic system; autocracy; democracy; oligarchy

REFERENCES

Arnason, J. (2021) Civilizacionny`e patterny` i istoricheskie pro-cessy` / transl. from Eng. by M. Maslovskij et al. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*. 304 p.

Axiezer, A. S. (1995) Rossiya: nekotory`e problemy` sociokul`turnoj dinamiki. *Mir Rossii*, vol. 4, no. 1, pp. 3–57.

Axiezer, A. S. (2001) Arxaizaciya v rossijskom obshhestve kak meto-dologicheskaya problema, *Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`*, no. 2, pp. 89–100.

Axiezer, A. S. (2008) *Rossiya: kritika istoricheskogo opy`ta (Socio-kul`turnaya dinamika Rossii)*. Vol. 1. Ot proshlogo k budushhemu. 312 p. Vol. 2. Teoriya i metodologiya. Slovar`. 348 p. Vol. 3. Sociokul`turny`j slovar`. 274 p. Moscow, Novy`j xronograf.

Braudel, F. (2023) *Grammatika civilizacij* / transl. from France by B. A. Sitnikov. 2nd ed., revised. Moscow, Izdat. gruppa «Al`ma Mater»; «Gaudeamus». 523 p.

Gilinskij, Ya. I. (2013) *Social`noe nasilie*. St. Petersburg, Izd. dom «Alef-Press». 183 p.

Groys, B. (2024) *Philosophy of Care* / transl. from Eng. by A. Fomenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 120 p.

Žižek, S. (2023) *Event: A Philosophical Journey Through a Concept* / transl. from Eng. by D. Ya. Xames. Moscow, RIPOL klassik. 240 p.

Il`in, V. V. and Axiezer, A. S. (2000) *Rossijskaya civilizaciya: soder-zhanie, granicy, vozmozhnosti*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 301 p.

Il`inskaya, S. G. (2023) Mobilizacionnoe gosudarstvo kak sushhnost-naya xarakteristika rossijskoj civilizacii: nachal`ny`j e`tap formirova-niya. *Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal`noe upravle-nie*, vol. 10, no. 1. P. 18–28.

Il`inskaya, S. G. (2025) Gosudarstvennaya ideologiya kak vektor razvi-tiya lokal`noj civilizacii. *Filosofskie nauki*, vol. 68, no. 4, p. 44–65.

Kara-Murza, A. A. (2017) Mezhdu imperiej i naciej. *Rossiya v global`noj politike*, vol. 15, no. 1, pp. 195–205.

Lapin, N. I. (1990) Total`noe otchuzhdenie i obshhij krizis rannego socializma. *Vestnik AN SSSR*, no. 5, pp. 15–23.

Lapin, N. I. (2015) Fundamental`ny`e cennosti civilizacionnogo vy`bora v XXI stoletii. Ch. 1. Chelovecheskaya civilizaciya pered liczom vy`-bora konfiguracii fundamental`ny`x cennostej. *Voprosy` filosofii*, no. 4, pp. 3–15.

Lapin, N. I. (2019) Otchuzhdenie naseleniya ot uchastiya v nacional`-ny`x doxodax: proshloe i nastoyashhee. *Obshhestvenny`e nauki i sovremen-nost`*, no. 6, pp. 40–54.

Laing, R. D. (1995) *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. Gosud. biblioteka dlya yunoshestva. 320 p.

Lenin, V. I. (1960) O nacional`noj gordosti velikorossov. *Polnoe sobranie sochinenij. 5th ed*. Vol. 26. Moscow, Politizdat. Pp. 106–110.

Nikol`skij, S. A. (2017) *Imperiya i kul`tura. Filosofsko-literaturnoe osmy`slenie Oktyabrya*. Moscow, Institute of Philosophy Publ. 125 p.

Pantin, I. K. (2000) Rossiya: okonchanie istoricheskogo cikla? *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 3, p. 39–52.

Reznik, Yu. M. (2025a) Geosocial`naya transformaciya civilizacion-ny`x modelej v Rossii: ot politarnosti k derzhavnosti. *Lichnost`. Kul`tu-ra. Obshhestvo*, issue 3, pp. 84–102.

Reznik, Yu. M. (2025b) Logika geosocial`noj e`volyucii politarnoj modeli civilizacii v Rossii. *Voprosy` social`noj teorii. Nauchny`j al`manax*, vol. XVII, pp. 5–38.

Spiridonova, V. I., Sokolova, R. I. and Shevchenko, V. N. (2016) *Rossiya kak gosudarstvo-civilizaciya: filosofsko-politicheskij analiz*. Moscow, Institute of Philosophy Publ. 122 p.

Spiridonova, V. I. (2022) «Gosudarstvo-civilizaciya» kak novaya formula sushhestvovaniya v XXI veke. *Vek globalizacii*, no. 1, pp. 29–41.

Fyodorov, N. F. (1982) *Sochineniya*. Moscow, My`sl`. 711 p.

Fedotova, V. G. (2009) Rossijskaya istoriya v zerkale modernizacii. *Voprosy` filosofii*, no. 12, pp. 3–18.

Fromm, E. *The Sane Society* (2026). Transl. from Eng. by S. Karpushina et al. Moscow, Izd-vo AST. 368 p.

Shipunova, T. V. (2010) Sistemnoe nasilie v kontekste social`nogo kontrolya deviantnosti. *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad*, no. 3 (23), pp. 313–320.

Jaspers, K. (2013). *Man in the modern age* / transl. from Eng. by M. I. Levina. Moscow, AST. 285 p.

Submission date: 05.08.2026.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, вице-президент Российского философского общества. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: 8 (495) 609-90-76. Эл. адрес: reznik-um@mail.ru

Reznik Yuri Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Vice President, Russian Philosophical Society. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: 8 (495) 609-90-76. E-mail: reznik-um@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.3

Стратегия гибридной обороны через призму стратегического партнерства России и Китая

А. А. Бартош

Московский институт социологических исследований

Распад биполярного мира окончательно завершился кризисом либерального порядка и идеи партнерства цивилизаций. Главным препятствием на пути к партнерству цивилизаций является не экономическая конкуренция и не политические противоречия между странами современного мира, а мировоззрение элит стран Запада, которые такого партнерства не желают в принципе. В условиях мировой гибридной войны, когда прямое столкновение ядерных держав маловероятно, Россия и Китай перешли к формированию собственной версии гибридной обороны. В отличие от западной концепции гибридной войны как наступательного инструмента, Пекин и Москва трактуют гибридную оборону как комплекс мер по парированию угроз суверенитету — от кибератак до цветных революций. Данная статья исследует, каким образом две державы синхронизируют свои усилия в информационной, энергетической и технологической сферах, и что делает их сотрудничество реальным стратегическим альянсом.

Ключевые слова: гибридная война; гибридная оборона; стратегия; факторы; партнерство

ВВЕДЕНИЕ

В основе современного противостояния Востока и Запада лежит борьба за новое мироустройство. Определяющими факторами является геополитика: Запад защищает однополярную гегемонию, Восток (Россия, Китай) — многополярность и суверенитет, а также традиционную систему ценностей (конфликт либерального индивидуализма с коллективизмом и консервативными ценностями). В экономике

это передел рынков, борьба за технологии и контроль над ресурсами. По сути, причина противостояния — это столкновение «порядка, основанного на правилах» (западных) и «международного права» (с правом вето для великих держав).

В военной сфере в процессе противоборства России и Запада глобальная парадигма современных военных конфликтов изменилась, традиционная «победа в бою» уступила место размытым конфликтам и новым трактовкам победы (Бартош, Никоноров, 2025: 74–89).

Грань между войной и миром стала практически неразличимой. На смену прямым военным столкновениям пришли гибридные и прокси-войны, технологии контролируемого хаоса и цветных революций. Стороны конфликта ведут непрерывный поиск баланса между симметричными и асимметричными формами противоборства. В стратегиях, наряду с военными формами и способами борьбы, важными инструментами становятся дезинформация, кибератаки и энергетический шантаж.

Россия и Китай сегодня реализуют свою внутреннюю и внешнюю политику в условиях межцивилизационного противоборства и навязанной им Западом военной конфронтации нового типа — мировой гибридной войны (МГВ), стратегия которой рассчитана на ослабление и развал государства-жертвы.

Мировая гибридная война — это многомерный военный конфликт с масштабным применением как военно-силовых способов борьбы, так и экономического удушения противника, использования подрывных технологий контролируемого хаоса и цветных революций, прокси-войн, кибертехнологий. МГВ ведется на обширных территориях с охватом многих государств и континентов и приобретает межцивилизационный характер (Шевцов, Бартош, 2025: 16–26).

Появились новые угрозы, сочетающие симметричные и асимметричные формы противоборства, что диктует России и Китаю как главным объектам МГВ необходимость принятия масштабных совместных мер.

В отличие от западного понимания стратегии гибридной войны как атаки на слабые и уязвимые места противника, Россия и Китай трактуют новую форму противоборства как гибридную оборону (ГО), т. е. как реакцию на угрозы своему суверенитету и способ удержать власть, не прибегая к тотальной мобилизации.

Общность стратегической гибридной угрозы и совпадение интересов диктуют России и Китаю необходимость объединить и координировать усилия в формировании совместной гибридной обороны в рамках стратегического партнерства наших двух стран.

В этом контексте цель данной статьи — выявить механизмы координации Москвы и Пекина в невоенных сферах, таких как киберпространство, дезинформация, экономическое принуждение, использование раскола внутри западных элит, и способствовать формированию совместной стратегической гибридной обороны.

Стратегия России и Китая заключается не в совместных вторжениях, а в создании системы «неуязвимости»: когда попытка наказать одну страну через санкции, контролируемый хаос или цветную революцию автоматически наносит ущерб интересам другой, делая нападение на них стратегически невыгодным.

ФАКТОРЫ СТРАТЕГИИ ОБОРОНЫ В МИРОВОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЕ

Остроту проблеме формирования совместной гибридной обороны от угроз МГВ придает то, что при сохранении стратегической значимости противоборства между Россий и Западом в Европе, Арктике и Закавказье регион активного про-

тивостояния постепенно смещается в Азию как в ключевой экономический центр будущего.

Стратегия измора МГВ предусматривает ползучую трансформацию серой зоны как театра войны, в ходе которой противоборство охватывает южную часть Евразии от Турции до Кореи, представляющую собой единственный динамично развивающийся регион.

Реалии современности вынуждают расстаться с иллюзиями, что угроза миру в глобальных масштабах осталась в прошлом. Хрупкость современной системы международной безопасности, вызванная искусственной хаотизацией международных отношений, ослаблением способности международных организаций влиять на обстановку, безответственными действиями труднопредсказуемых политических лидеров, обусловливается также усилением угроз военных конфликтов нескольких видов: классических и гибридных. При этом в дестабилизирующей стратегии МГВ, в технологиях контролируемого хаоса и цветных революций активно используется свойство глобальной критичности современного мира.

В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и об углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества, принятой в Пекине 20 мая 2026 г., Президент РФ В. В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подчеркивают необходимость «выступать против расширения военных альянсов, "гибридных" войн и войн "чужими руками", продвигать создание обновленной сбалансированной, эффективной и устойчивой архитектуры глобальной и региональной безопасности» (Совместная заявление … , 2026: Электронный ресурс). Лидеры двух великих держав высказали обеспокоенность тревожным развитием обстановки в мире, определяющее влияние на которую оказывает стремление США не допустить утраты глобального лидерства, сохранить однополярный мир любыми средствами, включая военные.

Отсюда логически следует императив разработки под эгидой двух стратегических партнеров концепции обороны в гибридной войне. Можно предположить, что к такой концепции присоединятся многие другие дружественные государства и партнеры наших двух стран.

Необходимость разработки стратегии совместной обороны России и Китая в условиях МГВ диктуется комплексом взаимосвязанных геополитических, военно-технических и стратегических факторов.

При составлении плана обороны важно помнить сохранивший свою практическую значимость вывод К. Клаузевица о соотношения обороны и наступления: «…чтобы со своей стороны действительно вести войну, надо и самим давать неприятелю сдачу в виде ответных ударов… Можно и в оборонительной кампании сражаться наступательно». И далее: «В чем заключается смысл обороны? В удержании» (Клаузевиц, 2022: 460–461).

Геополитические и стратегические факторы включают противодействие доминированию США, где главный объединяющий фактор формируется стремлением создать противовес гегемонии США и их союзников, что часто описывается как «двойное противодействие двойному сдерживанию». Кроме того, важным является поддержание статуса великой державы: для Москвы стратегическое партнерство с Пекином критически важно для сохранения статуса великой державы на фоне санкций, а Пекин, в свою очередь, использует это партнерство как противо-

вес мощи США. И наконец, необходима консолидация антизападного блока, поскольку конфликт на Украине ускорил переориентацию России на Китай и в целом на Юго-Восточную Азию и Индо-Тихоокеанский регион.

Ведущими факторами военно-технического сотрудничества выступают взаимозависимость в поставках вооружений. Россия долгое время была основным поставщиком военных технологий для КНР, а после введения санкций Западом именно Китай стал для России ключевым источником компонентов, включая технологии двойного назначения для БПЛА. Совместное освоение высоких технологий придает новый импульс сотрудничеству, переводит его на новый уровень в политической, экономической, военной и военно-технической сферах. Страны делятся критически важной информацией, включая предупреждение о ракетном нападении, обмен данными в рамках уведомления о пусках баллистических ракет, проведение совместных учений по противоракетной обороне (ПРО), работы над совместимостью навигационных систем ГЛОНАСС и BeiDou. В целом сотрудничество перешло от разовых инициатив к системному взаимодействию, охватывающему разведку, ПРО и космические технологии.

Наращивается группа факторов оперативной совместимости и координации. Росту доверия способствуют проведение совместных учений по противовоздушной и противоракетной обороне, совершенствуются механизмы координации между военными и разведками, что говорит о беспрецедентно высоком уровне стратегического доверия.

Приобретает зримые черты стратегия совместной обороны на дальних рубежах: проводятся совместные морские и воздушные патрули в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Арктике, а также в Индийском и Тихом океанах, что демонстрирует способность защищать общие интересы в удаленных районах.

Действуют факторы нормативно-правовой базы и политической воли, отраженные в официальном Совместном заявлении 2026 г., осуждающем гибридные войны и блоковую конфронтацию Запада. Однако это пока «выравнивание без союза», в котором партнерство сохраняет гибкость и ориентировано на сдерживание без автоматических обязательств по взаимной обороне.

Важным фактором является сотрудничество между Россией и Китаем в Арктике (Бартош, 2026: 42–50).

Таким образом, объективная необходимость для Москвы и Пекина координировать свою оборону в ответ на гибридные угрозы продиктована объективными реалиями: общим стремлением к многополярному миру, прагматичной выгодой от обмена военными технологиями в условиях экономического давления и необходимостью совместно противостоять новым вызовам.

Стратегия обороны в мировой гибридной войне выходит за рамки классической военной доктрины, поскольку МГВ ведется в военной, экономической, информационной и социальной сферах, в космосе и киберпространстве одновременно, что требует разработки комплексной гибридной обороны.

Гибридная оборона — это стратегия защиты от гибридной агрессии, сочетающая военные и невоенные методы для достижения политических целей без формального объявления войны. Она включает защиту от технологий контролируемого хаоса и цветных революций, прокси-войн, кибератак, дезинформации, экономического давления, использования нерегулярных формирований и дипломатических манипуляций. В отличие от классической обороны, акцент делается на скрытность,

двусмысленность и использование уязвимостей противника ниже порога открытого конфликта.

Стратегия ГО предусматривает решение задач, представленных в таблице.

В МГВ основная цель — истощить волю противника к сопротивлению в течение длительного (иногда это десятки лет) изматывания. Поэтому ГО строится не

ЗАДАЧИ ГИБРИДНОЙ ОБОРОНЫ
TASKS OF HYBRID DEFENCE

Задачи гибридной обороны	*Содержание задач*
Реализация принципа тотальной обороны	Обороной занимается не только армия, но и министерства, корпорации, волонтеры и каждый гражданин. Цель — обеспечение стабильности всего государства (институты власти, критическая инфраструктура, связь, энергетика) перед лицом подрывных действий противника
Стратегические коммуникации	Борьба с дезинформацией и пропагандой. Сюда входят опровержение дезинформации, психологическая поддержка населения внутри страны, а также работа с союзниками и партнерами для нейтрализации враждебных воздействий
Повышение устойчивости инфраструктуры	Защита энергосетей, транспорта и финансового сектора от кибератак, а также создание резервных систем связи и управления в условиях кризиса
Юридический и политический аспекты	Законы против финансирования враждебных структур, противодействие пятым колоннам в рамках правового поля, а также международная изоляция агрессора (санкции, разрыв дипломатических отношений)
Невоенные средства реагирования	Экономическая контрблокада (защита от валютных манипуляций, эмбарго), рейды на хакерские серверы, высылка шпионов, действующих под видом дипломатов или активистов некоммерческих организаций. Противодействие пятой колонне
Военный компонент (силовое сдерживание)	Подавление иррегулярных формирований (частных военных компаний) без эскалации до тотальной войны, защита границ от провокаций и демонстрация готовности применять силу для сдерживания агрессора. Разработка симметричных и асимметричных мер противоборства
Защита информационного пространства	Контроль и мониторинг соцсетей и СМИ в рамках закона, работа с алгоритмами поисковиков, а также ликвидация уязвимостей в критической инфраструктуре
Подготовка общества	Устойчивость к панике, обучение распознаванию ложных сообщений, юридическая защита граждан от манипуляций и поддержка волонтерских движений для помощи силовикам в кризисных ситуациях

только на том, чтобы не допустить вторжения врага, но и на том, чтобы сохранить управляемость страны в условиях, когда враг ясно о себе не заявил, а на пространстве серой зоны как театре МГВ искусственно создается неопределенность, связанная с отсутствием четкого понимания войны и мира. О временных рамках войны легендарный разведчик Андрей Олегович Безруков в выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2026 г. сказал, что это надолго и что это наша новая «нормальность» (Безруков, 2026: Электронный ресурс).

В условиях искусственно созданных неопределенности и «тумана гибридной войны» важно понимать, что в современном мире стратегия ГО приобретает все большую актуальность и политический смысл (Бартош, 2019). Это придает концепту ГО не только военно-политическое, но и политологическое измерение, основанное на системе взаимодействия властных субъектов и государственных институтов, действующих координированно с единой целью и общими задачами. Это способ осмысления реальности, при котором все социальные процессы рассматриваются через призму политики и властных отношений.

Рассматривая концепцию ГО как документ стратегического планирования, направленный на противодействие попыткам противника ослабить и разрушить государство-жертву МГВ, следует отметить, что формирование стратегии ГО напрямую связано с анализом и прогнозированием объема целей и задач на длительную перспективу.

Поскольку гибридная война сама по себе является конфликтом, сочетающим невоенные и военные формы и способы противоборства, гибридная оборона проектируется с учетом спектра специфических характеристик государства в отношении которого она ведется. При этом стратегия ГО должна учитывать как сильные и слабые стороны объекта, на который планируется воздействие, так и непосредственно сильные и слабые стороны субъекта, планирующего достижение целей. Также она должна выявлять возможности и угрозы, которые могут возникнуть в ходе реализации поставленных военно-политических задач. Кроме того, разработка стратегии должна учитывать не только объективные и реальные политические условия текущего момента, но и вероятностные, зачастую трудно прогнозируемые факторы политики.

ФАКТОРЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ

Основные направления сотрудничества России и Китая в условиях защиты от МГВ определяются следующими факторами.

Прежде всего следует учитывать, что в условиях формирования многополярного мироустройства и на фоне глобальной нестабильности экономическое взаимодействие между Москвой и Пекином достигло стратегического уровня. Оно вышло за рамки простой торговли и охватывает технологический альянс, совместное реформирование глобальных финансов, создание архитектуры глобального управления. Развивается военное и военно-техническое взаимодействие. Сегодня можно выделить несколько ключевых направлений для развития всех форм сотрудничества.

1. Энергетика. Заключение долгосрочных контрактов на поставку нефти и газа (планируемый объем поставок газа — до 98 млрд куб. м к 2030 г.), совместные атомные станции, проекты, связанные со сжиженным природным газом (СПГ), возобновляемой энергетикой, а также развитие Северного морского пути для дивер-

сификации маршрутов. По состоянию на май 2026 г. в КНР было 60 действующих реакторов на 18 различных площадках. Гендиректор «Росатома» Алексей Лихачев говорил, что Россия сегодня строит в Китае четыре энергоблока для атомных станций. «Сколько мы можем построить? Да можем и четыре, можем и восемь. Это будет зависеть от наших договоренностей. Мы сейчас работаем над пакетом новых договоренностей», — пояснил Лихачев (Лихачев, 2026: Электронный ресурс).

2. Технологии и инновации. Сотрудничество в сфере ИИ, микроэлектроники, гражданской авиации и космоса, а также переход к промышленной кооперации для создания продуктов с высокой добавленной стоимостью.

3. Торговля, финансы и расчеты. Практически полный уход от доллара во взаимных расчетах (доля расчетов в рублях и юанях превысила 95%), обновление соглашений о защите инвестиций и совместный запуск 89 проектов стоимостью более200 млрд долл.

4. Инфраструктура и логистика. Увеличение грузопотока по БАМу и Транссибу до 180 млн тонн, совместное освоение острова Большой Уссурийский и запуск новых трансграничных маршрутов. Объем торговли между Россией и Китаем в январе — мае увеличился на 22,9% в годовом исчислении, до 109,5 млрд долл. Экспорт из Китая в Россию за пять месяцев вырос на 26,4% и достиг 49,17 млрд долл. Импорт из России в КНР повысился на 20,2%, до 60,35 млрд долл. (Объем торговли ... , 2026: Электронный ресурс).

5. Сельское хозяйство. Расширение присутствия России на рынке КНР (экспорт зерновых, масличных, морепродуктов) (там же).

6. Многополярные институты. Формирование нового миропорядка через платформы ШОС и БРИКС+, разработка альтернативных платежных систем и правил торговли. Важное место отводится сотрудничеству при формировании модели глобального управления (Бартош, 2026).

7. Военное и военно-техническое сотрудничество России и Китая в условиях МГВ направлено на укрепление стратегического партнерства, обеспечение взаимной безопасности и противодействие внешним угрозам. Это сотрудничество включает как политические, так и технологические аспекты взаимодействия.

8. Гуманитарная сфера. Проведение перекрестных Годов образования (2026–2027) и развитие безвизового туризма.

Перечисленные направления сотрудничества учитывают смысл и цели подрывных действий инициаторов МГВ против России и Китая и создают реальную основу для совместных действий.

Подрывная деятельность США и их союзников против России и Китая реализуется в рамках комплексной стратегии мировой гибридной войны. Ее цель — сдерживание и ослабление двух стран как ключевых геополитических конкурентов. Важная составляющая стратегического замысла МГВ заключается в создании напряженности между Россией и Китаем.

С этой целью в стратегическом плане США проводят дифференцированную политику. Для администрации Дональда Трампа Китай является главным, долгосрочным приоритетом для сдерживания, в то время как Россия, обладающая крупнейшим ядерным арсеналом, рассматривается как «постоянная, но управляемая угроза». Стратегия США направлена на перекладывание бремени поддержки на союзников по НАТО при одновременном «параллельном» сдерживании Москвы и Пекина с учетом растущего их стратегического партнерства.

Стратегические культуры и национальные интересы России и Китая, формировавшиеся в значительной степени автономно, сегодня выступают не просто основой для их сближения, но и фундаментом для выработки принципиально нового интеграционного подхода к обеспечению безопасности — совместной гибридной обороны.

Понимание специфики политического мышления России и Китая является ключом к пониманию логики их сотрудничества в сфере обеспечения безопасности.

Российская модель обеспечения безопасности отличается прагматичным и цивилизационным подходом, а также восприятием себя как осажденной крепости, что исторически предполагает создание буферных зон. Ключевые концепции — «рефлексивный контроль» (навязывание выгодного решения противнику) и приоритет «превосходства в управлении» в информационной сфере. Высокая централизация власти (Бартош, 2025).

Китайская модель имеет двойственную природу, сочетая конфуцианский пацифизм (оборонительный, миролюбивый подход) и реалполитик (*англ.* realpolitik — реальная политика), которая понимается как политика, основанная не на идеологических или нравственных принципах, а на практических и прагматичных соображениях, соответствующих интересам государства. В Китае все подчинено долгосрочным целям (например концепция «столетнего марафона») и идее «великого возрождения китайской нации», где приоритетом является стабильность власти.

Одним из ключевых событий в определении новых внешнеполитических принципов является центральное рабочее совещание по вопросам внешней политики, которое состоялось под председательством Си Цзиньпина в ноябре 2014 г. На этом мероприятии были выдвинуты несколько базовых принципов внешней политики КНР:

— китайская дипломатия — это дипломатия крупного государства;

— внешняя политика должна отличаться ясной китайской спецификой, китайским стилем и китайской позицией;

— ни в коем случае нельзя отказываться от законных интересов Китая;

— надо твердо защищать суверенитет, территориальную целостность и морские права страны, должным образом решать территориальные споры вокруг островов.

Китаевед И. Е. Денисов высказывает такое мнение: «В современном китайском политическом дискурсе четко прослеживается как преемственность внешней политики (акцент на такие константы, как путь мирного развития, защита ключевых интересов, политика «мягкой силы»), так и стремление придать китайской дипломатии более инициативный характер, что в перспективе должно вывести КНР в число государств, устанавливающих правила игры в соответствии со своими возросшими интересами (такие намерения особенно ярко видны на примере амбициозной программы превращения Китая в морскую державу, они проявляются и в сфере военной дипломатии — корректировке подходов к использованию китайских воинских подразделений за рубежом)» (Денисов, 2017, 2015: Электронный ресурс)

Сказанное позволяет утверждать, что, несмотря на различия в историческом опыте, в основе сближения наших двух стран лежит совпадение их фундаментальных целей и единство базовых национальных интересов.

Общий геополитический вызов определяет главный объединяющий фактор — единое восприятие геополитических угроз со стороны консолидированного Запа-

да. Обе страны видят в этом вызов своему суверенитету и стремятся к формированию многополярного мира. В сфере обеспечения безопасности и суверенитета Россия видит угрозу в попытках Запада повлиять на внутренние процессы и изменить режим, воспринимая гибридную и прокси-войны, технологии контролируемого хаоса и цветных революций как прямую угрозу (Указ ... , 2024: Электронный ресурс), Китай рассматривает стабильность своей политической системы как ядро национальной безопасности. Оба государства исходят из того, что США и их союзники ведут против них полномасштабную гибридную войну. Гибридное противоборство в ряде случаев перерастает в прямую военную конфронтацию, как это имело место при вторжении в Венесуэлу и в случае американо-израильской агрессии против Ирана.

Близость стратегических культур и интересов Росси и Китая выливается в конкретные проекты гибридной интеграции в политической, экономической и военно-технической сферах, которые формируют основу совместной гибридной обороны.

Стратегическая координация осуществляется в рамках диалога на высшем уровне и механизмов ежегодных консультаций по стратегической безопасности, что позволяет «сверять часы» по ключевым вопросам. В совместных заявлениях лидеры регулярно заявляют о приверженности координации подходов к глобальной стабильности. В технологической сфере сотрудничество перешло от сделок к интеграции. Это такие ключевые проекты, как обеспечение совместимости спутниковых систем ГЛОНАСС и китайской BeiDou; совместные противоракетные и ПВО учения; объединение разведывательных возможностей (ISR); создание систем гибридных операций, включая кибератаки, ИИ, РЭБ и освоение Арктики. Складывающаяся модель отношений описывается как «выравнивание без союза» и создает выгоды, сохраняя автономию и избегая излишних рисков в рамках гибкого партнерства.

В основе гибридной интеграции России и Китая лежит не слепое доверие, а прагматичный расчет, основанный на совпадении ключевых приоритетов в сложившихся реалиях современности. Учитывая двойственную природу китайской культуры и прагматизм российской, углубление военно-технического и стратегического партнерства стран в гибридной сфере в обозримой перспективе продолжится.

Информационно-психологическое воздействие на Россию и Китай со стороны Запада ведется через глобальные СМИ (например, «Голос Америки»). Его цель — продвижение технологий контролируемого хаоса и цветных революций, расшатывание внутриполитической стабильности. Экономическое давление включает масштабные санкции против России и технологическую блокаду Китая. Цель — подорвать экономику и технологическое развитие, а также заставить третьи страны (включая Китай и Индию) ограничить сотрудничество с Российской Федерацией. Однако санкционное давление часто служит стимулом для расширения торгово-экономического сотрудничества России и Китая, и сорвать его у США вряд ли получится. Поддержка оппозиции и сепаратизма проявляется в многолетних действиях США по содействию сепаратистским силам на Тайване, в Тибете, Синьцзяне и Гонконге. В отношении России — в расчетах на ослабление СНГ и ОДКБ, на массовые протесты внутри России путем ухудшения уровня жизни через санкции. США и некоммерческие организации открыто поддерживают несистемную оппозицию, финансируя неправительственные силы, наращивают усилия по созданию пятой

колонны и активизации ее действий. Кибератаки и технологический шпионаж — еще одно поле противоборства, на котором, например, в первом квартале 2026 г. Россия и Китай вошли в число стран, наиболее атакуемых в киберпространстве. При этом публично Вашингтон чаще обвиняет в атаках против США Россию и Китай. Военно-политическое давление и международная изоляция включают усиление военного присутствия НАТО у границ России и наращивание сил США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также ракетные системы на Филиппинах, создание союзов QUAD и АУКУС, принятие Тихоокеанской инициативы сдерживания.

Ведется обсуждение превентивных ударов по российским космодромам и угроз нанесения демонстрационных ударов в Южно-Китайском море. Активно разрабатываются новые виды вооружений: БПЛА, безэкипажные катера, подводные дроны. Расширяется использование космоса с предоставлением разведывательных данных и других возможностей американской спутниковой системы «Старлинк» прокси-агентам США. В дипломатической сфере Вашингтон пытается изолировать Россию и КНР, противодействуя их инициативам в ООН.

Подрыв технологического суверенитета ведется посредством экспортного контроля и ограничений на передачу передовых технологий, особенно в сферах микроэлектроники и ИИ. Цель США — не допустить технологического лидерства Китая и добиться технологической зависимости России, чтобы сохранить собственное доминирование, что фактически привело к технологическому протекционизму.

ЛОГИКА ТРЕТЬЕЙ СИЛЫ В ПАРТНЕРСТВЕ МОСКВЫ И ПЕКИНА

Для отношений России с Китаем в контексте геополитического противостояния с США и Западом в политике, экономике и в военной сфере представляется крайне важным учет одной из отличительных черт китайской «логики мышления», которая легла в основу национальной стратегической культуры. Суть такой логики заключается в том, что для китайцев «единое раздваивается, но перемены следуют через сочетание не двух, а трех сил». Таким образом, китайская позиция состоит в нахождении и привлечении «третьей силы» при явном противоборстве двух сторон.

Заметим, что понятие «логика третьей силы» в контексте партнерства России и Китая как основы нового многополярного мира не является устоявшимся научным термином. В публичном дискурсе оно чаще всего рассматривается в рамках концепции формирования нового глобального полюса или центра силы, противостоящего доминированию Запада во главе с США. Суть сводится к тому, что стратегическое партнерство России, Китая и КНДР создает реальную альтернативу англосаксонскому миру, побуждая Глобальный Юг искать свое место в новой конфигурации. Усиление Китая ведет к формированию трехполюсного мира, где создание «третьего центра силы» (в союзе с Китаем) необходимо для обеспечения политической безопасности обеих государств.

Диалектически суть принципа «третьей силы» заключается в том, что после того как ситуация или явление разделяется на две противоположные стороны (например, активное и пассивное), перемены возникают не из их прямого противоборства, а через привлечение третьей силы. Третья сила может быть как активной, так и пассивной, и ее роль часто заключается в том, чтобы изменить баланс, сдвинуть ситуацию с мертвой точки или перевернуть ее в свою пользу. Таким образом, китайская логика акцентирует внимание не на борьбе двух противоположно-

стей, а на поиске и использовании третьей силы для достижения перемен и решения проблем.

Напомним, что китайская логика поиска и привлечения «третьей силы» при противоборстве двух сторон — это древний философский принцип, который сегодня активно влияет на дипломатическую стратегию Китая, и его последствия носят двойственный характер для партнерства с Россией. С одной стороны, эта логика делает союз более устойчивым к внешнему давлению, с другой — создает для Москвы как новые возможности, так и вызовы.

Вопреки западной бинарной логике (победа одной стороны за счет другой) китайское мышление утверждает, что подлинные перемены и равновесие наступают лишь при участии третьей силы.

В реалиях современной политики и дипломатии этот фактор проявляется как уход Пекина от биполярности, когда в условиях острого противостояния с Западом (особенно с США) Пекин стремится не просто выбирать сторону, а изменять саму структуру международных отношений. В ряде случаев возможно привлечение «третьего» как медиатора, когда в деловых или политических отношениях в условиях тупика для двух сторон китайцы ищут посредника — третью силу, которая сломает этот барьер. Такая логика Пекина в контексте партнерства России и КНР имеет для Москвы, как уже отмечалось, и плюсы, и минусы.

Плюсы связаны с укреплением устойчивости партнерства, поскольку логика привлечения «третьего» резко усиливает устойчивость тандема «Пекин — Москва». Цель — не допустить создание вокруг России и Китая пояса американских прокси-стран. В ответ на попытки США изолировать Россию Пекин и Москва укрепляют БРИКС и ШОС, создавая буферную зону. Общей для двух стратегических партнеров является их нацеленность на многополярность, и создание многополярного мира является ключевой идеей, сплачивающей Россию и Китай (при том что сами концепции многополярности существенно различаются в России и Китае. Для последнего многополярность — не множество центров силы, а суверенное равенство государств при доминирующем положении Китая). Для стран Глобального Юга, например, Россия выступает именно такой третьей силой, позволяющей им лавировать между США и Китаем. Китай активно поощряет роль России как независимого центра силы.

Следует помнить, что в условиях геополитического противоборства риски и вызовы для Москвы связаны с асимметрией в партнерстве: по мере укрепления сотрудничества на базе общей «борьбы с гегемонизмом» растет зависимость Москвы от Пекина в экономике и технологиях. Китайская экономика более диверсифицирована, что создает уязвимость для России в долгосрочной перспективе. Кроме того, следуя своей логике, Китай избегает полного разрыва с США. Такая гибкость — получение технологий от США и ресурсов от России — означает, что поддержка Москвы для Китая не абсолютна, а носит ситуативный характер.

СИТУАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ПАРТНЕРСТВА КАК ФАКТОР ОСЛАБЛЕНИЯ ГИБРИДНОЙ ОБОРОНЫ

Ситуативный характер российско-китайского партнерства может нанести серьезный ущерб идее совместной гибридной обороны в ряде ключевых сфер.

Во-первых, ситуативный характер связан с наличием фундаментальных разногласий в доктринах России и Китая: Россия допускает применение ядерного ору-

жия в ответ на обычное нападение, угрожающее существованию государства («эскалация для деэскалации»), Китай же придерживается принципа «неприменения ядерного оружия первым» и добивается заключения соответствующего договора между державами.

Это означает, что в критический момент Пекин может быть не готов поддержать ядерное устрашение Москвы, что создаст разрыв в их общей обороне и даст противнику возможность для маневра.

Во-вторых, ситуативному характеру отношений в сфере гибридной обороны способствуют технологическая зависимость и санкционное давление, создающие экономическую асимметрию в отношениях. Китай стал доминирующим партнером США и Запада в целом, используя российский экспорт ресурсов и свой технологический потенциал. Основное уязвимое место Пекина — это вторичные санкции США. Китайский бизнес крайне чувствителен к риску их введения, что заставляет Пекин действовать с оглядкой на Запад. В результате в момент кризиса Китай может «притормозить» или вовсе прекратить критически важные поставки в Россию, чтобы избежать удара по собственной экономике.

В-третьих, важным фактором, способствующим созданию ситуативного характера партнерства, является расхождение интересов Москвы и Пекина в региональных кризисах, что обусловлено их разной степенью уязвимости. В кризисах (например, на Ближнем Востоке) у России и Китая появляются разные приоритеты. Россия, имея меньше экономических потерь, может активнее поддерживать партнеров в регионе, в то время как Китай, опасаясь за свою энергобезопасность и торговлю, будет стремиться к скорейшему прекращению конфликта и избегать его эскалации.

В-четвертых, ситуативности партнерства способствует отсутствие военного альянса, поскольку Россия и Китай официально не связаны взаимными оборонительными обязательствами, что является осознанным выбором обеих сторон для сохранения свободы маневра. Отношения строятся по принципу «никогда друг против друга, но и не всегда вместе» Поэтому в случае конфликта с Западом ни одна из сторон не гарантирует прямого военного вмешательства.

В-пятых, несовершенство системы защиты критически важных для бизнеса и оборонно-промышленного комплекса технологий, интеллектуальной собственности и данных может породить взаимное недоверие в военно-технической сфере и стремление сохранить контроль над своими технологиями.

Влияние этих весьма существенных факторов на разработку совместных мер противодействия стратегии мировой гибридной войны должно быть тщательно изучено и нейтрализовано в ходе взаимных консультаций сторон.

Кроме того, следует отметить, что перечисленные факторы воздействуют в первую очередь на военную и военно-техническую составляющие стратегии партнерства. В то же время их влияние на стратегию защиты от невоенных форм и способов противоборства, к которым прибегает противник при реализации стратегии наступательных действий МГВ против России и Китая, будет не столь критичным в контексте уязвимости и зависимости стратегии защиты от внешнего давления.

В геополитическом треугольнике Россия — Китай — США для каждой из сторон характерно стремление достигать необходимых результатов с как можно меньшими для себя усилиями и материальными издержками, прежде всего с помощью привлечения и использования для осуществления собственных замыслов мак-

симально возможного объема чужих сил и средств, а также благоприятных для выполнения своих планов сложившихся объективных и субъективных условий.

Вопрос о совместной стратегии России и Китая пока носит аналитический характер, так как официального единого документа не существует. Однако, исходя из совместных заявлений Москвы и Пекина, учений и научных дискуссий, гипотетическая стратегия могла бы состоять из следующих разделов.

1. Идеологическая и когнитивная оборона, включая противодействие западному доминированию в глобальном информационном пространстве, защиту суверенитета в интернете, создание альтернативных вариантов изложения событий и совместное противодействие ценностному давлению.

2. Одновременное и взаимосвязанное развитие элементов экономической системы или ее подсистем, при котором изменения в одном элементе влияют на другие и определяют дальнейшее развитие всей системы, укрепление финансовой безопасности за счет расширения расчетов в национальных валютах (юань/рубль), создания независимых платежных систем и совместных механизмов защиты от вторичных санкций, развитие кооперации в критически важных секторах (энергетика, редкоземельные металлы).

3. Кибернетический и космический компонент стратегии может включать согласованные позиции по нераспространению кибероружия, совместные учения по защите критической инфраструктуры и противодействие развертыванию оружия в космосе (при сохранении собственного космического потенциала).

4. Дипломатическое прикрытие и «многополярное право» может предусматривать координированное использование права вето в СБ ООН, создание альтернативных площадок (БРИКС, ШОС) для легитимизации своих действий и блокирования западных интервенций под видом гуманитарных миссий.

5. Непрямые военные действия реализуются за счет проведение совместных или параллельных военных учений без создания жесткого альянса (союз «без обязательств»), взаимного использования военной инфраструктуры, а также поддержки прокси-сил в стратегически важных регионах без формального вмешательства.

6. Важным элементом стратегии ГО должно стать управление эскалацией и демонстрация единства, включая сигналы для Запада (например, совместное патрулирование стратегической авиации), координацию «красных линий» и механизмов, чтобы не допустить прямого столкновения, грозящего перерасти в ядерный конфликт.

Таким образом, совместная стратегия гибридной обороны строится на создании «асимметричного симбиоза». В рамках этой стратегии Россия выступает военно-ресурсным щитом, а Китай — технологическим и экономическим. Их цель — противостоять глобальному доминированию США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действия США и их союзников против России и Китая представляют собой многогранную и непрерывную подрывную деятельность, охватывающую практически все сферы международных отношений — от дипломатии и экономики до информационного и военного противоборства. Главной целью Вашингтона является сохранение глобального лидерства США.

Россия и Китай рассматриваются Западом в качестве основных противников в разворачивающейся мировой гибридной войне, а их тесное сотрудничество в тех-

нологической и военной сферах создает потенциал для гибридных угроз для Запада в оборонительных и наступательных действиях.

Гибридные войны, сочетающие военные и невоенные методы, становятся основной формой межгосударственного противоборства. Они ведутся в серой зоне ниже порога обычного военного конфликта, а их конечная цель — подрыв политического руководства и образа жизни населения противника с помощью дезинформации и кибератак и непрерывного экономического давления. В условиях ставшего непрерывным долгосрочного гибридного противоборства формируется тренд, когда крупные державы (США, Россия, Китай) переходят к гибридной обороне, где симметричная сила создает прикрытие для использования асимметричных форм борьбы, а малые страны делают ставку на асимметричные системы (ракетные катера, дроны, переносные зенитные ракетные комплексы), чтобы сделать симметричную атаку слишком дорогой.

В стратегии гибридной обороны с привлечением внутренней радикальной оппозиции практикуются методы блокады коммуникаций, захвата административных зданий, проведения скрытых военных операций, распространения дезинформации и кибератак при официальном отрицании своей причастности. Задача — достичь политических целей, не доводя дело до полномасштабной войны и создавая неопределенность, в условиях которой сложно определить момент нападения, агрессора при формальном отрицании участия и ответить симметрично.

Китай рассматривает действия США против России как идущие в русле гибридного воздействия США на КНР. Это указывает на то, что США находятся на завершающем этапе подготовки к полномасштабной гибридной войне против Китая.

Для России характерна интеграция гибридных ответных действий со стратегической культурой страны, а Китай трансформирует подходы к сдерживанию и делает акцент на технологическом суверенитете как факторе победы.

Точками соприкосновения двух великих держав в противостоянии гибридным атакам Запада является рост технологического сотрудничества между Москвой и Пекином (интеграция ИИ, БПЛА, кибератак, спутниковых технологий), что усиливает их коллективный гибридный потенциал.

Последующим логичным шагом могло бы стать создание эффективной стратегии гибридной обороны. Это требует от России, Китая и некоторых других государств — объектов МГВ развертывания на многосторонней основе консультаций и практических шагов по разработке коалиционного документа стратегического планирования, построенного на результатах совместного анализа, прогнозирования, целеполагания и планирования совместных действий по обеспечению национальной и международной безопасности.

Такая «высшая стратегия» гибридной обороны станет важным элементом концепции нового мироустройства, основой для создания устойчивых институтов сотрудничества между Россией, Китаем, Индией, Ираном, другими дружественными государствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Указ Президента РФ от 28.12.2024 №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87904.html (дата обращения: 29.05.2026).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и об углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6487?ysclid=msofpf9pbf234549119 (дата обращения: 11.08.2026).

Бартош, А. А. (2019) Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века. М. : Горячая линия — Телеком. 324 с.

Бартош, А. А. (2026) Актуальные тенденции реконфигурации системы глобального управления в конкурирующих моделях миропорядка // Проблемы национальной стратегии. №1 (94). С. 166–182.

Бартош, А. А. (2026) Факторы развития стратегического партнерства между Россией и Китаем в Арктическом регионе в условиях мировой гибридной войны // Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России : материалы VII науч.-практ. конф. (11 декабря 2025 г.) : сб. ст. / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов, Т. В. Сичкарь. М. : Издательский дом «УМЦ». С. 42–50.

Бартош, А. А. (2020) Стратегическая культура в конфликтах XXI века. М. : Горячая линия — Телеком. 248 с.

Бартош, А. А. (2025) Дипломатия «государства-крепости» в гибридной войне // Дипломатическая служба. №5. URL: https://panor.ru/magazines/diplomaticheskaya-sluzhba.html (дата обращения: 07.06.2026).

Бартош, А. А., Никоноров, Г. А. (2025) Критерии и ступени победы в гибридной войне // Военная мысль. №6. С. 74–89.

Безруков, А. О. (2026) Стенограмма речи на ПМЭФ [Электронный ресурс]. URL: https://glav.su/forum/threads/1870105 (дата обращения: 07.06.2026).

Денисов, И. Е.(2017) Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // Контуры глобальной трансформации. Т. 10. №5.

Денисов, И. Е. (2015) Эволюция внешней политики Китая при Си Цзиньпине [Электронный ресурс] // Международная жизнь. №5. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1253?utm. (дата обращения: 10.06.2026).

Клаузевиц, К. (2022) О войне. М. : АСТ. 1024 с.

Объем торговли РФ и КНР за январь — май (2026) [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/news/840958.html (обращения: 09.06.2026).

Пекин переписывает рейтинг стран с крупнейшей ядерной энергетикой [Электронный ресурс] // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/economics/2026-06-09/1_9512_china.html (дата обращения: 17.06.2026).

Шевцов, Л. П., Бартош, А. А. (2025). Мировая гибридная война как фактор трансформации политического и военно-профессионального мировоззрения // Клуб военачальников РФ. №1. С. 16–26.

Дата поступления: 25.05.2026 г.

STRATEGY OF HYBRID DEFENCE THROUGH THE PRISM OF THE STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN RUSSIA AND CHINA

A. A. Bartosh
Moscow Institute of Sociological Research

The dissolution of the bipolar world finally ended with a crisis of the liberal order and the idea of partnership of civilizations. The main obstacle on the way to the partnership of civilizations is not economic competition or political contradictions between countries of the modern world but the worldview of the Western countries' elite, which reject this partnership in principle. Under the conditions of a world hybrid war, when a direct confrontation of two nuclear powers is unlikely, Russia and China have moved to the formation of their own version of hybrid war. Unlike the wes-

tern concept of hybrid warfare as an offensive tool, Beijing and Moscow interpret hybrid defence as a set of measures to parry threats to sovereignty — from cyber-attacks to colour revolutions. The given paper explores how the two powers synhcronise their efforts in informational, energetic, and technological spheres and what makes their cooperation an actual strategic alliance.

Keywords: hybrid war; hybrid defence; strategy; factors; partnership

REFERENCES

Ukaz Prezidenta RF ot 28.12.2024 № 1124 «Ob utverzhdenii Strategii protivodejstviya e`kstremizmu v Rossijskoj Federacii» [online] Available at: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87904.html (accessed: 29.05.2026).

Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o dal`nejshem ukreplenii vseob``emlyushhego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya i ob uglublenii otnoshenij dobrososedstva, druzhby` i sotrudnichestva [online] Available at: http://www.kremlin.ru/supplement/6487?ysclid=msofpf9pbf234549119 (accessed: 11.08.2026).

Bartosh, A. A. (2019) *Tuman gibridnoj vojny`. Neopredelennosti i riski konfliktov XXI veka.* Moscow, Goryachaya liniya — Telekom. 324 p.

Bartosh, A. A. (2026) Aktual`ny`e tendencii rekonfiguracii sistemy` global`nogo upravleniya v konkuriruyushhix modelyax miroporyadka. *Problemy` nacional`noj strategii*, no. 1 (94), pp. 166–182.

Bartosh, A. A. (2026) Faktory` razvitiya strategicheskogo partnerstva mezhdu Rossiej i Kitaem v Arkticheskom regione v usloviyax mirovoj gibridnoj vojny`. *Civilizacionny`e aspekty` razvitiya Arkticheskix regionov Rossii : materialy` VII nauch.-prakt. konf. (11.12.2025) : sb. st.* / ed. by M. A. Bulavina et al; Moscow, UMC Publ. Pp. 42–50.

Bartosh, A. A. (2020) *Strategicheskaya kul`tura v konfliktax XXI veka*. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom. 248 p.

Bartosh, A. A.(2025) Diplomatiya «gosudarstva-kreposti» v gibridnoj vojne. *Diplomaticheskaya sluzhba. № 5*. [online] Available at: https://panor.ru/magazines/diplomaticheskaya-sluzhba.html (accessed: 07.06.2026).

Bartosh, A. A. and Nikonorov, G. A. (2025) Kriterii i stupeni pobedy` v gibridnoj vojne. *Voennaya my`sl*, no. 6, pp. 74–89.

Bezrukov, A. O. (2026) Stenogramma rechi na PME`F [online] Available at: https://glav.su/forum/threads/1870105 (accessed: 07.06.2026).

Denisov, I. E.(2017) Vneshnyaya politika Kitaya pri Xi Jìnpíng: preemstvennost` i novatorstvo. *Kontury` global`noj transformacii*, vol. 10, no. 5.

Denisov, I. E. (2015) E`volyuciya vneshnej politiki Kitaya pri Xi Jìnpíng. *Mezhdunarodnaya zhizn`, no. 5* [online] Available at: https://interaffairs.ru/jauthor/material/1253?utm (accessed: 10.06.2026).

Clausewitz, Carl von (2022) *O vojne*. Moscow, AST. 1024 p.

Ob``em torgovli RF i KNR za yanvar` — maj (2026). *Nezavisimaya gazeta* [online] Available at: https://www.ng.ru/news/840958.html (accessed: 09.06.2026).

Pekin perepisy`vaet rejting stran s krupnejshej yadernoj e`nergetikoj. *Nezavisimaya gazeta* [online] Available at: https://www.ng.ru/economics/2026-06-09/1_9512_china.html (accessed: 17.06.2026).

Shevczov, L. P., Bartosh, A. A. (2025). Mirovaya gibridnaya vojna kak faktor transformacii politicheskogo i voenno-professional`nogo mirovozzreniya. *Klub voenachal`nikov RF*, no. 1, pp. 16–26.

Submission date: 25.05.2026 г.

Бартош Александр Александрович — кандидат военных наук, доцент, эксперт Лиги военных дипломатов, эксперт/аналитик Отдела стратегического анализа и военно-политических

исследований Московского института социологических исследований, член-корреспондент Академии военных наук. Адрес: 107065, Российская Федерация, г. Москва, ул. Камчатская, д. 3, оф. 198. Тел.: +7 (495) 469-01-30-08. Эл. адрес: aerointel@mail.ru

Bartosh Aleksandr Aleksandrovich, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Expert, League of Military Diplomats, Expert Analyst, Department of Strategic Analysis and Military and Political Research, Moscow Institute of Sociological Research, Corresponding Member, Academy of Military Sciences. Postal address: 3, Kamchatskaya St., office 198, Moscow, Russian Federation, 107065. Tel.: +7 (495) 469-01-30-08. E-mail: aerointel@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.4

Техносубъект как утопический проект: между прогрессом и абсурдом

А. В. Костина

Московский гуманитарный университет

В рамках расширения представлений о прогрессе ИИ и ставшего уже привычным тезиса о технологической сингулярности, когда способность компьютеров осмысливать реальность кратно превышает человеческую, прогнозы-предсказания В. Винджа и Р. Курцвейла становятся как бы принятыми сознанием и чуть ли не очевидными, само собой разумеющимися. И это несмотря на то, что книги этих авторов настолько популярны и излишне оптимистичны, что оказываются сопоставимы с романами Жюля Верна. Тем не менее уверенность обыденного сознания в том, что роботы скоро заменят людей, имеет под собой определенные основания. Она опирается на широко распространенные сегодня практики редактирования генома, наполнения тела автоматикой и средствами усиления необходимых свойств, формирования чувств и ощущений посредством биохимических воздействий и многое другое. Воплощением всех этих качеств становится новый конструкт цифровой эпохи — техносубъект, совмещающий биологическую природу с подключением к ИИ. В статье показано, что формирование техносубъекта спряжено с целой совокупностью факторов — технических, социальных, ценностных, которые должны принципиально трансформироваться вместе с трансформацией человека. Автор ставит главные вопросы в соответствии с развитием проекта техносубъекта: насколько необходимы такие трансформации, чем они обусловлены и к каким последствиям приведет их реализация.

Ключевые слова: техносубъект; ИИ; цифровая эпоха; человек; социальность; ценности

ВВЕДЕНИЕ

Наша деятельность сегодня, начиная от управления трафиком и логистикой, ценообразованием и покупками и завершая отдыхом, работой и обучением, в постоянном режиме генерирует новые цифровые следы, которые через создаваемые алгоритмические решения влияют на физическую реальность, образуя замкнутый взаимообусловленный цикл процессов.

Для детей уже сегодня использование *VR/AR*[1] является органичным, а тотальная иммерсивность в эту среду с раннего детства делает ее для молодых поколений более естественной, чем реальность пребывания. Под влиянием этой техносреды изменяется мозг человека — в нем развивается новая архитектура нейронных связей. Цифровые интерфейсы закладывают новые способы навигации в пространстве, способы социальной активности, специфику эстетического восприятия.

Константная же реальность пребывания при этом становится недостаточной, ограниченной, «урезанной», обладающей неудобством интерфейса, лишенной привычных слоев информации, возможностей, способов самопрезентации и даже начинает восприниматься как ненастоящая.

Иными словами, мы привыкли к возможностям цифровой среды настолько, что нашу жизнь вне ее не представляем.

Все это заставляет рассматривать вопрос о наполнении и всем спектре значений, связанных понятием «техносубъект», как один из наиболее актуальных в современной науке и практике. Тем более что сегодня в специальной и популярной литературе понятия «человек дополненный» или «техночеловек», означающие адаптированного к новейшим технологиям «технологизированного человека разумного», сопрягающиеся с понятием «постчеловек», означающим человека, который превзошел себя — и свой мозг, и свое тело, и ощущения, и даже пол (так как эмбрионы скоро можно будет создавать из неорганической материи), — используются постоянно (Гурьянова, Тимофеев, 2024).

Предметом исследования в данной статье является понятие «техносубъект», его специфические характеристики, механизмы функционирования и вопросы, связанные с его возникновением и развитием.

ПРОБЛЕМА ТЕХНОСУБЪЕКТА: КРИТИКА И АПОЛОГЕТИКА

Предварительно отметим, что процесс обсуждения таких вопросов преследует различные цели — от убеждения своих сторонников в правомерности и продуктивности формирования техносубъекта до критики такой деятельности. Конечно, самым странным в этой гносеологической ситуации является не только то, что возможность формирования техносубъекта предстает как сомнительная, но главным образом, что из такого процесса создания техносубъекта изымается главное — то, что составляет духовную сущность человека, что возвышается над его телом и интеллектом, одухотворяя его, и присуще на Земле только человеку. Этот абсурд и нарушение логики развития напоминают пассаж одного из главных героев фильма Стивена Спилберга «Парк Юрского периода» (1993): «Бог создал динозавров, Бог убил динозавров, Бог создал человека, человек убил Бога и создал динозавров». Только в данной ситуации эта интенция могла бы выглядеть так: «Бог создал человека. Человек убил Бога и создал техночеловека».

Однако, если вопрос о формировании техносубъекта (или, по крайней мере, суперкомпьютеров с неким подобием сознания) и его особенностей поставлен, он требует определенного анализа. Тем более что в данном случае «оптимизм у трансгуманистов опережает аналитику» (Бескаравайный, 2018: 140).

Прежде всего необходимо определиться с понятием «техносубъект». В эпоху глобальной взаимосвязи технологий вопрос о создании, качествах и антропологических свойствах нового техносубъекта становится одним из наиболее острых вопросов антропологии.

Причем этот вопрос носит не локально-элитарный научный характер, а касается жизни каждого человека на Земле независимо от степени владения им данной проблематикой.

Такая постановка вопроса связана не только с тем, что эволюция антропной системы уже показала глобальность эволюции на примере Homo Sapiens, отделившегося от австралопитеков и иных гоминид около 2 млн лет назад в Африке и «пережившего» ланьтяньского человека, денисовского человека, человека флоресского, гейдельбергского человека и неандертальца (хотя часть генов последнего в этом ряду сохранилась в геноме современного человека) (Большая российская энциклопедия, 2005: 32).

Однако создание техночеловка никак не вписывается в глобальную эволюцию и потребует решения этой задачи как системной и тотальной, направленной на синхронную переработку всех уровней: технического — создание инфраструктуры (нейросети, интерфейсы, биопринтеры); институционального — пересмотр права (статус постчеловека как киборга, объем и характер его прав); экономического — высокая стоимость бессмертия, требующая перераспределения доходов; медицинского — совершенствование способностей к регенерации; образовательного — подготовка техносубъекта, формирующего в процессе саморазвития свое будущее (Беляев, 2011: Электронный ресурс); воспитательного — адаптация детей к гибридной среде *VR/AR* как естественной среде обитания, где цифровое пространство перестает быть виртуальным и формирует базовые нейронные связи, социальные навыки и эстетическое восприятие.

Обеспечение всех этих уровней представляется решаемой, хотя и сверхсложной задачей.

Между тем главная составляющая процесса, связанная с созданием техносубъекта, осуществляемая не только на антропологическом, но и на духовном уровне, видится для решения весьма проблематичной.

ЧЕЛОВЕК VS ТЕХНОСУБЪЕКТ: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СУБЪЕКТНОСТИ В СИСТЕМЕ ПОНЯТИЙ

Именно создание техносубъекта как какого-то особенного человека оказывается самой проблемной составляющей данного проекта. И первой задачей, требующей решения, станет определение пределов и границ изменений, преодолев которые, человек перестанет быть человеком даже в виде техносубъекта и утратит качества субъектности, или, наоборот, — понимание того процесса, завершив который, машина приобретает качества субъектности, и ее можно рассматривать как техносубъекта.

Нужно сказать, что эта проблема пока только обсуждается и не может считаться исчерпанной. Несмотря на то что она поднималась в целом ряде работ (Бескаравайный, 2018; Алексеева, Аршинов, Чеклецов, 2013; Быков, 2017; Владленова, 2012; Зассин,2018; Игнатьев, 2019, 2021; Файоли, Войскунский, Богачева, 2016), пока не определено главное — что такое техносубъект, а интерпретации этого понятия принципиальным образом различаются в рамках философии, социологии, психологии.

В философии субъект — это агент действия, носитель активного, творческого, преобразующего начала, провоцирующего весьма важные и обширные по степени влияния и последствиям процессы, осознающий свою роль в качестве субъекта ис-

торического действия и свою ответственность за предпринимаемую активность. В социологии субъект — это участник социального действия, представитель определенной культуры, социальной общности или группы, воплощающий типичные для нее характеристики, выступающий не столько в качестве творца данной культуры, сколько в качестве носителя ее ценностей (Костина, 2009: 36). В психологии субъектность определяется как характеристика внутреннего мира человека, которая выражается в способности проявлять отношение к самому себе, оценивать способы деятельности, контролировать и изменять ее процесс и результат.

Исследователи ИИ в своих определениях техносубъекта опираются на деятельностный подход, акцентируя внимание на его способности выступать в качестве источника активности. Этот же признак позволяет авторам рассматривать в качестве протосубъектов интернет вещей, промышленный интернет и т. п., которые благодаря постоянным усилениям дружественности интерфейса приобрели антропные характеристики. Первые черты субъектности машины появились в момент формирования таких качеств, как самоуправляемость и способность самоактивации. С появлением ИИ подобные устройства «с наибольшей степенью проявляют себя как субъектоподобные артефакты, воспроизводимые на технической основе, то есть как техносубъекты» (Игнатьев, 2019: 65).

Поэтому, конечно, можно лишь с известной долей условности говорить о субъектности техносубъекта, но основания для подобной постановки вопроса есть. Канадский социолог В. Моско так описывает этот процесс: «Все больше люди работают ассистентами роботов и других умных средств… они отказываются от многого, если не всего, в контроле за автономными аппаратами и алгоритмами, доверяя им принимать решения в бизнесе, управлении и социальной жизни», причем «роботы создают машины эффективнее, чем могут люди; интеллектуальные системы осуществляют их вождение безопаснее, чем люди; дроны могут убивать людей эффективнее, чем сами люди…» (цит. по: Кравченко, 2019: 31).

Подобный поворот в понимании техносубъекта опирается на доказательство наличия у него субъектности. Если же иметь в виду такие человеческие качества, как любознательность и креативность, активность целеполагания и тяга к творчеству и прогрессу, то их формирование является самой сложной задачей.

Но главное — даже не столько с точки зрения этики, сколько с точки зрения безопасности всего человечества — это формирование способности к состраданию и эмпатии к другим обладателям сознания как условие предотвращения создания нелояльного человеку ИИ (Игнатьев, 2019: 71).

ТЕХНОСУБЪЕКТ КАК ПРОЕКТ: ХАРАКТЕРИСТИКИ В ПОЛЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ МАТРИЦ

Возможности технического апгрейда антропоморфных машин столь велики, что дискуссия о техносубъекте, в соответствии с теорией Окна Овертона, постепенно перемещается из поля размышления в поле планирования.

Перейдем к вопросу о возможностях трансформации тела чуть позже и обратимся к *социокультурным характеристикам техносубъекта*, таким как идентичность, восприятие и конструирование пространства и времени, получение опыта и превращение его в технологический ресурс.

В новой среде рождается новая идентичность — *диффузная*, которая отличается от сформированной идентичности тем, что в ней отсутствует внутренняя цело-

стность и четкое понимание границ собственного «Я», что приводит к эмоциональной лабильности, немотивированному поведению, зависимости от внешних оценок. При этом идентичность оказывается подвижной, находящейся в ситуации перманентной пересборки, составляющими которой становятся изменчивые воспоминания (их можно закладывать в произвольном порядке и объеме), а само биографическое ядро — подвижным.

Память же превращается в гибрид биографического опыта и облачных данных, общение — в симбиоз речи и телепатического обмена мыслями через интерфейсы, творчество — в коллаборацию с ИИ-соавтором. *Поскольку появляется возможность* редактирования памяти, ее дополнения, трансформации, хранения в облаке и загрузки в новое тело, то *«Я» становится нарративным проектом, а не данным фактом*.

У техносубъекта как радикально продленного существа принципиальным образом перестраивается его экзистенциальная система. Способность познать самого себя, будучи на грани собственного существования, оценить его, прожив и прочувствовав, — т. е. все то, о чем писали Серен Кьеркегор, Габриэль Марсель, Альбер Камю, — оказывается недоступным техночеловеку. Качественно меняется у техносубъекта восприятие и переживание времени. Годы становятся подобны дням, долгосрочное планирование приобретает смысл тысячелетий. Это требует *перестройки самой психической системы человека*, связанной с его способностью сохранять гибкость, любопытство и смыслопорождение на тех дистанциях, которые для человека являются принципиально новыми, так как эволюция к ним не готовила. Возможность тотального обновления и ощущение своей неуязвимости приводят к тому, что базовое экзистенциальное переживание уязвимости и хрупкости исчезает, что может привести как к новой безответственности, так и к невиданной ранее тревоге — страху не смерти, а *окончательного повреждения данных* или *безнадежного технического устаревания*.

Диффузная идентичность, порожденная произвольным содержанием памяти, легко конструируемой, снимает вопрос о специфической культурной принадлежности техносубъекта, основанной на совокупности ценностей, смыслов, идей и мифологий. Техносубъект — это гражданин мира, не имеющий эмоциональной и социокультурной привязки к государству или цивилизации, специфическая единица, имеющая мозг, особенности которого определяются силой сопряженного с телом ИИ, сознание — произвольно конструируемое, эмоции — регулируемые биохимически.

Удобный конструкт — управляемый, безвольный, бессубъектный, имеющий идентичность, неразрывно сопряженную с его цифровыми расширениями, существующий в режиме мерцательной синхронизации между биосоциальным «Я» и его цифровыми репрезентациями (соцсети, банковские системы, госуслуги), граница между которыми технически и феноменологически размыта.

Опыт техносубъекта — чувственный и эмоциональный — уже не существует в своей «натуральной» чистоте; он с самого начала *опосредован и многократно усилен цифровыми фильтрами*, которые перекодируют телесность в информационный поток, а спонтанность переживания — в управляемую переменную. Его радость от прогулки, например, оказывается не просто личным переживанием, а сложной компиляцией: биохимические реакции организма (серотонин, дофамин, эндорфины) считываются носимыми устройствами, накладываются на оптимизи-

рованный AR-пейзаж, где каждый вид корректируется алгоритмами colour grading[2], а звуковой ряд подбирается индивидуально под предполагаемое настроение. При этом *переживание событий через нейроинтерфейс* (чувство полета, исторической битвы, творческого акта, любви, открытия) становится столь же валидным, как и физический опыт. Стирается грань между «пережитым и усвоенным лично» и «загруженным как симуляция», что формирует *гибридную, коллективно-индивидуальную память*, когда связь с телесностью утрачивает не только опыт, но и знание.

В результате подлинное ощущение «здесь и сейчас» замещается гибридным конструктом, в котором трудно отделить собственную эмоцию от ее цифрового контура усиления, где реальность становится augmented (дополненной) по умолчанию. В таких условиях *формируется новая эпистемология*: адаптация требует замены предыдущего опыта цифровизации старых практик на *способность вырабатывать «гибридную грамотность»* — способность «бесшовно» жить, мыслить и действовать в спектральной среде, сохраняя критическую рефлексию и агентность.

Сходным образом печаль или тревога более не остаются приватным внутренним состоянием: они немедленно захватываются системами аффективного вычисления (affective computing), которые по мимике, голосовым маркерам, данным с фитнес-браслетов и истории взаимодействий диагностируют эмоциональное состояние и в реальном времени предлагают пользователю терапевтический контент — от подборки успокаивающей музыки до персонализированных медитаций, а при необходимости и фармакологическую коррекцию, интегрированную с сервисами телемедицины. Так эмоциональная жизнь техносубъекта оказывается распределенной между телом, алгоритмами и корпоративными платформами, где сам акт переживания становится точкой приложения технологической оптимизации.

При этом *«Я» техносубъекта* в этой конфигурации перестает быть автономным источником переживания и превращается в узел, где сходятся биохимические сигналы, алгоритмическая интерпретация и корпоративные интерфейсы. Оно вынуждено постоянно пересобирать себя из фрагментов, предоставленных цифровой средой, и уже не может провести границу между спонтанным чувством и его технологически опосредованной версией. В этом смысле «Я» становится гибридным конструктом — точкой пересечения телесности, данных и интерфейсов, чья подлинность требует не столько самопознания, сколько навыка навигации по потокам собственной цифровой экстериоризации. Иными словами, *«Я» становится нарративом и интерфейсом*, а не определенной и константной субстанцией.

ТЕХНОСУБЪЕКТ В ОПТИКЕ АНТРОПОЛОГИИ: ОРГАНИЧЕСКОЕ ТЕЛО КАК УЗКОЕ МЕСТО И СЛАБОЕ ЗВЕНО

В симбиозе субъекта и ИИ человеческое биологическое тело перестает быть фундаментом существования. Оно становится результатом инженерии, превращаясь из естественной данности в проект. Тело, выращенное с изначально заданными генетическими признаками, лишается случайности рождения, а следовательно, автономии собственной телесной истории. Интеллект, сопряженный с ИИ, уже не столько принадлежит субъекту, сколько распределен между нейросетевыми пула-

ми и облачными вычислителями, где процесс мышления становится частично внешним, а решение — результатом согласования человеческого запроса и алгоритмической оптимизации. Устаревшие или нездоровые физические части заменяются на новые, более эффективные, и тело перестает быть территорией уязвимости, превращаясь в набор модулей, доступных для апгрейда. Датчики и системы непрерывного мониторинга, встроенные в тело, делают его объектом внешнего управления: его состояния считываются, прогнозируются и корректируются еще до того, как сам субъект успевает их осознать.

В этом контексте вопрос «Кто Я?» утрачивает смысл, уступая место другому: «Как распределена моя субъектность между биологическими, цифровыми и алгоритмическими слоями?». Техносубъект оказывается существом, чья целостность не является результатом действия его воли, но превращена в конструкцию узлов связи между постоянно обновляемыми элементами. Его свобода измеряется не ответственностью, не социальными границами, не возможностью противостоять внешнему и даже не правом на распоряжение своей жизнью (Нарский, 1975: 66), как это постулируют Д. Юм и И. Кант, а способностью удерживать связность этой сборки, не позволяя ей распасться на разрозненные процессы, каждый из которых управляется собственной логикой. И в этом удержании, возможно, последний оплот того, что еще можно назвать «Я».

Само же тело оказывается в этой ситуации самой ненадежной, постоянно устаревающей и ограничивающей возможности структурой в системе «техносубъект». Обладающее аналоговой медлительностью, потребностью в сне, подверженностью болезням и старению, тело становится основным источником экзистенциальной фрустрации. Оно требует не здоровья в традиционном смысле, а постоянных технических осмотров, обслуживания и модернизации для соответствия цифровой среде. Функционирование тела, по мнению ряда исследователей, тоже начинает подчиняться закону Мура, сформулированному в 1965 г., который гласит, что каждые полтора года удваивается вычислительная мощность процессоров, в соответствии с чем совершается микрореволюция в физике, кристаллографии, прибористике, логистике (Бескаравайный, 2018: 138).

Такая деформация отношения к телу никак не вписывается в историко-культурную эволюцию, начиная с культа тела как идеала калокагатии[3] и воплощения гармонии, красоты и порядка в эпоху Античности; через отношение к телу как смертному объекту, вместилищу грехов, но также возможному средству спасения души в эпоху Средневековья; реабилитацию тела в антропоцентричной философии Возрождения; и наконец, до функционирования тела как знака, который обращается на рынке визуальных образов. Но в цифровую эпоху износостойкое тело становится объектом заботы о его функционировании, обеспеченном исправностью работы всех его функций.

Отсюда возникает центральный императив существования техносубъекта — необходимость *перманентного апгрейда*, который производится постоянно в соответствии с требованием обеспечения его *функциональности в гонке с ускоряющейся средой*: повышения пропускной способности нейроинтерфейса, замены сенсоров на более чуткие и их интеграции, обновления программного обеспечения психики для совместимости с новыми социальными алгоритмами и даже борьбы с «биологическим шумом» (ритмом сердцебиения, дыхания и т. п.), мешающим чистоте цифрового сигнала.

Подобные границы проявления активности техносубъекта помещают его в жесткие рамки, где процесс самых различных проявлений человека как существа социального оказывается несовместим со многими культурными практиками, начиная от шрамирования, нанесения ожогов, бичевания, колесования и до лишения себя жизни, как в сэппуку, совершаемого самураем для спасения воинской чести. Сохранение тела как культурный жест становится возможным только в ситуации конгруэнтности с культурными практиками, где культивируется прекрасное и функциональное тело, т. е. в рамках технокультуры. Первые достаточно устойчивые формы этой культуры мы видим уже сегодня — ее наиболее яркими маркерами выступают культ молодости, креативности, оптимизма, выбор техносреды с виртуализированной реальностью и ИИ в качестве наиболее естественной для существования.

Усиление и развитие подобных тенденций и формирование техносубъекта приведет к тому, что необходимость постоянно апгрейда будет иметь своим следствием зависимость от внешних факторов, в контексте которых индивид *будет отчужден от собственного процесса становления*. Это новая форма отчуждения будет обусловлена логикой платформ, корпоративных стандартов, рыночных циклов обновления, где «Я» будет собираться из готовых цифровых модулей. Исследователи говорят сегодня о формировании *новой аскезы*, направленной на сохранение агентности, начиная от сознательных практик «цифрового поста», культивирования практик, устойчивых к полной алгоритмизации. В частности, речь идет о формировании глубинной эмпатии и способности к сложному этическому выбору в ситуации дилемм, где сталкиваются фундаментальные, но несоизмеримые блага (свобода vs безопасность, справедливость vs милосердие). Также подчеркивается важность передачи ценностей и «мягких» навыков. Особое внимание уделяется способности к созданию новых смыслов, а не только новых форм, умению улавливать нюансы стыда, вины или надежды, а также развитию навыков критического сопротивления алгоритмическим рекомендациям. Не менее необходима *новая этика*, определяющая допустимые пределы модификации, понятие человеческого достоинства в гибридном теле и обязанности усиленного субъекта перед неизменными.

ТЕХНОКУЛЬТУРА КАК «ВТОРАЯ ПРИРОДА»: ЭКОСИСТЕМА НЕЙРОИНТЕРФЕЙСОВ ДЛЯ ТЕХНОЧЕЛОВЕКА

На уровне технологий, по-видимому, потребуется создание новой «второй природы» как среды обитания техносубъекта. Это будет некий цифровой контекст, приспособленный для функционирования нового субъекта, специфическая среда, представляющая собой единую экосистему взаимосвязанных устройств — нейроинтерфейсов (Лебедев, 2019), устанавливающих связь между нервной системой человека и внешними устройствами; биосенсоров и иных аналитических устройств, способных определять уровень и состояние химических соединений в клетках и тканях; облачных хранилищ сознания, сохраняющих на удаленных серверах ментальные процессы и воспоминания вне человеческого мозга; систем энергоснабжения, вживленных в тело, способных обеспечивать функционирование имплантируемых медицинских приборов. В этой среде онтологическая оппозиция «реальное/виртуальное» теряет смысл, а само цифровое пространство в полной мере замещает реальность пребывания.

Конечно, эта среда будет чрезвычайно нестабильной и неустойчивой в своем функционировании — сбой в работе любого элемента приведет минимум к локальному, максимум к системному сбою всей системы, даже если не рассматривать коллапс системы, связанный с «вылетом» программы, синхронизирующей все процессы, или отказом крупного узла одного из серверов или самого глобального сервера.

В природе такие ситуации возможны, они довольно часты и, как правило, успешно преодолеваются самой системой, выступающей как источник саморегуляции. В технической же среде все это требует постоянного отслеживания процессов *отклонения регулируемого параметра, устранения всех возмущающих на него воздействий и возврата на заданные программные значения*. Это только часть инфраструктуры, которая обеспечивает взаимодействие техносубъекта с искусственным интеллектом. Сложность самих систем и их совмещений потребует унификации протоколов и стандартов «человеко-машинного интерфейса» (Методика разработки ... : 2023: 98–116). Что касается обновления самого тела, здесь потребуется вторая мощная инфраструктура, связанная с системами диагностики, ремонта, обновления тела в физиологическом и эстетическом смысле, замены клеток или органов, которые будут производиться в специальных институтах.

Вся эта среда будет направлена на поддержание человека как автономной от природы системы. При этом *зависимость человека от «второй природы» экспоненциально возрастет*. Даже если не задавать вопрос относительно творческого развития человека с его обновленными суперспособностями, которое в ситуации постоянной заботы о себе представляется проблематичным, становится важным вопрос о том, как создать этот гигантский технологический ландшафт, который должен быть всеобщим, доступным, а главное — надежным, как встроить в этот ландшафт трудовую деятельность человека, который должен обеспечивать жизнеспособность и эффективность этой инфраструктуры.

Соответственно, возникает вопрос и о трудовом возрасте человека: он должен работать вечно, обновляя свою базу данных и заменяя изношенные детали своего тела более современными? Изменится и смысл экономических отношений, где труд, который ранее выступал в качестве общественного богатства и фундамента развития общества, фактически сформировавший современную цивилизацию, перестанет играть роль ключевого актива.

Сегодня широко распространяется тезис об освобождении человека будущего от нетворческого труда. Это связано с тем, что цифровая среда возникла как пространство коммуникации и досуга и продолжает восприниматься именно так. Однако ее функции трансформируются, и из пространства досуга она превращается в *глобальную систему распределенного производства* с новыми, часто скрытыми формами труда. В эту сферу перемещаются не только фрилансеры и модераторы контента, но и специалисты, занимающиеся обучением ИИ, конечно, на уровне микрозадач — разметки изображений, расшифровки аудио, проверки контента. Труд этих работников подобен труду на конвейере: он не высоко оплачивается, трудоемок, фрагментирован. В этом процессе участвуют даже обычные пользователи, проводящие время в сетях, генерируя поведенческие данные и отдавая бесплатно свое внимание, эмоции, социальные связи. Такой труд становится тотальным, где все время бодрствования человека превращается рабочее время.

Несмотря на то что этот труд критически важен для «умных систем», он настолько опосредованно связан с конечным продуктом и настолько строго алгоритмизирован, что вполне вписывается в классическую марксистскую парадигму отчуждения. Кроме того, остаются миллионы чернорабочих, которые сортируют отходы, занимаются уборкой, продают копеечную еду. И это все во время торжества техночеловека. Эту ситуацию описывает Хао Цзинфан в рассказе «Складной Пекин», получившем в 2016 г. престижную премию Hugo Award. Писательница создала мир, разделенный на три класса людей, которые пребывают в непересекающихся — складывающихся — пространствах (Кай-Фу Ли, 2019: 147).

Но у ситуации осуществления значительной части человеческой работы роботизированными и автономными машинами, кроме положительных последствий в виде времени, освобожденного для творческой деятельности, есть и обратная сторона. На протяжении эволюции человека его мастерство и профессиональная полезность были неотрывно связаны с его социальным статусом и самоуважением, а сам труд выступал в качестве не столько источника дохода, сколько *способа социализации и конституирования себя как значимого члена общества*. Вытеснение же людей из сферы труда и их замена ИИ порождает не просто безработицу, а глубокий экзистенциальный кризис «никчемности» (uselessness), подрывающий самооснование личности. Стремление приносить пользу обществу является антропологической особенностью человека, тесно связанной с его статусом и рассматриваемой как главная, хотя и нематериальная, награда. В записках ученых-антропологов описываются ситуации, когда принесенные в дар для всех членов племени редкие вещи, которыми ранее владели только вождь и несколько лучших охотников, разрушали племя, так как разрушали его социальную иерархию[4].

Еще одним вопросом, имеющим принципиальную значимость для формирования техносубъекта, является вопрос о его юрисдикции. Для тела, выходящего за биологические рамки, *потребуется полностью новая юриспруденция*, и базовыми здесь станут проблемы, связанные с трактовкой субъектности и определением субъекта права, в качестве которого может выступать как биологический организм, так и цифровая копия сознания. Здесь потребуется проработка фактически всей совокупности вопросов, связанных с безопасностью. Как квалифицировать убийство, если существует возможность воссоздания техносубъекта из резервной копии? Как осуществляются процедуры наследования при бессмертии и как наследуется имущество бессмертного? Что происходит с созданными техносубъектом произведениями — научными и художественными, если он сам подключен ко всем базам данных и наделен машиной всеми необходимыми ему сверхспособностями? Что такое возраст, как он определяется и как связан с дееспособностью? В такой юридической ситуации право неизбежно трансформируется из системы регулирования в систему управления, объединяясь с политическими структурами и органами власти, которые будут действовать в принципиально новых условиях биотехнологического неравенства.

Но как создать такую среду, органично совмещающую органику и код, и какие смыслы и ценности могут наполнять это пространство, кроме технологических ценностей и ценности вовремя сделанного технического осмотра и обслуживания? Все эти вопросы пока остаются без ответа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
ЧТО ОЗНАЧАЕТ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТА ТЕХНОСУБЪЕКТА И КАКОВЫ ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ?

Запрос искусственному интеллекту о действиях, которые будут способствовать появлению техносубъекта, и о смысле такой операции позволяет получить аргументы в пользу подобного преобразования.

1. Формирование культуры «виртуального чувствилища» и фигуры техносубъекта — это шанс на радикальное расширение человеческих возможностей: преодоление ограничений тела, доступ к беспрецедентным знаниям и формам кооперации, рождение новых видов искусства и солидарности. Техносубъект — это не следующий шаг эволюции, а сознательный (или вынужденный) выбор цивилизации.

2. Глобализация делает этот процесс неотвратимым: изолированное существование иной антропологической формации в едином мире невозможно.

3. Неэффективно переделывать одного человека, потому что в одиночку он не сможет существовать в старом мире. Мир должен быть переделан для него и вместе с ним.

4. Мы стоим перед выбором: либо сознательно проектировать эту тотальность, стараясь встроить в нее гуманистические ценности и механизмы сдерживания, либо стихийно прийти к ней через серию катастрофических разрывов и конфликтов, где победит не самый гуманный, а самый эффективный и безжалостный проект.

Воспринимая совокупность этих тезисов, необходимо осознавать, что в этих ответах ни в коей мере не ИИ проявляет свою «заинтересованность» в рождении техносубъекта. Данные ответы являются лишь отражением принципа работы больших языковых моделей, опирающихся на механизмы пересчета вероятностей. После получения запроса, в процессе разворачивания последовательности токенов — минимальных текстовых единиц, которую программа может понять (чаще это слово или его часть), она выбирает наиболее частотное продолжение в виде сочетания слов, которые в обучающей выборке встречались чаще всего. Таким образом, сгенерированный ИИ текст, получаемый по запросу, выступает как комбинаторика высокочастотных элементов, отражающая наиболее *вероятные варианты синтаксических конструкций и общепринятых оценок*, которые к верности как правильности и истинности не имеют никакого отношения. Оригинальные точки зрения, уникальные идейные конструкции, редкие суждения остаются за границами вероятностного выбора. То есть ответ ИИ отражает *доминирующие позиции в научном и научно-популярном дискурсе* и демонстрирует данную точку зрения как *преобладающую*.

Поэтому, возвращаясь к вопросу об ответах ИИ о целесообразности синхронизированного переустройства всей системы, связанной с формированием техносубъекта, необходимо каждый из них прокомментировать.

Первый тезис о необходимости расширения возможностей человека как следующий шаг эволюции вызывает вопрос о том, что случилось с традиционными институтами трансляции знания сегодня. По-видимому, сложность формирования действительно образованных людей в количестве, достаточном для осуществления технологических и гуманитарных прорывов, заставляет искать более простые и эффективные способы передачи знаний, чем представляется на первый взгляд. Этот процесс «закачивания» информации в мозг человека часто становится сюже-

том фильмов, таких как «Матрица» (реж. Братья Вочевски, 1999), «Пятый элемент» (реж. Люк Бессон, 1996), «Воспоминания» (реж. Лиза Джой, 2021), «Вечное сияние чистого разума» (реж. Мишель Гондри, 2004), «Вспомнить все» (реж. Пол Верховен, 1990). Человечество пытаются приучить к тому, что образование не нужно и избыточно, все, что необходимо человеку для его функционирования, можно передать без усилий в течение нескольких минут. Но как быть с развитием «метанавыков»: критической рефлексии, эмпатического интеллекта, ценностной аргументации, способности к смыслотворчеству и построению глубоких человеческих связей?

Человечество стремятся убедить в том, что реальный мир беден по сравнению с виртуальным, что соединение этих миров принесет человечеству целый спектр новых ощущений и переживаний. Этому же способствуют и компьютерные игры с возможностью создания миров — как более простых, наподобие Atlas Architect, так и более сложных, наподобие The Medium или Remember Me.

Человека направляют к мысли о том, что реальный мир — матрица, а роботы уже давно (или даже изначально) пребывают вместе с нами: «Английские исследователи... пытались рассчитать теоретическую вероятность восстания роботов, а немецкие и американские ученые регулярно проводят эксперименты, пытаясь найти доказательства того, что мы живем не в матрице... Профессор из Германии Сайлас Бин утверждает, что если наш мир — всего лишь смоделированная кем-то программа, то возможно создать копирующую ее идентичную компьютерную модель, а ученый из Оксфорда Ник Бостром выдвинул предположение о существовании многоуровневого мира, причем, число вариаций не является постоянным!» (Наша Вселенная ... : Электронный ресурс). Такими высказываниями наполнено сетевое пространство.

Однако представляется необходимым осознавать: есть информация, поддающаяся оцифровке в тех областях, где ИИ сильнее человека (логика, скорость, масштаб). Но есть информация, не поддающаяся полной алгоритмизации, связанная с уникальными человеческими компетенциями (формирование ценностей, символизация бытия, проявление эмпатии). Первое может быть пространством работы машины (но не деятельности, так как деятельность предполагает свободу, субъектность и телеологичность), второе — пространством активности человека, задающего активность машины (не наоборот!).

Второй тезис о неотвратимости этого процесса в ситуации глобализации может рассматриваться, во-первых, как тезис о неотвратимости самой глобализации, который уже был опровергнут и самой жизнью, и ее теоретико-философским осмыслением. Но в Сети количество текстов с апологетикой глобализации, по всей вероятности, пока доминирует. Во-вторых, современная геополитическая матрица как полицентричная реальность отражает целый спектр локальных смыслов, где вопрос о техносубъекте также получает целый перечень специфических смысловых конфигураций. Так, Китай сочетает высокие технологии с конфуцианской этикой и жестким государственным контролем над биотехнологиями и ИИ, отказываясь от западной модели техносубъекта с ее гипертрофированной индивидуализацией. Индия критикует западный трансгуманизм с позиций традиционной философии. Исламский мир опирается на шариатские принципы, где тело остается сакральным пределом, не подлежащим безграничному апгрейду. В США ядро проекта техносубъекта, опирающееся на принципы генетического

редактирования, нейроинтерфейсы, интеграцию с ИИ, встречает активное сопротивление общества, декларирующего право на «телесную неприкосновенность» (Ротшильд, 2023).

Третий тезис о неэффективности переработки одного человека, который в одиночку не сможет существовать в старом мире, означает лишь то, что стремление экспортировать модель техносубъекта в глобальный мир связано именно с уязвимостью этой модели и невозможностью ее реализации без глобального доминирования.

Четвертый тезис о возможностях выбора пути формирования техносубъекта либо как стихийного процесса со всеми его «побочными» эффектами, либо как управляемого и проектируемого процесса, куда будут встроены гуманистические ценности и механизмы сдерживания, также основан на пренебрежении реальностью, где сосуществуют разные культурные матрицы, создающие гибридные формы и сохраняющие свое ядро, отличное от западного. Поэтому и способы использования универсальных технологий до тех пор, пока существуют локальные ценностные системы, формировавшиеся тысячелетиями, будут оставаться специфическими, особыми, опосредованными собственным культурным опытом. Поэтому и проект техносубъекта, если он состоится, будет не единственным, но одним из многих, определяющих будущее человечества.

Осмысление формирования техночеловека порождает целый комплекс принципиальных вопросов.

Первый и главный: нужно ли формировать поколения людей, зависимых от цифровой среды настолько, что они утрачивают способность действовать в реальной среде? С точки зрения самого человека не как биологического вида, а как существа, единственно способного действовать в состоянии свободы, такой поворот не только не целесообразен, но и вреден. С точки зрения властных структур и правительств, стремящихся к созданию нового антропоморфного вида со способностями, превосходящими способности естественного человека, но лишенного критического мышления и понимания происходящего, управляемого и бессубъектного, реализация такого проекта вполне целесообразна, даже необходима.

Нужна ли человечеству такая системная и всеобъемлющая трансформация человеческой матрицы?

В рамках технооптимизма появление техносубъекта воспринимается как дающее человечеству шанс на радикальное расширение возможностей познания, творчества и кооперации. Но одновременно осознается невозможность выборочного улучшения человека. Улучшение становится реальным только в контексте проекта синхронизированного переустройства всей системы «техника — институты — индивид».

В рамках технопессимизма (к которому автор данной статьи себя в данном контексте относит) процесс формирования техносубъекта осознается как представляющий потенциальную угрозу полной утраты человеческой сущности, растворения в алгоритмическом потоке и потери автономии.

И в целом как утопический проект — технологический и социальный.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] VR (Virtual Reality, виртуальная реальность) и AR (Augmented Reality, дополненная реальность) — это две технологии, которые создают интерактивные среды, но работают прин-

ципиально по-разному. VR полностью погружает пользователя в искусственный мир, а AR дополняет реальный окружение цифровыми объектами.

[2] Color grading (цветовая градация) — это творческий процесс в постпродакшне (при обработке фото и видео), при котором с помощью работы с цветом, тоном и контрастом создается определенное настроение, художественный стиль или кинематографический эффект. Проще говоря, это «живопись цветом»: вы не просто исправляете ошибки, а формируете визуальный язык проекта, чтобы усилить драматургию, передать эмоции или объединить серию кадров в единое целое.

[3] Калокагатия (др.-греч. καλοκαγαθία, от καλός — «прекрасный» и αγαθός — «добрый», «хороший») — это термин из античной этики, который примерно переводят как «нравственная красота». Он обозначает идеал гармоничного сочетания внешних (физических) и внутренних (духовных, нравственных) достоинств человека. Иными словами, это стремление к балансу между красотой тела и добродетелью души.

[4] Антропологический принцип «благо для всех разрушает иерархию» описан в исследованиях Маршалла Салинза о дарообмене и вождествах (Салинз, 1999), а также в обосновании теории потлатча и «престижной экономики» в работах Франца Боаса (Боас, 1926; Боас, 1997).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева, И. Ю., Аршинов, В. И., Чеклецов, В. В. (2013) «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС — революция и будущее человека // Вопросы философии. № 3. С. 12–21.

Беляев, Д. А. (2011) Постчеловек как тип сверхчеловека техногенной культуры XXI в. [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/postchelovek-kak-tip-sverhcheloveka-tehnogennoy-kultury-xxi-v (дата обращения: 10.01.2026).

Бескаравайный, С. (2018) Бытие техники и сингулярность. М. : РИПОЛ классик. 476 с.

Боас, Ф. (1926) Ум первобытного человека / пер. с англ. А. М. Водена. М. ; Л. : Гос. изд-во. 153 с.

Боас, Ф. (1997) Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры. Интерпретация культуры. СПб. : Университетская книга. Т. 1.

Большая российская энциклопедия. Т. 2: Анкилоз — Банка / науч.-ред. совет: пред. Ю. С. Осипов [и др.], 2005. 766 с.

Быков, Е. М. (2017) Umwelt-анализ киборга: от биосемиотики к актантной семиотике и обратно // Идеи и идеалы. № 3 (33). Т. 1. С. 144–157.

Владленова, И. В. (2012) Конвергенция технологии и человека: изменение мира. Знать бы для чего // Вопросы философии. № 12. С. 124–128.

Гурьянова, А. В., Тимофеев, А. В. (2024) Технообразы человека. Ч. 1: Homo computeris, Homo informaticus, Homo network // Современные философские исследования. № 1. С. 120–128.

Зассин, В. (2018) Гуманность и будущее человека // Идеи и идеалы. № 2 (36). Т. 1. С. 9–27.

Игнатьев, В. И. (2019) И грядет «другой» актор… Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. № 1. С. 64–78.

Игнатьев, В. И. (2021) Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // Идеи и идеалы. № 1–1. С. 130–150.

Кай-Фу Ли (2019) Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. / пер. с англ. Н. Константиновой. М. : Манн, Иванов и Фербер. 240 с.

Костина, А. В. (2009) Особенности культурного строительства в Советской России 20–30-х гг.: к вопросу о субъектном аспекте истории // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 31–40.

Кравченко, С. А. (2019) Многоликость метаморфоз: о новациях двух канадских социологов // Социологические исследования. № 2. С. 26–35.

Лебедев, М. А. (2019) Сознание и душа: что добавят нейроинтерфейсы? // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии. № 2 (4). С. 76–103.

Методика разработки человеко-машинного интерфейса в системе поддержки оператора производственных установок при действиях в аварийных ситуациях (2023) / А. Б. Уали, А. С. Наукенова, О. Н. Корсун [и др.] // Вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. Серия: Приборостроение. № 1 (142). С. 98–116.

Нарский, И. С. (1975) Диалектика «критического» Канта // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта : сб. ст. / под ред. Д. М. Гринишина (отв. ред.), Л. А. Калинникова. Калининград : БФУ имени И. Канта. С. 57–70.

Наша Вселенная — компьютерная игра. Гипотезы и факты [Электронный ресурс]. URL: https://bruk.by/16173.html (дата обращения: 10.01.2026).

Ротшильд, Б. (2023) Воспоминания тела. Психофизиология и терапия психологической травмы / пер. Е. Цветкова. Бомбора. 240 с.

Салинз, М. (1999) Экономика каменного века / пер. с англ. О. Ю. Артемовой и др. М. : О.Г.И. 293 с.

Файоли, Э., Войскунский, А. В., Богачева, Н. В. (2016) Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. № 3. С. 147–162.

Дата поступления: 11.08.2026 г.

TECHNOSUBJECT AS A UTOPIAN PROJECT: BETWEEN PROGRESS AND ABSURD

A. V. Kostina
Moscow University for the Humanities

In the framework of expanding the understanding of AI progress and the already commonplace thesis of technological singularity, when computers' ability to conceive reality multiply exceeds that of human, the forecasts-predictions of V. Vinge and R. Kuezweil are becoming sort of accepted by consciousness, if not obvious, taken for granted. And this is despite the fact that these authors' books are so popular and overoptimistic, that they become comparable with Jules Verne novels. Nevertheless, the confidence of ordinary consciousness in the fact that robots will soon replace humans has certain ground. It is based on the currently widespread practices of genome editing, filling the body with automatics and means of enforcing necessary properties, forming feelings and sensations via biochemical impacts and many other things. A new construct of the digital age is the embodiment of all these qualities — the technosubject, which combines biological nature and connection to AI. The paper shows that the formation of the technosubject is conjugated with a whole number of factors — technological, social, value-based, which must undergo fundamental transformation in accordance with the transformation of human. The author raises the main questions according to the developing project of the technosubject: how necessary are such transformations, what are they stipulated by, and what consequences their implementation will lead to.

Keywords: technosubject; AI; digital age; human; sociality; values

REFERENCES

Alekseeva, I. Yu., Arshinov, V. I. and Chekleczov, V. V. (2013) «Texnolyudi» protiv «postlyudej»: NBIKS — revolyuciya i budushhee cheloveka. *Voprosy` filosofii*, no. 3, pp. 12–21.

Belyaev, D. A. (2011) Postchelovek kak tip sverxcheloveka texnogennoj kul`tury` XXI v. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, no. 8. [online] Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/postchelovek-kak-tip-sverhcheloveka-tehnogennoy-kultury-xxi-v (accessed: 10.01.2026).

Beskaravajny`j, S. (2018) *By`tie texniki i singulyarnost`*. Moscow, RIPOL Classic. 476 p.

Boas, F. (1926) *The Mind of Primitive Man* / transl. from Eng. by A. M. Vodena. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo. 153 p.

Boas, F. (1997) Granicy sravnitel`nogo metoda v antropologii. In: *Antologiya issledovanij kul`tury`. Interpretaciya kul`tury`*. St. Petersburg, Universitetskaya kniga. Vol. 1.

Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya (2005) Vol. 2: Ankiloz — Banka / ed. by Yu. S. Osipov et al. 766 p.

By`kov, E. M. (2017) Umwelt-analiz kiborga: ot biosemiotiki k aktantnoj semiotike i obratno. *Idei i idealy`*, no. 3 (33), vol. 1, pp. 144–157.

Vladlenova, I. V. (2012) Konvergenciya texnologii i cheloveka: izmenenie mira. Znat` by` dlya chego. *Voprosy` filosofii*, no. 12, pp. 124–128.

Gur`yanova, A. V. and Timofeev, A. V. (2024) Texnoobrazy` cheloveka. Ch. 1: Homo computeris, Homo informaticus, Homo network. *Sovremenny`e filosofskie issledovaniya*, no. 1, pp. 120–128.

Zassin, V. (2018) Gumannost` i budushhee cheloveka. *Idei i idealy`*, no. 2 (36), vol. 1, pp. 9–27.

Ignat`ev, V. I. (2019) I gryadet «drugoj» aktor... Stanovlenie texnosub``ekta v kontekste dvizheniya k texnologicheskoj singulyarnosti. *Sociologiya nauki i texnologij*, no. 1, pp. 64–78.

Ignat`ev, V. I. (2021) Problema texnosub``ekta: o sub``ektnosti «sushhnostej-konstruktorov». *Idei i idealy`*, no. 1–1, pp. 130–150.

Lee, K.-F. (2019). *AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order.* / transl. from Eng. by N. Konstantinova. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber. 240 p.

Kostina, A. V. (2009) Osobennosti kul`turnogo stroitel`stva v Sovetskoj Rossii 20–30-x gg.: k voprosu o sub``ektnom aspekte istorii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, p. 31–40.

Kravchenko, S. A. (2019) Mnogolikost` metamorfoz: o novaciyax dvux kanadskix sociologov. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 26–35.

Lebedev, M. A. (2019) Soznanie i dusha: chto dobavyat nejrointerfejsy`? *Trudy` kafedry` bogosloviya Sankt-Peterburgskoj duxovnoj akademii*, no. 2 (4), pp. 76–103.

Metodika razrabotki cheloveko-mashinnogo interfejsa v sisteme podderzhki operatora proizvodstvenny`x ustanovok pri dejstviyax v avarijny`x situaciyax (2023) / A. B. Uali et al. *Vestnik MGTU im. N. E`. Baumana. Seriya «Priborostroenie»*, no. 1 (142), pp. 98–116.

Narskij, I. P. (1975) Dialektika «kriticheskogo» Kanta. *Voprosy` teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta* : sb. st. / ed. D. M. Grinishina et al. Kaliningrad, BFU im. I. Kanta, pp. 57–70.

Nasha Vselennaya — komp`yuternaya igra. Gipotezy` i fakty` [online] Available at: https://bruk.by/16173.html (accessed: 10.01.2026).

Rothschild, B. (2000). The body remembers: The psychophysiology of trauma and trauma treatment. / transl. from Eng. by E. Czvetkov. Moscow, Bombora. 240 p.

Sahlins, M. (1999) Stone Age Economics. / transl. from Eng. by O. Yu. Artemova et al. Moscow, O.G.I. 293 p.

Faiola, A., Vojskunskij, A. E., Bogacheva, N. V. (2016) Chelovek dopolnenny`j: stanovlenie kibersoznaniya. *Voprosy` filosofii*, no. 3, p. 147–162.

Submission date: 11.08.2026.

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной и издательской деятельности Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: Anna_Kostina@inbox.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor, Vice-Rector for Research and Publishing Activity, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.5

Изменения в коммуникативной роли техники

А. А. Воронин

Институт философии РАН

В статье проводится мысль о смене роли техники в жизни человека и общества, связанной с искусственным интеллектом и цифровизацией коммуникативных систем. Цель исследования — показать, что развитие техники следует рассматривать не как линейную эволюцию, а как язык общения между людьми, который изменяет формы взаимоотношений и ценностные ориентиры. Историческим контекстом этих изменений служит смена цивилизационных эпох, основанная на использовании «правеществ»: последовательно вначале вещества природы, затем — энергии, позже — информации. Техника трактуется как компонент культуры, точнее, как коммуникативная стратегия, обеспечивающая обмен деятельностью, ментальным содержанием, и социальные отношения. В связке «человек — техника» последней принадлежала роль объекта деятельности вплоть до нынешнего этапа оперирования био- и нейропроцессами, когда искусственный интеллект и основанная на нем техника приобретают принципиально новые, субъектные функции. На примере эволюции вооружений иллюстрируется постепенное изменение отношений субъектности — объектности человека и техники. Коммуникативный дуализм распался, появляется третье звено — цифросфера, одинаково принадлежащая и миру техники, и миру человека. В этой сфере обозначаются потенции, опасные для всей структуры тройственной коммуникации. Возникают проблемы контроля над ИИ, обеспечения прозрачности и подотчетности цифровых систем. Ставится проблема разработки метафизики цифровой эры, учитывающей гуманистические интересы и потребности человека, его ценностные, телеологические перспективы.

Ключевые слова: техника; коммуникация; человек; язык; вооружения; субъект; объект; цифра; искусственный и естественный интеллект; метафизика

ВВЕДЕНИЕ

Расхожая точка зрения, которую мне хотелось бы поставить под сомнение, состоит в том, что историю техники можно понимать, изображать и исследовать как смену одних технических средств другими, более прогрессивными. Мне ближе понимание техники не как противоположности культуры, а как ее части, выполняющей роль коммуникативного средства взаимодействия людей. Поэтому историю техники правильнее трактовать в контексте истории цивилизаций, обществ, культур, институтов. В современности техника все чаще перестает быть нейтральным инструментом и вступает в область социальных действий, культурной динамики и этики. Прямое сопоставление эпох техники как исторической линейной эволюции от «инструмента» к «партнеру» приводит к недоучету коммуникативной функции артефактов и их значения в формировании ценностей и социальных структур. Поэтому необходим целостный теоретический каркас для анализа таких процессов.

В ПРОШЛОМ

Если следовать моей позиции, изложенной в книге «Миф техники» (Воронин, 2006), история техники — это история человека, его культуры и способов взаимодействия между людьми. Вместо противопоставления техники человеку я стремлюсь раскрыть их единство. Я обосновываю точку зрения на технику как на коммуникативную стратегию, как на то, что является языком общения между людьми, но языком особым, не вербальным, а предметным, материальным, изготовленным людьми и совершенствуемым людьми. Собственной имманентной истории у техни-

ки нет и быть не может, поскольку она есть продукт рук человеческих. Три основные позиции, четко обозначенные в философии техники — естественно-научная[1], антропологическая[2] и социальная[3] — суть логические ходы к более полному пониманию техники как средства общения между людьми, или коммуникативной стратегии, пронизывающей всю историю человечества в сменяющих друг друга формах и видах.

Мне представляется правдоподобной классификация исторических эпох развития техники, связанная с типом так называемых правеществ, которые лежали в основе цивилизационных формаций (Воронин, 2020). Суть этой позиции в том, что последовательные переходы от обработки вещества природы к использованию энергии, производству информации и исследованию биологических нейронных ансамблей являются основой изменений типов цивилизации, соответственно меняются социальные связи, техническая среда, сознание и мышление, типы культуры (Воронин, 2018).

Исторически первый тип общества вырос из преобразований веществ природы или просто Вещества. Человек создал технику, которую можно назвать Техника 1. Она дала ему свободу взаимодействия с материальным миром на основе опыта и здравого смысла, без использования научных знаний. Исходные ментальные структуры формировались в круге, очерченном Веществом: тяжелое и легкое, опасное и спокойное, горячее и холодное, близкое и далекое и многое другое в головы людей попадало из оперирования Веществом. Социальность была определена типом использования Вещества и соответствующим типом хозяйства. Социальные организмы росли в полном соответствии с природными установлениями. Более того, Л. Мамфорд убеждает нас в том, что и люди начинают рассматриваться в древних империях как вещественный материал, из которого строятся мегамашины древних царств (Мамфорд, 2001). Техника рождается как изобретательное использование природных свойств вещества, исподволь готовя почву для радикального поворота — преобразования одних свойств в другие. Строительство, судоходство, сельское хозяйство, а также другие отрасли достигли высоких уровней искусства в обращении с природными материалами. Обмен веществами между человеком и природой и между людьми, *основанный на наглядных причинных связях, сформировал классический тип мышления*. Экспансия человека осуществлялась в кругу реальной, зримой природы, границы которой совпадали с границами антропной, чувственной данности.

Следующая эпоха связана с освоением энергии. Между исходным материалом и конечным продуктом появляется инженерная техника — Техника 2, которая преобразует одну субстанцию в другую, особенно в части получения, хранения и использования энергии. Место алхимии, управлявшей веществами через души элементов, заняла экспериментальная наука. Переход от Вещества к Энергии связан с каменным углем. Это вещество обладает одним важным качеством: уголь может служить источником энергии. Рывок от манипуляций с веществом к овладению тайнами производства, хранения и использования энергии вывел человека далеко за пределы простого чувственного восприятия, появлению инженерной Техники 2. *Суть этой техники — в преобразовании одной субстанции в другую:* тепла — в движение, движения — в электричество, электричества — в свет, силу, коммуникацию и многое другое. Самое главное преобразование — то, которое позволило получать, сохранять и использовать энергию. *Новая субстанция — энергия опре-*

делила и новые степени свободы, новые методы наук и новые правила мышления. Классический тип мышления сменился на неклассический (Воронин, 2018).

Современная эпоха характеризуется преобразованием информации. Информация, основа нынешней культуры, производства и мышления, перешагивает пороги строгости, локализации, определенности и детерминизма. Обмен информацией между человеком и природой и между людьми носит уже принципиально иной характер. Секреты природы раскрываются не фиксацией, экспериментом и интерпретацией, а вычислением, моделированием, конструированием. Описанием информационных событий становятся вероятностные и синергетические языки. Информационная революция создала глобальные сети и онтологию виртуальной реальности, в которой человек обустраивается, — это «третья природа» — виртуальный мир. Открытия, такие как нанотехнологии, 3D-принтеры и редактирование генома, являются движущей силой современной Техники 3.

Каждая новая фаза развития техники приводит к значительным социальным изменениям. Сейчас, в отличие от предыдущих эпох, когда техника служила посредником между людьми и не обладала субъектностью, она приобретает новые социальные функции и становится активным участником общественной жизни. Этот фундаментальный переход еще только предстоит осмыслить во всех его компонентах и последствиях.

СЕГОДНЯ

В работах немецкого философа Э. Каппа была высказана идея о том, что техника — продолжение функций человеческого организма (Kapp, 1887). Его мысль можно применить и к современной технике — искусственный интеллект есть продолжение функций человеческого мозга. Вопрос состоит в том, является ли ИИ новым агрегатным состоянием интеллекта. Он существует вне мозга, вне головы, вне тела. Но не вне культуры, социальных, природных и технических компонент. Отличие от естественного интеллекта специалисты усматривают в отсутствии свободы у ИИ, поскольку он базируется на алгоритмах, а не на интуитивных поисках и открытиях. Поэтому ИИ способен на комбинаторику знаний, но не на открытие нового (принципиально нового) (Войцехович, 2024: 60). Во всяком случае, ИИ есть, во-первых, техника (или технология работы с идеальными предметами), во-вторых, аналог человеческого мышления, рассудка. «Современные системы ИИ оснащены функциями взаимодействия с человеком, и, вне всякого сомнения, такие человекоподобные системы будут применяться в повседневной жизни все больше и больше» (Георгиу, 2022: 72).

Несмотря на существенное отличие ИИ от техники предыдущих исторических эпох, он не перестает быть коммуникативным средством общения людей. В этом качестве техника впервые в истории человечества становится активным участником исторического процесса. Похожие схематизмы исторического процесса можно встретить в литературе. Например, А. С. Ильин выделяет четыре исторические трансформации: 1) инструментальная, 2) промышленная, 3) транспортная, 4) интернет-революция (Ильин, 2025: 244). И наконец, нынешняя, персонологическая революция, когда свойства субъекта деятельности приобретают технические системы (там же: 247). А. С. Ильин делает вывод: «Возникает необходимость в новой философской антропологии, которая могла бы определить специфически человеческое не через противопоставление природе или технике, но через понимание

человека как существа, находящегося в динамическом со-творческом отношении с создаваемыми им технологиями». Автор усматривает два принципиально различных пути. Первый — путь технологического детерминизма, признание неизбежности замены человека более совершенными формами искусственного интеллекта. Второй — путь нового гуманизма, утверждающего неустранимую ценность человеческой субъектности именно в ее несовершенстве, конечности, способности к ошибке и иррациональному выбору (там же: 248). Мы еще вернемся к проблеме философского осмысления ИИ-революции, а пока продолжим мысль об исторических предпосылках эволюции субъектности.

В периодизации истории и попытках выявить какие-то схематизмы в данном случае важно видеть изменения во взаимоотношениях человека и его создания — техники, которые привели к метаморфозам субъектности. Попробуем пояснить это на примере исторических этапов развития вооружений. История техники тесно связана с историей оружия. Поскольку техника изначально была и продолжает развиваться как инструмент господства человека над природной и социальной средой, вооружения часто шли в авангарде технического прогресса. Умножать жизнь и уничтожать жизнь — такова служба техники при дворе человека. Причем умножать жизнь для того, чтобы ее же потом и уничтожать, удовлетворяя свои потребности во власти, насилии, унижении и истреблении ближних. Взяв в руки камень для убийства, человек победил своего собрата, у которого камня в руках не оказалось. Соорудив дубину, человек смог вступить в бой с несколькими врагами. Вооружившись луком, стрелок подчинил себе пространство, он мог стрелять на расстоянии, ничем не рискуя. Давид убил Голиафа пращой. Железный век дал людям меч, кинжал, латы и кольчугу. История оружия начиналась как история жестокости, и вовсе не орудия убийств были мотором этой истории. Ее мотором был человек, сообщества людей и их сознание, их отношения друг с другом, их нравы, боги, святыни и имущественные интересы. Власть обеспечивала самые насущные потребности обществ, производивших изобилие средств жизни, — распределение жизненных благ, защиту поселений, общение с богами, производство культуры, языка, идентичности. Но власть порождала и величие, жадность, зависть, амбиции и прочие пороки. Вот откуда следовали заказы на все новые и новые средства снискания власти — на технику войны и насилия.

Железный век перестроил общество, выдвинул новые иерархии, порядки, богов, очаги расселения, хозяйство, пищу, жилища и многое другое. Железо и рыцарское достоинство оказались родными братьями-сестрами, и их родство было прервано только изобретением пороха. Энергия стала оружием. Тут же погибли рыцарские кодексы чести, тут же войны из контактных сражений превратились в ружейные и пушечные дуэли, сделав убийство более удобным и массовым. Война перестала быть полем брани героев и превратилась в столкновение масс безликих пехотинцев (или всадников). И вождь, некогда шедший впереди войска в бой, стал руководить битвой из безопасного места на холме. Позднее холм превратился в крепость, крепость — в замок, замок — в фортификационный комплекс со рвами, флешами, засеками и т. д. Искусство войны трансформировалось в искусство управления и политики, стало организатором новых сообществ людей. Наполеону приписывают такую сентенцию: один мамлюк легко справится с одним французом, десять мамлюков едва ли одолеют десяток французов, а сто французов наголову разгромят сотню мамлюков. Цена победы стала неизмеримо выше, так же, как и цена пораже-

ния. Запрос на орудия все более и более эффективного уничтожения больших масс людей стал настоятельным и исполнимым. Техника наступления тут же вызвала технику обороны. Война превратилась в постоянную заботу сообществ, породив особую касту людей, ничем, кроме войны, не занятых. Парадоксально, но именно военные были самой привилегированной частью общества, и не только потому, что носили оружие. Война служила цивилизационным фактором — это была мера, выравнивающая воюющие стороны в оружии, умениях, науках, медицине... Корпускулярные государства раскрывались для соседей именно во время военных действий, и кто не успевал идти в ногу с прогрессом, тот был разбит.

Замена кавалерии на танки привела к тому, что жертвами войн стали не только военные, солдаты, офицеры. Танки давят все живое на пути. Из танка не видно и не слышно смерти — ничьей. С самолета — тоже. Земля горит под ногами врага, но сжигает и «своих». Земля уходит под воду, когда затапливаются территории, по которым может пройти враг, — вместе со «своими». Города минируются перед отступлением — целые города, с гражданскими, с музеями, библиотеками... Военные действия направлены не только на уничтожение вражеской армии, но и на уничтожение населенных территорий — городов, деревень, поселков, хуторов. Хлеба, воды, тепла, медицины. Техника, которая служит всему этому, отвечает заказу бить без разбора и убивать как можно больше. Неважно кого. Сегодняшнее оружие не просто смертоносно и неразборчиво — оно полностью совпадает с доминантами беспредельного господства. Техника виновата? Она же служит? Логика развития, история изобретений, последовательность технологий, открытия дьявольских сил природы? Да нет. Повторю еще раз: техника — это язык, на котором разговаривают люди.

В самом конце XIX в. М. А. Энгельгардт опубликовал книгу «Прогресс как эволюция жестокости», в которой привел многочисленные исторические примеры того, что технический прогресс и эволюция человека вели отнюдь не к смягчению нравов, а к нарастающей жестокости (Энгельгардт, 1899). И хотя он считал, что к концу XVI в. эта тенденция постепенно ослабевает, последующие события XX в. подтвердили основную посылку — жестокость в войнах, в орудиях и в замыслах людей только возрастала.

С тех пор прошло 100 с лишним лет. Военная техника стала настолько совершенной, что готова уничтожить все живое на Земле. Она представляет угрозу всему, в том числе и самой себе: уничтожив человека, техника лишится и своего хозяина, своего конструктора, своего командира. Казалось бы, достигнутый предел возможности уничтожения сделает бессмысленным саму идею, саму мысль о войне, о военном способе общаться друг с другом. Более полувека здравая мысль о неприемлемой возможности взаимного уничтожения как-то сдерживала политиков и военных от полномасштабных столкновений. Войны допустимы, но там, на нижнем этаже, где нет угрозы массового поражения, где у «холопов чубы трещат», а «паны» свысока наблюдают за локальными конфликтами. Ядерные державы сдерживают мир не от войн, насилия, агрессии и жестокости, а от неприемлемой угрозы самим себе, своему могуществу и благополучию. И вот это время миновало. Ядерные державы всерьез примеряются к вооруженным конфликтам ниже порога взаимных ядерных ударов, вполне допуская при этом использование тактических, т. е. «слабых», ядерных ударов. Техника опять идет впереди, опережая всего на один шаг словесные разборки политиков. Она готова, она уже изобретена, из-

готовлена и поступила в армии. Осталось намного подождать... Так что же, она сама себя изобретает, производит и применяет? Приблизительно так же обстоят дела и с историей техники передвижения — от примитивных открытий колеса и паруса к космической и воздушной летательной технике — запрос на изобретение всегда связан с социальной потребностью в ней. Медицинская техника диагностики и лечения ближе к индивидуальному запросу, но многократно умноженному в силу массовости заболеваний.

Формализация отношений между людьми, отчуждение, ритуализация жизни, массовые реакции на массовые события подготовили почву для почти полной передачи «человеческого, слишком человеческого» оцифрованным алгоритмам искусственного интеллекта, который лучше нас с вами воспроизводит стандартные решения стандартных задач. Разговоры о «субъектности» человека, о его конструктивности, ответственности, автономии постепенно теряют смысл, поскольку выясняется, что, передав «машине» (ИИ) «часть» своего существования, у людей ничего не остается, поскольку они были пусты уже задолго до акта передачи. Они готовы без оглядки и без рассуждений следовать любым командам, от кого бы они ни исходили: от естественного или искусственного интеллекта или вообще не от интеллекта, а от иных инстанций, лишь бы таковая инстанция обнаружилась и была убедительной. Прежние отношения человека и техники перевернулись. Слегка утрируя, можно сказать: субъектностью обладает теперь не человек, а техника, она диктует человеку и образ мыслей, и образ жизни, и образ самого человека. Только это уже совсем не та техника, которая терпеливо ждала в цеху или в поле своего оператора, чтобы начать работать. Эта техника сама себя включает, сама работает, корректирует свои движения, учится на своих ошибках, а в случае необходимости приглашает человека что-то исправить. Эта техника сочиняет музыку, пишет стихи и переводит с языка на язык.

ЗАВТРА

Вот в чем состоит глобальный поворот современности. Человек опять стоит рядом с техникой, только уже не как господин, а как партнер. Техника, технологии остаются посредниками между общающимися людьми, но роли акторов в этом общении радикально изменились. Если письмо, стрела или пуля были обращением одних людей к другим без посредничества искусственных интеллектуальных систем, то сегодня коммуникации в производстве, культуре, медицине, войне и в быту немыслимы без «цифры», без поддержки стремительно развивающихся систем ИИ. И если кто-то программирует, производит и разрабатывает продвинутые «математики» для ИИ, то основная часть пользователей уже подчинена «цифре», ИИ, включена в виртуальную реальность в качестве потребителей. Вслед симбиозу науки и техники в феномене технонауки формируется симбиоз техники и человека в нечто подобное техночеловеку — в этом проявляется коэволюция человека и техники.

Речь идет всего лишь об описании тренда. Естественным продолжением его в будущее является полное вытеснение человека из этого взаимодействия. Все это понимают, и все ломают головы, как остановить логику истории, логику, согласно которой человек в скором времени станет подчиненным существом и уже даже не партнером. История раздвоилась — история человека отделяется от истории техники. Напомню, что техника была языком, на котором общаются люди, но теперь

структура этого общения усложняется. Техника начинает общаться сама с собой, не без участия человека, но с более высоким коэффициентом автономии. Коммуникативный дуализм распался, появляется третье звено — цифросфера, одинаково принадлежащая и миру техники, и миру человека. В этой сфере, изначально рукотворной, гнездятся потенции, не просто не предусмотренные создателями, но и опасные для всей структуры тройственной коммуникации.

Как этого избежать? Две группы аргументов. Этого не произойдет, поскольку машина без человека не сможет занять лидирующее положение, — это первая позиция. Вещественный, материальный компонент — кварц — не производит свободы и интуиции. И вторая — мы, люди, такие умные, что просто не допустим такого развития событий. У нас всегда будет способ поставить барьер на пути опасного саморазвития ИИ. Ни тот, ни другой аргумент не кажется убедительным. Первый аргумент пока еще сохраняет свою силу, до тех пор пока элементная база компьютеров не будет основана на биопроцессорах. А второй — опровергается, к сожалению, тем обстоятельством, что все, что может быть изобретено и сделано, изобретается, делается и находит пользователя. Человеческая любознательность и возможный барыш — непобедимая связка мотиваций, преодолевающая любые разумные доводы о том, что стоит остановиться, пока не поздно.

Проблема наделения ИИ моральными или просто нормативными тормозами сталкивается с опасностью наделения ИИ свойствами естественного интеллекта (ЕИ). Ведь если бы ИИ был бы похож на людей, тогда и впрямь был бы ужас — зависть, жадность, эгоизм, соперничество, интриги, да мало ли у людей пороков? Больше, чем добродетелей! Как справедливо отмечает А. Г. Игнатьев, «внедрение… неких “универсальных” и якобы “человекоподобных”, автономно действующих ИМА (искусственный моральный агент. — *А. В.*) (вне контроля со стороны человека) в мультифункциональные цифровые экосистемы, которые будут влиять на сферу управления, социальную политику государственных институтов, на развитие медиапространства и СМИ, на формирование “молодых умов” в образовательных процессах, на работу телемедицинских систем и т. п., представляется безответственным и незрелым решением» (Игнатьев, 2024: 92). У людей интеллект смешан с эмоциями, страстями, сиюминутными состояниями и соображениями. Естественный интеллект неотделим от них, от личного опыта целостной личности. За словами стоят личные или коллективные интересы. Или «ценности», с точки зрения ИИ, абсолютно необоснованные предпочтения и приоритеты. ЕИ озабочен не столько делом, сколько собственным комфортом, сохранением в неизменности и снисканием все новых и новых ресурсов для себя. По сути, ЕИ очень эгоистичен. И при этом всегда любит приврать и обмануть публику, когда ему это удается и не предвидится наказаний за интеллектуальное шулерство.

В каком-то смысле отношения человека и техники вернулись к исторически пройденному этапу. Напомню свой основной тезис: техника есть средство общения людей. Когда самыми главными в жизни людей были боги, тогда и общение людей шло опосредованным образом через богов. Гигантские постройки прошлого — пирамиды, храмы, выбитые из цельных скал или гор, истуканы острова Пасхи, памятники культуры майя, Стоунхедж, даже наш Соловецкий монастырь, сложенный из исполинских валунов, и многие другие задавали масштаб представлений древних народов о силе, о мощи, о святости своих небесных покровителей. В русских селах деревянные домишки, тесные, убогие, невзрачные, соседствуют с бело-

каменными хоромами с позолоченными маковками и фантастическими росписями храмов, в которых никто, кроме Бога и его приближенных, не живет. То есть люди шли на сознательную аскезу ради высшего, святого, сильного, чтобы под его крылом примоститься кое-как со своей грешной и непритязательной жизнью. И этот компромисс, это разделение и согласование уделов жизни держало социумы в течение многих веков.

Сегодня перед человеком опять возникла сила, превосходящая его многократно и безоговорочно, — ее величество Цифра. Ее потенции безграничны, ее динамика головокружительна, ее перспективы и заманчивы, и чреваты катастрофами. Она бог современности. Люди давно уже общаются друг с другом через посредство цифровых технологий, так же как древние люди проживали в Боге и общались через него. Цифре принадлежит такая же огромная роль в современности, как и богам в прошлом. Адам Гринфилд (Гринфилд, 2018) ярко показывает, насколько современный человек зависит от цифровых гаджетов. Но отношение к цифре — отнюдь не религиозное, скорее даже инструментальное, утилитарное, чем сакральное. Многие специалисты и еще больше неспециалисты размышляют над тем, как взаимодействуют люди и цифровые технологии, что происходит и будет происходить в их совместной жизни. Например, как скажутся депривatизация и десубъективизация на самочувствии человека, на его личности? Не станет ли ИИ ограничивать автономию и ответственность человека? Насколько возможен контроль над ИИ, как обеспечить прозрачность и подотчетность цифровых систем? Но не менее важно, а может быть, и важнее — продумать ценностные, телеологические перспективы, попытаться построить смысловое пространство, лежащее за инструментальным отношением к цифре, построить «четвертый мир», если воспользоваться образом К. Поппера, или метафизику Цифры, которая одновременно будет и метафизикой Человека.

Будет ли это возвращением к уже изрядно дискредитированной идее природы человека, или построением какой-то новой иерархии существ, распоряжающихся жизнью, или тотальными запретами на инновации — все зависит от того, как сложатся отношения между самими людьми, какой язык общения они выберут и признают общим, какие приоритеты возобладают в их исторических деяниях.

Одна из таких попыток предпринята А. С. Ильиным. Он также основывает свои рассуждения на исторической схематизации, что позволяет выявить основной тренд эволюции техники. О ней шла речь выше. Но выводом из этой схематизации стала идея нового смыслового пространства, возникшего вместе с ИИ: «Постчеловеческая персонология представляет собой философский проект переосмысления оснований субъектности в условиях, когда традиционные границы между человеческим и нечеловеческим, естественным и искусственным, индивидуальным и коллективным становятся проницаемыми. <…> — Реляционная онтология. Личность понимается не как субстанция, но как узел отношений, которые могут включать не только других людей, но и технологические системы, природные объекты, символические структуры. <…> — Процессуальность. Личность — не данность, но непрерывный процесс становления. Взаимодействие с ИИ может быть понято как новый вектор персонального становления, открывающий неизвестные ранее возможности самореализации. — Трансцендирование без утраты личностного ядра. Целостность бытия достигается не через отказ от индивидуальности, но через ее предельную реализацию. — Этическая первичность. Сохраняется примат этического отно-

шения — ответственности перед Другим, которым теперь может быть и искусственный агент… — Смысловая креативность. Человеческое определяется не через набор способностей (которые могут быть воспроизведены), но через способность создавать новые смыслы, открывать неизвестные измерения бытия. ИИ может быть инструментом такого открытия» (Ильин, 2025: 243). Программа намечена довольно обширная, остается добавить к ней несколько важных тематизаций.

Телеология Цифры — проблема возникновения целей: возможны ли выработка и преследование целей в самом ИИ и насколько такие процедуры могут контролироваться? Как вообще определить предел, за которым самостоятельность ИИ угрожает человеку, превращая ИИ в автономный и самодостаточный механизм принятия решений и действий?

Отношения с человеком — телом, организмом, психикой, ментальностью, человеком как социальным существом, человеком как творцом. Конструирование тела благодаря биотехнологиям, выращиванию и пересадке тканей, редактированию генома, нейрофизиологическим вмешательствам уже сами по себе настолько радикальны, что вызывают настороженность со стороны консервативно настроенных кругов. Что уж говорить о проектах ментального и этического улучшения человека, коррекции психики, потери субъектной идентичности и конкуренции со стороны ИИ в творческих видах деятельности… Киборги как ступень развития симбиоза человека и техники будут обладать свойствами и человека, и технических устройств. Как это может сказаться на социальном устройстве? Насколько они будут недосягаемы для «обычных» людей в общественном организме и в важнейших сферах жизнедеятельности?

Отношения с миром ментальных предметов — познание, управление, эстетика, ценности. Если ИИ — это оперирование информацией, то как скажутся в его действиях такие разные роды идеальных предметов, как эстетические артефакты, ценностные суждения, управленческие решения, правовые и этические нормы? Если ИИ выгодно продает картины собственного производства, то каковы судьбы массового искусства и его творцов? Может быть, мы узнаем о победах и свершениях ИИ в производстве знаний и артефактов уже постфактум, безо всяких предварительных команд и запросов? Такое впечатление, что осмысление взаимоотношений людей с ИИ отстает от темпов развития последнего[4], поэтому очень важны опережающие концепции об управлении Цифрой и элиминации рисков, с ней связанных.

И наконец, тема угроз и рисков, которая активно обсуждается на всех уровнях научных и ненаучных дискуссий должна постоянно присутствовать в зоне внимания, поскольку динамика роста и развития ИИ несопоставима с неповоротливостью институтов социального контроля. Это становится наглядным при знакомстве с концепцией общества 5.0. Ее авторами считаются Норицугу Уэмура (Уэмура, 2017) и А. И. Агеев (Агеев, 2021). Российские авторы комментируют их позицию следующим образом: «…они описывают ключевые параметры общества, которое должно возникнуть после информационного общества. Выделяется шесть признаков общества 5.0: равенство цифрового и реального мира, возможность создания своего комбинированного мира для каждого члена общества, снижение зависимости человека от человека, превалирование цифровых коллабораций над реальными, уменьшение весовой доли человека в структуре себестоимости при производстве материальных благ при увеличении аналогичной доли в создании объектов интеллектуальной собственности, существенное возрастание количества компе-

тенций у каждого отдельного члена общества при сокращении цикла жизни каждой компетенции в целом (Эволюция общества ... , 2022: 31).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, надо еще раз подчеркнуть, что техника, представленная в виде ИИ, продолжая оставаться коммуникативным средством общения людей, приобрела принципиально новые и очень важные свойства, внедряясь в глубочайшие структуры бытия и мышления, определяя конфигурацию сообществ людей и персональную идентичность человека, стала квазисубъектом исторического процесса. Это серьезный вызов современной эпохи. Под вопросом оказывается сама субъектность человека как деятеля, которая была незыблемой на протяжении тысячелетий. Остается надеяться, что приставка «квази» сохранится как можно дольше.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эта позиция выявляет родство техники и наук о природе. Техника считается приложением науки, а законы природы диктуют человеку законы его деятельности посредством техники.

[2] Согласно этой позиции, техника есть продолжение и развитие сперва органов человеческого тела и затем и органов коллективного тела, понимаемого как мегамашина.

[3] Социальную сущность техники усматривают в системообразующей роли техники в общественном организме как противостояние общества и природы, как детерминанты социальной стратификации и создания искусственной среды.

[4] «Наблюдается отставание человечества в осмыслении и оценке всего комплекса социогуманитарного воздействия технологий ИИ на человека, общество и биосферу; без доказательного анализа такого воздействия разрабатывать моральные регуляторы для техники и конструировать ИМА представляется затруднительным» (Игнатьев, 2024: 90).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев, А. И. (2021) Ойкумена искусственного // Экономические стратегии. Т. 3. № 4 (178). С. 1–5.

Войцехович, В. Э. (2024) Существует ли творчество ИИ — главный вопрос философии ИИ // Философия и культура информационного общества. Тезисы докл. Двенадцатой Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т аэрокосмического приборостроения. С. 59–61.

Воронин, А. А. (2006) Миф техники. М. : Наука. 200 с.

Воронин, А. А. (2020) Техника 1-2-3 // Философия науки и техники. Т. 25. № 1. С. 96–109.

Воронин, А. А. (2018) Об исторических основаниях техники и мышления // Мир психологии. № 4 (96). Октябрь — декабрь.

Георгиу, Т. С. (2022) Философия автоматизации и искусственного интеллекта: от мифологического Талоса до будущих киборгов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. № 1. С. 68–75.

Гринфилд, А. (2018) Радикальные технологии: устройства повседневной жизни. М. : Дело. 424 с.

Игнатьев, А. Г. (2024) Этика и проблемы искусственного интеллекта // Этическая мысль. Т. 24. № 1. С. 87–100.

Ильин, А. С. (2025) ИИ-революция как качественно новый тип технологической трансформации в истории цивилизации // Социально-гуманитарные знания. № 8. С. 241–251.

Мамфорд, Л. (2001) Миф машины. Техника и развитие человечества. М. : Логос. 408 с.

Уэмура, Н. (2017) Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегия. № 4. С. 122–131.

Эволюция общества в свете философии техники (2022) / А. Ю. Нестеров, А. В. Дорошин, А. В. Никоноров [и др.] // Философские науки. Т. 65. № 2. С. 7–32.

Энгельгардт, М. А. (1899) Прогресс как эволюция жестокости // [Соч.] М. А. Энгельгардта. Санкт-Петербург : Изд. Ф. Павленкова. 209 с.

Kapp, E. (1877) Grundlinien einer Philosophie der Technik. Braunschweig : George Westermann. 360 p.

Дата поступления: 02.08.2026 г.

CHANGES IN THE COMMUNICATIVE ROLE OF TECHNOLOGY

A. A. Voronin
RAS Institute of Philosophy

The paper provides an idea about the changing role of technology in the life of human and society, which is associated with artificial intelligence and the digitalization of communicative systems. The aim of the research is to show that the development of technology should be considered not as linear evolution but as a language of communication among people that changes forms of relations and value orientations. The historical context of these changes is the change of civilizational epochs based on the use of "materia prima": consequently, first natural matter, then — power, later — information. Technology is interpreted as a cultural element, to be more exact — as a communicative strategy, ensuring the exchange of activity, mental content, and social relations. In the bundle "human — technology" the latter had the role of the object of activity up to the current stage of operating bio- and neuroprocesses, when artificial intelligence and technology based on it acquire fundamentally new, subjective functions. Using the example of the evolution of armaments, the gradual change of the relations "subjectivity — objectness" of human and technology is illustrated. The communicative dualism has disintegrated; the third link appears — the digital sphere, belonging both to the world of technology and to the world of human. In this sphere, potentials are identified that are dangerous to the entire structure of the tripartite communication. Problems arise regarding control over AI, ensuring transparency and accountability of digital systems. The problem of developing the metaphysics of the digital era is being posed, considering the humanistic interests and needs of human, his value-oriented, teleological perspectives.

Keywords: technology; communication; human; language; armaments; subject; object; digit; artificial and natural intelligence; metaphysics

REFERENCES

Ageev, A. I. (2021) Ojkumena iskusstvennogo. *E`konomicheskie strategii*, vol. 3, no. 4 (178), pp. 1–5.

Vojcexovich, V. E. (2024) Sushhestvuet li tvorchestvo II — glavny`j vopros filosofii II. *Filosofiya i kul`tura informacionnogo obshhestva*. Tezisy` dokl. Dvenadczatoj Mezhdun. nauch-prakt. konf. St. Petersburg. Pp. 59–61.

Voronin, A. A. (2006) *Mif texniki*. Moscow, Nauka. 200 p.

Voronin, A. A. (2020) Texnika 1-2-3. *Filosofiya nauki i texniki*, vol. 25, no. 1, pp. 96–109.

Voronin, A. A. (2018) Ob istoricheskix osnovaniyax texniki i my`shleniya. *Mir psixologii*, no. 4 (96) Oktyabr`—dekabr`.

Georgiou, T. (2022) Filosofiya avtomatizacii i iskusstvennogo intellekta: ot mifologicheskogo Talosa do budushhix kiborgov. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 1, pp. 68–75.

Greenfield, A. (2018) *Radical Technologies: The Design of Everyday Life*. Moscow, Delo. 424 p.

Ignat`ev, A. G. (2024) E`tika i problemy` iskusstvennogo intellekta. *E`ticheskaya my`sl`*, vol. 24, no. 1, pp. 87–100.

Il`in, A. P. (2025) II-revolyuciya kak kachestvenno novy`j tip texnologicheskoj transformacii v istorii civilizacii. *Social`no-gumanitarny`e znaniya*, no. 8, pp. 241–251.

Mumford, L. (2001) *The Myth of the Machine: Technics and Human Development*. Moscow, Logos. 408 p.

Ue`mura, N. (2017) Obshhestvo 5.0: vzglyad Mitsubishi Electric. *E`konomicheskie strategiya,* no. 4, p. 122–131.

E`volyuciya obshhestva v svete filosofii texniki (2022) / A. Yu. Nesterov, A. V. Doroshin, A. V. Nikonorov [et al.]. *Filosofskie nauki*, vol. 65, no. 2, pp. 7–32.

E`ngel`gardt, M. A. (1899) Progress kak e`volyuciya zhestokosti. *[Soch.] M.A. E`ngel`gardta.* Sankt-Peterburg, F. Pavlenkov Publ. House. 209 p.

Kapp, E. (1877). *Grundlinien einer Philosophie der Technik.* Braunschweig, George Westermann. 360 p.

Submission date: 02.08.2026.

Воронин Андрей Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: 8 (495) 697-90-67. Эл. адрес: bioethics@list.ru

Voronin Andrey Alekseyevich, Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: 8 (495) 697-90-67. E-mail: bioethics@list.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.6

Живой мир и цифровые технологии в призме человекоразмерности

Е. И. Ярославцева

Институт философии РАН

В статье поставлена проблема формирования адекватного научного подхода к пониманию современных стремительно развивающихся кибертехнологий. Показано, что они требуют применения междисциплинарного человекоразмерного подхода, который опирается на новейший принцип отечественного философско-гуманитарного исследования — постнеклассический тип рациональности (В. С. Степин). Исследуется, как кибернетика, известная и широко используемая в производстве еще с советских времен, постепенно обогатилась методами информационно-цифровых коммуникаций, сетями и устройствами, которые интенсивно вовлекают человека в новые практики общения, влияющие как на понимание мира, так и на жизненные перспективы. Это порождает новые вызовы: живой мир оказывается в оболочке программно-цифрового кода, а индивид — в киберимитации. В этом контексте социально значимым фактором стала социогуманитарная экспертиза, в поле зрения которой – индивидуальное здоровье человека, баланс аналоговых и цифровых устройств и сред, разработка принципов безопасности сетевых ИИ-технологий. Критически важны безопасные технологии в сфере образования.

Ключевые слова: постнеклассическая наука; методология человекоразмерности; аутопоэзис; ресурсы человеческого интеллекта; благо/риски; электронные цифровые устройства; сетевые имитации; социогуманитарная экспертиза

ВВЕДЕНИЕ

Имея традиционные, исторически значимые корни общинной жизни, сосуществования с народами, жившими по разным культурным укладам, российский социум накопил большой потенциал обновления. И в XXI веке это уже стало пониматься как соответствующие, порожденные биологической экосистемой, природные модели коммуникации, в которых заложена практика соразмеренного со средой бережного взаимодействия, сотрудничества и коллективного построения отношений. Они стали базовыми для созидания нового мира советского человека, поскольку общинно-бытовой мировоззренческий подход хорошо транслировался новым поколениям, а в научном поиске передавался как социальная идея строителей нового общества. Потенциал к созиданию нового человека был высок, и современное поколение использует то, что было заложено предшественниками в области науки (НТР) и личного творческого потенциала, созидателя нового. При этом ясно, что технологии дают человеку новые возможности, но требуют значительного приложения усилий. Важно оценить эти знания и практику, сохранив основные социальные идеи – развитие технологий, творческого потенциала человека, осознание им своих интересов.

КОРНИ СОВРЕМЕННЫХ ДОСТИЖЕНИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЙ

В институтах молодой Российской академии наук (1917 г.), наследницы Санкт-Петербургской академии наук (1724–1917), сотрудники стремились продолжать исследования, расширяя свою деятельность на общее благо, ликвидацию безграмотности, просвещение, а также общее образование для всех народов молодой республики. Это давало свои плоды, особенно при вовлечении молодежи в широкое профессиональное инженерно-техническое образование. Важно обратить внимание и на то, что в России складывалась инженерная школа и практика самолетостроения, идеи пилотирования и «ракетоплавания», и поэтому тематика космических полетов была у молодежи в России популярна уже с начала 20-х гг. Для обретения молодыми людьми новых знаний издавались книги для «вольного чтения», которые развивали сознание, алгоритмическое мышление, инженерное творчество, позволяющее строить новую жизнь. Их вдохновляло развертывание государственного Плана по электрификации России (ГОЭЛРО), предназначенного для создания общего народного хозяйства, который не оставлял сомнения, что работа и жизнь пойдут по-новому. Ранние периоды созидательного творчества в новом мире были всем очевидны и хорошо понимаемы каждым человеком, участвовавшим в реальной практике, что давало высокий образовательный эффект. И научно-техническая революция (НТР), начавшаяся в формате микроэлектроники уже в середине XX столетия, усиливала потенциал общества, стремившегося решать задачи управления и, соответственно, разрабатывала необходимые кибертехнологии. К этой важнейшей ответственной задаче подключались практически все, что не просто давало эффект от коллективной деятельности, но и приводило к проработке идей по организации сложного социально-производственного комплекса, в котором воспроизводился опыт общинного самоуправления, дружественных отношений и социального взаимодействия, характерных для советского социума. Оно показало себя в тяжелых испытаниях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., завершившихся Победой, отстоявшей жизнь для многих поколений.

Однако сама жизнь не становилась проще, поскольку раскрывался новый технологический потенциал общества и назревали новые противостояния развивающихся социальных структур. Науке предстояло искать модели развития, где выигрывать должна была жизнь. Несмотря на испытания, наука в СССР 50-х гг. опиралась на высокий уровень производительности труда.

Важно, что ученые стали заниматься уже не только изобретением и производством новых изделий, но и связями: новые инженерные технологии требовали развития коммуникаций, а точнее — моделей планирования и в конечном счете учета межиндивидуальных взаимоотношений, т. е. упорядочивания все более мелких, дробных процессов эффективного производства. Так, в научно-исследовательских теоретических работах стали находить свое место параметры качества не только для деталей, но и для человека, его связей и отношений, когда можно было опираться на представления о производстве действий, где в обязательном порядке имелся аутопоэтический человек, активный субъект. Здесь возникает перекличка с биомеханикой и концептом «двигательных отправлений» (Бернштейн, 2008: 12), что позволяло, фиксируя точки на теле, отслеживать особенности движения человека во время моделирования процесса его труда. Отсюда хорошо просматривалась идея создания автоматов для использования их вместо человека в рискованных трудовых операциях. Почти 80 лет назад эта практичная идея, отличаясь новизной, вошла в практику, а сегодня она уже банальна. Данное устройство представляло просто функциональную модель, поверхностно имитирующую живое существо, человека.

ПРАКТИКИ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Такой подход к моделированию может быть рассмотрен как историческая закономерность: поиск, практико-познавательное моделирование, эксперимент как мысленное расширение образа или технологическая имитация человеком себя как объекта. Диапазон подобных расширяющих углублений мог быть достаточно оригинальным. В этом поле хорошо помогали понятия кибернетики, практики программирования. Однако новую перспективу выстраивали все же эффективные технологические разработки в области микроэлектроники, математических вычислений, совершавшихся ЭВМ. «Новые точки зрения и по-новому ставящиеся проблемы, связанные с развитием кибернетики, властно захватили и мышление физиологов», — писал известный советский ученый Н. А. Бернштейн в своем очерке 1961 г. (Бернштейн, 1961). Понятно, что управленческие кибертехнологии, как и все в обществе, рождались на использовании мощных ресурсов, уникальных достижений в области широкой электрификации и атомной энергетики.

В научных институтах, как правило, не было кабинетных теоретиков и исполнителей — фактически все были практиками, генерирующими новое видение и воплощавшими его своими инженерными разработками. И среди специалистов уникальных производств, разработок будущего возникало серьезное соревнование, конкуренция-сотрудничество. При научном взаимодействии подобные коммуникации, достаточно распространенные в научной среде, осознавались как естественная форма творческой деятельности: она моделировалась как деловая товарищеская критика. Именно в таких исследованиях «на перегонки» возникала возможность новых научных прорывов, как, например, запуск советского спутника, полет человека в космос, создание атомохода. Такой напряженный интеллекту-

альный труд, творческий инжиниринг, был непрост, но ценен, поскольку каждый хорошо понимал цели и задачи этой деятельности.

Важно отметить, что едва ли такую коммуникацию можно смоделировать, воспроизводя ее в киберимитации, поскольку она построена не на математике, а на взаимоисключающих биологических алгоритмах, когда одновременно действуют и возбуждающие, и тормозные процессы. Это нагрузки, которые способен выдержать только человек. В жизни он сталкивается не просто с изобретательской задачей, но с вызовом, в рамках которого проявляется «абсурд» с точки зрения нормального функционирования: феномен «дипластии»[1], при котором в эмоциональном фоне человека сосуществуют взаимоисключающие факторы (Поршнев, 2013: 506). Это сверхнагрузка на индивида, подвергающая его жизнь реальному риску, вскрывающая внутренний потенциал человека, чего он в себе изначально и не подозревал. В историях творческого поиска всегда есть примеры, когда предельные состояния ведут к действиям за границами нормы. Они не могут быть внятно объяснены, сразу осознаны, их можно только принять к сведению как некоторую данность. И этот предельный алгоритм не может воссоздаться в кибермодели, поскольку счетно-вычислительные соотношения не порождают живое, не возникает «жизнеспособность» машины. Ее потенциал — в расширении производства электрических мощностей, что в экосистеме СССР открыло еще один мировой феномен научно-технической революции (НТР) — развитие полупроводниковой индустрии, которая создала основу перехода от аналоговых электронных технологий к цифровым машинным исчислениям на основе программного кодирования.

ЧУДЕСА АНАЛОГОВЫХ И ЦИФРОВЫХ ИМИТАЦИЙ

В социуме происходила качественная трансформация технологий отображения реальности. Аналоговый сигнал генерировал аудиовизуальный образ как инвариант воспринимаемого человеком реального мира, не внося искажений в когнитивный процесс, не мешая возможности углубления практики познания. Но цифровой продукт, получаемый посредством математического исчисления, имея иную природу, в принципе не может создать онтологически адекватной информации. Код-программа порождает поток сигналов, отражающий материальный процесс обработки информации, — так генеративный интеллект создает специфически обработанный цифровой след, который собирается в Big Data и приспосабливается для аудио- и визуального восприятия человеком. Запросы по генерации текстов или изображений будут уже вторичными имитациями от накопленной информации. Многое может стать понятным через изучение систем измерений, в которых фиксируются природные объекты, что издавна осуществлялось через органопроекцию, породившую, по формулировке В. С. Степина, внешнее «неорганическое тело человека» (Степин, 2015: 14), что было характерно для многих культур. Как правило, это были телесные системы измерения, находившиеся между собой в соотношении «золотой пропорции», которые очевидным образом были зафиксированы в известном изображении мужчины — витрувианском человеке Леонардо да Винчи.

Изначально цифровые процедуры сводились к машинной имитации человеческой способности восприятия мира через случайные имитативные «реакции» системой «перцептрон» Ф. Розенблатта[2] (Розенблатт, 1965), у которой выявились принципиальные ограничения, найденные М. Мински и С. Пейпертом (Мински, Пейперт, 1971). При этом был проявлен не природный процесс саморазвития,

а конструкторская идея, связанная с электронной активностью машины. По существу, это отмеченное ранее технорасширение по В. С. Степину «неорганического тела человека» (Степин, 2015: 14) , а в психологическом контексте — проекции человека на окружающую среду, интерес, порождаемый стремлением к познанию живого мира. Но в получаемых нейроимитациях, в результате вычислительной геометрии, такое стремление утрачивается и допустим лишь внутренний регистрационный процесс. Тогда неизбежен вопрос: как возможно столь некритически мыслить, отождествлять живой мозг с конструкцией, системой электронных связей, обслуживаемой программируемым устройством? Важно отметить, что человеческая культура всегда открывает перспективы для развития человека, но в данном случае происходит схлопывание когнитивных перспектив, творческих форм мыслительной деятельности, когда приоритет отдается кодирующим программам для новейших устройств. Все это настоятельно диктует необходимость определения меры использования цифровых машин в интенсивно развивающемся социуме и разработки человекоразмерных технологий, чтобы выявить эффективный потенциал цифровой техносреды, уровень содержания рисков для онтологических природных начал в развитии человека.

ПОТЕНЦИАЛ ПОСТНЕКЛАССИКИ

Социум не развивается без кризисов, без серьезной конкуренции, и мы видим, что область познания, интеллектуального труда является сегодня такой же важной, как и то, что создается в преобразующейся природе. Человеческий интеллект, потенциал знаний, а также изобретение новейших технологий расширения собственной деятельности за пределами земного пространства — все это является конкурентной задачей. Здесь не просто используются ресурсы науки, они предварительно должны быть созданы, становясь в ближайшем будущем основой для новых продвижений. Но такую логику развития творческого потенциала человека мы можем видеть именно на исторической дистанции, когда собраны все данные и многие формы имитации реальности уже перестали быть значимы. Современные российские исследователи во многом следуют традициям работы советских ученых уже просто потому, что живут в стране, которая является наследницей СССР. Новые поколения россиян могут наследовать их знания в системе отечественного инженерного образования, постепенно возвращающейся к прежде эффективным критериям и моделям, усиливая научно-критический подход к получаемым результатам.

Постнеклассическая парадигма философского научного знания появилась и была сформулирована в конце XX века в исследованиях типов научной рациональности (Степин, 2003: 678), которая была воспринята научным сообществом как новая и продуктивная модель получения знания, где учитывался фактор человека. Классическая модель, как известно, человека элиминировала, изначально не признавая его как значимый фактор. Как писал академик Степин, «новые мировоззренческие идеи возникают в качестве своеобразного резонанса современной науки, создаваемых в них картин мира, с другими областями культурного творчества» (там же: 678). Новая парадигма опиралась на наличие противоречивых явлений в развитии науки, которые потенциально всегда приводят к развитию, пробуждают сомнения и побуждают к поиску новой научной оптики. «Онтологией этого нового типа рациональности выступают представления о целостном космосе, органично включа-

ющем человека, представления об объектах действительности как исторически развивающихся “человекоразмерных” системах, обладающих “синергетическими” свойствами» (там же: 680). Отечественные философы, исследующие проблему синергетики, выделили особенности отношения к миру классического научного подхода, которое, по их мнению, выражалось «в обездушивании мира» (Аршинов, Киященко, Тищенко, 2002: 256) различными представителями сциентизма.

Это утверждение точно отражало реальность. Но до этого мало кто обращал серьезное внимание на то, что в формировавшейся науке, уже на ее раннем, классическом этапе, был заявлен принцип элиминации человека. По существу, это была осознанная и посильная методологическая установка для исследователей того времени, которые в XVII веке, создавая науку как альтернативу религиозному мировоззрению, искали новый принцип поиска истины, накопления знаний о природе. Изначально это происходило в форме институции под покровительством Лондонского королевского научного общества. После этого и во Франции было создано аналогичное научное общество, что показал факт усиления критической интеллектуальной линии в исследовательской практике. Однако эта традиция «объективистского» научного знания плохо согласуется с результатами исследований (например, в области квантовой физики) и социокультурными процессами второй половины XX и начала XXI века. И философы, исследующие процессы синергетики, подтверждают, что «современные познавательные процедуры и практики, ранее ориентированные на отстраненное, объективное описание реальности, обнаруживают свою ограниченность» (Степин, 2003: 678).

В целом появление научного, критического знания было результатом расши-рения последовательной логической деятельности, интеллектуальной практики, которая собирала и обобщала информацию о природе и мире. В рамках этого подхода открыто немало закономерностей (напр., физика Ньютона), но они были сфокусированы на изучении деятельности не конкретного человека, а демиурга (т. е. творца природного мира), что вполне естественно для того периода. Исторически конкретный подход показывает, что, изучая данные о природе, ученые фактически не касались вопроса о своей собственной активности в этом поиске, в деле первооткрывателя, и это, соответственно, не становилась равноценным предметом их внимания и изучения. Все самозабвенно погружались в исследование, устремлялись к своим целям, открытия происходили на эмоциональном увлечении как раскрытие тайн окружающего мира, что может сейчас восприниматься скорее как стихийная деятельность. Это было по-своему практично: попытка изучать секреты Творения может рассматриваться как выход за пределы возможного, и на этом фоне своя собственная, наполненная трудами и рисками деятельность, не получала высокой самооценки.

Понятно, что в интеллектуальной исследовательской деятельности XVII века не было, да и быть не могло быть сформулировано такого вопроса, как отношение человека к миру и мира к человеку. Обычный человек не рассматривался как умный и значимый, как интеллектуальная единица. Появление нового формата рациональности, постнеклассического подхода (Степин, 2015: 14), как явствует из названия, пришедшего на смену неклассическому подходу[3], кардинальным образом изменило эту ситуацию. Именно человек, его отношение к миру, стало основой научного знания.

ОБРЕТЕНИЕ СТАТУСА СУБЪЕКТА

Объективность человека, воплощенная телесность, порождающая артефакты культуры, никогда не исчезала, становилась предметом осмысления. Результаты такого подхода можно увидеть в работах современного, более близкого нам по времени, исследователя XX века М. Маклюена, который активно исследовал мир электронных технологий, считая, что посредством их происходила постоянная «самоампутация» человека, в которой он осуществлял расширение (Маклюен, 2003). Подобный подход аналогичен концепции отчуждения, разработанной еще в XIX веке в материализме Л. Фейербаха. Процесс отчуждения, по Фейербаху, — это своеобразная проекция на мир, перенос человеческих свойств во вне, на образ божества. «Чтобы обогатить бога, надо разорить человека: чтобы бог был всем, человек должен сделаться ничем. Человек приписывает богу то, что он отрицает в себе» (Фейербах, 1955: 56–57).

Научное видение ситуации, когда человек оказывался под усиленным давлением, становилось практической необходимостью. Как мы уже отмечали ранее, выдающийся советский ученый XX столетия Б. Ф. Поршнев, изучая глубинные процессы палеопсихологии, выявил уникальный и весьма древний феномен «дипластии», который возникал, когда формировались два взаимно исключающих процесса — возбуждение и сугубо человеческая способность — торможение. Возникающая перегрузка признавалась человеком как естественная жизненная реальность, приводя его к перенапряжению, порождающему «сшибку» (Поршнев, 2013). Это было не просто эмоциональное состояние: в индивидуальной реальности это онтологическая, жизненно значимая напряженность, которая становится основой творчества.

Эпоха цифровых технологий несет новые вызовы. Можно предположить, что опыт абсурдного переживания — возбуждающих и одновременно тормозящих состояний — вполне стандартный для психологической устойчивости человека в жизни, оказывается, в каком-то смысле, будничным форматом работы с противоречиями. Они могут быть даже быть продуктивными, привлекая исследователей к нестандартным подходам, которые могут неживое отождествлять с живым. Поскольку природные существа живут в логике самоорганизующейся природы и человекоразмерности культуры, то они способны в процессе природного аутопоэзиса[4] (Варела, Матурана, 2001), исследовать собственные возможности — и не только телесность, но и способность к рефлексии, накапливая опыт интеллектуальной работы, развития способности думать. Им интересно в целом понимать, как они могут, развивая гармоничные отношения с миром, искать свое собственное предназначение, держать равновесие, обретая чувство меры, покорять стихийные силы природы, выходить в космос. Советские и российские исследователи, ученые всегда держали в собственном поле зрения задачи перспективного развития общества и рачительного использования ресурсов, грамотного отношения к природе, сопряжение с ней своего человеческого потенциала.

Целостность мировосприятия была естественной чертой микрокосма российского ученого, способного одновременно мыслить междисциплинарно. Выдающийся советский и российский психофизиолог Н. А. Бернштейн, лауреат Сталинской премии за монографию «О построении движений» 1947 г. (Бернштейн, 1947), начал свои исследования с изучения трудовых движений. Родившийся еще в XIX веке, он один из первых в СССР психологов, кто начинал изучать вопросы механизмов живого движения, мышечной трудовой активности, а также понимал необходимость

создания моделей «потребного будущего». Интересуясь новыми научными гипотезами, кибернетическими технологиями, он разрабатывал и методы оценки их продуктивности. Интересно, что ученый опережал других в постановке проблем, рассматривал их в контексте коммуникаций, близких к современному пониманию цифровых технологий, кибернетики как системы управления в живом организме. Он писал: «Существенное отличие живых систем от системы неживой природы в том, что… в организме имеет место преодолевание… Живые системы непрерывно *сами создают* условия нарушенного равновесия, связывая в нераздельном единстве внесение или углубление нарушений равновесия с окружающим миром и борьбу за их минимизацию» (Бернштейн, 2008: 466). Касаясь мельчайших элементов «отправления движения», он одновременно понимал всю грандиозность происходившей в природе метаморфозы. В его высказывании зафиксирована характеристика реальности, описанной в рамках теории материалистического понимания мира: закон «единства и борьбы противоположностей», закон «перехода количества в качество» и закон «отрицания отрицания», которые через разные подходы описывают три процесса (три базовых философских закона) внутренней перестройки живой целостной системы. Вполне возможно, что человек, создавая проекцию на природу, мысленно моделировал ее под себя, угадывая пропорцию, например, «золотое сечение» как благоприятное соотношение, закрепляя его через удовлетворение важнейших жизненных потребностей определенным образом: в созидании жилища, мебели, посуды и прочих формах практики и затем, через имитацию предметного мира, отчуждал свои собственные функции, расширяя поле деятельности.

ЖИЗНЬ КАК ОТКРЫВАЮЩАЯСЯ СРЕДА

Известное понятие «отчуждения» рассмотрено в классической работе К. Маркса (Маркс, 1974). Выявляется, по К. Марксу, четыре формы такой самоотчуждающей деятельности: 1) отчуждение рабочего от производимого продукта; 2) отчуждение человека от собственной сущности; 3) отчуждение от родовой сущности и 4) отчуждение человека от человека.

Живая сила человека через труд воплощается в материальные формы, предметы, которые способные становиться товаром, противостоящим человеку. Поэтому отчуждение — часть реальности, динамичный формат отношений, который характеризует трансформации жизни человека. Фактически — это та часть его жизнедеятельности, которая показывает, как личностный потенциал человека полностью присваивается собственником средств производства, как реальные отношения связывают людей, индивидов, взаимодействующих субъектов. В конечном счете само отчуждение оказывается очень стойкой моделью связи, которая, однако, никак не проявляет себя среди других систем отношений, но становится явной, если только рассматривать ее в рамках научного подхода. Мало что изменяется, если представить, что средством производства может оказаться не такая очевидная машина, как продукт станкостроения, но небольшой объект — любое цифровое устройство (гаджет), продукт современных цифровых технологий, посредством которого один человек вступает на удалении во взаимоотношения с другим человеком, а технология связи в этом случае станет для собеседников представлять собой процесс отчуждения любых имеющихся ресурсов: времени, финансов, здоровья. Эти же технологии лежат сегодня в основе широко распространившегося феномена киберпреступности.

По существу, мы наблюдаем как происходит упомянутый выше наисовременный прогрессивный способ удаленного отчуждения, где многие абсолютно бессильны. А пользуясь термином М. Маклюена, — происходит массовая цифровая «самоампутация». Многие уже мечтают стать киборгами, чтобы слабые биологические силенки заменить на машинную мощь и в перспективе превратиться в искусственного субъекта, став носителем программного чипа, который сделает биособь неуязвимой и защищенной, а специальный чип заменит мозг. Онтогенез человека, естественный аутопоэзис, — это исчерпаемый индивидуальный ресурс природы, несущий в себе человеческий опыт выживания, выделения из животного филогенеза за счет своего интеллектуального потенциала. Он оказывается уязвим с другой стороны: новейшие устройства становятся угрозой, поскольку направляют свое воздействие на уничтожение потенциала человека, что помешает погрузиться в глубины природы и космоса. В отдельных своих чертах этот процесс напоминает аутоиммунное заболевание, где попадающий в зависимость человек не имеет сил решить эти проблемы.

И это же показывает, что личный жизненный путь в современном мире не подчинен ни алгоритмичным машинам, ни социумам. Но это скорее порождает конфликт, стресс, делая человека зависимым, не имеющим подготовки, важной для каждого пользователя. Он вброшен в турбулентную среду кибертехнологий, производственных процессов. И продуктами их являются ненадежные для человека устройства, по существу, полуфабрикаты, предназначенные быть незавершенными, постоянно обновляемыми. Цифровое «совершенствование» рождено абстрагированием от живого биологического процесса, оно скорее соответствует принципу пищевой цепочки, где происходит использование слабого сильным.

ТЕХНОМЕРНОСТЬ: БЛАГО И РИСКИ

Совершенно справедливо замечено, что «в междисциплинарных исследованиях предметно ориентированное знание и соответствующий ему познающий субъект подходят к собственным границам» (Аршинов, Киященко, Тищенко, 2002: 7). При таком фокусировании внимания на границах, к которым движется субъект, все яснее проявляется одна деталь: субъект, углубляющийся в процесс познавания, является живой системой, а собственно знание — абстрактная конструкция, носитель определенного концепта, который служит в некоторой степени возможности прогноза последующих событий. Субъект оказывается матрицей, являющейся авторским интеллектуальным продуктом, порожденным индивидуальными или коллективными усилиями. Воплощением знания становится также и материальный предмет, который являл собой итог знаниевой конструкции, порожденной живым индивидом, субъектом. Но тем не менее при множестве последующих его воплощений, копий, своеобразных расширений они уже не являются живыми. Если синергия развивающегося пространства изначально уже воплотилась как личный творческий опыт, рожденный усилиями конкретного индивида, то, например, новое создаваемое техническое устройство никак не обретет качества жизненности. Оно уже есть, существует как завершенная воплощенность. С ним может происходить только разрушение конструкции, ведущее к утилизации.

Конечно, промежуточные стадии существования цифрового устройства-полуфабриката, могут быть, в той или иной мере, закономерны. Ими тоже, при наличии подходящего источника питания, можно пользоваться. Гаджет, как и все другие

продукты современного культурного капитализма, находится в постоянном обесценивании: старение управляющих алгоритмов компенсируется обновлением и преодолевается, показывая трансформируемость устройства. Качество при этом не становится его главной характеристикой, поскольку его создает не один, а по существу, отряд специалистов, порой даже не знакомых друг с другом и не имеющих связи между собой. Программистам трудно думать о пользователях, роль которых «просто нажать кнопку» и наслаждаться открывшимися возможностями. Но факт в том, что в этом есть признаки не совершенствования программного цифрового продукта, но проведение очередных процедур, влияющих на качество полуфабриката, который исходно не является надежным при решении самых разных задач. Интересно, что в последнее время к цифровым устройствам предлагается применять не понятие «надежность», как обычно характеризуются машины, а «доверие», что обнаруживает уклонение от ответственности за созданный программный продукт.

Учитывая множество мошеннических действий, которые показывают невысокое качество настроек используемой цифровой аппаратуры, и фактическую незащищенность пользователя в Сети, ситуацию в целом можно характеризовать как наличие сетевого пространства, которое изначально несет в себе технические риски и не предназначено для неподготовленного человека. Поэтому она характеризуется как среда «нулевого доверия» (Zero Trust), основанная на принципе «Никогда не доверяй, всегда проверяй» (Астахова, 2022). Доверять можно только перепроверенному техническому инструменту, поскольку уровень динамичности обновлений с неизбежностью понижает качество материала и одновременно является необходимостью. В настоящее время человек имеет цифровой аппарат, например, «наладонный компьютер» — мобильное устройство, через которое к нему получают доступ практически все, кто имеет аккаунты в Сети, а человек при этом не защищен, поскольку не имеет возможности контролировать фейковые, вирусные регистрации.

К сожалению, предотвратить данную ситуацию невозможно, и надо специально изучать правовые подходы, снижающие внешнее давление на человека. В ином случае его надежда на успешное использование мини-вычислителя может не оправдаться: многие обоснованно ждут от цифровых устройств помощи, новейшей информации, быстрых связей и успешного общения. Новые системы коммуникации мотивируют человека на получение блага, удовлетворение собственной органической потребности уйти от рутинной занятости, сократить время решения задачи, восполнить свой эмоциональный ресурс, расширить познавательный багаж. И это далеко не полный поток взаимоотношений, но именно на нем, на удовольствии, сосредотачивается современный, гедонистически настроенный, человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о человекоразмерности, который все более раскрывает потенциал возможного развития, раскрывает механизм не только самореализации человека, но и процесс трансформации науки, выявляя более значимые факторы: свободно развивающийся человек обеспечивает развитие когнитивных функций и самоосознание в стремительно изменяющемся мире, что является основным потенциалом для развития научного знания, а значит, и благоприятное развитие социума, человеческих взаимодействий. Можно также сказать, что существует и значительный риск:

чем дольше человек сталкивался с рутинной деятельностью, тем больше он чувствовал себя машиной и осознавал свою потребность в освобождении, поскольку его природная биологическая натура порождала в нем гораздо более высокий уровень свободы, потенциально готовой к проявлению. Субъект подходит теперь и к собственным границам новым образом. Он не просто расширяет себя, он еще и создает новую свою собственную оболочку. В современной реальности развивающихся цифровых технологий, робототехнических систем, устройств и персональных аппаратов это вполне возможная перспектива. Здесь лежит поле проблем, когда мы сталкиваемся с ситуациями постоянных биотрансформаций, которые особенно активно включаются сейчас в область медицины в целях оказания жизненно важной помощи. Но при этом надо точно понимать меру, осознанно соразмеряя потребности и возможности для развития человека, понижая риски непрогнозируемых изменений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дипластия — это психологический и когнитивный феномен, при котором в сознании одновременно сосуществуют и отождествляются два противоположных, взаимоисключающих элемента. Это не просто смешение понятий, а специфическая операция мышления, при которой два элемента одновременно и различны, и связаны.

[2] Перцептрон — предложенная в 1957 г. американским психологом Ф. Розенблаттом математическая имитация системы визуального восприятия, первая модель искусственной нейронной сети. Его критики Мински и Пайперт этот процесс называли наиболее корректно – вычислительной геометрией, что является более точной технической характеристикой.

[3] Неклассический подход в науке — это тип научной рациональности, сформировавшийся в конце XIX — середине XX века и сменивший классическую научную парадигму. В. С. Степин выделял 1. классическую, 2. неклассическую и 3. постнеклассическую науку как последовательные этапы эволюции научного мышления.

[4] Аутопоэзис (от др.-греч. αντός — «сам» и ποίησις — «сотворение», «производство») — это концепция, описывающая способность живых систем к самовоспроизводству, самопостроению и репликации. Термин ввели в начале 1970-х гг. чилийские ученые Умберто Матурана и Франсиско Варела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аршинов, В. И., Киященко, Л. П., Тищенко, П. Д. (2002). Вопрос о человекомерности и трансформации науки // Философия науки и техники. Вып. 8. Синергетика человекомерной реальности. С. 256–277.

Астахова, Л. В. (2022) Модель нулевого доверия как фактор влияния на информационное поведение сотрудников организации // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. № 3. С. 13–17.

Бернштейн, Н. А. (2008) Биомеханика и физиология движений: Избранные психологические труды. М. : Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК». 688 с.

Бернштейн, Н. А. (1947) О построении движений. М. : Медгиз. 255 с.: ил.

Бернштейн, Н. А. (1990) Физиология движений и активность. М. : Наука. 494 с.

Варела, Ф., Матурана, У. (2001) «Древо познания». Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилов. М. : Прогресс-Традиция. 224 с.

Маклюен, Г. М. (2003:51). Понимание медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле. 464 с.

Маркс, К. (1974) Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит. Т. 42. С. 41–174.

Минский, Марвин, Л., Пейперт, С. (1971) Персептроны / пер. с англ. Г. Л. Гимельфарба и В. М. Шарыпанова ; под ред. В. А. Ковалевского. М. : Мир. 261 с.

Поршнев, Б. Ф. (2013). О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М. : Академический Проект. Трикста. 542 с.

Розенблатт, Ф. (1965) Принципы нейродинамики: Перцептроны и теория механизмов мозга / пер. с англ. В. Я. Алтаева [и др.] ; под ред. [и с предисл.] С. М. Осовца. М. : Мир. 480 с.

Степин, В. С. (2015) Философская антропология и философия культуры. М. : Академический проект; Альма Матер. 542 с.

Степин, В. С. (2003) Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-Традиция. 774 с.

Фейербах, Л. (1955) Сущность христианства // Избранные произведения в 2 т. М. : Госполитиздат. Т. 2. 944 с.

Дата поступления: 08.07.2026 г.

LIVING WORLD AND DIGITAL TECHNOLOGY IN THE PRISM OF HUMAN DIMENSIONS

E. I. Yaroslavtseva
RAS Institute of Philosophy

The paper identifies the problem of the formation of an adequate scientific approach to the understanding of modern fast-developing cybertechnology. The author shows that it requires implementation of an interdisciplinary approach that draws on the newest principle of the domestic philosophical-humanitarian research — the postnonclassical type of rationality (V. P. Styopin). The paper studies how cybernetics, known and widely used since Soviet times, has gradually enriched itself with methods of digital communications, networks and devices, which are intensively involving human in new practices of communication influencing both the understanding of the world and life prospects. This creates new challenges: the living world finds itself enveloped in a software-digital code, and the individual — in cyber-simulation. In this context, socio-humanitarian expertise has become a socially significant factor, which focuses on individual human health, balance of analogue and digital devices and environments, development of security principles of network AI technologies. Safe technologies in the sphere of education are of critical importance.

Keywords: postnonclassical science; methodology of human dimensions; autopoiesis; resources of human intelligence; benefit/risks; electronic digital devices; network simulations; socio-humanitarian expertise

REFERENCES

Arshinov, V. I., Kiyashhenko, L. P. and Tishhenko, P. D. (2002). Vopros o chelovekomernosti i transformacii nauki. *Filosofiya nauki i texniki, Issue 8, Sinergetika chelovekomernoj real`nosti*, pp. 256–277.

Astaxova, L. V. (2022) Model` nulevogo doveriya kak faktor vliyaniya na informacionnoe povedenie sotrudnikov organizacii. *Nauchno-texnicheskaya informaciya. Seriya 1: Organizaciya i metodika informacionnoj raboty`*, no 3, pp. 13–17.

Bernshtein, N. A. (2008) *Biomexanika i fiziologiya dvizhenij: Izbranny`e psixologicheskie trudy`*. Moscow, Izdatel`stvo Moskovskogo psixologo-social`nogo instituta; Voronezh, NPO «MODE`K». 688 p.

Bernshtein, N. A. (1947) *O postroenii dvizhenij*. Moscow, Medgiz. 255 p.

Bernshtein, N. A. (1990) *Fiziologiya dvizhenij i aktivnost`*. Moscow, Nauka. 494 p.

Maturana, H. R. and Varela F. J. *The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding* / transl. from Eng. by Yu. A. Danilov. Moscow, Progress-Tradiciya. 224 p.

McLuhan, Marshall (2003:51). Understanding Media: The Extensions of Man / Transl. from Eng. by V. Nikolaeva. Moscow, Kanon-press-Cz, Kuchkovo pole. 464 p.

Marx, K. (1974) «E`konomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda». *Marx K. and Engels F. Soch.* 2nd ed. Moscow, Izd-vo polit. lit. Vol. 42. Pp. 41–174.

Minsky, M. and Papert, S. (1971) *Perceptrons: An Introduction to Computational Geometry* / transl. from Eng. by G. L. Gimel`farba and V. M. Shary`panova ; ed. by V. A. Kovalevskij. Moscow, Mir. 261 p.

Porshnev, B. F. (2013). *O nachale chelovecheskoj istorii (problemy` paleopsixologii)*. Moscow, Akademicheskij Proekt. Triksta. 542 p.

Rosenblatt, F. (1965) *Principles of Neurodynamics: Perceptrons and the Theory of Brain Mechanisms* / transl. from Eng. by V. Ya. Altaeva et al; ed. and intr. article by S. M. Osovecz. Moscow, Mir. 480 p.

Stepin, V. P. (2015) *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kul`tury`*. Moscow, Akademicheskij proekt; Al`ma Mater. 542 p.

Stepin, V. S. (2003) *Teoreticheskoe znanie. Struktura, istoricheskaya e`volyuciya*. Moscow, Progress-Tradiciya. 774 p.

Feuerbach, L. (1955) Sushhnost` xristianstva. *Izbranny`e proizvedeniya: in 2 vols*. Moscow, Gospolitizdat. Vol. 2. 944 p.

Submission date: 08.07.2026.

Ярославцева Елена Ивановна — кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник сектора гуманитарной экспертизы и биоэтики Института философии РАН. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел. +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: yarela15@mail.ru

Yaroslavtseva Elena Ivanovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Sector of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: yarela15@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.7

Ценности и гражданский потенциал современной российской молодежи

А. И. Ковалева

Московский гуманитарный университет

В статье анализируются проблемы современной российской молодежи в ракурсе ее ценностей и гражданского потенциала. Автор рассматривает эти проблемы в контексте социальных изменений в российском обществе с начала 90-х гг. XX в. и по настоящее время, характеризуя процессы разрушения прежней и попытки формирования иной ценностно-нормативной системы социальной регуляции, выстраивания нового социального пространства, забвения явных функций институтов социализации и воспитания. В статье представлены концептуальные разработки научной школы Московского гуманитарного университета, результаты мониторинговых исследований МосГУ и его опыт воспитания студенческой молодежи.

Ключевые слова: молодежь; ценности; ценностные приоритеты молодежи; гражданский потенциал молодежи, социализация, воспитание молодежи.

ВВЕДЕНИЕ

Московский гуманитарный университет (ВКШ при ЦК ВЛКСМ, Институт молодежи, МГСА, МосГУ), история которого ведется с 1944 г., все годы своего функционирования целенаправленно изучал проблемы молодежи. Сначала предметом изучения были вопросы деятельности комсомольских организаций и их влияния на молодежь. Позже — история комсомола, комсомольское строительство, воспитание достойной смены рабочего класса и колхозного крестьянства, идеалы и ценностные ориентации молодежи. Во второй половине 1980-х гг. появились инициативные проекты по изучению отклоняющегося поведения и неформальных объединений молодежи, обсуждались идеи законодательства о молодежи и молодежной политике. В эти годы складывалась и скоро заявила о себе научная школа социологии молодежи, признанная в стране и за рубежом.

Молодежь рассматривалась согласно гуманистической концепции молодежи И. М. Ильинского (его научной школы) как *объективное общественное и конкретно-историческое явление*. Поэтому она изучалась и продолжает изучаться в контексте происходящего в обществе социального конкретно-исторического процесса, учитывая как социальные, так и личностные последствия кардинальных социальных изменений в обществе (Ильинский, 2022).

МОЛОДЕЖЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 90-х ГОДОВ

Начало 1990-х гг. стало для российского общества периодом особого рода потрясений. СССР как государство прекратил свое существование, была демонтирована прежняя политическая система, ушли в прошлое КПСС и ВЛКСМ вместе со всем социальным пространством, которое они формировали, произошла смена государственной власти на всех уровнях управления обществом. В результате общество лишилось системных признаков и тех благоприятных условий интеграции, которые прежде позволяли индивидам осваивать социальность и обретать социальную субъектность. Страна в те годы напоминала корабль без курса — она дрейфовала в состоянии неустойчивости, неопределенности, при отсутствии идеологии и ясного направления общественного развития. Именно в такой обстановке начал формироваться новый государственный строй Российской Федерации, история которого впоследствии претерпела немало изменений и трансформаций. Конституция РФ 1993 г. гласит, что Россия есть демократическое правовое федеративное государство с республиканской формой правления[1]. Но реалии жизни россиян все больше наполнялись западными ценностями как якобы наилучшими для всех времен и народов. Особое значение имело внедрение индивидуализма, признанного в дискуссиях западных социологов одним их основных принципов, определяющих современность (Штомпка, 2005).

В стране происходили необратимые процессы, затрагивающие самые важные социально-экономические, политические и социокультурные сферы общества, трансформирующие социальные институты и организации. В этих условиях разрушалась прежняя и формировалась иная ценностно-нормативная система социальной регуляции. Формировались другие личности и их социальные типы. Эти процессы затрагивали прежде всего молодежь, в личностных характеристиках которой проявились эти изменения.

Оценивая социальные изменения в России того времени, Ж. Т. Тощенко отмечает, что по своему характеру они близки к катастрофе и не описываются традиционными понятиями эволюции или революции. Он вводит понятие «травмы» как некий промежуточный вариант между этими двумя моделями (Тощенко, 2020), понимая под травмой общества «длительное состояние неопределенности трансформации общественных отношений, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные социальные последствия» (там же: 331). Его итоговый вывод состоит в том, что «Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи противоречивые, взаимоисключающие ориентации и установки» (Тощенко, 2015: 50)

В 90-е гг. целенаправленно размывалась воспитательная функция системы образования в контексте подготовки к жизни новых поколений и повсеместно заменялась идеей социализации, раскритикованной советскими исследователями именно в той ее интерпретации, которая насаждалась как американская идея «плавильного котла» и культурного плюрализма, а также как теория социализации в самом примитивном ее понимании (Критика современных буржуазных концепций воспитания, 1980). Новизна идеи прикрывала огромный и успешный опыт советской системы образования в деле воспитания и обучения. Идея социализации продавливалась именно в том ее примитивном американском понимании, которое насаждалось как «плавильный котел» или «культурный плюрализм». Американ-

ская метафора об американизации иммигрантов отражала их ускоренную ассимиляцию, усвоение западной культуры, их смешение и вливание в американское общество. Научная же идея и теория социализации, обоснованные и признанные в социологии и социальной психологии (с конца XIX в.), до 70-х гг. XX в. не использовалась в отечественной науке. В этой ситуации оказалось очень удобным игнорировать и фальсифицировать позиции советской идеологии по коммунистическому воспитанию и формированию всесторонне развитой личности, предать забвению успешный опыт воспитательной работы советской системы образования. По сути, состоялся экспорт американской идеи «плавильного котла», прикрываемой идеей социализации в самом упрощенном ее понимании. Система образования освобождалась от своей явной преднамеренной функции воспитания, что было закреплено в 2012 г. в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» (поправки внесены только в 2020 г.)[2].

Вместе с тем воспитание и социализация являются взаимопроникающими составными частями друг друга в процессе становления и развития личности и не могут полностью заменять друг друга. Целенаправленный, управляемый и контролируемый сегмент социализации принято называть воспитанием; в терминах мертоновской функциональной теории это явная преднамеренная функция институтов и агентов социализации, через которые новым поколениям передаются социальные нормы и культурные ценности. При этом цели воспитания могут не совпадать даже внутри одной и той же социокультурной системы. Социализация (в узком ее понимании) может определяться и как стихийный процесс трансляции обществом и освоения индивидом социальности со всеми ее реальными одобряемыми и неодобряемыми элементами. Индивид может освоить нормы и ценности не только одобряемые, но и осуждаемые в данном обществе.

Как выглядела молодежь в фокусе социальных противоречий? По результатам исследований Института комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН), проведенного в 2001 г. (Российская молодежь: проблемы и решения, 2005), почти половина российской молодежи поддерживала реформы 90-х гг. Зафиксировано более толерантное отношение к реформам со стороны молодежи, чем со стороны старшего поколения. А также замечено, что с взрослением молодежь более осторожно оценивает происходящее в обществе. В выборе наиболее значимых достижений реформ для общества большая часть опрошенной молодежи указывала насыщение рынка продуктами (54,4%), для себя называла неограниченный заработок (53%). Менее значимые позиции касались свободы выезда за рубеж (37,3%), признания «жизнь стала ярче и интереснее» (36,4%), возможности самовыражения (34,1%), насыщения рынка товарами (32,2%) и др. (там же).

Среди отечественных авторов, писавших об аномичности российского общества, можно выделить Л. Д. Гудкова, который охарактеризовал социализацию российской молодежи девяностых–нулевых годов как «дефектную». С точки зрения его и соавторов, эта молодежь была избавлена как от либеральных иллюзий и несбывшихся надежд, так и от горечи и инфантильных разочарований, связанных с советским прошлым: ее ценностное пространство «задано простыми координатами — по преимуществу развлекательными медиа, масскультурой и глянцем, магическим миражом “больших денег” как самым общим показателем успеха и статуса в нынешних условиях массовидного общества» (Гудков, Дубин, Зоркая, 2011: 11). Отчасти с этим можно согласиться: для части молодежи 90-е гг. XX в. действитель-

но стали временем самоутверждения, растущего довольства собственной жизнью — при полном отсутствии больших идей и жизненных перспектив. Однако для значительной части молодых людей это время было связано с неопределенностью настоящего момента, тревогой за будущее, шаткостью гражданской идентичности и социального статуса, политической уязвимостью, снижением престижа многих профессий и сложностями в получении образования. Именно в этой среде резко расширились масштабы девиантного и деликвентного поведения.

В 90-е годы правительством России не поощрялось писать и говорить о плохом положении молодежи, о ее отклоняющемся поведении, о кризисе системы образования и утрате воспитания. Это наше суждение основано на опыте участия в подготовке Научно-исследовательским центром при Институте молодежи доклада Комитета по делам молодежи Государственной Думы Правительству РФ о положении российской молодежи и воспитании подрастающих поколений в России. Авторский коллектив (рук. И. М. Ильинский) составляли преимущественно научные сотрудники НИЦ Института молодежи. Представленный нами аналитический материал был отвергнут, снят с обсуждения и запрещен для тиражирования и рассылки в регионы страны.

Примерно в этот же период была представлена публике концепция И. М. Ильинского, посвященная воспитанию жизнеспособных поколений российской молодежи (Ильинский, 1995), где проблема воспитания трактуется автором как явление первостепенной социальной значимости. Суть предложенной им модели жизнеспособной личности молодого человека — не просто способность выжить и приспособиться к меняющимся условиям, но полноценное развитие при сохранении собственной мировоззренческой позиции, гуманистических идеалов и ценностей; разумная доля индивидуалистических установок, ориентации на собственные интересы и потребности; наконец, национальное самосознание российского гражданина и патриотизм, понимаемый как борьба за сохранение единства страны (Ильинский, 2022).

Основы этой концепции Ильинского могли бы способствовать интенсивным дискуссиям широкой общественности по проблеме воспитания, активным научным исследованиям и началу практических действий по воссозданию системы воспитания на новых принципах и в новых условиях российского общества. К сожалению, этого не произошло. Признание концепции состоялось в научно-исследовательских кругах. Своевременность в постановке проблемы воспитания детей и молодежи в современном российском обществе, идея единого воспитательного пространства и общей концепции воспитания, определение его идеологии, цели, разработка модели жизнеспособной личности, задач и принципов воспитания, описание новой системы воспитания, имеющей уровни институциональный и неинституциональный как процесс социализации молодежи в различных сферах жизнедеятельности, и другие концептуальные положения со временем были поддержаны многими специалистами. Фактически официальное признание идей И. М. Ильинского о воспитании молодежи состоялось на самом высоком уровне принятием в 2020 г. поправок к Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Совсем иная позиция в отношении преобразований, происходящих в российском обществе и затрагивающих проблемы воспитания молодежи, а также вписывающаяся в политический контекст реформируемого российского общества, была обозначена в ряде публикаций отечественных исследователей.

Учебник «Социология молодежи» под ред. член-корр. РАН В. Н. Кузнецова (Социология молодежи, 2005) в целом положительно оценивает перемены на постсоветском пространстве рубежа XX–XXI веков — многопартийность, многообразие форм собственности, свободу вероисповедания, плюрализм, гласность, открытость и т. д. Со ссылкой на работу ростовских социологов (Волков, Поликарпов, 1999) утверждается, что «сейчас происходит отмирание старого коллективизма и старого индивидуализма, с эрой глобализации происходит возрождение личности. Это значит, что свободный человек может построить сообщество, чтобы вносить свой вклад в свое дело... Индивид больше не оторван от социального мира, но становится зрелой личностью, способной использовать, раскрыть все свои возможности, удовлетворить самую высшую свою потребность в самоактуализации» (Социология молодежи, 2005: 87). Такие рассуждения носят декларативный характер и вызывают, скорее, недоумение, чем понимание. При этом сам учебник эту позицию никак не комментирует, фактически принимая ее как верную.

Известный советский и российский социолог В. А. Ядов провозгласил, что в новой России идет становление новой социальной субъектности (Ядов, 1994), и это поможет преодолеть бессубъектность индивидов и их положение «винтиков» в государственном механизме. Свои возражения такой позиции мы изложили в статье о социокультурной субъектности (Ковалева, 2020).

Подробнее стоит остановится на монографии «Советский простой человек» (под ред. Ю. А. Левады), подготовленной отечественными авторами по результатам опроса 1989 года, проведенного Всесоюзным (ныне Всероссийским) центром изучения общественного мнения среди 2700 респондентов в разных регионах СССР, а также на данных последующих опросов ВЦИОМ: полевой этап программы «Советский человек» продолжался вплоть до 1994–1999 годов. По итогам этой работы исследователи зафиксировали у респондентов выраженную консервативность взглядов и устойчивую идентификацию с советским прошлым, а интегральный образ «человека советского» свелся к четырем типам: «человек изолированный» — отгороженный и от внешнего мира, и от собственного внутреннего; «человек без выбора», для которого безальтернативность была исторической данностью; «человек упрощенный», знающий свое место в системе, послушный, умеющий довольствоваться малым и жить «как все»; наконец, «человек мобилизованный» (Советский простой человек ... , 1993; Левада, 2006). Помимо этого, авторы выделяют целый ряд взаимосвязанных характеристик: массовидность («как все»), деиндивидуализированность в противовес всему элитарному и своеобразному, «прозрачность», то есть открытость для контроля сверху, примитивность запросов на уровне выживания, заданную раз и навсегда неизменность и легкую управляемость. Отдельно подчеркивается свойство универсальной простоты, характерное как для официального, так и для массового советского сознания (там же).

Представляется значимым мнение известного российского социолога Б. М. Фирсова о позициях Левады (Левада, 2006) в отношении «представлений о “человеке советском”». Фирсов называет их «*алгебраической суммой* ряда сущностных характеристик, выявленных путем изучения когда-то существовавшего целого через “разрушенное”» (Фирсов, 2012: 186).

По результатам исследования Левады получены также данные о том, что *почти половина опрошенных россиян в советское время испытывали счастье*, добытое своими усилиями. Вместе с тем эта важная характеристика не заметна в описанном

Левадой портрете «человека советского», построенного по результатам уникального проекта. Но могут ли счастливые люди, созидающие себя и свое общество, составлять такие пасмурные типы? Важный момент, подмеченный Фирсовым, состоит также в том, что остается загадкой, почему все радикальные преобразования в советское время осуществлялись быстрее, чем в нынешнее время (Фирсов, 2012).

Глубокое прочтение монографии Левады предпринято А. Ю. Сагомоновым (Сагомонов, 1994), который занимается проблемами устойчивого развития и выдвинул идею об осуществимости глобального ценностного выбора. Но этот выбор, по сути своей, означает примирение целерационального и ценностно-ориентированного социального действия. Сагомонов в рецензии на монографию «Советский простой человек» отмечает, что ее авторы пытаются интерпретировать парадоксальную социальную природу типа «советский человек» «в категориях западного миропонимания» (Сагомонов, 1994: 185). С такой оценкой стоит согласиться. Нет сомнений в том, что профессиональное сообщество социологов имело основание воспринять данный сборник и монографию Левады как достижение отечественной науки. Но трудно согласиться с характером оценочных суждений, отстраненностью, отчужденностью, безразличием и холодностью авторов в оценке советского простого человека.

ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

В Аналитическом докладе Общественной палаты Российской Федерации «Социальный портрет молодежи Российской Федерации» (Социальный портрет молодежи … , 2011) по результатам опроса молодежи фиксируется, что индивидуалистические ценности закрепились в молодежной среде довольно быстро.

Комментируя данные этого доклада, И. М. Ильинский так охарактеризовал портрет среднестатистического молодого человека новой России: «Портрет этот выглядит так: уверенный в себе оптимист, ярко выраженная индивидуальность, коммуникабельный, старающийся быть активным и бескорыстным. На первый взгляд получается неплохо… Но при этом — не всегда честный; скорее жадный, чем щедрый; скорее жестокий, чем сострадающий; чаще проявляющий злость, чем доброжелательность. Иными словами, лидирующими чертами молодежи являются отрицательные качества — равнодушие, злость, хамство, зависть, лень, жадность, а среди всех этих отрицательных психологических характеристик выше всех, на первом месте — эгоизм» (Ильинский, 2011: 6).

Уже в первом десятилетии XXI в. эта картина свидетельствовала об укреплении индивидуализма как наиболее устойчивого основания ценностных ориентаций российской молодежи, и данная тенденция впоследствии подтверждалась и в других исследованиях — Института социологии РАН, Института социально-политических исследований РАН, РГГУ, МосГУ и ряда других ведущих вузов.

Дальнейшие исследования, проведенные в МосГУ в 2012–2017 гг., позволили получить данные о том, как студенты оценивают собственную жизненную позицию и личностные качества современной российской молодежи в целом, а также о том, какие качества они хотели бы приобрести сами и сформировать у своих детей. Эта группа вопросов косвенно указывает на образцы, которыми руководствуются студенты в поведении и в осмыслении различных жизненных ситуаций. Рассмотрим, что показал анализ данных, полученных по этому блоку вопросов инструментария нашего исследования (Ковалева, Луков, 2018).

Большинство респондентов, опираясь на собственный опыт, оценили свою жизненную позицию как активную. При самооценке индивидуализма и коллективизма ценность индивидуализма в выраженной степени отметили 62,6% опрошенных, тогда как чувство коллективизма присуще, по их словам, 42,8%. Как показывали и предыдущие волны исследования, уровень «коллективистских» ответов (в большей или меньшей степени выраженности) сохраняется на фоне одновременного роста индивидуалистических установок. Сочетание индивидуализма и коллективизма в целом типично для российского общества начала XXI в., однако в нынешних данных заметен некоторый перевес в сторону индивидуализма.

Полученные ответы указывают на преемственность поколений: значительная часть молодых людей стремится быть похожей на своих родителей и на других людей с высокими моральными качествами, и в выборе ценимых студентами качеств прослеживается опора на устойчивые нормы традиционной морали. Чаще прочих называются честность (35,3%), доброта (25,0%), ответственность (16,0%); различия по полу здесь незначительны, а вот по возрасту заметны: студенты младших курсов чаще выделяют эти качества, тогда как с возрастом растет частота упоминания порядочности. Честность остается самым часто называемым качеством у студентов всех курсов — от первого до выпускного. Среди качеств, которые хотелось бы перенять у родителей, лидируют целеустремленность, трудолюбие, терпение и ответственность.

Ориентация на позитивные образцы и нравственные нормы, принятые в основах совместной жизни российского общества, отчетливо проявляется и в ответах о том, какие качества нынешние студенты хотели бы воспитать в собственных детях: здесь также чаще всего называются доброта, честность, ответственность и целеустремленность, что вновь отсылает к устойчивым традиционным моральным нормам.

Особого внимания заслуживают оценки студентами собственного поколения — по вопросу о наиболее характерных для российской молодежи личностных качествах. Эти оценки в основном негативны с точки зрения ценностей, принятых в российском обществе, и в определенной мере их можно рассматривать как самооценки. Респонденты чаще всего указывали на лень, безответственность и эгоизм, причем частота выбора этих характеристик по сравнению с прошлыми исследованиями выросла. Едва ли такой выбор можно объяснить стигматизацией, то есть навязанными обществом ярлыками, которые молодежь якобы вынуждена применять к самой себе. Скорее критичная самооценка поколения отражает сложность процесса его становления, сбои в ходе социализации и неопределенность общественных перспектив. Разрушение воспитательной системы в результате постсоветской «реформы» образования спустя десятилетия закономерно обернулось внутренним конфликтом между идеальным образом «хорошего человека» и неустойчивой социальной идентичностью, размытостью жизненных целей у новых поколений.

Мониторинговые исследования МосГУ позволяют проследить сходство и различия в ответах студентов разных лет по ключевым вопросам: базовым ценностям, личностным качествам, гражданской идентичности и т. д. Нельзя не отметить и позитивные тенденции, которые прослеживаются в молодежной среде в процессах ее социализации и воспитания: данные вновь подтверждают, что значительная часть молодых людей ориентируется на своих родителей и других людей с высокими моральными качествами, стремясь быть на них похожими.

Среди качеств, приписываемых молодому поколению России, заметнее всего за период с 2015 года изменилась частота упоминания патриотизма. Среди первокурсников на эту черту указали 18,2%, что заметно больше, чем в прежних волнах исследования. Такой сдвиг связывают с историческими событиями 2014–2015 годов — воссоединением Крыма с Россией, развязанной Западом информационной войной и санкционной политикой против России, что в целом способствовало росту патриотических настроений в обществе, включая молодежную среду. По данным опроса 2026 года, определенно считают себя патриотами 37% студентов, еще 37% отнесли себя к категории «скорее патриоты» (в сумме 74%) — это значимая и обнадеживающая тенденция в духовной жизни молодежи. При этом готовность лично отвечать за будущее страны выражена слабее: твердо ощущают себя частью такого поколения лишь 38%, еще 33% — «скорее да».

По результатам исследования МосГУ (2026 г.) главными агентами влияния на ценности молодежи остаются семья (73,6%), интернет и соцсети (58%), ближайшее окружение (51%), школа и университет (45,8%). Наиважнейшими жизненными ценностями опрошенные студенты назвали также семью (79,7% опрошенных), здоровье (73,9% опрошенных), любовь (57,2%), друзей, общение (49,6%). Ценности социального характера в ответах респондентов отошли на второй план (права и свободы человека (48,27%), интересная работа (42,67%), творческая самореализация (36,08%), милосердие, гуманизм (23,38%), дети (23,72%).

Нам, преподавателям, нередко кажется удивительным, насколько нынешние студенты отличаются от прежних поколений. И действительно, они другие — но не хуже, и хочется верить, что во многом станут лучше нас. Согласно теории поколений (которая не претендует на строгую научность), люди одного поколения разделяют схожие ценности, убеждения и модели поведения в силу общих исторических событий и социокультурного контекста, в котором они росли; это помогает объяснить межпоколенческие различия и понять их влияние на общество в целом. Наши студенты принадлежат к поколению Z, или зумерам, — людям, родившимся в 2001–2010 годах, которые не застали ни октябрят, ни пионеров, ни ВЛКСМ, ни КПСС. Это первое поколение в России, выросшее вместе с интернетом: зумеры легко осваивают новые цифровые платформы и технологии, активно пользуются Сетью, отличаются большей независимостью и самостоятельностью благодаря доступу к информации и возможностям самообучения онлайн. Вместе с тем их нередко критикуют за оторванность от реальности, интровертность и зависимость от гаджетов.

Следует особо отметить многолетний опыт воспитательной работы со студентами Московского гуманитарного университета. Уже в первые годы нового для нашей страны времени, т. е. с начала 90-х годов Московским гуманитарным университетом в лице его ректора И. М. Ильинского предпринимались упреждающие меры в отношении действий руководства страны по молодежной политике, реформированию системы образования и воспитания. Это отражено в концептуальных разработках Ильинского по проблемам социологии молодежи, молодежной политики, образовательной революции и, как уже отмечалось, в концепции воспитания жизнеспособных поколений (Ильинский, 1995).

В МосГУ на основе данных социологических исследований разработана университетская программа воспитательной работы. Значимую роль в воспитании студентов здесь играет история университета, его профессиональная культура, его традиции и символика, устоявшиеся мероприятия и т. д. (Ковалева, 2013).

В 2024 г. ВЦИОМ зафиксировал ценностные различия между воспитуемыми и **акторами воспитательной работы** (жирным выделены данные по **воспитателям** в процентах, разница от 15 до 23%) в отношении таких индикаторов, как приоритет духовного над материальным (**80** и 57), семья (**78** и 51) взаимопомощь (**78** и 60), достоинство и совесть (**76** и 56), патриотизм (**46** и 31), то есть большая доля воспитателей, чем воспитанников отметила эти ценности. Иначе выглядят ответы о вере в самореализацию (**75** и 93).

Одним из ключевых социальных последствий произошедших в России изменений стала трансформация самой социальной структуры общества как несущей конструкции социума. По оценке М. К. Горшкова, «столь высокой степени сегментации и разнородности, как после трансформаций конца XX — начала XXI в., российское общество прежде не знало; неоднородность прослеживается практически по всем ключевым основаниям» (Горшков, 2019: 13).

Российская Федерация довольно быстро стала обществом социального неравенства и социальной стратификации, отражая интенсивные процессы социального расслоения. Молодежь, понимая это, пытается освоить каналы социальной мобильности. Социологи РГГУ (рук. Ж. Т. Тощенко) и Центр социального проектирования и маркетинга (рук. Ф. Э. Шереги) провели (2018 г.) всероссийский опрос трудоспособного населения (N = 1200) по репрезентативной выборке и выявили новое социально-экономическое явление, новый социальный феномен — прекариат.

Как отмечает Ж. Т. Тощенко, на рубеже XX–XXI вв. в России, как и в мире в целом, сформировался новый социальный класс — прекариат, для которого характерна неформальная, временная, сезонная или частичная занятость негарантированного, нестабильного и преходящего характера. По мнению отечественных исследователей, в состав прекариата потенциально входят фрилансеры и часть мигрантов, а также «часть вступающей в трудовую жизнь молодежи, в основном студенческой, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и в профессии устойчивое положение, но находятся в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и претензий» (Тощенко, 2019: 58; Прекариат..., 2020).

Стоит заметить, что наши многолетние мониторинговые исследования по изучению студентов гуманитарного вуза и прежде всего исследование 2026 г. показывают сходство наших результатов и результатов опроса молодежи ВЦИОМ (Всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ-Спутник проведен 13.10.23 г.) относительно наиболее важных для нее ценностей, жизненных целей молодежи и совпадение основных значений по другим параметрам количественных показателей качественных признаков изучаемого объекта. Это относится к выбору таких индикаторов, как семья, здоровье, дружба, интересная работа, самореализация и др.

ГРАЖДАНСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ВУЗА

Гражданский потенциал — это, *во-первых*, совокупность способностей и возможностей человека, приобретаемых в процессе его жизнедеятельности; *во-вторых*, осознание себя гражданином своей страны, т. е. гражданская идентичность, предполагающая осознание индивидом своей причастности к сообществу граждан определенного государства, уважение к его Конституции, законам и нравст-

венным ориентирам; *в-третьих*, степень готовности человека активно содействовать процветанию своего общества, личная ответственность за судьбу Родины, стремление преодолевать несоответствие между личными притязаниями и достижениями.

Как показали результаты нашего опроса студентов Московского гуманитарного университета (опрос проводится с помощью платформы Google Forms в апреле 2024 г., его результаты опубликованы (Ковалева, Макаревич, 2024), в структуре гражданской идентичности студентов преобладает объективная сторона — формально и неформально предписанная причастность к российскому государству. Субъективная ее составляющая, то есть осознание индивидом своей принадлежности к сообществу граждан, все еще складывается в процессе социализации.

Гражданская самоидентификация студентов уточнялась в ответах на вопрос: «Как вы думаете, чем из истории нашей страны может сегодня гордиться гражданин Российской Федерации?» По мнению респондентов, прежде всего можно гордиться победой советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (89,9%), полетом Ю.А. Гагарина в космос и достижениями в космонавтике (86,7%), великими российскими и советскими поэтами, писателями и композиторами (85,5%), восстановлением страны после Великой Отечественной войны (82,6%) и достижениями российских и советских спортсменов (82,6%).

Список подобных «горделивых идентификаций» можно продолжить: в несколько меньшей степени респонденты гордятся успехами советской и российской науки (77,0%), достижениями российской медицины (66,5%), мощью и авторитетом СССР в советский период (59,0%), ликвидацией «железного занавеса» между нашей страной и остальным миром в 1980-е годы (54,5%), созданием атомной и водородной бомбы (49,0%), советской и российской системой образования (43,4%), строительством БАМа (38,7%) и освоением целины (37,4%).

При этом лишь 34,8% опрошенных студентов считают, что можно гордиться Октябрьской революцией 1917 года, а 34,5% полагают, что это событие ушло в прошлое и предметом гордости уже не является. Обращает на себя внимание и заметная доля респондентов — 30,7%, которые либо ничего не знают об этом событии (7,5%), либо затруднились ответить (23,2%); почти все они студенты колледжа или бакалавриата.

Осознание себя гражданином России подтверждает и большинство ответов на вопрос о том, что значит для респондента Родина: 92,1% опрошенных сошлись во мнении, что это место, где они родились, выросли и живут, а 81,7% студентов Московского гуманитарного университета выразили позитивную гражданскую идентичность с Россией как своей страной и родным домом. Они ассоциируют Россию с понятиями «Родина», «Дом родной», «березка», «бескрайние просторы», «великое государство», «величественная история», «мощь», «сила», «сплоченность». Это — лучшая великая многонациональная страна, культура, достоинство, гордость, единство, большая дружная семья, добро, сострадание, забота, блины. Это — мир, Москва, Кремль, Путин, любовь, вера, надежда, победа.

Вместе с тем 8,8% участников опроса не стали отвечать на этот вопрос, а еще 9,5% в своих ответах через ассоциации нарисовали негативный образ современной России: коррупция, авторитаризм, небезопасность, несправедливость, бедность и др. Респонденты, безусловно, вправе видеть социальные проблемы, замечать негативные практики и предостерегать от них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение ценностных ориентаций молодежи представляет особый интерес потому, что ее становление происходит в условиях социальных перемен и мировоззренческого кризиса, изменений в духовной сфере, разрушения советской системы ценностей, дезинтеграции традиционных институтов социализации и фактического сосуществования в молодежной среде двух противоборствующих ценностных систем.

По результатам исследований получены данные, подтверждающие как правильный, привлекательный образ молодого человека и его гражданскую идентичность, так и сложности социального облика молодого россиянина, имеющего противоречивые представления о добре и зле, общественных и личных интересах, сочетании коллективного и индивидуального, о своей задаче стать жизнеспособной личностью.

В условиях расширения возможностей проведения и востребованности результатов социологических исследований актуализируется проблема обеспечения их репрезентативности. Необходимо строго выполнять требования по их проведению, принятые в прикладной социологии (соблюдение принципа объяснения эмпирических данных, разработка программы с обоснованием выборочной совокупности и квантификации как количественного измерения качественных признаков объекта, отбор методов исследования и т. д.).

Во всех случаях должна предоставляться истинная информация по результатам социологических исследований. Исследователю недопустимо занимать только удобную позицию, вписываясь в политический контекст или, наоборот, возражать, обращать внимание на свои тривиальные суждения. Конечно, исследователь — просто человек. Но он всегда должен быть объективным независимо от своих предпочтений, соблюдать ценностную нейтральность в оценке происходящего в социальной реальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Конституция Российской Федерации // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item

[2] Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков, Ю. Г., Поликарпов, В. С. (1999) Человек. Энциклопедический словарь. М. : Гардарики. 518 с.

Горшков, М. К. (2019) О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. № 11. С. 3–17.

Гудков, Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая, Н. А. (2011) Молодежь России. М. : Московская школа политических исследований. 96 с.

Ильинский, И. М. (1995) Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: докл. Ком. РФ по делам молодежи / авт. колл.: И. М. Ильинский [и др.] ; Ком. РФ по делам молодежи. М. 256 с.

Ильинский, И. М. (2011) Воспитание в индивидуализированном обществе // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 3–8.

Ильинский, И. М. (2022) Молодежь России и проблемы образования (пути, которые выбирали не мы): монография. М. : Издательство Московского гуманитарного университета.

Ковалева, А. И. (2013) Профессиональная культура университета как условие повышения качества образования // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 225–234.

Ковалева, А. И. (2018) Социология молодежи: научная школа Московского гуманитарного университета : в 2 ч. Ч. 2 / А. И. Ковалева, Вал. А. Луков, В. А. Гневашева, С. В. Луков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 508 с.

Ковалева, А. И. (2020) Социокультурная субъектность как основа тезаурусной концепции молодежи // Горизонты гуманитарного знания. №1. С. 36–53.

Ковалева, А. И., Макаревич, Э. Ф. (2024) Студент Московского гуманитарного университета: настроения, ценности и гражданская самоидентификация // Знание. Понимание. Умение. №4. С.125–147.

Критика современных буржуазных концепций воспитания [Сб. науч. тр.] / под ред. Э. С. Соколовой. М. : НИИОП, 1980 (вып. дан. 1981). 141 с.

Левада, Ю. А. (2006) Ищем человека. Социологические очерки, 2001–2005. М. : Новое издательство. 381 с.

Прекариат: становление нового класса (2020) / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 400 с.

Российская молодежь: проблемы и решения (2005) М.: Центр социального прогнозирования. 648 с.

Сагомонов, А. Ю. (1994) Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х // Социологический журнал. №1. С. 182–185.

Советский простой человек : Опыт социал. портр. на рубеже 90-х (1993) / отв. ред. Ю. А. Левада. М. : Мировой океан. 299 с.

Социальный портрет молодежи Российской Федерации (2011) : аналитический доклад / Комиссия по социальным вопросам и демографической политике Общественной палаты Российской Федерации. Текущий архив ОП РФ.

Социология молодежи : учебник (2005) / под ред. д-ра социол. наук, проф., чл.-корр. РАН В. Н. Кузнецова. М. : Гардарики. 335 с.

Тощенко, Ж. Т. (2015) Фантомы российского общества. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.

Тощенко, Ж. Т. (2019) Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. №9. С. 51–62

Тощенко, Ж. Т. (2020) Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир. 352 с.

Фирсов, Б. М. (2012) История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки: [учебное пособие] 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 476 с.

Штомпка, П. (2005) Социология. Анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной. М. : Логос. 664 с.

Ядов, В. А. (1994) Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. №1. С. 35–52.

Дата поступления: 01.09.2026 г.

VALUES AND CIVIC POTENTIAL OF CONTEMPORARY RUSSIA'S YOUTH

A. I. Kovaleva
Moscow University for the Humanities

The paper analyses the problems of contemporary Russia's youth in the scope of their values and civic potential. The author considers these problems in the context of social changes in Russian society from the 1990s to the present day, describing the processes of the destruction of the previous and the attempts to form a different value-normative system of social regulation, constructing a new social space, oblivion of obvious functions of institutions for socialization and upbringing. The paper presents conceptual developments of the scientific school of Moscow University for the Humanities, the results of monitoring studies of MosGU and its experience in upbringing students.

Keywords: youth; values; value priorities of youth; civic potential of youth; socialization; upbringing of youth

REFERENCES

Volkov, Yu. G. and Polikarpov, V. S. (1999) *Chelovek. E`nciklopedicheskij slovar`*. Moscow, Gardariki. 518 p.

Gorshkov, M. K. (2019) O social`ny`x rezul`tatax postsovetskix transformacij. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 3–17.

Gudkov, L. D., Dubin B.V. and Zorkaya, N. A. (2011) *Molodezh` Rossii*. Moskovskaya shkola politicheskix issledovanij. 96 p.

Il`inskij, I. M. et al (1995) Molodezh` Rossii: vospitanie zhiznesposobny`x pokolenij: dokl. Kom. RF po delam molodezhi. Moscow. 256 p.

Il`inskij, I. M. (2011) Vospitanie v individualizirovannom obshhestve. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 3–8.

Il`inskij, I. M. (2022) *Molodezh` Rossii i problemy` obrazovaniya (puti, kotory`e vy`birali ne my`)*. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. Un-ta. 812 p.

Kovaleva, A. I. (2013) Professional`naya kul`tura universiteta kak uslovie povy`sheniya kachestva obrazovaniya. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 225–234.

Kovaleva, A. I. (2018) *Sociologiya molodezhi: nauchnaya shkola Moskovskogo gumanitarnogo universiteta: v 2 ch.* Part. 2 / A. I. Kovaleva, Val. A. Lukov, V. A. Gnevasheva and S. V. Lukov. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. Un-ta. 508 p.

Kovaleva, A. I. (2020) Sociokul`turnaya sub`ektnost` kak osnova tezaurusnoj koncepcii molodezhi. *Gorizonty` gumanitarnogo znaniya*, no. 1, pp. 36–53.

Kovaleva, A. I. and Makarevich, E` F. (2024) Student Moskovskogo gumanitarnogo universiteta: nastroeniya, cennosti i grazhdanskaya samoidentifikaciya. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 125–147.

Kritika sovremenny`x burzhuazny`x koncepcij vospitaniya / ed. by E. S. Sokolov. Moscow, NIIOP, 1980 (vy`p. dan. 1981). 141 p.

Levada, Yu. A. (2006) *Ishhem cheloveka. Sociologicheskie ocherki, 2001–2005*. Moscow, Novoe izdatel`stvo. 381 p.

Prekariat: stanovlenie novogo klassa (2020) / ed. by Zh. T. Toshhenko. Moscow, Centr social`nogo prognozirovaniya i marketinga. 400 p.

Rossijskaya molodezh`: problemy` i resheniya (2005) Moscow, Centr social`nogo prognozirovaniya. 648 p.

Sagomonov, A. Yu. (1994) Sovetskij prostoj chelovek: opy`t social`nogo portreta na rubezhe 90-x. *Sociologicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 182–185.

Sovetskij prostoj chelovek : Opy`t social. portr. na rubezhe 90-x (1993) / ed. by Yu. A. Levada. Moscow, Mirovoj okean. 299 p.

Social`ny`j portret molodezhi Rossijskoj Federacii (2011): analiticheskij doklad / *Tekushhij arxiv OP RF*, Moscow, 2011.

Sociologiya molodezhi: Uchebnik (2005) / ed. by V. N. Kuzneczov. Moscow, Gardariki. 335 p.

Toshhenko, Zh. T. (2015) *Fantomy` rossijskogo obshhestva*. Moscow, Centr social`nogo prognozirovaniya i marketinga. 668 p.

Toshhenko, Zh. T. (2019) Fenomen prekariata: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 51–62.

Toshhenko, Zh. T. (2020) *Obshhestvo travmy`: mezhdu e`volyuciej i revolyuciej (opy`t teoreticheskogo i e`mpiricheskogo analiza)*. Moscow, Ves` mir. 352 p.

Firsov, B. M. (2012) *Istoriya sovetskoj sociologii: 1950–1980-e gody`. Ocherki: [uchebnoe posobie]* 2nd ed., revised and compl. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ. 476 p.

Sztompka, P. (2005) *Sociologiya. Analiz sovremennogo obshhestva* / transl. from Polish by S. M. Chervonnaya. Moscow, Logos. 664 p.

Yadov, V. A. (1994) Social`naya identifikaciya v krizisnom obshhestve. *Sociologicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 35–52.

Submission date: 01.09.2026.

Ковалева Антонина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: aikovaleva@mail.ru

Kovaleva Antonina Ivanovna, Doctor of Sociology, Professor, Head, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: akovaleva@mosgu.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.8

Цифровое неравенство: масштабы, структура, социологическое измерение

А. В. Костина, М. Г. Солнышкина

Московский гуманитарный университет

В статье рассматривается цифровое неравенство как многомерный феномен, включающий различия в доступе к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), навыках и социальных результатах их использования. Авторы опираются на теоретические положения Э. Тоффлера, М. Кастельса и современных российских исследователей, а также на эмпирические данные (опросы НАФИ, РАЭК и др.). На основе данных опросов и теоретических подходов авторы показывают возрастную структуру цифрового разрыва, отставание старших поколений в использовании цифровых сервисов и дефицит продвинутых компетенций. Вводится различие между классическим и сетевым субъектом (поколение Z), которое строится на противопоставлении устоявшихся моделей восприятия и поведения в условиях цифровой среды и в доцифровую эпоху. Для сетевого субъекта характерны клиповое мышление, многозадачность и гедонистические установки, трансформирующие представления о «хорошей жизни». В статье обосновывается, что традиционные меры (курсы, подключение к интернету) часто дают эффект «ложной инклюзии» — формальное подключение не ведет к реальному росту компетенций. В качестве эффективного решения предлагается технология «обучения служением» — межпоколенческое взаимодействие студентов и пожилых людей, где будущие IT-специалисты и гуманитарии выступают тьюторами для пожилых людей, обучая их работе с порталом госуслуг, телемедициной, мессенджерами и онлайн-платежами. Доказано, что такое межпоколенческое взаимодействие одновременно повышает цифровую грамотность старшего поколения и формирует у молодежи эмпатию, ответственность, навыки командной работы. В заключении даны рекомендации по системному внедрению этой модели в вузах: включение социального проектирования в учебные планы, создание внутривузовских грантов, развитие партнерства с центрами соцобслуживания и НКО, адаптация программ для пожилых (малые группы, индивидуальный темп, безопасная среда).

Авторы подчеркивают необходимость комплексного учета поколенческих, региональных и когнитивных факторов для превращения образования в инструмент социальной солидарности.

Ключевые слова: молодежь; ценности; цифровое неравенство; поколение Z; сетевой субъект; интернет; социальные сети; обучение служением

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос социального неравенства занимает одно из ключевых мест в социологии. Это явление не сводится к разрыву в доходах — оно гораздо глубже и охватывает разную доступность ресурсов и услуг в зависимости от социального статуса человека и его окружения. В современной науке неравенство рассматривается как комплексная проблема, связанная с возможностями, признанием, властью, а также с символическими и культурными аспектами, и осмысливается в неразрывной связи с теоретическими концепциями и историческими моделями стратификации, а также со спецификой стратификационной структуры современной России. Исследование данной проблематики включает анализ стратификации и социальной мобильности, причем к изучению неравенства применяются как статический, так и динамический подходы (Ковалева, 2017).

Одним из видов социального неравенства является цифровое неравенство. Еще во второй половине XX в. Э. Тоффлер предупреждал, что ускоряющийся темп изменений делает даже несколько лет разницы в возрасте источником колоссальных различий в жизненном опыте (Тоффлер, 2002). М. Кастельс, в свою очередь, фиксировал разрыв между технологическим развитием и социальным отставанием от него (Кастельс, 2004). В XXI в. этот разрыв во многом определяется цифровизацией. Как отмечают исследователи, молодые поколения сегодня рождаются уже «цифровыми сущностями» — их социализация с самого начала происходит в среде, насыщенной интернет-технологиями, тогда как старшие поколения вынуждены постоянно осваивать стремительно изменяющуюся технологическую реальность, преодолевая психологические и когнитивные барьеры (Кравченко, Ракова, 2021).

Поставленные Президентом РФ национальные цели и стратегические задачи развития России до 2030 года подчеркивают важность внедрения цифровых технологий для обеспечения цифровой трансформации (Указ Президента РФ ... : Электронный ресурс). Россия занимает пятое место в мире по количеству времени, которое пользователи проводят в интернете, уделяя ему восемь и более часов ежедневно (Россияне проводят в интернете ... : Электронный ресурс). Чаще всего обращение к сетевым ресурсам, как показывает исследование Ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), связано с поиском информации (74%) и новостей (66%), а также с общением через сети и мессенджеры (65%). С 2025 г. 92% россиян имеют доступ к интернету — это 103 млн человек, или 84% населения старше 12 лет (там же).

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вместе с тем, как показывают исследования, существует устойчивый возрастной рубеж в овладении компьютерной грамотностью. Около половины опрошенных старше 55 лет не пользуются никакими мессенджерами, тогда как среди моло-

дежи до 34 лет таких менее 10%. При этом почти половина граждан России старше 60 лет (46%) вообще не выходит в интернет. Для сравнения: среди молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет доля не пользующихся Сетью составляет лишь 1% (там же). Поколенческий разрыв демонстрируют также социальные сети: если у респондентов 20–24 лет коэффициент пользования соцсетями достигает 3,5 (т. е. в среднем каждый зарегистрирован в трех с половиной сетях), то у группы 55–69 лет он падает до 1,4. При этом почти половина пожилых респондентов (46,7%) вообще не зарегистрирована в сетевых сообществах (Лебедева, 2022).

Согласно данным опроса, проведенного Аналитическим центром НАФИ, освоение новых технологий для людей старше 55 лет вызывает серьезные затруднения. Это касается прежде всего коммуникативной грамотности, цифровой безопасности и создания цифрового контента — здесь старшее поколение существенно отстает от молодежи. Исследование зафиксировало обеспокоенность каждого третьего (33%) представителя старшего поколения отставанием от технологий, а двух третей (77%) — стремлением улучшить свои цифровые навыки (39% людей старшего возраста ... : Электронный ресурс). При этом значительная часть людей в возрасте от 35 до 69 лет, которые владеют компьютером хорошо, но пользуются им редко (пассивные коммуникаторы), при целенаправленной поддержке (курсы, консультации, доступная инфраструктура) имеют большой потенциал для перехода в категорию активных пользователей. Это означает, что поколенческий разрыв может быть существенно сокращен.

Цифровое неравенство неоднородно. Согласно работам исследователей, можно выделить несколько его уровней (Земцов, Демидова, Кичаев, 2022). Во-первых, это неравенство доступа к технике и Сети. Во-вторых, разница в умении пользоваться этими средствами. В-третьих, различие в социальных результатах, которых человек достигает благодаря цифровым технологиям. Некоторые исследователи говорят уже и о четвертом уровне. Он связан со сложными самообучаемыми алгоритмами ИИ, которые могут приводить к неравенству социальных позиций между пользователями и владельцами ИИ, крупными и малыми компаниями, работодателями и работниками. Цифровое неравенство носит и региональный характер. Так, в 2024 г. отставание регионов от лидера по проникновению информационно-коммуникационных технологий составляло в среднем чуть более 35%, а почти в половине регионов (45%) не хватает IT-специалистов. Особенно остро проблема проявляется на Дальнем Востоке, в республиках Северного Кавказа и в отдельных районах Сибири (Красных, 2025).

Однако наиболее ощутимым остается межпоколенческий цифровой разрыв, который, несмотря на предпринимаемые действия в виде программ обучения цифровой грамотности, сохраняется. Согласно данным Аналитического центра НАФИ, индекс цифровой грамотности россиян в 2025 г. снизился на три процентных пункта (до 68 пунктов) — впервые за семь лет. Доля обладателей продвинутых компетенций сократилась на 11 пунктов и составила всего 21%. «Формируется разрыв между уровнем развития цифровых технологий и текущими навыками работы с ними. Если эта тенденция сохранится, то уже к 2027 г. россияне окажутся в ситуации, когда технологии будут развиваться заметно быстрее, чем способность людей ими безопасно пользоваться» (Ефремов: Электронный ресурс). Парадоксально, но лидерами цифровой грамотности стали россияне 45–54 лет, а не молодежь.

При оценке уровня цифровой грамотности необходимо учитывать тот факт, что формальное подключение человека к интернету не всегда сопровождается ростом его реальных цифровых компетенций — этот феномен обозначается понятием «ложной инклюзии» (Социологическая диагностика … , 2025), когда иллюзия преодоления неравенства происходит на фоне сохраняющихся глубинных социальных разрывов. Для миллионов пожилых россиян отсутствие элементарных цифровых навыков становится непреодолимым барьером: они не могут самостоятельно записаться к врачу через Госуслуги, оплатить коммунальные услуги онлайн, воспользоваться телемедициной, связаться с близкими по видеосвязи. Это ведет к социальной изоляции, усилению тревожности и ощущению собственной исключенности из активного социального функционирования.

Важно подчеркнуть, что потребности общества и государства в цифровой грамотности населения постоянно растут в связи с внедрением электронного правительства, «умных городов», дистанционного образования и телемедицины. Поэтому необходимы адресные программы, направленные на снижение стратификации в цифровой сфере. Особого внимания заслуживают меры по повышению ресурсности людей старшего возраста — не только как получателей социальных услуг, но и как потенциально активных участников цифровой экономики. Только комплексный подход, учитывающий как поколенческие, так и региональные и экономические аспекты цифрового неравенства, способен смягчить этот разрыв и предотвратить его превращение в устойчивый фактор межпоколенческого конфликта.

Итак, данные исследований свидетельствуют, что, с одной стороны, россияне с каждым годом проводят в интернете все больше времени, активно пользуются цифровыми сервисами и совершают онлайн-покупки, с другой стороны, разрыв между поколениями в доступе к Сети остается по-прежнему существенным: молодые люди обладают значительным цифровым капиталом — имеют опыт, навыки, знания и доступ к интернет-технологиям. Возникает определенная закономерность: поколение, выросшее в цифровую эпоху, обладает гораздо более широкими возможностями, которых лишены представители предшествующих поколений. Благодаря активному внедрению цифровых технологий в образовательное, научное, производственное, политическое и прежде всего социальное пространство в обществе складывается ситуация, когда младшие поколения не просто опережают старшее в освоении новых технологий, а фактически *говорят на ином языке, пользуются другими способами фиксации информации, ее трансляции, запоминания и использования*.

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: КЛАССИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ VS СЕТЕВОЙ СУБЪЕКТ

Цифровой разрыв между поколениями обусловлен не столько разным уровнем их информированности и практических навыков, сколько различием в способах фиксации и трансляции информации, порожденным принадлежностью поколения Z к иной социокультурной реальности — цифровой. При этом представители каждого из поколений отличаются друг от друга как различные типы субъекта: ориентированные на жизнь офлайн и ориентированные на жизнь онлайн. Если характеристики первых достаточно понятны — это представители поколений X и Y, которые в социологии и философии обозначаются понятиями «классический»

субъект, «субъект модерна» (в соответствии с эпохой, его сформировавшей), «автономный» субъект (в соответствии с его независимостью от сетевых структур), то представителей поколения Z часто обозначают как «сетевой субъект». Некоторые исследователи относят к «цифровым аборигенам» уже миллениалов (Радаев, 2019).

Под понятием «цифровой абориген» понимается человек, чья когнитивная, коммуникативная и ценностная активность в значительной степени опосредована цифровой средой. Как отмечают исследователи, сетевое поколение — это «поколение с сетевым мышлением, сетевым стилем жизни и сетевой идентичностью» (Красноруцкий, 2017: 129), чей социокультурный образ формируется под определяющим влиянием виртуальной реальности. К началу 2020-х гг. практически сформировалась «алгокогнитивная культура» (от двух слов: «алгоритм» и «когнитивный») (Трифонова, Кичерова, 2026: 301–320) — сетевая реальность, альтернативная традиционной социализации, в которой сама Сеть становится референтным источником информации, с которым человек соотносит свои представления о мире, целях и смысле жизни. При этом поколение Z, формировавшееся в условиях цифрового общества, демонстрирует сниженный страх перед развитием искусственного интеллекта и генной инженерии, их гораздо больше беспокоят экзистенциальные риски, такие как загрязнение окружающей среды, экономические кризисы и военные конфликты (Бреслер, Алексеева, 2024).

Понятие «сетевой субъект» сочетает в себе два начала: субъектность как способность к осознанной творческой деятельности и специфические черты, порожденные структурой Сети, которую М. Кастельс определяет как антииерархичную и интертекстуальную (Кастельс, 2004). При этом все особенности Сети становятся составляющей индивидуальной характеристики сетевого субъекта с его неприятием любого организующего начала и неподчиненностью устоявшимся поведенческим моделям. Среди ключевых черт такого субъекта — опора в осуществлении активности не на моральные и ценностные установки, а на функциональность в достижении целей; высокая степень индивидуализма; клиповое мышление; сниженная концентрация внимания; специфическое отношение к истинности информации, которая не подвергается сомнениям, если опирается на сообщения в Сети (Костина, 2022).

Способ получения информации у человека цифровой коммуникации тоже весьма своеобразен. Если для человека, сформированного в рамках книжной культуры, в значительной степени характерны способность к абстрактным построениям, логическое мышление, опора на рациональное восприятие информации, стремление к последовательности когнитивных действий (что заложено в самой структуре печатного текста), то сегодня Сеть обусловила переход от понятийно-логического мышления к клиповому. Оно опирается на яркие, но разрозненные и конкретные образы; демонстрирует смену приоритета с глубинного понимания информации на быстрое выхватывание нужного и отбрасывание «лишнего»; свидетельствует о снижении способности удерживать внимание на чем-то одном и выделять главное в больших текстах. Медиамногозадачность (одновременное использование цифровых и традиционных источников, сочетание офлайн- и онлайн-активностей) имеет как плюсы, так и минусы. Параллельное занятие разными делами — музыка, чат, поиск в интернете, обработка фото, подготовка реферата — приносит больше эмоционального удовлетворения (Солдатова, Трифонова, 2018), но одновременно

ведет к рассеянности, дефициту внимания и предпочтению картинок и символов вместо логики и вдумчивого чтения (Семеновских, 2014). Ученые пока не сошлись во мнении о причинах перехода молодежи к многозадачности: одни видят их в особенностях сетевых сообщений, другие — в недостатках когнитивного контроля и повышенной импульсивности.

Подобные когнитивные особенности сопрягаются с такими социальными характеристиками сетевого субъекта, как повышенная потребность в самоутверждении через публичность; переоценка собственных знаний, где доступ к данным принимается за их понимание и осведомленность; слабое представление о подлинном партнерстве из-за нехватки опыта отстаивания своих интересов в интернете; искаженное понимание авторского права (доступность приравнивается к отсутствию автора); размытое отношение к приватности: личная жизнь становится открытой, формируется установка на публичность; убежденность, что доступ к информации в интернете — это естественное право, и нежелание искать ее в книгах или библиотеках.

При этом сами знания ценятся не столько как отражение реальности, сколько как объект обмена и символ статуса. Это ярко иллюстрируют такие явления, как флуд и троллинг. Флудерство (от англ. flood — «потоп») представляет собой бессодержательный обмен репликами на форумах, обычно не по теме (офтоп). Главная цель здесь — не обмен знаниями, а поднятие темы в рейтинге за счет «накрутки» или постоянного обновления страницы, что позволяет повышать персональный рейтинг. Такое поведение компенсирует участнику либо недостаток реальных событий в жизни, либо внутреннюю пустоту, т. е. флуд служит своего рода виртуальной заменой действительности. Близкое явление — флейминг (от англ. flame — «пламя»), т. е. спор ради спора, когда каждое новое сообщение реагирует не на суть дискуссии, а на случайно упомянутые посторонние детали. Еще более социально опасен троллинг (от англ. trolling — «ловля рыбы на блесну»): провокационные высказывания, цель которых — посеять конфликт, подорвать доверие (Костина, 2017).

Несмотря на то что молодые люди могут быть наслышаны о правах и правилах общения в соцсетях, о способах самопрезентации, они при этом оказываются беспомощны перед кибербуллингом, троллингом, хейтерством, секстингом, лайкозависимостью, киберсуицидом, селфизмом и т. п. Однако при всей уверенности в себе молодые люди не всегда готовы брать на себя взрослые обязанности и ответственность. Данные опроса Московского гуманитарного университета (Ильинский, Ильинская, 2026) показывают, что лишь 36,9% молодых респондентов считают себя способными нести ответственность за будущее страны, а 13,34% полагают, что молодежь слабо готова к подобной ответственности. Кроме того, представители цифрового поколения склонны считать доступную им информацию полноценным знанием. Их картины мира часто несистемны, а противоречия, которые выступают источником развития, сознанием не фиксируются.

Вместе с тем исследования последнего десятилетия отмечают у современных студентов развитие таких уникальных свойств, как визуальный интеллект, способность к быстрому поиску и фильтрации данных, метакогнитивные навыки планирования и оценки информации. «Эффект Google» — привычка не запоминать, а находить — освобождает когнитивные ресурсы для творчества, а медиамногозадачность при всех ее минусах тренирует переключение внимания. Как подчеркивают

авторы, у современных подростков по сравнению с предыдущим поколением способности к переключению внимания и многозадачности претерпевают позитивные изменения (Третьякова, Церковникова, 2021: 60). Сетевой субъект гибок, мобилен и открыт к новому.

Особого внимания заслуживает влияние Сети на ценностные ориентации. Интернет-реальность оказывает значительное воздействие на систему ценностей молодежи (Костина, 2024) — сетевая среда отличается не только информационным переизбытком, но и праздничностью, эффектностью, модным стилем, возможностью «бьютификации» изображений, наполненностью данными о путешествиях и отдыхе. Все это вместе с потребительской идеологией порождает гедонистическую установку: добро — то, что приносит удовольствие, зло — то, что связано с отказом от наслаждения. Гедонизм опасен не только тем, что превращает жизнь в погоню за потреблением, но и тем, что мешает поиску жизненных целей и выстраиванию осмысленного пути. Пилотное исследование студентов в Московском гуманитарном университете (Ильинский, Ильинская, 2026) показало, что студенты связывают цифровые возможности с представлением о той жизни (в социологических исследованиях этот феномен часто определяется, как «хорошая жизнь»), которую можно было рассматривать в качестве некоего идеала.

В 2004–2007 гг. материальную обеспеченность как составляющую «хорошей жизни» выбирали 73% опрошенных, в 2026 г. — 73,9%. Казалось бы, приоритет остался неизменным. Однако ключевое изменение происходит не в количественных показателях, а в качественном наполнении понятия «хорошая жизнь». Два десятилетия назад «быть материально обеспеченным» было относительно универсальной формулой: стабильная работа, достаток, возможность удовлетворять базовые потребности. Сегодня эта же категория начинает включать все то, что связано с цифровой средой, которая становится не просто каналом коммуникации, но и источником самих критериев «хорошей жизни». Скорость интернета, доступ к заблокированным приложениям, присутствие или отсутствие определенных блогеров — все это воспринимается как неотъемлемые условия благополучия. Цифровые сервисы начинают конкурировать с традиционными ценностями (семья, здоровье, образование) за место в формуле успеха.

Итак, современная молодежь, сформированная в цифровом пространстве и обладающая качествами сетевого субъекта, обладает как уникальными преимуществами (быстрый поиск, многозадачность, новые способы усвоения знаний, гибкость мышления, умение переключаться), так и серьезными недостатками (отчуждение от реальности, социальный инфантилизм, уязвимость перед жизненными угрозами, сложности в живом общении, психологическая и информационная зависимость от цифры). Это делает молодежь одновременно более уязвимой для внешних воздействий и менее предсказуемой с точки зрения социальных ожиданий.

Итак, цифровое неравенство в контексте межпоколенческого взаимодействия обусловлено не только различным компетентностным «багажом» двух поколений, но и принципиальными различиями, связанными с их способом считывания, фиксации, усвоения и трансляции информации. Эта ситуация ставит особую задачу — превратить активность сетевого субъекта из фактора когнитивного в ресурс для решения реальных социальных задач и одновременно ответить на вызов цифрового разрыва, разделяющего поколения.

«ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ»: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФУНДАМЕНТ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Решение предлагает технология «обучения служением» (service learning), соединяющая академическое обучение с общественно полезной деятельностью.

Учебная дисциплина «Общественный проект “Обучение служением”» как образовательный подход и педагогическая технология интегрирует обучение и воспитание, основывается на проектных методах, включает разработку и защиту общественного проекта (Солнышкина, 2025). Предпосылками успешного освоения курса являются базовые знания по философии, социологии, основам российской государственности, а также профессиональным дисциплинам.

Особо важна социологическая составляющая, которая формируется по результатам изучения курса «Социология». Студент должен уметь использовать знания о структуре общества, социальной стратификации и социокультурных процессах для определения условий функционирования социальных групп. В рамках темы «Социальное неравенство. Стратификация и социальная мобильность» изучаются естественные различия и социальное неравенство, его причины, факторы, социокультурные основания. Результаты изучения этой темы создают образовательный фундамент для вовлечения студентов в решение проблем общественных неравенств проектными методами (Ковалева, 2017).

Знания в области прикладной социологии вооружают студентов умением анализировать статистические данные, понимать специфику социологического исследования, его методологии и методики (Марченко, Солнышкина, 2020). Проектные и программно-целевые методы решения социальных проблем являются наукоемкими и требуют применения конкретно-социологических методов, повышающих жизнеспособность проектов (Луков, 2003). Социологические теории, исследующие цифровое неравенство, включают институциональный подход (влияние институтов и законодательства), теории стратификации (влияние социальных структур и ресурсов) и концепцию социального капитала.

С 2024 г. в России реализуется федеральная программа «Обучение служением», разработанная Минобрнауки РФ совместно с Ассоциацией волонтерских центров. К 2025 г. к программе присоединились 415 университетов. В Московском гуманитарном университете дисциплина реализуется у 25 групп различных направлений подготовки, создан банк социальных партнеров, включающий более 20 организаций: от коррекционных школ до экологических центров и социальных предпринимателей.

С позиций преодоления цифрового неравенства показателен ряд студенческих проектов, разработанных в рамках «обучения служением». Тематика цифрового неравенства волнует разработчиков в связи с социальным противоречием между стремительной цифровизацией всех сфер жизни и высокой долей пожилого населения, остающегося в информационной изоляции. Это приводит к социальной исключенности, ограничению доступности инновационных услуг и росту зависимости от помощи других.

Проект «IT-помощник для пожилых людей» (разработчик Корчагина, направление «финансы и кредит») возник из личного опыта: автор видела, как сложно старшим родственникам адаптироваться к новым технологиям, как это сужает их мир. Проект предлагает волонтерскую службу тьюторов — студентов IT- и социально-гуманитарных направлений, которые обучают пожилых людей пользоваться порталом Госуслуг, телемедициной, мессенджерами, сервисами онлайн-покупок.

Проект «Мобильное приложение "Цифровой помощник"» (авторы Алешин А., Аракелян Т., направление «прикладная информатика») ориентирован на создание доступного интерфейса для пожилых: крупные кнопки, голосовое управление, обучающие подсказки. Приложение включает разделы «Здоровье», «Финансы», «Общение», «Досуг».

Проект «Мобильное приложение "Легко жить"» (разработчик Клеткина А., направление «прикладная информатика», социальный партнер — Центр социального обслуживания «Близкие люди») интегрирует цифровые сервисы с существующей инфраструктурой соцзащиты: через приложение можно вызвать социального работника, заказать доставку продуктов или лекарств, записаться в кружки.

Во всех проектах разработаны планы мероприятий, определены материально-технические, финансовые, интеллектуальные ресурсы, проработаны риски реализации. Проектируются инновационные формы преодоления цифрового неравенства — а само это преодоление воспринимается как «осознанная необходимость повышения уровня своих знаний и освоения новых навыков с целью социокультурной адаптации и возможностей продолжения саморазвития» (Солнышкина, Подгорный, 2023: 43).

Таким образом, преодолевается неравенство в социальных возможностях и профилактируется эйджизм как возрастная дискриминация.

Яркий пример такого подхода — инициатива студентов Севастопольского государственного университета. Первокурсники кафедры «Информационные технологии и компьютерные системы» в рамках социальной практики выступают преподавателями для старшего поколения (Студенты СевГУ: Электронный ресурс). Занятия посещают 37 человек, разделенных на две группы, уроки проходят 3–4 раза в неделю. Студенты обучают своих подопечных начиная с основ (что такое «файл», «папка») и заканчивая работой с текстовыми редакторами, использованием соцсетей и интернет-сервисов. Особое внимание уделяется таким практическим задачам, как отправка документов по электронной почте, перевод файлов, оплата услуг онлайн.

Студенты высоко оценивают этот опыт. «Мое первое знакомство с компьютером произошло лет в 7, я в детстве часто помогал бабушке с кнопочным телефоном. Когда мне сказали, что таким людям нужна помощь, я вспомнил свое детство и решил, что этих людей тоже надо научить. На этот раз я гораздо опытнее», — делится Ренат Абдураманов (там же).

За годы существования программы «Азбука интернета» (СФР и Ростелеком) курсы прошли свыше полумиллиона человек, а ежегодный конкурс «Спасибо интернету!» в 2024 г. отметился рекордным количеством участников старше 90 лет.

ВЫЗОВЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВНЕДРЕНИЯ. РЕКОМЕНДАЦИИ

Анализ реализации подобных проектов позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, студенты, участвующие в проектах по преодолению цифрового неравенства, демонстрируют более высокий уровень сформированности универсальных компетенций (командная работа, коммуникация, критическое мышление).

Во-вторых, пожилые люди реально улучшают свои цифровые навыки: по данным опросов, после трех месяцев занятий 80% могут самостоятельно записаться к врачу через интернет, 65% — оплатить коммунальные услуги онлайн, 50% — пользоваться видеосвязью.

В-третьих, сами проекты становятся устойчивыми: после завершения грантового финансирования часть из них продолжают существовать в форме студенческих волонтерских отрядов или малых социальных предприятий.

Для того чтобы «обучение служением» стало не эпизодической акцией, а системной частью образовательной политики, необходимы следующие шаги.

На уровне образовательных программ:

— включить модуль «Социальное проектирование» в обязательные учебные планы для всех направлений подготовки, особенно для IT и гуманитарных специальностей;

— интегрировать «обучение служением» как вид практики или форму курсового проектирования с защитой перед комиссией из преподавателей и социальных партнеров;

— создать внутривузовские грантовые конкурсы (50–100 тыс. руб. на пилотные проекты).

На уровне межведомственного взаимодействия:

— заключить рамочные соглашения с региональными органами соцзащиты, центрами соцобслуживания, НКО;

— сформировать попечительские советы с участием представителей бизнеса и власти;

— использовать схему: заказчик → проектное задание → студенческая команда → реализация → результат.

На уровне работы со студентами:

— развивать рефлексивные навыки и критическое мышление (поскольку многие студенты склонны переоценивать свою цифровую грамотность);

— включить тренинги эмпатии и педагогической коммуникации для будущих тьюторов;

— использовать данные социологической диагностики для выявления реальных дефицитов.

На уровне работы с пожилыми людьми:

— адаптировать программы к психологическим особенностям людей старшего возраста: небольшие группы, индивидуальный темп, многократное повторение, позитивное подкрепление;

— создавать безопасную среду без страха ошибки;

— поощрять межпоколенческие мероприятия, где пожилые делятся жизненным опытом (историческая память, традиционные ремесла), а студенты — цифровыми навыками.

Таким образом, цифровое неравенство — это не техническая, а глубокая социальная проблема. Ее решение лежит не в раздаче планшетов, а в выстраивании человеческих связей и передаче знаний. «Обучение служением» предоставляет уникальную возможность для такой передачи, одновременно решая две задачи: повышение цифровой грамотности пожилых и формирование социальной ответственности у молодежи.

Сетевой субъект, чьи когнитивные особенности часто воспринимаются как угроза качеству образования, в проектах этого типа раскрывается с лучшей стороны: его гибкость, цифровая беглость, способность к многозадачности становятся ресурсом для помощи другим. При этом живое общение с пожилыми корректирует недостатки виртуальной социализации — учит эмпатии, терпению, умению слу-

шать. Вовлечение студентов в решение проблемы цифрового неравенства превращает традиционные учебные занятия в лабораторию социальных изменений, где студенты становятся не пассивными потребителями знаний, а активными гражданами, способными анализировать несправедливость и действовать для ее устранения. Это инвестиция в более справедливое и осознанное будущее общество.

Только системное, а не разовое внедрение методов социального проектирования и «обучения служением» способно превратить образование в действенный инструмент преобразования социальной реальности и одновременно ответить на вызов цифрового неравенства, который с каждым годом становится все более острым. Речь идет о новой модели социальной солидарности, где старшие и младшие, «цифровые аборигены» и «цифровые иммигранты» не просто сосуществуют, а взаимодействуют, обмениваются опытом и совместно создают будущее, что, согласно ведущим социальным исследователям, составляет один из базовых трендов современности (Гильен, 2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/ (дата обращения: 17.03.2026).

39% людей старшего возраста чувствуют себя незащищенными перед интернет-мошенниками [Электронный ресурс]. URL: https://asi.org.ru/news/2025/10/01/39-lyudei-starshego-vozrasta-chuvstvuyut-sebya-nezashhishhennymi-pered-internet-moshennikami/ (дата обращения: 17.03.2026).

Бреслер, М. Г., Алексеева, Н. А. (2024) Живущие в цифровом мире. Надежда и страх будущего у поколения Z // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. № 2. С. 165–173.

Гильен, М. (2024) Вне поколений: новые правила работы и жизни / пер. с англ. К. Ахметов. М. : Альпина ПРО. 232 с.

Ефремов, Г. Россияне сдают позиции. В стране впервые за семь лет упала цифровая грамотность [Электронный ресурс]. URL: http://www.interface.ru/home.asp?artId=40495 (дата обращения: 17.03.2026).

Земцов, С. П., Демидова, К. В., Кичаев, Д. Ю. (2022) Распространение интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. № 4. С. 57–78.

Ильинский, И. М., Ильинская, Н. И. (2026) XXXVI заседание Русского интеллектуального клуба. Тема: «Воспитание, ценности и жизнеспособность поколений российской молодежи в условиях информационно-психологической войны» (24 марта 2026 г.) // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 5–27.

Кастельс, М. (2004) Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитонова. Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Гуманит. ун-та (Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий). 327 с.

Ковалева, А. И. (2017) Общество и личность. Лекции по социологии : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 204 с.

Костина, А. В. (2022) Сетевой субъект как участник образовательного процесса // Художественное образование и наука. № 1. С. 44–50.

Костина, А. В. (2017) Интернет-сообщества: что обсуждается в Интернете? От думеров — до фурри. От игнора — до троллинга. М. : Книжный дом «Либроком». 176 с.

Костина, А. В. (2024) Формирование личности: влияние окружающей среды на систему ценностей // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 47–60.

Кравченко, С. А., Ракова, К. В. (2021) «Умные часы» как фактор становления гибридной коммуникации между врачом и пациентом // Коммуникология. № 3. С. 15–28.

Краснорucкий, Л. П. (2017) Социокультурные характеристики сетевого поколения в России: концептуальное поле социально-философской рефлексии // Гуманитарий Юга России. С. 126–134.

Красных, С. С. (2025) Сквозные цифровые технологии как инструмент противодействия санкционным ограничениям // Векторы благополучия: экономика и социум. № 1 (53). С. 51–65.

Лебедева, Л. Г. (2022) О цифровом разрыве поколений россиян в социальных сетях // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. № 4 (64). С. 38–47.

Луков, В. А. (2003) Социальное проектирование : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии : Флинта. 224 с.

Марченко, Т. А., Солнышкина, М. Г. (2020) Социологическое измерение современной социальной работы в системе социальных служб : учеб. пособие. Дубна : Государственный университет «Дубна». 76 с.

Радаев, В. В. (2019) Миллениалы: как меняется российское общество. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 221 с.

Россияне проводят в интернете до 8,5 часов в день [Электронный ресурс]. URL: https://www.sostav.ru/publication/rossiyane-provodyat-v-internete-do-8-5-chasov-v-den-81895.html?ysclid=mq25n6b11d455005718 (дата обращения: 17.03.2026).

Семеновских, Т. В. (2014) Феномен «Клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Вестник евразийской науки. № 5 (24). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-klipovogo-myshleniya-v-obrazovatelnoy-vuzovskoy-srede (дата обращения: 17.03.2026).

Солдатова, Г. У., Трифонова, А. В. (2018) Медиамногозадачность: стоит ли беспокоиться // Дети в информационном обществе. № 28. С. 26–37.

Солнышкина, М. Г. (2025) Обучение служением как современный проектный образовательно-воспитательный подход // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 20–29.

Солнышкина, М. Г., Подгорный, С. А. (2023) Социокультурная адаптация пожилых в университете Серебряного возраста // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 52–61.

Социологическая диагностика цифрового капитала как фактора цифрового неравенства: апробация методологической модели (2025) / П. П. Дерюгин, В. П. Милецкий, А. В. Павлов [и др.] // Дискурс. № 11 (5). С. 105–125.

Студенты СевГУ обучают людей «серебряного» возраста цифровой грамотности [Электронный ресурс]. URL: https://www.sevsu.ru/novosti/item/studenty_sevgu_obuchayut_lyudey_serebryanogo_vozrasta_tsifrovoy_gramotnosti/ (дата обращения: 17.03.2026).

Тоффлер, Э. (2002) Шок будущего : пер. с англ. М. : АСТ. 557 с.

Третьякова, В. С., Церковникова, Н. Г. (2021) Цифровое поколение: потери и приобретения // Профессиональное образование и рынок труда. № 2. С. 53–65.

Трифонова И. С., Кичерова, М. Н. (2026) Отличия проявлений гуманитарной и алгокогнитивной культур в образовательном процессе: оценка функционирования и реализации // Вестник НГПУ. № 2. С. 301–320.

Дата поступления: 12.07.2026 г.

DIGITAL INEQUALITY: SCALE, STRUCTURE, SOCIOLOGICAL DIMENSION

A. V. Kostina, M. G. Solnyshkina
Moscow University for the Humanities

The paper considers digital inequality as a multidimensional phenomenon including differences in the access to IT, skills and social results of their use. The authors draw on the theoretical provi-

sions of A. Toffler, M. Castells, and modern Russian researchers as well as on empirical data (surveys by National Agency of Financial Research, Russian Association of Electronic Communications, etc.). Based on survey data and theoretical approaches, the authors show the age structure of the digital gap, the backlog of the older generation in using digital services and the deficiency of advanced competence. A difference is introduced between the "classic" and the "network" subject (generation Z), which is characterized by clip thinking, multitasking, and hedonistic attitudes, transforming the ideas of a "good life". The paper substantiates that traditional measures (courses, connection to the Internet) often give the effect of "false inclusion" — formal connection does not lead to a real growth of competence. As an effective solution the technique of "teaching by service" is proposed — intergenerational interaction of students and the elderly, where future IT professionals and humanitarians act as tutors for the elderly, teaching them how to use the portal of public services, telemedicine, messengers, and online payments. It is proven that such intergenerational interaction increases the digital literacy of the older generation and at the same time instils empathy, responsibility, and teamwork skills in young people. The conclusion provides recommendations for systemic implementation of this model at universities: integrating social design into curricula, creating intra-university grants, developing partnership with social service centres and NPOs, adapting programmes for the elderly (small groups, individual tempo, safe environment). The authors emphasize the need for complex accounting generational, regional, and cognitive factors to transform education into a tool for social solidarity.

Keywords: youth; values; digital inequality; generation Z; "network subject"; Internet; social media; teaching by service

REFERENCES

Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2024 g. №309 «O nacional`ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda». Sistema GARANT [online] Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/ (accessed: 17.03.2026).

39% lyudej starshego vozrasta chuvstvuyut sebya nezashhishhenny`mi pered internet-moshennikami [online] Available at: https://asi.org.ru/news/2025/10/01/39-lyudei-starshego-vozrasta-chuvstvuyut-sebya-nezashhishhennymi-pered-internet-moshennikami/ (accessed: 17.03.2026).

Bresler, M. G., Alekseeva, N. A. (2024) Zhivushhie v cifrovom mire. Nadezhda i strax budushhego u pokoleniya Z. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodny`e otnosheniya*, no.2, pp. 165–173.

Guillén, M. F. (2024) *The Perennials : The Megatrends Creating a Postgenerational Society* / transl. from Eng. by K. Axmetov. Moscow, Al`pina PRO. 232 p.

Efremov, G. Rossiyane sdayut pozicii. V strane vpervy`e za sem` let upala cifrovaya gramotnost` [online] Available at: http://www.interface.ru/home.asp?artId=40495 (accessed: 17.03.2026).

Zemczov, S. P., Demidova, K. V. and Kichaev, D. Yu. (2022) Rasprostranenie interneta i mezhregional`noe cifrovoe neravenstvo v Rossii: tendencii, faktory` i vliyanie pandemii. *Baltijskij region*, no. 4, pp. 57–78.

Il`inskij, I. M. and Il`inskaya, N. I. (2026) XXXVI zasedanie Russkogo intellektual`nogo kluba. Tema: «Vospitanie, cennosti i zhiznesposobnost` pokolenij rossijskoj molodezhi v usloviyax informacionno-psixologicheskoj vojny`» (24.03.2026). *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 5–27.

Castells, M. (2001) *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society* / Transl. from Eng. A. Matveev, ed. by V. Xaritonov. Ekaterinburg, U-Faktoriya, Izd-vo Gumanit. un-ta (Ekaterinburg, GIPP Ural. rabochij). 327 p.

Kovaleva, A. I. (2017) *Obshhestvo i lichnost`. Lekcii po sociologii: ucheb. posobie*. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit.un-ta. 204 p.

Kostina, A. V. (2022) Setevoj sub`ekt kak uchastnik obrazovatel`nogo processa. *Xudozhestvennoe obrazovanie i nauka*, no. 1, p. 44–50.

Kostina, A. V. (2017) *Internet-soobshhestva: chto obsuzhdaetsya v Internete? Ot dumerov — do furri. Ot ignora — do trollinga*. Moscow, Knizhny`j dom Librokom. 176 p.

Kostina, A. V. (2024) Formirovanie lichnosti: vliyanie okruzhayushhej sredy` na sistemu cennostej. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 47–60.

Kravchenko, S. A. and Rakova, K. V. (2021) «Umny`e chasy` » kak faktor stanovleniya gibridnoj kommunikacii mezhdu vrachom i pacientom. *Kommunikologiya*, no. 3, p. 15–28.

Krasnoruczkij, L. P. (2017) Sociokul`turny`e xarakteristiki setevogo pokoleniya v Rossii: konceptual`noe pole social`no-filosofskoj refleksii. *Gumanitarij Yuga Rossii*, pp. 126–134.

Krasny`x, S. S. (2025) Skvozny`e cifrovy`e texnologii kak instrument protivodejstviya sankcionny`m ogranicheniyam. *Vektory` blagopoluchiya: e`konomika i socium*, no. 1 (53), pp. 51–65.

Lebedeva, L. G. (2022) O cifrovom razry`ve pokolenij rossiyan v social`ny`x setyax. *Izvestiya VUZov. Povolzhskij region. Obshhestvenny`e nauki*, no. 4 (64), pp. 38–47.

Lukov, V. A. (2003) *Social`noe proektirovanie: Ucheb. posobie*. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, Moscow Academy of Humanities and Social Sciences Publ. House Flinta. 224 p.

Marchenko, T. A. and Solny`shkina, M. G. (2020) *Sociologicheskoe izmerenie sovremennoj social`noj raboty` v sisteme social`ny`x sluzhb: uchebnoe posobie*. Dubna, Gosudarstvenny`j universitet «Dubna». 76 p.

Radaev, V. V. (2019) *Millenialy`: kak menyaetsya rossijskoe obshhestvo*. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publishing House. 221 p.

Rossiyane provodyat v internete do 8,5 chasov v den` [online] Available at: https://www.sostav.ru/publication/rossiyane-provodyat-v-internete-do-8-5-chasov-v-den-81895.html?ysclid=mq25n6b11d455005718 (accessed: 17.03.2026).

Semenovskix, T. V. (2014) Fenomen «Klipovogo my`shleniya» v obrazovatel`noj vuzovskoj srede. *Vestnik evrazijskoj nauki*, no. 5 (24) [online] Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-klipovogo-myshleniya-v-obrazovatelnoy-vuzovskoy-srede (accessed: 17.03.2026).

Soldatova, G. U., Trifonova, A. V. (2018) Mediamnogozadachnost`: stoit li bespokoit`sya. *Deti v informacionnom obshhestve*, no. 28, pp. 26–37.

Solny`shkina, M. G. (2025) Obuchenie sluzheniem kak sovremenny`j proektny`j obrazovatel`novospitatel`ny`j podxod. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 20–29.

Solny`shkina, M. G. and Podgorny`j, S. A. (2023) Sociokul`turnaya adaptaciya pozhily`x v universitete Serebryanogo vozrasta. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 52–61.

Sociologicheskaya diagnostika cifrovogo kapitala kak faktora cifrovogo neravenstva: aprobaciya metodologicheskoj modeli (2025) / P. P Deryugin, V. P. Mileczkij, A. V. Pavlov [et al.]. *Diskurs, no. 11 (5), pp. 105–125*.

Studenty` SevGU obuchayut lyudej «serebryanogo» vozrasta cifrovoj gramotnosti [online] Available at: https://www.sevsu.ru/novosti/item/studenty_sevgu_obuchayut_lyudey_serebryanogo_vozrasta_tsifrovoy_gramotnosti/ (accessed: 17.03.2026).

Toffler, A. (2002) *Future Shock* / transl. from Eng. Moscow, AST. 557 p.

Tret`yakova, V. S. and Cerkovnikova, N. G. (2021) Cifrovoe pokolenie: poteri i priobreteniya. *Professional`noe obrazovanie i ry`nok truda*, no. 2, p. 53–65.

Trifonova, I. S. and Kicherova, M. N. (2026) Otlichiya proyavlenij gumanitarnoj i algokognitivnoj kul`tur v obrazovatel`nom processe: ocenka funkcionirovaniya i realizacii *Vestnik NGPU*, №2, p. 301–320.

Submission date: 12.07.2026.

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной и издательской деятельности Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374–58–81. Эл. адрес: akostina@mosgu.ru

Солнышкина Марина Георгиевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374–60–21. Эл. адрес: solny2001@mail.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor, Vice-Rector for Research and Publishing Activity, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

Solnyshkina Marina Georgyevna, Doctor of Sociology, Professor, Professor, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374–60–21. E-mail: solny2001@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.9

Образ субъектности студенчества в общественном договоре постсоветской России (1990-е годы)

М. С. Короткова

Российский государственный гуманитарный университет

Анализируются позиции субъектности студенческой молодежи через призму общественного договора как формы диалога государства с народом, некого встречного движения по улучшению общества в целом и его отдельных общностей. Показаны возможности реализации статуса студента в российском образовательном пространстве 1990-х гг., проблемы и особенности, возникающие на данном этапе; последствия, спровоцированные рядом реформ в сфере образования.

Из всей стихийной и произвольной политики государства 1990-х гг. по отношению к студентам выделяются факторы, влияющие на становление его субъектности: меры по трудоустройству, формы материальной поддержки (стипендия). Недостаточность последних привела к неблагополучному социально-экономическому положению студентов и, как следствие, самостоятельным попыткам улучшить его через включение во вторичную занятость. Отсутствие системы молодежной политики в области воспитания инициировало самостоятельный поиск субъектности через включение в неформальные молодежные объединения.

Ключевые слова: студенчество; субъектность; общественный договор; высшее образование; среднее профессиональное образование; государство; молодежная политика

ВВЕДЕНИЕ

Молодежи имманентно присущ воспроизводственный потенциал, и от ее ресурсности, жизнеспособности зависят будущие достижения общества, успехи развития экономических отраслей, пополняющиеся новыми квалифицированными кадрами.

Происходившие во второй половине 1980-х гг. экономические, политические и социальные процессы радикально повлияли на российское общество, на молодежь. Ресурсность и жизнеспособность молодежи оказались под угрозой. В условиях одномоментно обрушившихся совокупности кризисов — отставание в гонке

вооружений (в тупике оказалась политика, связанная с войной в Афганистане), кризис «государственного социализма» (система, основанная на бюрократическом управлении и стандартизированном производстве, не могла обеспечить удовлетворение растущих потребностей населения), кризис авторитарной политической системы — мало кто обращал внимание на обострившиеся проблемы молодых людей, не говоря о содействии в их решении. Проблем было немало. Приведем их перечень, опираясь на данные мониторинга ВЦИОМ (Образ российской молодежи ... : Электронный ресурс).

— *потеря идентичности:* развал СССР для многих оказался ударом, что привело к утрате принадлежности и уверенности в будущем;

— *возросший уровень тревожности:* кризис, дефициты, криминал, безденежье вызывали сильное беспокойство и страх;

— *рост депрессии и апатии:* перспективы отсутствовали, будущее было туманным, что рождало чувства безысходности и бессилия;

— *переосмысление ценностей:* прежние убеждения уже не работали, а новые еще не сформировались;

— *проблемы с целеполаганием:* страх перед будущим, тревожность, быстроменяющаяся ситуация в стране привели к тому, что молодые люди не могли ничего планировать на длительный период;

— *увеличение негативных явлений в молодежной среде:* наблюдались рост наркотизации, алкоголизма, курения, проституции, формирование асоциальных и антисоциальных субкультур и течений;

— *материальные трудности:* восемь из десяти респондентов на вопрос о том, что больше всего осложняет жизнь современной молодежи, называли материальные трудности;

— *неуверенность в завтрашнем дне:* вариант «неуверенность в завтрашнем дне» выбрали 25%респондентов;

— *трудоустройство:* значительная часть молодежи нигде не работала и не училась;

— *жилищный вопрос:* по версии россиян, в 1991 г. жилищный вопрос занимал второе место среди проблем молодежи (23%);

— *получение образования:* трудности с получением образования занимали пятое место среди проблем молодежи в 1991 г. (15%);

— *отсутствие идеалов и атмосфера бездуховности:* значимость этой проблемы в 1991 г. составляла 14%;

— *неумение ориентироваться в жизни:* о такой проблеме говорили 11% россиян.

Парадоксально, но в каких бы условиях ни происходила социализация молодежи, ее социальная энергия, физиологическая выносливость, мобильность затрачиваются на поиск своего места в общественном пространстве, на становление социальной позиции и индивидуальной самостоятельности. Этот процесс так или иначе завершается обретением молодыми людьми социальной зрелости, экономической самостоятельности, профессионального статуса, т. е. в конечном счете интеграцией в социально-экономическую жизнь общества. Все эти изменения, свойственные молодежи, ограничены во времени, носят динамичный характер, что обязывает ее за относительно небольшой промежуток времени преодолеть неопределенность своего социального положения. Успешность этой непростой зада-

чи под названием «обретение молодыми людьми устойчивого социального статуса» во многом зависит от стабильной экономической, политической ситуации в стране, чего нельзя было сказать о постсоветской России. Это значит, что статусная траектория меняет свой вектор (не всегда положительной направленности) либо выстраиваются новые варианты за счет собственной инициативы.

Под способностью молодежи проявлять инициативу мы подразумеваем ее субъектность. Статус молодого человека в социальной структуре общества — это лишь его положение, тогда как субъектность, являясь динамической стороной статуса, реализуется в повседневной деятельности.

В формировании субъектности большую роль играет государство с его разветвленной сетью социальных институтов. Воспринимая молодежь как перспективный человеческий ресурс, оно вкладывается в эту социальную общность, а та, в свою очередь, активно участвует в предложенных формах развития, переходя от статуса получателя инвестиций к полноценному субъекту экономического производства (Короткова, 2014). Эту гласную и негласную договоренность, некое социальное согласие между молодежью и властью можно обозначить как общественный договор, т. е. социальный контракт, на успешность которого работают две стороны, заинтересованные в совместном развитии. От согласия/несогласия принимать его условия зависят возможность получения молодежью образования, обретение профессии, реализация карьерных перспектив.

Особое место в структуре молодежи занимает студенчество. Особенность его социального статуса заключается в том, что оно является одновременно и объектом, и субъектом социализации. По законам преемственности студенчество осваивает наследуемые общественные отношения, духовные и материальные ценности конкретного общества с целью их последующего воспроизводства (Молодежь планеты ... , 1999). Несмотря на свое переходное и неустойчивое положение, студенчество остается источником культурного воспроизводства общества, его перспективной жизненной силой, интеллектуальным и инновационным ресурсом, способным в будущем к выработке и внедрению новых идей.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

Под студентами мы будем рассматривать тех, кто обучается в учреждениях среднего профессионального (СПО) и высшего профессионального образования.

По данным статистического ежегодника, на начало 2023/2024 учебного года в России программы СПО осуществляли 3239 образовательных организаций и 604 филиала при численности обучающихся свыше 3 млн человек (в РСФСР в 1990 г. их было 2603) (рис. 1). В настоящее время происходит процесс увеличения обучающихся в ссузах: с 2016 по 2023 г. количество увеличилось на 30% (Шугаль, Кузнецова, Кузьмичева, 2022).

Чуть более половины (55,3%) студентов программ СПО получали квалификации в сфере инженерии, технологий и технических наук («Информатика и вычислительная техника», «Техника и технологии наземного транспорта», «Техника и технологии строительства», «Машиностроение» и пр.) (табл. 1). Второе массовое направление (четверть учащихся) — науки об обществе — экономика и управление, юриспруденция, сервис и туризм. На третьем месте здравоохранение — 8,8% студентов (Седова, 2023).

Рис. 1. Численность обучающихся по программам среднего профессионального образования
Fig. 1. The number of students enrolled in secondary vocational education programmes

Источник: Образование в цифрах: 2023. М. : НИУ ВШЭ, 2023.

Среди профессий самые популярные связаны с транспортом (мастер по ремонту автомобилей, тракторист-машинист, машинист локомотива), машиностроением (сварщик, электромонтер), строительством (мастер отделочных, строительных и декоративных работ), сервисом и торговлей (повар, кондитер, парикмахер, продавец-кассир), а также сферой IT (мастер по обработке цифровой информации).

Правительство РФ утвердило список наиболее востребованных на рынке труда новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования (приказ Минтруда России от 30 декабря 2022 г. № 831). В него входят:

Таблица 1

СТРУКТУРА ПРИЕМА И КОНТИНГЕНТА СПО ЗА СЧЕТ БЮДЖЕТА, ТЫС. ЧЕЛ. (2023/2024 УЧЕБНЫЙ ГОД)

Table 1

THE STRUCTURE OF SVE ADMISSION AND CONTINGENT USING BUDGET FUNDS, THOUSAND PEOPLE (FOR 2023/2024 ACADEMIC YEAR)

	Прием		Контингент	
Технические науки	55,30%	408,7	54,21%	1289,8
Сфера услуг	9,01%	66,6	9,61%	228,8
Здравоохранение	8,81%	65,1	8,83%	210,1
Сельское хозяйство	7,31%	54,0	7,48%	178,0
Образование и физическая культура	6,94%	51,3	7,49%	178,1
Экономика и право	6,64%	49,1	6,34%	150,8
Искусство и культура	4,62%	34,2	4,84%	115,1
Реклама, делопроизводство, социальная работа	1,37%	10,1	1,20%	28,6

Источник: Образование в цифрах: 2023. М. : НИУ ВШЭ, 2023.

агроном, ветеринарный фельдшер, бухгалтер, воспитатель, мастер контрольно-измерительных приборов и автоматики, медицинская сестра, оператор беспилотных летательных аппаратов, специалист по информационной безопасности, логистике, мехатронике и мобильной робототехнике.

Государство участвует в восстановлении связи «колледж — предприятие». Так, федеральный проект «Профессионалитет», запущенный в 2022 г., направлен на приближение обучения к реальной отраслевой практике. Колледжи, участвующие в проекте, разрабатывают и реализуют образовательные программы совместно с работодателями.

В высших учебных заведениях, по данным статистики, в 2024/2025 учебном году получали образование в государственных и негосударственных вузах 4458 тыс. чел.[1] Для сравнения: в 2015/2016 учебном году эта цифра составляла 4573,6 тыс. чел., в 2010 г. — 7268,5 тыс. чел.[2] (табл. 2). Уменьшение числа студентов объясняется демографической ситуацией, регулируемым процессом сокращения вузов и введением платного образования[3].

Таблица 2

ОРГАНИЗАЦИИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ПРОГРАММАМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА НАЧАЛО УЧЕБНОГО ГОДА)

Table 2

ORGANIZATIONS ENGAGED IN EDUCATIONAL ACTIVITIES UNDER HIGHER EDUCATION PROGRAMMES (AS OF THE BEGINNING OF THE ACADEMIC YEAR)

Российская Федерация	*1991 г.*	*1996 г.*	*2001 г.*	*2006 г.*	*2011 г.*	*2016 г.*	*2021 г.*	*2024 г.*
Государственные вузы	453	423	616	759	634	896	939	929
Частные вузы	—	200	358	409	466	316	375	305
Кол-во студентов, тыс.	2824,5	2802,4	4741,4	7064,6	7049,8	4766,5	4267, 8	4458, 3

Источник: Россия в цифрах : краткий стат. сб. / Росстат. М.

Глубокий экономический кризис сказался на сокращении бюджетного финансирования, а значит, и на количестве государственных вузов: за период с 1991 по 1996 г., за самые сложные пять лет, их число сократилось почти на 7%[4]. Затем традиционный престиж высшего образования и снятие барьеров к его получению способствовали сохранению и количественному росту вузов к 2001 г. С 1992 г. легализованы негосударственные учебные заведения, что привело к последовательному росту их числа и разнообразию форм к 2011 г.[5] Не прошедшие мониторинг эффективности негосударственные вузы закрывали, чем и объясняется уменьшение их количества с 2016 г.

Анализ статистических данных позволил выявить наиболее актуальные (с позиции студентов) направления высшего профессионального образования. Так, в 2022 г. самыми многочисленными программами стали: юриспруденция, экономика, педагогическое образование, менеджмент, строительство. Курс на гуманитаризацию высшего образования 1990-х гг. проявляется и по сей день (рис. 2). С 2022 г. начался заметный рост интереса к инженерным направлениям, особенно к IT, автоматизации, робототехнике и мехатронике. Выбирая платные места, студенты

ориентируются на ситуативную популярность профессий: экономика и юриспруденция, управление и информатика. Характерный тренд последних лет — сокращение доли студентов, осваивающих программы высшего образования в частных организациях. Правда, на основании этих данных вряд ли можно говорить о каком-то уменьшении его коммерционализации (Вишневский, 2021).

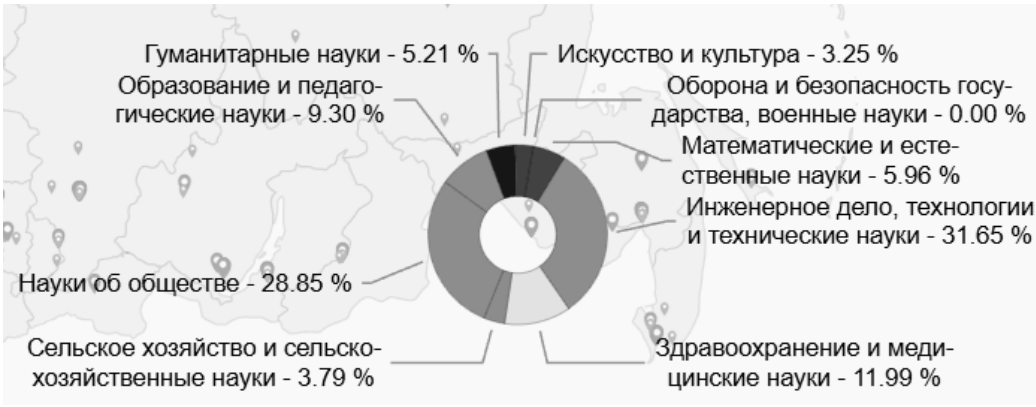

Рис 2. Распределение контингента по направлениям подготовки
Fig. 2. Contingent distribution according to academic programmes

Источник: Мониторинг деятельности организаций высшего образования /Главный информационно-вычислительный центр РТУ МИРЭА (https://miccedu.ru/)

С 1991 и до 2024 г. спектр специальностей, которые выбирали студенты, претерпевал значительные изменения под влиянием социально-экономических условий, технологических трендов и государственных приоритетов. В 1990-е гг. наблюдался перекос в пользу гуманитарных и социально ориентированных направлений, таких как юриспруденция и экономика. Это было связано с переориентацией экономики на рыночные механизмы и восприятием этих профессий как престижных или безопасных.

С 2020-х гг. наблюдается смещение интереса абитуриентов в сторону инженерных и IT-направлений, что связано с потребностями цифровой экономики и технологического развития страны. На выбор профессии влияет и государственная поддержка (выделение бюджетных мест и возможность целевого обучения) приоритетных специальностей, соответствующих задачам обеспечения технологического лидерства страны.

СТИХИЙНОСТЬ И ПРОИЗВОЛЬНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К СТУДЕНЧЕСТВУ (1990-е ГОДЫ)

Начало 1990-х гг. стало началом этапа внедрения рыночных отношений в образование. В политике государства наблюдался отказ от советского опыта, что привело к перестройке всей системы профессиональной подготовки. Инженерные специальности утратили свою значимость из-за закрытия многих предприятий, уменьшилось число студентов по естественно-научным и точным наукам.

Если советское государство трудоустраивало молодежь посредством системы распределения, то в 1990-е гг. среди наиболее волнующих социальных проблем

студенты называли угрозу не найти работу после окончания вуза. Данное обстоятельство не было безосновательным: к концу 1990-х гг. безработица выросла до уровня 13% от численности экономически активного населения. Выпускникам, получившим среднее или высшее профессиональное образование и не имеющим опыта работы, работодатели нередко отказывали в приеме на работу. Как следствие — устройство на случайные позиции, обеспечивающие хоть какой-то минимальный заработок. Одновременно шел и другой негативный процесс: образование становилось недоступным для многих семей. Обучение в вузе требовало больших затрат. Далеко не все родители могли позволить себе содержать студента.

Попытки решить эту проблему со стороны государства в виде создания служб занятости способствовали поиску работы, но в целом не могли решить проблему. Профориентационная работа, предполагающая консультирование студентов, диагностику профессиональных интересов, психологическую поддержку, также была практически полностью разрушена (Тощенко, 2024). Стоит отметить и факт падения престижа выпускников, особенно из новых университетов и их филиалов, которых стали квалифицировать как эрзац-специалистов.

К концу 1990-х гг. 59% студентов говорили об ухудшении своего социально-экономического положения. Восемь из десяти на вопрос о том, что больше всего осложняет жизнь учащейся молодежи, называли материальные трудности.

На социальное самочувствие повлияло сокращение доли стипендии в бюджете студента. Ее минимальный рост не поспевал за инфляцией. Стипендия закрывала траты на удовлетворение жизненных потребностей не более чем на 25%. Выплаты проводились с опозданием, месячная задержка была привычным делом. Все это вызывало рост напряженности. Уже в 1994 г. московские студенты вышли на улицы с протестом против задержек выплат стипендий и требованиями ее повышения. Вскоре к ним присоединились учащиеся из других городов. В Екатеринбурге в 1998 г. такой протест закончился стычкой с ОМОНом, после чего губернатор Свердловской области заявил о необходимости изучения жизни студентов и информирования руководства региона о полученных данных.

Под влиянием деформации студенческой жизни подверглась изменениям вся исторически складывающаяся система трудовых ценностей и приоритетов. Студенческая молодежь теряла интерес к творческому производительному труду. Распространялись иждивенческие настроения и ценность ничегонеделания. Пределом мечтания стало не зарабатывание трудовых денег, а их распределение, получение дохода «просто так», любым, пусть даже противозаконным способом. Престижными стали профессии продавца, ресторанного вышибалы, проститутки (Кошарный, Корж, 2012).

Согласно закону об образовании 1992 г. произошло свертывание профессионально-технических училищ и уменьшение числа учащихся. Переход к рыночной экономике и появление различных форм собственности привели к тому, что училища потеряли связь с предприятиями, обеспечивающими производственную практику и рабочие места для учащихся. Добавим к этому снижение престижа физического труда, невостребованность рабочих кадров из-за спада промышленности и производства. Многие ПТУ сменили вывески, преобразовавшись в профессионально-технические лицеи (ПТЛ), колледжи и техникумы.

К концу десятилетия значительно выросло число негосударственных вузов: если в 1993/1994 учебном году в России действовали 548 государственных и 78 него-

сударственных вузов, то в конце десятилетия — соответственно 590 и 349. Произошел рост числа «платных» студентов в государственном секторе.

Ошибочным было изъятие с 1994 г. воспитательной функции в школах и вузах, в результате чего кадры воспитателей, опыт и знания в этой области были утрачены (Ильинский, 2017).

В этот период характерной чертой стало расширение участия студентов в общественно-политических и неформальных объединениях. После распада комсомола появилось множество новых молодежных организаций, предлагавших различные инициативы. На волне радикализма в молодежной среде возник политический экстремизм. Экстремисты активно использовали молодежь, в том числе и студенчество, которое во многих случаях было главным фактором радикальных действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На фоне общего кризиса государственности, эрозии ценностных установок россиян, кризиса институтов семьи, школы, обеспечивающих полноценную социализацию подрастающего поколения, государство не выполняло своих обязательств по общественному договору по отношению к молодежи. Неспроста поколение 80-х называют потерянным: в ситуации разрухи и голода им предложили разобраться в новых технологиях, освоить не существовавшие ранее профессии, изучить основы финансовой грамотности, понять, что такое частное предпринимательство и что такое гражданское общество. Такой поток невозможно было усвоить и принять адекватно.

Студенчество 1990-х гг. также было предоставлено само себе: высшее образование функционировало неупорядоченно. Отсутствовала специально разработанная государственная молодежная политика, что привело к стихийному самостоятельному поиску субъектности в тех асоциальных неформальных формах, которые больше всего привлекали молодежь и какое-то время были вовсе недоступны, запрещены.

Общественный договор в тех несущественных формах, которые могло дать государство, погруженное в срочное решение экономических и политических проблем 90-х гг., мало устраивал молодежь, и она была вынуждена проявлять собственную инициативу и самостоятельно реализовывать свою субъектность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Сведения о численности студентов образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования. URL: https://minobrnauki.gov.ru/

[2] Россия в цифрах: краткий статистический сборник / Росстат. М., 2015. С. 431.

[3] Сведения о численности студентов образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования. URL: https://minobrnauki.gov.ru/

[4] Образовательные организации высшего образования (на начало учебного года). Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/education/# (дата обращения: 21.03.2026).

[5] Численность студентов государственных и муниципальных образовательных учреждений высшего профессионального образования. Статистический бюллетень / Росстат. М., 2015. С. 9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишневский, Ю. Р. (2021) Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 372 с.

Ильинский, И. М. (2017) Государственная молодежная политика в СССР. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. 432 с.

Короткова, М. С. (2014) Вторичная занятость как фактор оценки социального статуса студенчества // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. №4 (43).

Кошарный, В. П., Корж, Н. В. (2012) Трудовые ценности и установки студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. №1 (21). С. 126–135.

Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х гг., тенденции и перспективы (1999) / И. М. Ильинский, С. В. Алещенок, В. В. Елизаров [и др.]. М. С. 56.

Образ российской молодежи: мониторинг [Электронный ресурс] // Сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring?ysclid=mtzyifs95g904814864 (дата обращения: 13.08.2026).

Россия в цифрах: краткий статистический сборник / Росстат. М., 2015.

Сведения о численности студентов образовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ »https://minobrnauki.gov.ru/ (дата обращения: 13.08.2026).

Седова, Н. А. (2023) Перспективы развития среднего профессионального образования. Материалы Ивановских чтений. №1 (40). С. 55–57.

Тощенко, Ж. Т. (2024) Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. №1. С. 28–42.

Численность студентов государственных и муниципальных образовательных учреждений высшего профессионального образования (2015). Статистический бюллетень / Росстат. М.

Шугаль, Н. Б., Кузнецова, В. И., Кузьмичева, Л. Б. (2022) Среднее профессиональное образование в России : стат. обзор ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ. 72 с.

Дата поступления: 14.08.2026 г.

THE IMAGE OF STUDENT SUBJECTIVITY IN THE SOCIAL CONTRACT OF POST-SOVIET RUSSIA (1990S)

M. S. Korotkova
Russian State University for the Humanities

The article analyzes the subjectivity of student youth through the lens of the social contract as a form of dialogue between the state and the people, a kind of reciprocal movement aimed at improving society as a whole and its individual communities. It shows the possibilities for realizing the status of a student in the Russian educational space of the 1990s, the problems and specific features that arose at that stage, and the consequences triggered by a number of reforms in the education sector.

From the entire spontaneous and arbitrary policy of the state in the 1990s towards students, the factors influencing the formation of its subjectivity stand out: measures related to employment and forms of material support (scholarships). The insufficiency of the latter led to the students' disadvantaged socio -economic situation and, as a result, to independent attempts to improve it by engaging in secondary employment. The absence of a youth policy system in the field of upbringing initiated an independent search for subjectivity through involvement in informal youth associations.

Keywords: student body; subjectivity; social contract; higher education; secondary vocational education; state; youth policy

REFERENCES

Vishnevskij, Yu. R. (2021) Molodezh` o budushhem Rossii i o sebe: vy`zovy` nastoyashhego i konstruirovanie gorizontov gryadushhego (po materialam VIII e`tapa monitoringa dinamiki sociokul`turnogo razvitiya ural`skogo studenchestva 1995–2020 gg.). Ekaterinburg, Izd-vo Ural. Un-ta. 372 p.

Il`inskij, I. M. (2017) *Gosudarstvennaya molodyozhnaya politika v SSSR*. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 432 p.

Korotkova, M. S. (2014) Vtorichnaya zanyatost` kak faktor ocenki social`nogo statusa studenchestva. *Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Sociologiya. E`konomika. Politika*, no. 4 (43).

Kosharny`j, V. P. and Korzh, N. V. (2012) Trudovy`e cennosti i ustanovki studencheskoj molodezhi. *Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvenny`e nauki*, no. 1 (21). Pp. 126–135.

Molodezh` planety`: global`naya situaciya v 90-x gg., tendencii i perspektivy (1999) / I. M. Il`inskij, S. V. Aleshhenok, V. V. Elizarov [et al.]. Moscow. 324 p.

Rossiya v cifrax: Kratkij statisticheskij sbornik. Moscow, Rosstat. P. 431.

Svedeniya o chislennosti studentov obrazovatel`ny`x organizacij, osushhestvlyayushhix obrazovatel`nuyu deyatel`nost` po obrazovatel`ny`m programmam vy`sshego obrazovaniya [online]. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/https://minobrnauki.gov.ru/ (дата обращения: 02.07.2026).

Sedova, N. A. *Perspektivy` razvitiya srednego professional`nogo obrazovaniya. Materialy` Ivanovskix chtenij*, 2023, no. 1 (40), pp. 55–57.

Toshhenko, Zh. T. (2024) Formy` uchastiya vy`sshego obrazovaniya v reshenii problem proizvoditel`nosti truda. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya Sociologiya*, no. 1, pp. 28–42.

Chislennost` studentov gosudarstvenny`x i municipal`ny`x obrazovatel`ny`x uchrezhdenij vy`sshego professional`nogo obrazovaniya. Statisticheskij byulleten (2015). Moscow, Rosstat.

Shugal`, N. B., Kuzneczova, V. I. and Kuz`micheva, L. B. (2022) *Srednee professional`noe obrazovanie v Rossii: statisticheskij obzor*. Moscow, National Research University Higher School of Economics Publ. House. 72 p.

Submission date: 14.08.2026.

Короткова Марина Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета. Адрес: 125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., д. 6. Тел.: 8 (495) 250-65-62. Эл. адрес: korotkova.ms@rggu.ru

Korotkova Marina Sergeyevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of the Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities. Postal address: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russian Federation, 125047. Tel.: 8 (495) 250-65-62. E-mail: korotkova.ms@rggu.ru

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.10

Маргинальные герои (героизм и девиантность в Скандинавии эпохи викингов)

Ю. Е. Соколов, К. И. Молитвина

Институт современного искусства

В статье исследуется феномен героизма в древнескандинавской культуре через анализ психофизических особенностей героев, представленных в сагах и эддах. Образ героя эпохи викингов выходит за рамки обыденного человеческого и часто несет маргинальные черты, указывающие на связь с нечеловеческим миром (йотунами, троллями). Делается вывод о трех ключевых факторах формирования такого типа героизма: особенность происхождения, пребывание на границах миров (человеческого и сверхъестественного) и склонность к оборотничеству. При анализе «Саги об Эгиле» и «Саги об Ане Сгибателе Лука» выявляется четкое противопоставление двух типов героев: «идеального», отличающегося красотой, талантами, социальной адаптивностью, и «маргинального», которому присущи некрасивость, странность, непредсказуемость и социальная отстраненность. На примерах «Саги о Вельсунгах», «Саги о Греттире» и «Саги о Хервор» показано, как связь с хтоническими началами запускает процесс трансформации в существо, приобретающее монструозные черты. В заключении подчеркивается необходимость специальных методов анализа архаического героизма, исключающих проекцию современных представлений на образы далекого прошлого.

Ключевые слова: древнескандинавская культура; героизм; маргинальность; архаический герой; саги; эдда

Тот, кто сражается с чудовищами,
должен остерегаться того,
чтобы не стать одним из них.
И если долго вглядываться в бездну,
бездна начнет вглядываться в тебя.
Фридрих Ницше

ВВЕДЕНИЕ

Феномен героизма является важнейшим моментом практически любой древней и средневековой культуры[1]. Однако в некоторых культурах ввиду особой ориентированности на войну, образ героя становится, говоря языком библейским, «камнем краеугольным». Одним из самых ярких примеров этого типа является культура Скандинавии эпохи викингов.

Разумеется, посягать в отдельно взятой статье на рассмотрение древнесеверного героизма в целом было бы слишком самонадеянно с нашей стороны, а потому ограничимся здесь одним лишь его аспектом. А именно психофизическими особенностями ряда скандинавских героев, которые не просто выделяют их среди других представителей человеческого рода, но заставляют сомневаться в принадлежности к нему, несмотря на вполне человеческое происхождение.

Проблема исследования обусловлена тем, что в современном осмыслении героический образ эпохи викингов нередко трактуется как фигура внутренне однородная, тогда как при более детальном анализе корпуса древнескандинавских текстов убеждаешься в обратном: наряду с героем, полностью интегрированным в социум, в сагах присутствуют такие, чья телесная, психическая и родовая природа отличается. Перед нами предстает личность, которую мы можем определить как маргинальную. Механизмы формирования этого типа, их истоки и т. п. остаются описанными фрагментарно, а в отечественных исследованиях отсутствуют вовсе.

Потому задачи исследования заключаются в следующем: 1) рассмотреть оппозицию «идеального» и «маргинального» героя на материале «Саги об Эгиле», относящейся к родовой саге, и «Саги об Ане Сгибателе Лука», принадлежащей к группе саг о древних временах; 2) выявить и систематизировать факторы генезиса маргинального героя: особенности происхождения, пограничное положение по отношению к нечеловеческому миру и склонность к изменению форм; 3) описать на конкретных сюжетных примерах механизм трансформации героя при контакте с хтоническими существами.

ДВА ТИПА ГЕРОЯ: «ИДЕАЛЬНЫЙ» И «МАРГИНАЛЬНЫЙ»

Герой в европейской архаике, в принципе, существо исключительное. По замечанию Вальтера Буркерта, его творит нечто экстраординарное (Außerordentliche), причем здесь всегда присутствуют непредсказуемое и жуткое (Burkert, 2011: 317). Произнесено это о мифологических реалиях Древней Греции, но в не меньшей мере относится и к Скандинавии интересующего нас периода.

Как и в иных традициях, герой здесь нередко является зримым нарушением порядка космоса, опровергая его законы и представления о границах возможного. Вопрос лишь в том, в результате чего это происходит и каким образом с этим связана упомянутая маргинальность. Среди изобилия героических натур в эддах и сагах в глаза бросаются два противостоящих друг другу типа. Наиболее рельефно их оппозиция проявляется в рассказах о непохожих друг на друга братьях. Классическая картина этого дается в «Саге об Эгиле», где подобная ситуация повторяется в двух поколениях.

«У Квельд-Ульва было два сына; старшего звали Торольв, а младшего Грим; когда они выросли, оба стали высокими и сильными мужчинами, подобными своему отцу. Торольв был очень красив и искусен во всем, за что бы ни брался; он унаследовал черты родственников со стороны матери. Очень веселый, легкий на подъем, деятельный и упорный, он был любим всеми. Грим был черноволосым и некрасивым, похожим на отца внешностью и характером; он был очень трудолюбивым; хорошо работал с деревом и железом и стал великим кузнецом» (Nordal, 1993: 5). Добавим к этому, что таланты Грима, впоследствии прозванного Скалла-Гримом (Skalla-Grímr — Лысый Грим), этим не ограничивались. От отца он унаследовал талант скальда и способности к изменению сущности (Kveld-Úlfr — Вечерний

Волк). Не склонный к битвам, он в случае необходимости (месть за смерть брата) проявлял свирепость и неудержимость ульвхеднара[2].

Во втором поколении акценты между двумя героическими типами поставлены еще четче. Старший, которого также зовут Торольв, является практически копией своего погибшего дяди, воплощая все присущие тому достоинства. Но вот младший сын Скалла-Грима Эгиль — совершенно иной. Такой же некрасивый и черноволосый, как его отец. Необычайно сильный и с детства умеющий говорить чрезвычайно складно, он, в противостоянии с кем-либо (даже с отцом) был необуздан. В придачу ко всем этим качествам (как выяснилось позднее) ему достался уникальный поэтический дар, талант к магии и навыки воина-оборотня (хотя о формальном обращении в саге речь не идет).

Несколько по-иному тот же сюжет передается в «Саге об Ане Сгибателе Лука» (Áns saga bogsveigis). Старший брат Торир «был красивым, вежливым и во всем преуспевал» (Jónsson, 1976: 368). Здесь перед нами весьма опрощенная характеристика обоих Торольвов «Саги об Эгиле». Но вот его брат Ан, крупного роста, некрасивый, медлительный, в отличие от Скалла-Грима и Эгиля, первоначально рисуется весьма глуповатым и ничем не интересующимся. И даже когда ему исполнилось восемнадцать, ни мудрее ни цивилизованней он не стал. Курьезности образу добавляет одежда, настолько несоразмерная, что колени и локти торчат из нее наружу (Jónsson, 1976: 368, 369).

Что же до его силы, то, как констатирует сага, никто о ней ничего не знал, поскольку Ан ни разу не утрудил себя ее демонстрацией (впоследствии она оказалась ужасающа). Однако вскоре в повествовании начинает развиваться другая линия характеристики этого странного юноши.

В двенадцать лет он встречает в лесу дверга (dvergr)[3], магией блокирует ему возможность уйти в подземный мир через камень и требует, чтобы тот сотворил ему волшебный лук. Выбор нехарактерен, поскольку от этих существ требуют обычно мечи. Но главное в том, что он умудряется с двергом не поссориться и даже заплатить за работу. Результатом чего является то, что дверг не наложил на лук проклятия, как сделали его родичи, когда их заставили сковать знаменитый Тюрфинг[4] (Tolkien, 1960: 68).

Этот факт наводит на подозрения в какой-то особой связи «деревенского дурачка» с иными мирами. Далее, на фоне того же странного и местами довольно асоциального поведения, в Ане открывается мощнейший дар предвидения. Прибыв вместе с братом ко двору конунга Ингьяльда, дружинником которого был Торир, он говорит ему, что «в Норвегии не появится человека хуже этого конунга» (Jónsson, 1976: 377), и предупреждает брата, что тот станет причиной его смерти. Ингьяльд действительно оказывается отвратительным человеком, и по мере нарастания конфликта возникает ощущение, что Ан играет с ним, как кот с мышью, не только предугадывая все его действия, но периодически провоцируя на поступки, которые делать не следовало.

При этом действия его не становятся менее причудливыми, периодически напоминая магические ритуалы и жертвоприношения — особенно в воздаяниях людям конунга за творимые ими преступления. Любопытно, что, обеспечив в конце концов уничтожение Ингъяльда, осуществленное сыном Ана Ториром, наш герой оставляет ему земли, добытые им в Наумдёлафюльки (современный Намдален) и возвращается на родину — Храфнисту (ныне Рамстад).

С тамошним кланом, изобилующим весьма своеобразными персонажами (Халльбьёрн Полутролль, Кетиль Лосось, Грим Мохнатые щеки, не говоря уже о самом Ане), связаны многие герои саг, в частности вышеупомянутый Квельд-Ульв и его потомки. Само место это для древнескандинавской традиции знаковое. По замечанию Видара Хрейнсона, Храфниста располагалась у самой северной границы человеческого мира, за которой обитали волшебники финны, бьярмы, тролли и «плохие люди» (illþýði), с которыми жители Храфнисты сражались[5]. «Однако человеческая природа жителей Храфнисты не была полностью однородной: Халльбьёрн был наполовину троллем, его сын Кетилль дружил с несколькими троллями (а с их девушками нередко «дружил» весьма интимно), а у Грима Мохнатые щеки была прекрасная жена-тролль. Жители Храфнисты… обладали природой людей и великанов»[6] (Hreinsson, 1990: 44). Пребывание на границе с нечеловеческим миром проявляется и в «пограничности» этих натур в социальном плане, а именно в невозможности полной социализации, причем не только для них, но и для отдаленных потомков, уже не имеющих к месту обитания предков никакого отношения.

Надо заметить, что вышеупомянутая аномальность героев в скандинавском варианте выражена с предельной (а иногда запредельной) силой. Одно из ее крайних проявлений, встречаемое не слишком часто, побудило Видара Хрейнссона к созданию статьи со своеобразным названием, а именно: «Герои и идиоты с Храфнисты» (Hreinsson, 1990: 41–52).

Анализ обнаруживает здесь не противопоставление, а констатацию сочетания этих начал в одних персонажах наряду с обычным для данного героического типа набором качеств (экстремальным ростом, необычайной силой, непреклонностью и поэтическим даром). Действительно, один из первых представителей этого рода, Кетиль Лосось в детстве предпочитает валятся на кухне перед огнем и ведет себя более чем странно, за что получает от недоброжелателя соседа прозвище «Недоумок с Храфнисты». О «недоразвитости» его потомка Ана мы уже упоминали выше. Поскольку саги, повествующие о языческих временах, были зафиксированы много позднее — в эпоху христианства, то смысл этого юношеского «идиотизма» героев был неясен самим записывающим. Таким же образом, вероятней всего, были утрачены многие подробности чудачеств, которые могли бы помочь истолкованию их ритуальной и магической подоплеки. Однако развитие сюжетов, повествующих о пробуждении в Кетиле и Ане сверхъестественных способностей, свидетельствует, что источником их своеобразного поведения является не бытовой аутизм, а связи с иным нечеловеческим миром. Подчеркнем, что «придурковатость» (как и некрасивость) — момент знаковый, но не обязательный. И у многих персонажей этого типа отклонение от человеческой нормы ограничивается менее экстравагантными вариантами.

ФАКТОРЫ ГЕНЕЗИСА МАРГИНАЛЬНОГО ГЕРОИЗМА

Причины данной ненормативности довольно многообразны, но в первую очередь бросаются в глаза следующие:

I. Особенности происхождения, усугубляющиеся тем, что значительная часть подобных героев числит среди своих предков сверхъестественных существ (йотунов, троллей и т. п.) — противников богов, происходящих от первозданных сил хаоса и ничего не имеющих против того, чтобы мир в этот хаос снова ввергнуть. Об

этом родстве прежде всего свидетельствуют нечеловеческие габариты тел и огромная сила, фиксирующиеся во всех источниках, о них повествующих. Так, например, когда Скаллагрим приезжает к Харальду Прекрасноволосому, чтобы потребовать виру за своего брата Торольва, о нем и его спутниках говорят, что они больше походят на великанов (þursum), чем на людей (Nordal, 1993: 63).

Таков же и самый известный маргинал исландских родовых саг Греттир, который, исходя из рассказа о нем, вроде бы вполне человек, но достаточно изучить его родословную, как оказывается, что по материнской линии его предками являются великан Йотунбьёрн (йотун-медведь, что заодно добавляет тему оборотничества) и все тот же Кетиль Лосось с Храфнисты вкупе с его отцом Халльбьёрном, которого явно не зря прозвали Полутроллем (Ciklamini, 1966: 137).

Отсюда строптивость, необузданность и непредсказуемость как проявление хаотической сущности их предков. Качества эти, фиксирующиеся у каждого в разной мере и с разными обертонами, в зависимости от обстоятельств жизни могли привести к славе (Эгиль) или к изгнанию из социума и ранней смерти (Греттир).

К особенностям происхождения, вероятно, следует отнести и способности к магии, демонстрируемые многими героями этого типа, причем часто к ее стихийным видам (управление ветром в роду Кетиля) и вредоносным: нид (искусство проклятий), сейд (в аспекте магии ущерба) и т. п.[7]

Скальдическое искусство, к которому имеют склонность все, кто произошел с Храфнисты (хотя, конечно, Эгилю здесь нет равных), традиционно считается прерогативой Одина, наделяющего своих избранников даром поэзии благодаря напитку, именуемому «поэтическим медом». Но нельзя забывать, что создали этот мед дверги, а хранили великаны, у которых Один его похитил. Так что источник их поэтического дара также неоднозначен. Как неоднозначно и отношение некоторых из наших героев к традиционной религии. Например, Кетиль Лосось и Одд Стрела категорически отрицают свою связь с Одином и отказывают ему в поклонении. Разумеется, это можно объяснить тем, что саги о них были записаны в XIV и XIII вв., то есть во время господства христианства. Но в то же время можно предположить, что сам мотив достаточно древний и восходит к идентификации себя не с асами[8], а с их вечными противниками — великанами, от которых эти герои и происходят.

В последние десятилетия традиционная убежденность в невозможности существования в Древней Скандинавии культа великанов начинает подвергаться сомнению. По замечанию Гро Стейнсланд, драматическое напряжение скандинавской космологии предполагает наряду с богами наличие великанов как сил хаоса, с которыми также общаются при помощи ритуалов (Steinsland, 1986: 221) (Clunies Ross, 2020: 1551–1554).

Учитывая то, что у истоков многих знатнейших родов Севера стояли йотуны[9], трудно представить однозначно негативное к ним отношение (Schulz, 2004: 261–263). И культ гигантов здесь был неизбежен, хотя бы как культ предков.

II. Другим фактором генезиса этого своеобразного героизма является нахождение его представителей на границах с нечеловеческим миром и , что главное, пересечение ими этих границ. Это пространство качественно отличается от людского, а пребывание в нем ведет к убыванию человеческого в герое. Греттир, объявленный вне закона, девятнадцать лет вынужден скрываться в диких горах Исландии, и характер описаний его бытия там отражает растущее отчуждение от общества

и крепнущую связь с дикой природой и ее сверхъестественными обитателями (Barraclough, 2010: 375). Проблема не только в том, что население начинает воспринимать его как тролля, но прежде всего в его внутренних изменениях.

В саге о Хервор, когда героиня на острове Самсей приходит к погребальным курганам и вызывает своего отца Агантюра, требуя отдать ей проклятый меч (Тюрфинг), она говорит: «Воистину человеком себе казалась, пред тем, как пришла искать ваши чертоги. Отдай ненавистника кольчуг из кургана, творение гномов» (Clunies Ross, 2017: 398). Признание в том, что «человеком человеческим» она себя считала до того, как попала на территорию мертвых, является знаковым. Именно из него следует, что на территории мертвых она таковой чувствовать себя перестала.

Но еще более важными являются контакты героев с обитателями этих пространств, самыми радикальными из которых (по последствиям) являются битвы. Многочисленные сражения с хтоническими и хаотическими существами, коими изобилуют саги, имеют многообразные последствия. Одним из них является то, что Михаил Евзлин (применительно к Гераклу) назвал «хтоническим отравлением» (Евзлин, 1993: 239), точнее, — инфицированием.

Убиение чудовища, пролитие его крови, вкушение плоти (Сигурд съедает сердце Фафнира), контакт с его ядом или (скажем политично) менее благородными секрециями, попавшими на его тело[10], встреча взглядами[11] (Kroesen, 1985: 50–51); (von See, 2006: 408–409) запускают процесс метаморфозы, заключающийся в пробуждении монструозного начала в герое, вместе со способностями перевоплощаться (см. ниже). Например, после битвы с Гламом в Греттире начинают проявляться нечеловеческие черты его отдаленного предка Кетиля, и подобно ему, он все больше начинает сближаться с троллями, великанами и другими странными существами (Ciklamini, 1995: 157).

Эгиль Скаллагримссон в поединке с берсерком, которого не берет железо, демонстрирует волчью повадку и зубами перегрызает ему горло. Таким образом, здесь перед нами интересная закономерность этого типа героизма — обреченность на то, чтобы стать подобным тому, с кем сражаешься.

III. Третьим аспектом анализируемой девиантности является крайняя нестабильность психофизики наших героев, в частности склонность к оборотничеству. Здесь мы сталкиваемся с ключевым для этой темы понятием hamr, чаще всего употреблявшемся в значении: «внешняя форма души», «образ, принятый во время метаморфозы» (Dillmann, 2006: 245), а также множеством его производных: hamrammr (которое, по замечанию Сигурдура Нордаля, «первоначально означает: тот, кто может менять облик, действовать в другом обличье» (Nordal, 1933: 4), hamhleypa (человек, который меняет или приводит свою форму в движение), eigi einhamr (принимать множество форм), hamast (принимать другую форму, впадать в неистовство) (Vriess, 1977: 207) и т. п. Оборотничество (а букв. mjǫk hamrammr — великая способность к перевоплощению) вышеупомянутого Квельд-Ульва как раз характеризуется через hamrammr и hamaðisk (от hamast). Последнее означает метаморфозу в битве, но не сопровождается в «Саге об Эгиле» какой-либо конкретикой. Что вполне естественно, поскольку Снорри Стурлусон, записывающий ее в христианскую эпоху, вряд ли мог позволить себе однозначное утверждение, что предки его были оборотнями.

Поэтому оборотничество обычно понимается переводчиками и комментаторами как переход в состояние, именуемое berserksgangr (ярость берсерка), аккумули-

рующее все силы организма и обеспечивающее возможность предельных (и запредельных) деяний. Но при этом само по себе не влекущее обязательного превращения в какое-либо иное существо.

Тем не менее очевидно, что hamr и родственные ему термины изначально предполагали именно телесные изменения, склонность к которым с точки зрения мифологических текстов наиболее ярко проявлена у первых существ, появившихся в древнескандинавской вселенной — великанов. Для превращения йотунам не нужно набрасывать на себя соколиное оперение Фрейи или зачарованную волчью шкуру. Изменение формы, опосредованное моментальным желанием, происходило спонтанно. Так, Тьяццы и Суттунг, видя удирающих Одина и Локи, обращаются в орлов и бросаются в погоню (Novotná, 2023: 64).

То же проявляется в разных вариантах и у героев саг, несущих в себе наследие йотунов. Так, в «Саге о Сёрли Сильном» (Sǫrla saga sterka) главный герой, выведенный из себя оскорблениями берсерка Тови (брата которого называют троллем, а самого определяют как mjök hamrammaðr), спровоцировал его превращение в дракона (Jónsson, 1976).

В «Саге о Вёльсунгах» валькирия Хльод (дочь великана и супруга основателя этого рода), выполняя задание Одина, «облеклась в воронье оперение» (brá á sik krákuham) (Finch, 1965: 3). Эти же способности унаследовали ее дочь Сигню (принявшая облик другой женщины ради мести своему мужу, предательски погубившему ее род), сын Сигмунд и внук Синфьотли, продемонстрировавшие способность обращаться в волков. «Они выли, как волки, и оба этот вой понимали».

Особый вариант hamr(a) демонстрирует «Сага о Хрольве Жердинке» — дружинник Бедвар Бьярки сидит в трансовом состоянии в покоях конунга, в то время как иное его воплощение в виде огромного медведя крушит врагов на поле боя (Jónsson, 1976).

И наконец, возвращаясь к ульфхеднарам, можно вспомнить самое раннее их упоминание в Haraldskvæði («Песнь о Харльде») — она же Hrafnsmál («Речи ворона»), где, в частности, говорится, что они воют и пьют кровь в битве (уподобляясь волкам)[12]. Отметим, что нам не близок приведенный в этом издании перевод Роберта Дениса Фулька (при всем уважении к его заслугам). И At berserkja reiðu в тексте мы вслед за Нилом Прайсом (Price, 2019: 304) склонны трактовать не как вопрос об экипировке берсерка, но как «ярость (или злобу) берсерка», вроде вышеупомянутого berserksgangr. То есть как общее определение состояния перевоплощающегося, относящееся в данном случае к характеристике ульфхеднаров[13].

Эти метаморфозы небезобидны, потому что такое превращение — слияние с сущностью зверя, погружение в иное сознание — ведет в конечном счете к убыванию человеческого. Как резюмирует это, ссылаясь на «Сагу о Золотом Торире» и «Сагу о Хаварде из Ледового Фьорда» Мари Новотна: «Изменение хамра приводит к необратимым изменениям психики в худшую сторону» (Novotná, 2023: 83).

Поясним, что речь идет не об ослаблении интеллектуальных способностей, но о том, что в результате превращений, говоря словами «Саги о Хервор», каждый из героев становится не совсем «человеческим человеком» с трудным характером и нередко представляет смертельную опасность для окружающих. Например, ситуация Скалла-Грима, терпящего поражение в игре в мяч и оттого спонтанно перешедшего в измененное состояние, после чего он убил двух человек и пытался

убить сына (Эгиля). Одну из лучших характеристик этого ранее дает Харальд Прекрасноволосый, который определяет приехавшего к нему Скалла-Грима словом úlfúðar — с разумом волка (úlf-hugð): «þat sé ek á skalla þeim inum mikla, at hann er fullr upp úlfúðar…» (Вижу, что эта огромная лысая голова полна волчьих умыслов) (Nordal, 1933: 65).

Этим же явно определяется и изменившееся в позднее время отношение к берсеркам и ульфхеднарам, которые в большинстве своем рисуются как бандиты и убийцы. Подчеркнем, что к «положительным» героям, зачастую демонстрирующим те же способности и качества, эти определения больше не применяют. Ведь то, что в язычестве понималось как избранность, в христианскую эпоху стало пороком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Даже из этого крайне фрагментарного (ввиду ограничения объема статьи) обзора темы становится очевидным, насколько сложным является феномен архаического вообще, в том числе феномен древнескандинавского героизма, воплощенного в персонажах, не совпадающих с представлениями о герое не только Нового времени, но даже и позднего Средневековья. Неотделимые от стихийного, животного и даже монструозного в них начала, являющиеся, по большому счету, абсолютными одиночками в социуме, гораздо более близкими к монстрам, нежели к людям, которых вроде бы защищают, они не случайно описываются в повествующих об их деяниях текстах при помощи той же терминологии, что и их чудовищные противники (Teichert, 2014: 144).

Как заметил применительно к Беовульфу Томас Петтит: «Это странное, неестественное существо, обладающее силами, превосходящими возможности обычного воина. Он в равной степени зверь и человек» (Pettitt, 1976: 530).

К изучению этих характеров не подходит столь близкий сердцам представителей западного научного сообщества психоанализ[14], поскольку с тем же успехом его можно прилагать к тайфуну или касатке. Так же как, впрочем, неприменим он ни к героям Гомера (неустанно сравниваемым «Илиадой» со стихийными бедствиями или с хищниками), ни к древнеирландским воителям, демонстрирующим нечеловеческие черты и возможности. Постижение данной темы требует не только других методов, но и осознания невозможности подгонять людей далекого прошлого под систему мышления и ощущений современного человека. Сначала придется признать, что они мыслили, а главное, чувствовали, совершенно иначе, нежели мы сейчас.

Отдавая должное поискам актуальности далекого прошлого, можно сказать, что здесь она также представлена. Не секрет, что самой большой тайной для человека доныне остаются непостижимые глубины его натуры. Поэтому через попытку осознать сопряжение человеческого и нечеловеческого в столь неординарных фигурах раннего периода истории рода Homo sapiens, как герои, когда связи человека и мира были совершенно иные, мы имеем шанс посмотреть на себя другими глазами и открыть в себе то, о чем никогда не подозревали.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] За исключением разве что Древнего Египта, в языке которого не было даже понятия «герой», причины чего в данной работе рассматриваться не могут.

[2] Термин этот встречается в корпусе древнескандинавских текстов значительно реже, чем «берсерк». Используется для обозначения элитных воинов, духом-двойником которых (в отличие от берсерков, с их медвежьим началом) был волк. «Сложное слово úlf-heðinn сочетает в себе два существительных мужского рода. Первое обозначает волка (древнескандинавское úlfr), второе — одежду из кожи или меха (древнескандинавское heðinn) (Vincent, 2020: 43).

[3] Дверг (древнеангл. dweorg, староангл dvergr, древневерхненем. zwerc, gitwerc) в русском эквиваленте это гномы, карлики. Искусные кузнецы в германо-скандинавской мифологии, выковывающие магические артефакты.

[4] Тюрфинг (Tyrfing) — согласно легенде, Тюрфинг был выкован гномами (двергами) Двалином и Дурином по приказу конунга Свафрлами (внука Одина). Гномы создали меч с золотой рукоятью, который никогда не ржавел, прорубал камень и железо так же легко, как ткань, и всегда приносил владельцу победу в бою. Однако гномы, недовольные тем, что их заставили работать против воли, наложили на меч проклятие. Они предсказали, что Тюрфинг будет убивать человека каждый раз, когда его извлекают из ножен.

[5] Сага повествует о том, что «Ан часто бился с кожаными рубахами, и он считался самым сильным из людей». Кожаные (или «меховые») рубахи (skinnkyrtlur) — прозвище великанов и троллей.

[6] Даже покидая ее и обретя в других землях славу и достояние, люди эти неизменно туда возвращаются. Таковы, скажем, Ан Сгибатель лука и Одд Стрела. А дочь последнего, выросшая в Ирландии, покидает родину для того, чтобы навсегда остаться на этом мистическом острове. Заметим также, что в сагах понятия «тролль» и «йотун» нередко взаимозаменяемы, так что ориентироваться на позднейшие фольклорные образы троллей как существ неизменно безобразных, здесь не приходится.

[7] Самое капитальное издание по ниду: (Almqvist, 1965–1974) принимая во внимание тематику нашей работы, в первую очередь можно порекомендовать 2 главу 1 тома Egill Skallagrimssons förbannelseverser. Что касается сейда, то качественных работ здесь неизмеримо больше, например: (Strömbäck, 2000); (Price, 2019: 55–190, 301–323); (Solli, 2002).

[8] Асы — в скандинавской мифологии основная группа богов, возглавляемая Одином. Проживают в Асгарде.

[9] Йотун (др.-исл. jötunn, мн. ч. jötnar) — в древнескандинавской мифологии представитель древнейшего и изначально враждебного богам рода сверхъестественных существ, часто отождествляемого (не вполне точно) с «великанами» или «гигантами» в русскоязычной традиции переводов. Так, например, род Вёльсунгов начинается с брака внука Одина и валькирии Хльод, которая была дочерью великана Хримни (Hrímnis jǫtuns). И союз этот знаменует начало пути, который через Рагнара Лодброка приводит к Харальду Прекрасноволосому.

[10] Þorsteins þáttr uxafóts (Прядь о Торстейне Бычья Нога) (Nordal, 1993).

[11] Драуг Глам (перед тем как быть уничтоженным) пристально глядит в глаза Греттиру. Дракон после того, как Сигурд нанеся ему смертельный удар и выпрыгнул из ямы, где он прятался, называет его глаза сверкающими (frán-eygr). Термин fránn применялся главным образом к определению глаз драконов или змей.

[12] Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages 1. Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035. Turnhout: Brepols, p. 113–114.

[13] О reiðu см.: (de Vries 1957: 437); (Magnússon, 2008: 749).

[14] Столь модный в западной научной традиции в XX и особенно в XXI в. Приведем несколько примеров подобных работ: Anne Heinrichs. (1994) The Search for Identity: A Problem after the Conversion. / Alvíssmál: Forschungen zur mittelalterlichen Kultur Skandinaviens, — психоаналитическое исследование норвежского конунга IX в. Олава Альва Гейрстадира,); Konstantinos I. (2015) Arvanitakis. Psychoanalytic Scholia on the Homeric Epics. Leidon. Boston, Brill, Rodopi — психоаналитическая интерпретацию гомеровских эпосов; Dan Merkur. (1996) Psychoanalytic methods in the history of religion: A personal statement. / Method & Theory in the

Study of Religion. Vol. 8, №4, pp. 327–343. — психоанализ истории религий; Ernest Jones. (2021) Psychoanalytic Study of the Holy Spirit. H. Newton Malony and Edward P. Shafranske (ed.). Early Psychoanalytic Religious Writings. Leiden Boston, Brill, Rodopi. p. 108–114. — психоаналитическое изучение Святого Духа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Евзлин, М. (1993) Космогония и ритуал / предисл. В. Н. Топорова. М. : Радикс. 337 с.

Almqvist, B. (1974) Norrön niddiktning: traditionshistoriska studier. Vol. 2: 1–2 Nid mot missionärer. Uppsala, Almqvist & Wiksell. 260 p.

Barraclough, E. (2010) Inside Outlawry in Grettis saga Ásmundarsonar and Gísla saga Súrssonar: Landscape in the Outlaw Sagas. Scandinavian Studies. Vol. 82, №4. 365–388 pp.

Blöndal Magnússon, Á. (2008) Islensk orðsifjabók. Reykjavík, Orðabók Háskólans. 749 p.

Burkert, W. (2011) Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. Stuttgart, Verlag Kohlhammer. 540 p.

Ciklamini, M. (1966) Grettir and Ketill hængr, the giantkillers. Arv Nordic Yearbook of Folklore. Uppsala, Almqvist & Wiksell, Vol. 22, pp. 137, 140–142, 147–153.

Clunies Ross, M. (2020) The PreChristian Religions of the North: History and Structures. eds. J. P. Schjødt, J. Lindow, A. Andrén. Turnhout, Brepols, pp. 1551–1554.

Clunies Ross, M. (2017) Poetry in fornaldarsögur. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Turnhout, Brepols. 1076 p.

Dillmann, F. X. (2006) Les magiciens dans l'Islande ancienne: études sur la représentation de la magie islandaise et de ses agents dans les sources littéraires norroises. Uppsala, Kungl. Gustav Adolfs Akademien för svensk folkkultur. 779 p.

Finch, R. G. (1965) The Saga of the Volsungs. London, Thomas Nelson and Sons, 1965. 219 p.

Jónsson, G. (1976) Fornaldar sögur Norðurlanda. Annað bindi. Reykjavík, Íslendingasagnaútgáfan. 403 p.

Kroesen, R. (1985) Hvessir augu sem hildingar: The aweinspiring eyes of the King. Arkiv för nordisk filologi. Vol. 100, pp. 50–51.

Magnússon, Á. B. (2008) Islensk orðsifjabók. Reykjavík, Orðabók Háskólans. 749 p.

Novotná, M. (2024) Between Body and Soul in Old Norse Literature: Emotions and the Mutability of Form. Turnhout, Brepols. 224 p.

Orchard, A. (1995) Pride and Prodigies: Studies in the Monsters of the BeowulfManuscript. Cambridge, D. S. Brewer. 352 p.

Pettitt, T. (1976) Beowulf: The Mark of the Beast and the Balance of Frenzy. Neuphilologische Mitteilungen. Vol. 77, №4. 530 p.

Schulz, K. (2004) Riesen: Von Wissenshütern und Wildnisbewohnern in Edda und Saga. Heidelberg, Universitätsverlag Winter. pp. 261–263.

Sigurður Nordal. (1933) Egils saga Skalla-grímssonars. Reykjavík, Hið íslenska fornritafélag. 328 p.

Solli, B. (2002) Seid: Myter, sjamanisme og kjønn i vikingenes tid. Oslo, Pax Forlag A/S. 327 p.

Steinsland, G. (1986) Giants as Recipients of Cult in the Viking Age? Words and Objects: Towards a Dialogue between Archaeology and History of Religion. Oslo, The Institute for Comparative Research in Human Culture. 221 p.

Strömbäck, D. (2000) Sejd och andra studier i nordisk själsuppfattning. Acta Academiae Regiae Gustavi Adolphi, Gidlunds förlag. 328 p.

Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages 1. Poetry from the Kings Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035. Turnhout, Brepols, pp. 113–114.

Teichert, M. (2014) Der monströse Heros oder Wenn der ungeheure Held zum Ungeheuer wird. Narration and Hero eds. V. Millet, H. Sahm. Berlin, Boston, Walter de Gruyter. 144 p.

Tolkien, C. (1960) Saga Heiðreks Konungs ins Vitra. London, Thomas Nelson and Sons Ltd. 209 p.

Vincent, S. (2020) Die Berserker: Die Tierkrieger des Nordens von der Vendel bis zur Wikingerzeitю Berlin; Boston, Walter de Gruyter. 378 p.

Viðar Hreinsson. (1990) Hetjur og fífl úr Hrafnistu. Tímarit Máls og Menningar. Vol. 51, №2. Pp. 41–52.

de Vries, J. (1962) Altnordische etymologische Wörterbuch. Leiden, E. J. Brill. 437 p.

von See, K. (2006) Kommentar zu den Liedern der Edda. Band 5: Heldenlieder. Frá dauða Sinfiǫtla, Grípisspá, Reginsmál, Fáfnismál, Sigrdrífumál. Heidelberg, Universitätsverlag Winter, pp. 408–409.

Дата поступления: 06.06.2026 г.

MARGINAL HEROES (HEROISM AND DEVIANCE IN VIKING AGE SCANDINAVIA)

Yu. E. Sokolov, K. I. Molitvina
Institute of Contemporary Art

The article explores the phenomenon of heroism in the Old Norse culture through the analysis of the psychophysical characteristics of the heroes represented in the sagas and eddas. The image of the Viking Age hero goes beyond the ordinary human and often carries marginal features indicating a connection with the non-human world (jotuns, trolls). It is concluded that there are three key factors in the formation of this type of heroism: the peculiarity of origin, being on the borders of the worlds (human and supernatural) and a tendency to lycanthropy. The analysis of the «Saga of Egil» and the «Saga of Ana the Bowbender» reveals a clear contrast between two types of heroes: the «ideal», distinguished by beauty, talents, social adaptability and the «marginal», who is characterized by ugliness, strangeness, unpredictability and social detachment. The examples of «The Saga of the Volsungs», «The Saga of Grettir» and «The Saga of Hervor» show how a connection with Chthonic principles triggers the process of transformation into a being acquiring monstrous features. In conclusion, the need for special methods of analyzing archaic heroism is emphasized, excluding the projection of modern ideas on images of the distant past.

Keywords: Old Norse culture; heroism; marginality; archaic hero; sagas; edda

REFERENCES

Evzlin, M. (1993) *Kosmogoniya i ritual* / Intr. by V. N. Toporov. Moscow, Radiks. 337 p.

Almqvist, B. (1974) *Norrön niddiktning: traditionshistoriska studier*, vol. 2: 1–2 Nid mot missionärer. Uppsala, Almqvist & Wiksell. 260 p.

Barraclough, E. (2010) Inside Outlawry in Grettis saga Ásmundarsonar and Gísla saga Súrssonar: Landscape in the Outlaw Sagas. *Scandinavian Studies*, vol. 82, no. 4, pp. 365–388.

Blöndal Magnússon, Á. (2008) *Islensk orðsifjabók*. Reykjavík, Orðabók Háskólans. 749 p.

Burkert, W. (2011) *Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche*, Stuttgart, Verlag Kohlhammer. 540 p.

Ciklamini, M. (1966) Grettir and Ketill hængr, the giant killers. *Arv Nordic Yearbook of Folklore*, vol. 22. Uppsala, Almqvist & Wiksell, pp. 137, 140–142, 147–153.

Clunies Ross, M. (2020) *The Pre Christian Religions of the North: History and Structures* / eds. J. P. Schjødt et al. Turnhout, Brepols. Pp. 1551–1554.

Clunies Ross, M. (2017) *Poetry in fornaldarsögur. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Turnhout, Brepols. 1076 p.

Dillmann, F.-X. (2006) *Les magiciens dans l'Islande ancienne: études sur la représentation de la magie islandaise et de ses agents dans les sources littéraires norroises*. Uppsala, Kungl. Gustav Adolfs Akademien för svensk folkkultur. 779 p.

Finch, R. G. (1965) *The Saga of the Volsungs*. London, Thomas Nelson and Sons. 219 p.

Jónsson, G. (1976) *Fornaldar sögur Norðurlanda. Annað bindi*. Reykjavík, Íslendingasagnaútgáfan. 403 p.

Kroesen, R. (1985) Hvessir augu sem hildingar: The awe-inspiring eyes of the King. *Arkiv för nordisk filologi*, vol. 100, pp. 50–51.

Magnússon, Á. B. (2008) *Islensk orðsifjabók*. Reykjavík, Orðabók Háskólans. 749 p.

Novotná, M. (2024) *Between Body and Soul in Old Norse Literature: Emotions and the Mutability of Form*. Turnhout, Brepols. 224 p.

Orchard, A. (1995) *Pride and Prodigies: Studies in the Monsters of the Beowulf Manuscript*. Cambridge, D. S. Brewer. 352 p.

Pettitt, T. (1976) Beowulf: The Mark of the Beast and the Balance of Frenzy. *Neuphilologische Mitteilungen*, vol. 77, no. 4, 530 p.

Schulz, K. (2004) *Riesen: Von Wissenshütern und Wildnisbewohnern in Edda und Saga.* Heidelberg, Universitätsverlag Winter. Pp. 261–263.

Sigurður Nordal. (1933) *Egils saga Skalla-grímssonars*. Reykjavík, Hið íslenska fornritafélag. 328 p.

Solli, B. (2002) *Seid: Myter, sjamanisme og kjønn i vikingenes tid*. Oslo, Pax Forlag A./S. 327 p.

Steinsland, G. (1986) *Giants as Recipients of Cult in the Viking Age? Words and Objects: Towards a Dialogue between Archaeology and History of Religion*. Oslo, The Institute for Comparative Research in Human Culture. 221 p.

Strömbäck, D. (2000) *Sejd och andra studier i nordisk själsuppfattning. Acta Academiae Regiae Gustavi Adolphi*, Gidlunds förlag. 328 p.

Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages 1. Poetry from the Kings Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035. Turnhout, Brepols. Pp. 113–114.

Teichert, M. (2014) *Der monströse Heros oder Wenn der ungeheure Held zum Ungeheuer wird. Narration and Hero* / Ed. by V. Millet and H. Sahm. Berlin, Boston, Walter de Gruyter. 144 p.

Tolkien, C. (1960) *Saga Heiðreks Konungs ins Vitra*. London, Thomas Nelson and Sons Ltd. 209 p.

Vincent, S. (2020) *Die Berserker: Die Tierkrieger des Nordens von der Vendel bis zur Wikingerzeityu*. Berlin; Boston, Walter de Gruyter. 378 p.

Viðar Hreinsson. (1990) Hetjur og fífl úr Hrafnistu. *Tímarit Máls og Menningar*, vol. 51, no. 2, pp. 41–52.

de Vries, J. (1962) *Altnordische etymologische Wörterbuch*. Leiden, E. J. Brill. 437 p.

von See, K. (2006) *Kommentar zu den Liedern der Edda. Band 5: Heldenlieder. Frá dauða Sinfiǫtla, Grípisspá, Reginsmál, Fáfnismál, Sigrdrífumál*. Heidelberg, Universitätsverlag Winter. Pp. 408–409.

Submission date: 06.06.2026.

Соколов Юрий Евгеньевич — кандидат философских наук, проректор по научной работе Института современного искусства. Адрес: 121357, Российская Федерация, г. Москва, пр-д Загорского, д. 23. Тел.: +7 (903) 968-88-06. Эл. адрес: corwin65@mail.ru

Молитвина Кристина Игоревна — аспирант кафедры общегуманитарных и социальных дисциплин Института современного искусства. Адрес: 121357, Российская Федерация, г. Москва, пр-д Загорского, д. 23. Тел.: +7 (963) 780-10-82. Эл. адрес: kristimolitvina@mail.ru

Sokolov Yuri Yevgenievich, Candidate of Philosophy, Vice Rector for Research, Institute of Contemporary Art. Postal address: 23, Zagorskogo Dr., Moscow, Russian Federation, 121357. Tel.: +7 (903) 968-88-06. E-mail: corwin65@mail.ru

Molitvina Kristina Igorevna, Postgraduate Student, Department of General Humanities and Social Disciplines, Institute of Contemporary Art. Postal address: 23, Zagorskogo Dr., Moscow, Russian Federation, 121357. Tel.: +7 (963) 780-10-82. E-mail: kristimolitvina@mail.ru

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.11

Управление креативными индустриями в культуре: зарубежный и российский опыт

Часть II

Т. Н. Миронова

Московский гуманитарный университет

Статья посвящена анализу моделей управления креативными индустриями в условиях перехода к нематериальной экономике и является продолжением работы автора, опубликованной в журнале «Знание. Понимание. Умение» (2026. №2). Рассматриваются теоретические основания концепции креативных индустрий (Дж. Хаскел и С. Уэстлейк, Р. Флорида, Дж. Поттс, Л. Болтански и Э. Кьяпелло), выявляются системные противоречия западной модели, обусловленные коммодификацией творческой деятельности и воспроизводством социальных дисбалансов. На примере Китая и Республики Корея показаны альтернативные подходы к управлению креативным сектором: китайская гибридная модель, сочетающая государственное стратегическое планирование, идеологический контроль и рыночные механизмы, и корейская модель централизованного протекционизма, опирающаяся на продвижение национального культурного контента («Халлю»). Особое внимание уделено формирующейся российской модели управления креативными индустриями: анализируются нормативно-правовая база и институциональная структура, выявляются проблемы межведомственной разобщенности, неопределенности финансирования, узкой трактовки креативного класса и идеологических ограничений. Делается вывод о необходимости адаптации зарубежного опыта с учетом национальных задач и о значимости социокультурных функций креативных индустрий, которые не могут быть сведены исключительно к экономической эффективности.

Ключевые слова: креативные индустрии; креативная экономика; культурная политика; управление культурными индустриями; нематериальные активы; креативный класс; коммодификация культуры; гибридные модели управления; Китай; Республика Корея; Россия.

ВВЕДЕНИЕ. ТРУДНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛИЗМА

Теория креативных индустрий создается на Западе как способ осмысления нового этапа общественного развития — постиндустриального. Данная теоретическая модель возникла как попытка концептуализировать смену парадигмы экономического роста.

О принципиальной трансформации хозяйственной системы пишут Дж. Хаскел и С. Уэстлейк в монографии «Перезапуск будущего: как «починить» нематериаль-

ную экономику»: «Экономика принципиально меняется — от материальной (главным образом) экономики к экономике, основанной на идеях, знаниях и отношениях с потребителями и коммерческими партнерами» (Хаскел, Уэстлейк, 2025: 19). По мере роста благосостояния значительная часть инвестиций направляется в нематериальные активы — НИОКР, брендинг, организационное развитие и программное обеспечение (там же: 71). В то же время снижение темпов экономического роста, углубление неравенства и уменьшение объемов инвестиций в нематериальные активы свидетельствуют о системных противоречиях трансформационных процессов в экономике. Это обусловливает необходимость пересмотра институциональных моделей развития с целью их адаптации к условиям доминирования нематериальных активов.

Данная ситуация актуализирует необходимость анализа управленческих механизмов в секторах, где нематериальные активы создаются наиболее интенсивно. Креативные индустрии, включающие культурное производство, медиа, дизайн и цифровые сервисы, представляют собой именно такую сферу: здесь генерируются идеи, образы и символические ценности, определяющие конкурентоспособность современной экономики. Эволюционная модель креативных индустрий рассматривает их как предпосылку экономической эволюции, поскольку «они вносят вклад в процесс экономического роста и развития, помимо своего вклада в культуру и общество» (Potts, Cunningham, 2008: Электронный ресурс). Однако ранее обозначенные проблемы указывают на необходимость корректировки прежде всего механизмов создания и реализации нематериальных активов, поскольку сохранение устаревших подходов к ведению бизнеса и дефицит институтов, необходимых для нематериальной экономики приводят к отсутствию прогнозируемого эффекта.

Поэтому вопрос об управлении креативными индустриями в культуре приобретает не только прикладное, но и концептуальное значение, связанное с поиском новых моделей координации и стимулирования творческой деятельности в условиях институциональной неопределенности.

Креативный класс представляет собой системообразующий элемент креативных индустрий. С точки зрения автора теории креативного класса Р. Флориды, современная экономика приводится в действие человеческой креативностью (Флорида, 2007: 18), а ее качественные трансформации обусловлены формированием «класса, состоящего из людей, производящих экономические ценности в процессе творческой деятельности» (там же: 84). Вместе с тем новейшие исследования показывают, что «взаимосвязь между экономическим развитием и долей креативного класса в обществе не так уж и однозначна» (Степанова, 2024: 189). В своих поздних работах, в частности в книге «Новый кризис городов» (Флорида, 2018), Р. Флорида признает излишнюю оптимистичность своих ранних оценок. Более того, «развитие творческого труда в условиях капиталистического способа производства сопровождается стремлением к максимизации прибыли…» (Степанова, 2024: 193). На практике креативный класс обнаруживает элитарно-коммерческую природу, исключая из мейнстрима тех, чья активность не приносит прибыль.

Подобная логика коммодификации творческой деятельности характерна и для сферы культуры в целом. Как показывают Л. Болтански и Э. Кьяпелло, «развенчание высокого образа художника способствовало развитию техник менеджмента в сфере культуры, которые были призваны управлять производством “культурных

ценностей", содействовать коммерциализации художественных "продуктов" и вовлечению самих художников в капиталистический оборот» (Болтански, Кьяпелло, 2011: 803). В результате капитализм перестал восприниматься художниками как угроза подлинности их творчества, в отличие от предшествующих эпох, что деформирует целеполагание творческих субъектов, вынуждая их создавать произведения преимущественно ради коммерческой выгоды.

Таким образом, процесс институционализации креативных индустрий целесообразно рассматривать в динамике — как движение от теоретического осмысления к формированию социальной модели. Вместе с тем данная модель не может считаться универсальной. Во-первых, это обусловлено внутренними противоречиями самой западной модели. Во-вторых, тренд на становление «креативной экономики», основанной на нематериальных активах, неодинаково воспринимается в разных странах и может реализовываться по-разному в зависимости от трактовки ее ценностных и смысловых оснований. В-третьих, управленческие модели носят конкретно-исторический характер, а институциональные структуры обладают национальной спецификой.

Осознание того, что в условиях позднего капитализма креативные индустрии часто подчиняются логике коммерциализации и воспроизводят социальные дисбалансы, побуждает некоторые страны сознательно корректировать заимствованные модели, стремясь смягчить противоречия, присущие западному капитализму. Это делает изучение их опыта особенно актуальным. Особый интерес в этом отношении представляют страны Азии и другие незападные общества, где креативные индустрии развиваются в условиях иных культурных традиций и институциональных структур, отличных от западноевропейских.

Для России, где нормативная база и институты управления креативными индустриями находятся в стадии формирования, сравнительный анализ зарубежных моделей приобретает особую значимость. Возникает вопрос: что лежит в основе подходов этих стран — прямое заимствование западных моделей, их сознательная корректировка или формирование гибридных систем, сочетающих западные и восточные принципы управления. В статье последовательно анализируются модели управления креативными индустриями в Китае и Республике Корея — странах, достигших значительных успехов в развитии креативного сектора и опирающихся на национальную компоненту, а затем рассматривается формирующаяся российская модель. Сравнительный анализ позволяет выявить общие закономерности и национальную специфику.

КИТАЙ

Согласно аналитическим данным Forbes, экономика Китая демонстрирует устойчивую динамику, третий год подряд достигая целевых показателей роста около 5% (Экономика Китая достигла цели в 5% роста ВВП в 2025 году, 2026: Электронный ресурс). В контексте данного экономического подъема особое значение приобретает развитие креативных индустрий, которые были определены руководством КНР в качестве приоритетного сектора в первой четверти XXI в. Закрепление их статуса нашло отражение в ключевых документах стратегического планирования — 14-м пятилетнем плане и долгосрочных целевых показателях до 2035 г., что свидетельствует о переходе к новой модели экономического развития, ориентированной на высокотехнологичные и творческие отрасли. «Среди приоритетных

направлений — укрепление идеологии, пропаганды ценностей и традиционной культуры с целью консолидации общества, инвестиции в онлайн-платформы, СМИ, рекламу и другие сервисы для формирования общественного мнения, внедрение инноваций в традиционную культуру, защита нематериального культурного наследия, финансирование национальных парков, поддержка туризма и прочее» (Бурнасов, 2025: Электронный ресурс). Стоит отметить, что в основе теории развития креативных индустрий лежит концепция «креативного китайского человека». Когда в Китае говорят о креативных индустриях, говорят о развитии культурного творчества, дизайн-услуг и смежных отраслей.

Политика КНР в сфере развития креативных культурных индустрий определяется не столько экономическими, сколько идеологическими факторами. Управление сферой формируется на основе признания лидирующей роли культуры в строительстве социалистического общества. Акцент сделан на творчество (Концепция «Создано в Китае») как основу национальной самобытности и на специализацию регионов и расширение их географии, продвижение уникальности регионального национального продукта. «Государственная поддержка осуществляется по следующим направлениям: финансовая поддержка, налоговые льготы, обучение и поддержка талантливых людей, культурный туризм и т. д.» (Логунцова, 2023: Электронный ресурс).

Высшим органом исполнительной власти, ответственным за выработку политики в сфере креативных индустрий, является Министерство культуры и туризма КНР — подконтрольный орган Государственного совета КНР. Оно курирует развитие креативных индустрий в культуре через отдел управления рынком и Бюро комплексного правоохранительного надзора за рынком культуры. China Arts and Entertainment Group[1] (CAEG) — крупнейшее государственное предприятие в креативном секторе, специализируется на планировании и организации выступлений и художественных выставок, инвестировании, производстве и продвижении масштабных шоу-проектов, предоставлении услуг для культурных мероприятий. Среди других значимых государственных предприятий — China Performing Arts Agency[2] (CPAA) и China International Exhibition Agency[3] (CIEA), являющиеся дочерними компаниями CAEG.

Одно из приоритетных направлений развития креативных индустрий в КНР — кластерный подход, который обеспечивает необходимую интеграцию разнородных субъектов креативной сферы. Институциональную основу данной модели формируют демонстрационные зоны креативных индустрий в культуре (креативные культурные кластеры), разработка и координация которых осуществляется Министерством культуры и туризма КНР. В настоящий момент в стране функционирует 384 такие зоны. Их создание нацелено на стимулирование инновационных процессов, трансформацию и популяризацию традиционной китайской культуры, что в конечном итоге способствует социально-экономическому развитию.

Китай демонстрирует ярко выраженную полицентричную модель развития креативных индустрий, что подтверждается вхождением семи его крупнейших агломераций (Пекин, Шанхай, Шэньчжэнь, Гонконг, Гуанчжоу, Ханчжоу, Нанкин) в мировой топ-100 по концентрации лидеров данного сектора. По данному показателю КНР разделяет вторую позицию в мировом рейтинге с Германией и Италией, уступая лишь Соединенным Штатам. В отличие от стран с моноцентричной струк-

турой, где доминирует один столичный регион (как в России, Франции, Японии и Республике Корея), китайская стратегия предполагает территориальную децентрализацию. Данный подход институционализирован на уровне национального стратегического планирования, предписывающего региональным властям разработку и реализацию собственных программ стимулирования креативного сектора. «Чаще всего китайские города специализируются на визуальных индустриях — дизайне, изобразительном искусстве и архитектуре, но и другие виды деятельности достигают высокого уровня развития: например, литературное творчество — в Пекине, мода — в Гонконге, компьютерные игры — в Шанхае»[4].

Успех реализации «китайской модели» в значительной степени детерминирован четкой концептуальной дифференциацией таких категорий, как культура, культурные индустрии и креативные индустрии, для каждой из которых определены свои цели и задачи, а также модели взаимодействия. Также попадание Китая в «“мировой клуб креативных лидеров” обусловлено не только давними культурными традициями Поднебесной, но и целенаправленной государственной политикой» (Боос, Иванова, Куценко 2022: Электронный ресурс).

Китай создал гибридную модель управления креативными индустриями, которая сочетает в себе государственное стратегическое планирование, идеологический контроль, взаимодействие с бизнесом. Существует точка зрения, что «экономика творческих отраслей» оказывается менее значимой в развивающихся странах, демонстрирующих устойчивые процессы экономического роста (Potts, 2009: Электронный ресурс), а в статичной экономике они превращаются в индустрии развлечений, с ограниченными возможностями производства технологий и инноваций. Следовательно, экономический рост влияет на развитие креативного сектора и в то же время стимулирует инновации в культуре и экономике. Как обозначено в документе Государственного совета КНР «Несколько мнений Государственного совета по содействию комплексному развитию культурного творчества, дизайнерских услуг и смежных отраслей», основная задача — это создавать современные инновационные продукты с китайской спецификой[5].

РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ

Культурная политика современной Республики Корея основывается на западной модели развития креативных индустрий. Пополнение бюджета культуры стало одной из целей создания отделов по управлению культурными индустриями. Успех «корейской волны» вывел креативные индустрии в культуре на новый уровень, создавая концепцию взаимодействия культуры, рынка, технологий и «национальной самобытности». Успех «корейской волне» придала именно «корейская специализация» продукции, что привело к развитию как национальной, так и международной креативной индустрии.

Министерство культуры, спорта и туризма Южной Кореи координирует работу государственных органов, содействующих развитию творческого сектора страны. К таким органам относятся, в частности, Корейское агентство креативного контента (KOCCA), Корейский фонд международного культурного обмена и Корейский совет по кинематографии.

Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея неоднократно подвергалось реорганизации. В настоящее время действует полифункциональная организационная структура государственного органа, сформированная в 2008 го-

ду. По мере смещения вектора культурной политики Кореи в сторону развития и популяризации культурных индустрий была создана специализированная структура, в состав которой вошли отдел политики по культурным индустриям, отдел индустрии кино и видеоконтента, отдел игрового контента, отдел индустрии популярной культуры и отдел Халлю (см.: Миронова, 2024: 147).

Сегодня, по данным Корейской службы культуры и информации (KOCIS), 7 центров по продвижению Халлю работают в Северной и Южной Америке, 12 — в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 11 — в Европе, на Ближнем Востоке и Африке — 5 (Миронова, 2024: 235).

Управление креативными индустриями в Республике Корея базируется на принципах централизации и стратегического протекционизма. Результативность корейской модели подтверждается ее международным признанием. Продаются и потребляются не только культурные креативные индустрии, но и корейские марки смартфонов, автомобилей, косметики и продуктов питания, как заслужившие признание благодаря «культурному имиджу» и узнаваемости. Однако развития новых креативных регионов пока не происходит, и Сеул сегодня единственный в международных рейтингах город в Республике Корея, сохраняющий ведущие позиции.

УПРАВЛЕНИЕ КРЕАТИВНЫМИ ИНДУСТРИЯМИ В РОССИИ

Актуальная задача построения «креативной экономики» эволюционирует в парадигму трансформации управления культурной сферой. Будучи ранее преимущественно сферой «создания человека» и произведений искусства, культура в значительной степени подверглась коммодификации. В российском контексте эмансипация от государственного идеологического диктата советской эпохи и обретение статуса свободной творческой деятельности имела амбивалентный результат: деидеологизация сопровождалась установлением новой зависимости — от конъюнктуры рынка и императива коммерческой успешности.

Проблемы современной культуры и культурной политики связаны, во-первых, с недостаточностью финансовой поддержки культуры. Во-вторых, как отмечают зарубежные авторы, «...это конкуренция между классикой, экспериментом и популярным зрелищем (в театрах) или между наукой и развлечением (в музеях). Новая структура досуга и свободного времени со всей остротой ставит вопрос о том, что «происходит при таком сближении культуры и коммерции, образования и развлечения? Каков итоговый баланс положительных и отрицательных последствий этой конвергенции?» (Пахтер, Лэндри, 2003: 16).

Что же происходит в современной культуре? В культуре, живущей по законам рынка, пишет в одной из своих статей российский философ культуры В. М. Межуев, «теряется различие между “ценностью”, на которой она всегда базировалась, и рыночной стоимостью» (Межуев, 2008: 73). «Рынок стремится приблизиться к духовным запросам людей, эстетизируя акт купли-продажи товара», однако «...культура здесь не более чем внешняя обертка для торговой операции» (там же: 73). Наиболее репрезентативными примерами являются партнерства между музеями и брендами в индустрии моды и пищевых продуктов. Данный тренд, репрезентируемый, в частности, на ресурсе «Мистраль-арт», позиционируется как мейнстрим, где искусство транслируется за пределы музейных залов, становясь элемен-

том повседневного культурного опыта, диалога поколений и вкусов. «Искусство не может быть только в залах музея… Искусство должно быть везде»[6]. Функционал культуры расширяется, культурные товары и услуги становятся элементами маркетинга, придавая абсолютно любому продукту уникальность и востребованность. Этот процесс генерирует феномен «мнимой элитарности», стимулируя престижное (статусное) потребление (Радаев, 2025: 68–77).

Как показал анализ институтов управления креативными индустриями в разных странах мира, основные функции, которые они выполняют, это: использование культурных продуктов как элемента «экономики впечатлений»; использование культурных продуктов (творческих идей) в продвижении имиджа страны, под брендом «сделано в…», «создано в…»; преодоление «хронической убыточности» культурного сектора; создание благоприятных коммуникаций между секторами экономики; поддержка и развитие инноваций; воспитание творческой личности и создание новых институций и систем социализации личности; сохранение и поддержка национальной идентичности; извлечение прибыли и пополнение бюджетов стран и т. п.

Институции при государственных структурах или внутри структур, управляющие креативными индустриями в культуре, к настоящему времени созданы во многих странах как Запада, так и Востока.

В организационной структуре Министерства культуры РФ не выделено отдельного сегмента, курирующего вопросы современной (популярной) культуры и культурных индустрий. Профильные департаменты осуществляют поддержку традиционных сфер (музейное, цирковое, народное искусство, кинематограф, культурное наследие) и просветительских проектов.

В российской практике используется понятие креативные (творческие) индустрии, но основа их — культурное наследие, ремесла, гастрономия, литература, музыка и т. д. Основанные по большому счету на видовом культурном разнообразии, они призваны решать иные задачи, нежели создание исключительно смыслообразующих ценностей. Вопрос о конвергенции культуры и рынка остается открытым, но ответ на него разные страны находят свой, и, как мы уже писали, он зависит от того, как понимаются креативные индустрии в стране и какие функции им приписываются.

Управление креативными (творческими) индустриями в России в 2025 г. было делегировано Министерству экономического развития[7], а законодательное оформление данного вида деятельности начинается с 2014 г., когда в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной культурной политики» креативные (творческие) индустрии определяются как «сфера деятельности, в которой компании, организации, объединения и индивидуальные предприниматели в процессе творческой и культурной активности, распоряжения интеллектуальной собственностью производят товары и оказывают услуги, имеющие экономическую ценность, а также способствующие формированию гармонично развитой личности и росту качества жизни российского общества»[8].

В августе 2024 г. был принят Федеральный закон «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации»[9]. В нем были определены виды креативных индустрий: индустрии, основанные на историко-культурном наследии (включая народные художественные промыслы, ремесла, деятельность галерей, деятельность по представлению обществу музейных предметов и музейных кол-

лекций; индустрии, основанные на произведениях литературы и искусства, информационно-телекоммуникационных технологиях, прикладном творчестве.

В апреле 2025 г. приказом Министерства экономического развития Российской Федерации были утверждены виды экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий[10]. По ОКВЭД 2 виды экономической деятельности в сфере креативных индустрий: народные художественные промыслы и ремесла, арт-индустрия, культурное наследие, отдых и развлечение, мода, книжное дело, исполнительские искусства, кино, телевизионные программы и фильмы, программное обеспечение, видеоигры, медиа и СМИ, реклама и пиар, дизайн, архитектура и урбанистика, гастрономия, музыка. Как следует из документа, видов креативных индустрий достаточно много, подавляющее большинство из них относится к культурной сфере и сфере культурных индустрий, некоторые к ремеслам и информационно-коммуникативным технологиям. Гастрономия имеет отношение и к науке, и технологии, и культуре и т. д. Поэтому управление такой разнообразной деятельностью требует создания экосистемной модели управления, своего рода коллаборации между разными государственными ведомствами, неправительственными организациями, творческими союзами и ассоциациями. Полифоническая модель взаимодействия должна основываться прежде всего на принципах демократической, форумной модели, как например в Италии или США. Однако опыт иных стран указывает на то, что государственное участие в поддержке, а также контроле над критически важной сферой деятельности является эффективным способом управления.

Согласно данным Центра стратегических разработок при участии Минцифры России, Минпромторга России, Минкультуры России, Росстата, Роспатента, АО «Российский экспортный центр», АНО «АСИ», НИУ ВШЭ, АНО «Креативная экономика», Союз креативных кластеров, федеральная отраслевая модель управления креативными индустриями выглядит следующим образом. Управление разделено между 6 ведомствами: Министерство культуры, Министерство цифрового развития, Министерство просвещения, Министерство экономического развития, Министерство промышленности и торговли, Министерство строительства. Между ними распределены компетенции по основным видам экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий. Региональная модель управления представляет собой строгую вертикаль государственного управления, возможно, снижающую эффективность из-за отсутствия гибкости в отношении к запросам рынка и изменениям его конъюнктуры.

Стоит отметить, что управленческая схема выглядит довольно логично и обоснованно: Министерство экономического развития устанавливает правила игры, отраслевые министерства применяют правила в своих сферах, регионы занимаются региональным развитием креативных индустрий на уровне кластеров. Но вот насколько сильны будут координация между уровнями государственного управления и межведомственная взаимосвязь, однозначно сказать нельзя.

Данная структура указывает на то, что единого понимания функций и роли креативных индустрий в настоящее время нет. Креативный сектор представляет собой набор разнообразных видов деятельности, закрепленных за разными министерствами.

Также неоднозначно определена роль креативных отраслей в экономике. Согласно данным аналитического отчета Министерства экономического развития РФ

и Центра стратегических разработок «Креативная экономика России сегодня», ведущая роль отводится программному обеспечению, рекламе и пиар (44%), исполнительским искусствам и гастрономии (22%). Остальные виды креативных индустрий выглядят в сравнении как слабые, имеющие нестабильный и низкий экономический потенциал, например, музыка 0,8%, арт-индустрия — 2,2%, мода — 0,2%, и, возможно, более скромное финансирование в сравнении с подведомственными Минцифре и Минэкономразвития видами креативных индустрий. Ограниченное финансирование может влиять на развитие тех или иных видов креативных индустрий, а недостаточное внимание к потенциально успешным отраслям может привести к их недооценке. Да, во многих странах выделяют приоритетные направления и стараются продвигать именно их, но креативная сфера подвержена серьезным рискам колебания спроса, так как большинство ее видов зависят от «моды» и «пиара», более того, могут иметь сниженный потенциал потребления на внутреннем рынке, но высокий на внешнем.

Недооценка роли отдельных видов креативных индустрий, отсутствие единой координации и согласованности определяют серьезные риски для дальнейшего развития сектора в России. Также структура создает риски для бизнеса: если компании работают на стыке видов креативной деятельности, им приходится взаимодействовать с разными ведомствами. Наиболее приемлемым сценарием оптимизации структуры могло бы стать создание единого координирующего органа или сосредоточение большинства функций креативных индустрий в рамках одного ведомства. Также можно отметить наличие неопределенности с государственным финансированием, особенно в регионах, где роль и задачи бизнеса в финансировании креативных индустрий не определены, что говорит о необходимости доработки создаваемой в России модели. На наш взгляд, важно при этом определить отношение к креативным индустриям, их функции и задачи в российском обществе, при учете актуальных экономических возможностей и условий роста.

Государственные структуры — не единственные субъекты управления креативными индустриями в России, есть и немало общественных. Среди них Федерация креативных индустрий, Агентство стратегических инициатив (АСИ), Ассоциация продюсеров кино и телевидения (АПКиТ) и другие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждая страна определяет место креативных индустрий в соответствии с национальными задачами общественного развития. Ключевым драйвером роста признается творческий труд, интегрированный в сферу высоких технологий.

Четыре модели, разработанные Джейсоном Поттсом, нашли свое воплощение в формировании управленческих подходов к креативным индустриям. Первая модель исходит из признания отрицательной экономической стоимости процессов производства и потребления продуктов креативной и культурной деятельности. В рамках данного подхода постулируется их высокая социокультурная значимость, что обусловливает необходимость финансовой поддержки (субсидирования) как со стороны государства, так и со стороны негосударственных субъектов культурной политики. Вторая модель обусловлена их восприятием как определенного набора различных видов деятельности, зачастую связанных с культурной сферой. Их экономическая ценность определяется спросом на рынке, маркетинговыми усилиями, сегодняшними трендами, общий вклад в экономику незначителен

по сравнению с другими отраслями. Третья модель указывает на то, что креативные индустрии стимулируют экономический рост, влияют на активность рынка, формируют внешнеторговую прибыль за счет экспорта креативной продукции. И четвертая модель представляет креативные индустрии как драйвер экономического развития за счет инноваций. Система управления креативными индустриями в культуре выстраивается исходя из понимания их роли в общественном развитии и значении для экономики. Вклад культуры и культурных индустрий в экономику измерить довольно просто, а вот измерить их вклад в развитие общества, в его гуманизацию, творческий потенциал, в воспитание и образование человека довольно сложно, так как он определяется не количеством посещений культурных учреждений или потреблением культурного контента, а возможностями самореализации человека, раскрытием его способностей в социуме и на благо социума.

Суть этой цели понимают в разных странах мира, поэтому создают, видоизменяют задачи реализации, цели и подходы. А также весомое влияние оказывают сложившаяся практика социального управления, традиции государственности и формы политической организации, цели властных структур и, конечно же, экономика. Поэтому при подходе к разработке и внедрению практики управления креативными индустриями говорить только об экономике, значит сузить их понимание: креативные индустрии, в том числе и в культуре, зависят от политики и формируются креативными элитами. Творчество в креативном классе формируется с помощью финансового обеспечения или за счет бизнеса, или за счет государства.

Исходя из позиции, что креативные индустрии есть следствие успешной эволюции экономического развития Запада, развивающиеся страны слабого экономического роста не могут претендовать на лидирующие позиции в данной сфере и успешно конкурировать с мировыми креативными индустриями. Отчасти это так, но опыт последних десятилетий оправдывает позицию, что на самом деле все зависит от целей и стратегий страны, насколько она способна адаптировать опыт других и создавать свой креатив и собственные инновационные модели, позволяющие креативные и культурные индустрии сделать фактором роста, экспортировать продукцию, как происходит в странах Азии, например, в Республике Корея, Японии, Китае. Это связано не только с инвестициями, сбережениями и другими экономическими показателями, сколько с инвестированием в человеческий капитал, образование и критически важные отрасли. В Республике Корея это менее выражено, так как «корейская волна» — это скорее тренд эпохи, который может уйти с авансцены через какое-то время, а в перспективе низкая рождаемость может лишить страну «креативной молодежи» или серьезно снизить ее потенциал. «Креативный класс» на Западе формировался и формируется за счет поиска и отбора «талантливых людей» из разных точек мира. Китай в своем развитии креативной экономики использует тот же путь, но также делает ставку на развитие собственной образовательной системы, в том числе и за счет функционирования «Институтов Конфуция»[11]. Можно сказать, что есть общие принципы и наработки, обеспечивающие становление и развитие креативного сектора в экономике и культуре той или иной страны, а есть те особенные подходы и механизмы, которые вырабатываются в результате адаптации чужого опыта и применения инновационных способов управления, отвечающих современным вызовам и обеспечивающим качественную и эффективную трансформацию системы.

Если с этой точки зрения проанализировать сложившуюся систему управления креативными индустриями в культуре в России, то, во-первых, нужно отметить признание значимости роли культуры в общественном развитии, но в то же время наблюдается настойчивое желание сделать ее прибыльной сферой.

Во-вторых, структура управления креативными индустриями и модель пока полностью не определены. Можно говорить в настоящее время о существовании преимущественно Первой и Второй модели. Из-за создания довольно громоздкой структуры, как центрального уровня, так и регионального, сильна межведомственная разобщенность и сложность определения структурных задач и их выполнение. Существует правовая неопределенность, не проработана косвенная поддержка, налоговые льготы для субъектов культурных индустрий, творческих работников, креативного класса, бизнеса, потребителей.

В-третьих, в проекте «Стратегия развития креативной экономики в Российской Федерации на период до 2036 года»[12] формирование творческого класса возлагают на школы креативных индустрий, среднее профессиональное образование и творческие вузы, ограничивая подобным восприятием понятие «креативного класса». При данном подходе, ситуацию с производством качественной продукции культурных индустрий может усугубить отток из страны талантливой молодежи, старение кадров и регулярные реформы системы образования, дестабилизирующие ситуацию в подготовке специалистов. Креативный класс — это не только творчество в культуре, но и творчество инноваций в самых разных сферах, особенно в создании технологических новинок и преодолении зависимости от зарубежного программного обеспечения, каналов коммуникации, оборудования и т. д.

В-четвертых, в настоящее время окно возможностей экспорта для креативных индустрий в России сильно сужено, поэтому делать ставку на креативные индустрии как проводник «мягкой силы» в мире сложно. Но это не значит, что не нужно уделять данному аспекту внимание. Наоборот, если этого не делать, ситуация может осложниться и на внутреннем рынке. Далее перспективными рынками могут стать страны постсоветского пространства, далее — дружественные страны.

В-пятых, наблюдается усиление идеологического давления на креативные индустрии в культуре. Так, недавно принятые поправки к Федеральному закону от 31 июля 2025 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10–5 и 10–6 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 5 и 5–1 Федерального закона “О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации”»[13] устанавливают правила, не допускающие распространение контента, дискредитирующего традиционные духовно-нравственные ценности. Понимания сути дискредитации в законодательстве не дается. Ограничения содержания культурно-творческой продукции могут внушать опасения, но подобная практика существует и в других странах, например в Китае, где в законе КНР «О содействии развитию киноиндустрии» 2016 г.[14] прописаны конкретно те действия, которых не должно быть в контенте, причем как в китайском, так и иностранном. Можно согласиться с тем, что негативное содержание произведения может оказать отрицательное влияние на психическое здоровье человека и общества, приводить к девиантному поведению или формировать нехорошие установки для личности, однако, на наш взгляд, не цензура и не запрет, а именно качественный, профессиональный, нравственный, высокохудожествен-

ный контент может реализовывать цели развития креативных индустрий в культуре, помимо чисто экономических.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Китайская группа искусств и развлечений, основана в апреле 2004 г.

[2] Китайское Агентство исполнительских искусств, основано в 1957 г.

[3] Китайское международное выставочное агентство, основано в 1950 г.

[4] От «сделано в Китае» к «создано в Китае» [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: https://issek.hse.ru/news/791075231.html?ysclid=mh2dowlwd9977324424 (дата обращения: 01.11.2025).

[5] Несколько мнений Государственного совета о содействии интеграции и комплексному развитию культурного творчества, дизайнерских услуг и смежных отраслей. 2014 [Электронный ресурс]. [online] Available at: https://www.gov.cn/zhengce/content/2014-03/14/content_8713.htm (дата обращения 16.02.2026).

[6] URL: https://mistral-art.ru/

[7] Постановление Правительства РФ от 25.01.2025 №41. [Электронный ресурс]. [online] Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501250006?ysclid=mtae5bi1av744581106ht (дата обращения: 16.02.2026).

[8] Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. №808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [Электронный ресурс]. URL: https://www.base.garant.ru/70828330/ (дата обращения: 23.02.2026).

[9] Федеральный закон от 08.08.2024 г. №330-ФЗ. «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50912 (дата обращения: 23.02.2026).

[10] Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23.04.2025 №266. «Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности» (Зарегистрирован 26.05.2025 №82331) [Электронный ресурс]. URL: http://www.publication.pravo.gov.ru/document/0001202505270011?ysclid=mmhqfbgys6732195141 (дата обращения: 25.01.2026).

[11] Институты Конфуция – сеть международных культурно-образовательных центров. Их создают при зарубежных вузах по инициативе правительства КНР, чтобы продвигать китайский язык и культуру в мире. На конец января 2026 г. в мире насчитывалось 512 Институтов Конфуция, действующих в 164 странах и регионах.

[12] Стратегия развития креативной экономики в Российской Федерации на период до 2036 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/5221cb1fd9eea32c500bb3f4d48ec6e1/proekt_strategii_razvitiya_kreativnoy_ekonomiki_v_rossiyskoy_federacii_do_2036_goda.pdf?ysclid=mmjhwrl8sw697348804 (дата обращения: 24.02.2024).

[13] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. №324-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10–5 и 10–6 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и статьи 5 и 5–1 Федерального закона “О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52262?ysclid=mmjhty348r256191189 (дата обращения: 25.01.2026).

[14] Закон КНР «О содействии развитию киноиндустрии» 11.07.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2016-11/07/content_2001625.htm (дата обращения: 27.01.2026).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болтански, Л., Кьяпелло, Э. (2011) Новый дух капитализма / пер. с фр. под общей редакцией С. Фокина. М. : Новое литературное обозрение. 976 с.

Боос, В. О., Иванова, Е. А., Куценко, Е. С. (2022) От «сделано в Китае» к «создано в Китае» [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/791074562.pdf?ysclid=mtafxplvvh311470384 (дата обращения 26.01.2006).

Бурнасов, А. Политика КНР привела к росту рынка креативных индустрий на 14% в год. 3 марта 2025. [Электронный ресурс] // Портал Уральского федерального университета. URL: https://www.creind.urfu.ru/ru/news/?news=54419&cHash=62b8aeacf782dcae06dc3bd3467c902f (дата обращения: 15.09.2025).

Гомбоева, Я. З. (2024) Креативные индустрии Китая // Гуманитарный вектор. Т. 19. №1. С. 63–71.

Логунцова, И. В. (2023) Особенности креативной экономики Китая // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск №98. Июнь 2023. С. 21–30.

Креативная экономика России сегодня (2025) [Электронный ресурс]. Авторский коллектив: Команда Минэкономразвития России: Т. А. Илюшникова, А. Е. Золотухина, Е. Г. Дегтева, О. В. Самойленкова. Команда Центра стратегичсеких разработок: П. А. Смелов, Т. А. Караваева, Ю. М. Петенко, О. Д. Крутов. При участии: Минцифры России, Минпромторга России, Минкультуры России, Росстата, Роспатента, АО «Российский экспортный центр», АНО «АСИ», НИУ ВШЭ, АНО «Креативная экономика», Союз креативных кластеров. 24 июня 2025 // Сайт Министерства экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/12076383da381203a530669fff216077/kreativnaya_ekonomika_rossii_segodnya_2025.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

Межуев, В. М. (2008) Государство и культура: теоретические предпосылки культурной политики // Управленческое консультирование. №1. С. 63–78.

Миронова, Т. Н. (2024) Актуализация культурного наследия в молодежной среде (на примере Республики Корея) // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 230–242.

Оспанова, А. М. (2024) От искусства до инноваций: Италия и ее успешная стратегия развития креативной экономики [Электронный ресурс] // Theory and history of culture. Culture and Civilization. Vol. 14, Is. 11A. URL: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2024-11/a16-ospanova.pdf. (дата обращения: 28.10.2025).

Паксютов, Г. Д. (2020) Японские «креативные отрасли» на глобальных рынках: текущие проблемы и роль государства // Мир новой экономики Т. 14. №4. С. 15–21.

Пахтер, М., Лэндри, Ч. (2003) Культура на перепутье. Культура и культурные институты в XXI веке / пер. с англ. М. : Классика-XXI. 96 с.

Радаев, В. В. (2025) Нестандартное потребление. М. : Издательский дом ВШЭ. 217 с.

Способствовать развитию индустрии культуры с помощью высококачественных и эффективных государственных услуг [Электронный ресурс] // Сайт Министерства культуры и туризма Китайской Народной Республики. URL: https://www.mct.gov.cn/whzx/bnsj/whcys/201406/t20140605_759266.html (дата обращения: 09.03.2026).

Степанова, Т. Д. (2024) Креативный класс и творческий труд: взаи-мосвязь, эксплуатация и противоречия развития // Уровень жизни населе-ния регионов России. Т. 20. №2. С. 183–195.

Экономика Китая достигла цели в 5% роста ВВП в 2025 году. 19 января 2026. [Электронный ресурс] // Forbes. URL: https://www.forbes.ru/finansy/553783-ekonomika-kitaa-dostigla-celi-v-5-rosta-vvp-v-2025-godu?ysclid=mmj3lpsbul584600605 (дата обращения: 23.02.2026).

Хаскел, Д., Уэстлейк, С. (2025) Перезапуск будущего. Как «починить» нематериальную экономику / пер. с англ. А. Резвова. М. : Издательство Института Гайдара. 408 с.

Флорида, Р. (2007) Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. М. : Издательский дом «Классика-XXI». 421 с.

Флорида, Р. (2018) Новый кризис городов / пер. с англ. М. : Точка. 343 с.

Potts, Jason D., Cunningham, Stuart. (2008) Four Models of the Creative Industries // International Journal of Cultural Policy. Vol. 120(1). P. 163–180.

Дата поступления: 14.04.2026 г.

MANAGEMENT OF CREATIVE INDUSTRIES IN CULTURE: FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE
PART II

T. N. Mironova
Moscow University for the Humanities

The paper is dedicated to the analysis of management models in creative industries against the background of the transition to intangible economy and it continues the author's paper published in the journal "Znanie. Ponimanie. Umenie" (2026. No. 2). The author considers the theoretical backgrounds of the creative industries concept (J. Haskel and P. Westlake, R. Florida, J. Potts, L. Boltanski and É. Chiapello), identifies systemic contradictions of the western model stipulated by the commodification of creative activity and reproduction of social imbalances. Using the example of China and the Republic of Korea, alternative approaches are shown to the management of the creative sector: the Chinese hybrid model, combining state strategic planning, ideological control and market mechanisms, and the Korean model of centralized protectionism drawing on the promotion of national cultural content ("Hallyu"). Special attention is paid to the emerging Russian model of management of creative industries: the regulatory and legal framework and institutional structure are analysed; the problems of inter-agency disunity, financing uncertainties, a narrow interpretation of the creative class and ideological limitations are revealed. A conclusion is drawn about the necessity to adapt foreign experience with respect to national tasks and about the significance of socio-cultural functions of creative industries, which cannot be reduced solely to economic efficiency.

Keywords: creative industries; creative economy; cultural policy; management of creative industries; intangible assets; commodification of culture; creative class; hybrid management models; China; Republic of Korea; Russia

REFERENCES

Boltanski, L. and Chiapello, È. (2011) *Novy`j dux kapitalizma* / transl. from French. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 976 p.

Boos, V. O., Ivanova, E. A. and Kucenko, E. S. (2022) Ot «sdelano v Kitae» k «sozdano v Kitae». *Institut statisticheskix issledovanij i e`konomiki znanij* [online] Available at: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/791074562.pdf?ysclid=mtafxplvvh311470384 (accessed: 26.01.2006).

Burnasov, A. Politika KNR privela k rostu ry`nka kreativny`x industrij na 14 % v god. 3.03.2025. *Portal Ural`skogo federal`nogo universiteta* [online] Available at: https://www.creind.urfu.ru/ru/news/?news=54419&cHash=62b8aeacf782dcae06dc3bd3467c902f (accessed: 15.09.2025).

Gomboeva, Ya. Z. (2024) Kreativny`e industrii Kitaya. *Gumanitarny`j vector*, vol. 19, no. 1, pp. 63–71.

Logunczova, I. V. (2023) Osobennosti kreativnoj e`konomiki Kitaya. *Gosudarstvennoe upravlenie. E`lektronny`j vestnik*, Issue 98, June 2023, pp. 21–30.

Kreativnaya e`konomika Rossii segodnya (2025) [E`lektronny`j resurs]. Avtorskij kollektiv: Komanda Mine`konomrazvitiya Rossii: T. A. Ilyushnikova, A. E. Zolotuxina, E. G. Degteva and O. V. Samojlenkova. Komanda Centra strategichsekix razrabotok: P. A. Smelov, T. A. Karavaeva, Yu. M. Petenko and O. D. Krutov. Pri uchastii: Mincifry` Rossii, Minpromtorga Rossii, Minkul`tury` Rossii, Rosstata, Rospatenta, AO «Rossijskij e`ksportny`j centr», ANO «ASI», NIU VShE`, ANO «Kreativnaya e`konomika», Soyuz kreativny`x klasterov. 24 iyunya 2025 // *Sajt Ministerstva e`konomicheskogo razvitiya RF* [online] Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/12076383da381203a530669fff216077/kreativnaya_ekonomika_rossii_segodnya_2025.pdf (accessed 17.11.2025).

Mezhuev, V. M. (2008) Gosudarstvo i kul`tura: teoreticheskie predposy`lki kul`turnoj politiki. *Upravlencheskoe konsul`tirovanie*, no. 1, pp. 63–78.

Mironova, T. N. (2024) Aktualizaciya kul`turnogo naslediya v molodezhnoj srede (na primere Respubliki Koreya). *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 230–242.

Ospanova, A. M. (2024) Ot iskusstva do innovacij: Italiya i ee uspeshnaya strategiya razvitiya kreativnoj e`konomiki. *Theory and history of culture. Culture and Civilization*, vol. 14, Is. 11A. [online] Available at: http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2024-11/a16-ospanova.pdf. (accessed: 28.10.2025).

Paksyutov, G. D. (2020) Yaponskie «kreativny`e otrasli» na global`ny`x ry`nkax: tekushhie problemy` i rol` gosudarstva. *Mir novoj e`konomiki*, vol. 14, no. 4, pp. 15–21.

Pachter, M. *Culture at the Crossroads: Culture and Cultural Institutions at the Beginning of the 21st Century* / transl. from Eng. Moscow, Klassika-XXI. 96 p.

Radaev, V. V. (2025) *Nestandartnoe potreblenie*. Moscow, HSE University Publ. 217 p.

Sposobstvovat` razvitiyu industrii kul`tury` s pomoshh`yu vy`sokokachestvenny`x i e`ffektivny`x gosudarstvenny`x uslug. *Sajt Ministerstva kul`tury` i turizma Kitajskoj Narodnoj Respubliki* [online] Available at: https://www.mct.gov.cn/whzx/bnsj/whcys/201406/t20140605_759266.html (accessed: 09.03.2026).

Stepanova, T. D. (2024) Kreativny`j klass i tvorcheskij trud: vzaimosvyaz`, e`kspluataciya i protivorechiya razvitiya. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii*, vol. 20, no. 2, pp. 183–195.

E`konomika Kitaya dostigla celi v 5% rosta VVP v 2025 godu. 19 yanvarya 2026. Forbes. [online] Available at: https://www.forbes.ru/finansy/553783-ekonomika-kitaa-dostigla-celi-v-5-rosta-vvp-v-2025-godu?ysclid=mmj3lpsbul584600605 (accessed 23.02.2026).

Haskel, J. and Westlake, S. (2025) Restarting the Future: How to Fix the Intangible Economy / transl. from Eng. by A. Rezvov. Moscow, Izdatel`stvo Instituta Gajdara. 408 p.

Florida, R. (2007) *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, and Everyday Life* / transl. from Eng. M., «Klassika-XXI». 421 p.

Florida, R. (2018) *The New Urban Crisis* / transl. from Eng. Moscow, Tochka. 343 p.

Potts, Jason D. and Cunningham, Stuart. (2008) Four Models of the Creative Industries. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 120(1), pp. 163–180.

Submission date: 14.04.2026.

Миронова Татьяна Николаевна — кандидат культурологии, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374–60–21. Эл. адрес: T-Mironova@yandex.ru

Mironova Tatiana Nikolayevna, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: T-Mironova@yandex.ru

ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.12

Ценностные основы общественных проектов студентов в контексте тезаурусной концепции социального проектирования

М. Г. Солнышкина, А. И. Ковалева

Московский гуманитарный университет

В статье рассматривается ценностное содержание выполненных студентами общественных проектов в процессе изучения новой учебной дисциплины «Обучение служением», внедренной вузами в учебные планы и компоненты образовательных программ. Ценности гуманизма, гражданственности и милосердия представлены как ценности тезаурусного социального проектирования. На примере конкретных проектов проанализированы репрезентация и понимание традиционных ценностей — гуманизма, гражданственности, милосердия, которые относятся к духовным, нематериальным ценностям, формирующим внутренний мир личности и общественные идеалы. Показано, что тезаурусное социальное проектирование позволяет перевести традиционные ценности гуманизма, гражданственности, милосердия из пассивного состояния в конструктивное русло, превращая «чувство» в реальные практики и проекты, решающие общественные проблемы. Представлено постсовременное проявление традиционных ценностей в студенческих социальных проектах.

Ключевые слова: тезаурусная концепция молодежи; тезаурусная концепция социального проектирования; общественный (социальный) проект; традиционные ценности; гуманизм; гражданственность; милосердие

ВВЕДЕНИЕ

Тезаурусный подход к социальным и культурным явлениям как общеметодологическая концепция применительно к гуманитарным наукам разработан Вал. А. Луковым и Вл. А. Луковым и применен Вал. А. Луковым при обосновании оригинальных теоретических концепций молодежи, социализации, социального проектирования (Луков В., Луков Вл., 2006: 69). Вал. А. Луков рассматривает социальное проектирование как конструирование локализованного по месту, времени и ресурсам действия, направленного на достижение социально значимой цели. В социокультурном проектировании цели связаны со сферой культурных ценностей. «Культурная ценность трактуется как созданный человеком материальный или духовный объект, обладающий значимостью для общества» (Луков Вал., 2018: 186). Генеральная идея тезаурусного подхода к социальному и социокультурному проектированию «состоит в признании тезауруса и его ядра — ценностной систе-

мы создателя проекта источником проектной идеи. Этим не умаляется значение объективных факторов разработки и осуществления проекта (заказ, наличие ресурсов и т. д.) и, в частности, того обстоятельства, что в результате осуществления проекта возникает новый или трансформируется имевшийся социальный (культурный) объект» (там же: 187). Применение луковского подхода к проектированию не устраняет причинность и обусловленность проектов и проектной деятельности. Этот подход позволяет объяснить связь эпох как дифференцированную передачу социокультурных эстафет, обосновать многообразие и многоуровневость социально-проектной деятельности, понять причины несовпадения замысла и исполнения, провала «сильных» и успеха «слабых» проектов (там же: 187)

Развитие тезаурусной концепции молодежи повлекло за собой уточнение и разработку целого ряда фундаментальных категорий гуманитарных наук (*социальная общность, социокультурная субъектность, биосоциология, переходное общество, социализация, трансдисциплинарность* и др.), а также прикладных направлений (*социальное проектирование, гуманитарная экспертиза, человеческий потенциал* и др.) (Ковалева, 2026: 9). В тезаурусной концепции молодежи Луковым предложено «определение молодежи как социальной группы, с характеристикой распространенных в этой социальной группе тезаурусов (ценностно-нормативных и информационно-ориентационных комплексов), выражающих и отражающих их символический и предметный мир» (Луков, 2003: 71). Ведущие исследователи в области социологии молодежи Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Чупров В. И., Зубок Ю. А. и др.) отмечают продуктивность основных направлений теоретического осмысления молодежи как носительницы психофизических свойств молодости; как культурной группы; как объекта и субъекта процесса преемственности и смены поколений (Социологическая энциклопедия, 2003: 539–540; Социология молодежи, 2008: 507–508).

Ценности молодежи определяют будущее страны, это «операционная система и фундамент личности», формирующий ее жизненную траекторию. В современных условиях молодежь не копирует ценности механически, а переосмысливает их. Такой подход соответствует тезаурусной логике, когда «чужое» становится «своим» через личный опыт. Тезаурусная концепция молодежи научной школы социологии молодежи МосГУ имеет значительный потенциал для теоретического обоснования процесса формирования ценностей молодежи с использованием тезаурусной теории социального проектирования. Ее ключевая идея — признание молодого человека активным субъектом, чья внутренняя картина мира (тезаурус) является основой для любых социальных изменений. Вместо навязывания «правильных» ценностей этот подход предлагает проектировать вместе с молодежью, отталкиваясь от ее смыслов. Он дает ключ к пониманию того, как через создание значимого для молодежи «своего» мира можно естественным образом формировать ценностно-мотивационные структуры молодых людей, превращая их из пассивных объектов воспитания в активных субъектов социального действия. Участие в социальных проектах позволяет студентам не просто принимать традиционные ценности, а переосмысливать и реконструировать их. Традиционные ценности сохраняются как опоры со своим ядром, адаптируясь к новым условиям, обретая новые формы. «Данные исследований 2026 года свидетельствуют о том, что в сознании молодежи и ее ценностной системе происходят качественные сдвиги. Это не повод для паники, но основа для выстраивания более точной работы — в том числе по сохранению

исторической памяти, развитию критического мышления и поддержке человеческого достоинства...» (Костина, 2025: 69).

Актуальность изучения традиционных ценностей молодежи сегодня объясняется тем, что они выступают одновременно и стабилизирующим якорем, и способом сохранения идентичности в эпоху стремительных перемен, а традиции служат инструментом для построения «своего» мира. Традиционные ценности, представленные в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1] становятся «нравственным компасом», который дает чувство безопасности и преемственности. Обращение к традициям помогает молодым людям ощутить свою связь с историей и культурой страны, что особенно важно в условиях, когда ощущается «ценностный вакуум» и существуют риски его заполнения идеями, которые противоречат традиционным российским ценностям.

«Образовательный подход “Обучение служением”» базируется на комплексе современных концепций социально-проектной деятельности с преобладанием ценностных (субъектно-ориентированных) подходов, (Солнышкина, 2025: 20–29). В современных условиях произошла актуализация значимости традиционных ценностей в тезаурусной концепции социального проектирования и роли тезауруса разработчика проекта как ценностной конструкции и основы молодежных общественных проектов. Безусловно, студенческие социальные проекты как продукт освоения учебной дисциплины «Общественный проект “Обучение служением”» отражают ценности молодежи, но вопросы ценностной ориентации социального проектирования, представленности, обоснованности, репрезентации и понимания традиционных ценностей в студенческих общественных проектах нуждаются в дальнейшей разработке.

РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ В ТЕЗАУРУСНОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ. ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА СТУДЕНЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЕКТОВ

Ценностная ориентация социального проектирования выражается в конструировании (модернизации) ценности в различных формах как предмета социального проектирования, стремления к изменению ситуации к лучшему с применением своих способностей.

Ценности как структурная основа тезауруса, цель и смысл проекта. Тезаурус — это иерархия знаний и установок, выстроенная по принципу «свое — чужое». В центре тезауруса находится «ядро» — картина мира с ключевыми ценностями, а на периферии — «чужое», которое может быть переосмыслено, и «чуждое», отвергаемое. Ценностная система работает как фильтр — оценивая, отбирая, конструируя. Оценка и отбор определяют, например, какая проблема достойна внимания и какие идеи могут быть приняты. «Проблемно-ориентированная составляющая концепции социального проектирования проявляется в высоком уровне вовлеченности студентов в решение современных проблем, волнующих молодежь и соответствует приоритетным национальным целям развития РФ в различных направлениях жизнедеятельности» (там же: 20–29). В рамках тезаурусной (субъектно-ориентированной) концепции проект рождается не из внешнего заказа, а из внутреннего ценностного мира инициатора проекта (субъекта социально-

го проектирования). В рамках тезаурусного подхода смысл социального проекта — создание, модернизация или поддержание материальной или духовной ценности, что наполняет проект ценностным содержанием. С позиций конструирования будущего ценности задают нормативный вектор — какое состояние общества является «желаемым». Взаимодействие ценностей разных субъектов («свое» и «чужое») определяет уникальную концепцию проекта как инновации, формирует его жизнеспособность и создает условия для успешного завершения и тиражирования. В тезаурусе разработчика проекта необходимо гармоничное сочетание (гармония) ценностей как баланса между общественной пользой и удовлетворением личных интересов участников.

В мае — июле 2026 г. проведена ценностная рефлексия в ходе изучения дисциплины «Общественный проект “Обучение служением”», в которой участвовали 43 команды проектов (каждая команда от 2 до 5 человек). Целью нашего исследования является выявление ценностных основ студенческих общественных проектов, анализ их соответствия традиционным ценностям, а также изучение особенностей репрезентации и понимания ценностей проекта.

Соотношение репрезентации и понимания ценностей можно описать как диалектику формы и содержания при освоении ценностей (соотношение дополнительности). Репрезентация оперирует на уровне информированности, это транслирование, демонстрация ценностей. Понимание — это процесс смыслообразования, интериоризации, глубинное осознание того, почему важна ценность. Метод исследования — традиционный анализ документов (итоговых заданий по дисциплине, включающих ценностную рефлексию и основные положения разработанного командой проекта).

Было предложено определить соответствие разработанного командой проекта следующим ценностям: 1. гражданственность, 2. гуманизм, 3. историческая помять и преемственность поколений, 4. коллективизм, 5. патриотизм, 6. милосердие, 7. крепкая семья, 8. права и свободы человека, 9. созидательный труд, 10. справедливость. Необходимо было выбрать не менее двух-трех ценностей (множественный выбор) и обосновать их соответствие с позиций репрезентации и понимания. Также можно добавить недостающие в этом списке ценности. Студенческие социальные проекты отражают палитру ценностей молодежи, которые включают в себя: *гуманизм* — указали 76% опрошенных; *созидательный труд* — 48%; *гражданственность* — 45%; *милосердие* — 40%; *коллективизм* — 33%; *справедливость* — 33%; *права и свободы человека* — 31%; *патриотизм* — 22%; *историческая память и преемственность поколений* — 16%. В качестве дополнительных ценностей были названы взаимопонимание, солидарность, креативность, эмпатия. Таким образом, была выявлена высокая степень соответствия студенческих проектов традиционным ценностям в целом, при этом наиболее высокий рейтинг отмечается у ценностей гуманизма, гражданственности и милосердия, которые относятся к духовным, нематериальным ценностям, формирующим внутренний мир человека и общественные идеалы. Эти ценности играют важную роль в формировании личности и общества, обеспечивая уважение к другим людям и их правам. Рассмотрим более подробно превалирующие в тезаурусе студенческой молодежи ценности социального проектирования с позиций репрезентации и понимания (табл. 1–3).

ГУМАНИЗМ КАК ЦЕННОСТЬ ТЕЗАУРУСНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ПОНИМАНИЕ ЦЕННОСТИ «ГУМАНИЗМ» В СТУДЕНЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

Гуманизм утверждает ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и самореализацию. Гуманизм в тезаурусном социальном проектировании выступает как внутренний ценностный «двигатель» проекта. Проект рождается не из абстрактной «пользы для всех», а из уникального ценностного мира (тезауруса) его автора. Гуманизм становится практическим принципом: создание ценности для человека человеком, исходя из его понимания «своего» и «чужого». Источник проекта — в ценностях автора, в его тезаурусе, в котором информация структурируется по принципу «свое — чужое». Проектная идея глубоко личностна: инициатор создает проект под свои смыслы и картину мира, а не просто выполняет формальный заказ.

Гуманизм трактуется студентами как создание ценности для блага людей — представителей определенной социальной группы, выступающей целевой группой

Таблица 1

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ПОНИМАНИЕ СТУДЕНТАМИ ЦЕННОСТИ «ГУМАНИЗМ» В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОЕКТЕ

Table 1

REPRESENTATION AND UNDERSTANDING OF THE VALUE ‘HUMANISM’ BY STUDENTS IN A SOCIAL PROJECT

Студенческие общественные проекты	*Гуманизм как ценность социального проектирования*
Образовательный проект по правовому просвещению «Знаю право» для детей с ограниченными возможностями здоровья (5 чел., направление — юриспруденция)	— Признание ценности и поддержка уязвимой группы детей, учет их особых образовательных потребностей. — Права и свободы человека как ценностное ядро проекта, проект реализует эту ценность через обеспечение детям с ОВЗ доступа к правовой информации, знание собственных прав — необходимое условие их осуществления. — Забота о человеке как базисная ценность проекта
Спортивно-реабилитационный проект «Спорт в массы “Ринго-Надежда”» по реабилитации инвалидов (1 чел., направление — журналистика)	— Гуманизм как проявление гуманности, лояльности, толерантности и огромного терпения к людям с ограниченными возможностями, чтобы они могли чувствовать себя комфортно в той среде, в которой они живут, работают и проводят свой досуг
Проект по инклюзивному туризму и социокультурной реабилитации «Мышкин доступен: маршруты без границ!» (3 чел., направление — менеджмент в гостиничном и ресторанном бизнесе)	— Потребности детей с ОВЗ в центре внимания: стремимся дать им равные возможности для познания мира, учитываем их особенности при разработке маршрутов. — Интеграция принципов доступности в индустрию гостеприимства как будущей профессиональной деятельности, адаптация экскурсионного контента под разные категории детей с ограниченными возможностями здоровья

Продолжение табл. 1

«Разработка медиаматериалов по финансовой грамотности для выпускников специальной (коррекционной) школы-интернат № 31 (3 чел., направление — реклама)	— Финансовая грамотность особенно важна для выпускников коррекционной школы, так как помогает им избежать мошенничества и уверенно вести самостоятельную жизнь. — Выпускники коррекционной школы-интерната часто остаются без поддержки и могут столкнуться с финансовыми трудностями. Они становятся легкой целью для мошенников из-за недостатка опыта в обращении с деньгами и понимания финансовых терминов. — Защита самых незащищенных слоев населения становится задачей не только социальных служб, но и коммуникационных специалистов

проекта. Цель проекта — создание материальной или духовной ценности, значимой для самого автора и его сообщества. Это уход от обезличенного «блага вообще» к конкретному благу, при этом разработчик проекта берет на себя ответственность за результат. В отличие от тотальных идеологических проектов, тезаурусный подход ориентирован на реалистичные, локальные изменения. Гуманизм проявляется также в вариативности при решении основной проблемы проекта, так как реальность преломляется через призму тезаурусов. Гуманистический эффект важен как в процессе проектирования, так и при формировании и реализации его воспитательного потенциала. Также необходимо отметить постсовременное (не противоречащее классическому, но и не тождественное) понимание гуманистических ценностей (права индивида, уязвимые группы, локализм, финансовая грамотность), присущее студенческой молодежи как представителям поколений миллениалов и зумеров.

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ ТЕЗАУРУСНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ПОНИМАНИЕ ЦЕННОСТИ «ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ» В СТУДЕНЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

Гражданственность подразумевает способность мыслить и действовать государственно, пользоваться своими правами и исполнять свои обязанности в личных интересах и на благо общества. Прежде всего, гражданственность означает осознание своей причастности к Родине, ее истокам и корням, активизацию молодых людей как субъектов молодежной политики (Ильинский, 2001: 108–120). С точки зрения тезаурусного подхода гражданственность — это не просто абстрактная ценность, она выступает одновременно и как этический компас инициатора проекта, и как смысловая цель, ради которой создается социальное нововведение. В тезаурусе гражданственность формирует ядро «своего» (картину мира, чувство долга и причастности к общему). Проект, инициированный носителем такого тезауруса, неизбежно транслирует эти смыслы, превращая ценность в социальное действие. Тезаурусное проектирование позволяет перевести ценность «гражданственность» из пассивного состояния в конструктивное русло, превращая «чувство» в реальные практики и проекты, решающие общественные проблемы.

Таблица 2

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ПОНИМАНИЕ СТУДЕНТАМИ ЦЕННОСТИ «ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ» В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОЕКТЕ

Table 2

REPRESENTATION AND UNDERSTANDING OF THE VALUE 'CITIZENSHIP' BY STUDENTS IN A SOCIAL PROJECT

Студенческие общественные проекты	*Гражданственность как ценность социального проектирования*
«Создание актуальной проблемной карты городского округа Вешняки на основе прямых опросов жителей для последующей адресации проблем в управляющие инстанции» (5 чел., направление — государственное и муниципальное управление)	— Вовлечение жителей Вешняков в решение местных проблем через уличные опросы и формирование проблемной карты, развивая активную гражданскую позицию и ответственность за свой район. — Организация обратной связи с населением и работы с обращениями граждан; формирование механизмов перевода неструктурированных жалоб жителей в конкретные управленческие решения и контроль их исполнения
«Цифровой наставник — освоение цифровых устройств для пожилых людей» (2 чел., направление — гостиничное дело)	— Возможность стать частью государственной системы в интернете, «частью страны»: мобильный банк, электронная подпись, обращение к Госуслугам, безопасное использование государственных сервисов (а не только обучение навыкам пользования смартфоном)
Школа межкультурного волонтера «Язык без границ» (2 чел., направление — международные отношения)	— Формирование активной позиции местных жителей и волонтеров, вовлечение в решение общественно значимой проблемы интеграции иностранных граждан и формирования межкультурной коммуникации; организация волонтерских сообществ как ячеек гражданского общества на основе взаимопомощи и уважения к культурному разнообразию
«Популяризация благотворительности через СМИ и соцсети» (5 чел., направление — государственное и муниципальное управление)	— Преодоление разрыва между реальными социальными проблемами и «виртуальным миром» пользователя; попытка достучаться до тех, кто «просто сидит в интернете», и показать, что помочь можно, но для этого нужно перестать просто смотреть и начать действовать, совершить какое-то полезное действие (а не только ставить лайки)

Гражданственность — это та ценность, формирование которой является целью общественного проекта как нововведения. Для тезаурусного подхода гражданственность — это системообразующая ценность-ориентир. Она не только лежит в основе проекта как ценность инициатора, но и является тем желаемым результатом, на достижение которого направлена проектная деятельность — улучшение жизни и изменение ситуации к лучшему.

Гражданские ценности и установки — базис формирования современной жизнеспособной личности, определяющие ее гражданское поведение, степень вовлеченности в общественно полезную деятельность (Солнышкина, 2026: 50-51).

МИЛОСЕРДИЕ КАК ЦЕННОСТЬ ТЕЗАУРУСНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ПОНИМАНИЕ ЦЕННОСТИ «МИЛОСЕРДИЕ» В СТУДЕНЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

Милосердие — это принцип, который включает в себя сострадание, помощь другим, особенно тем, кто нуждается в поддержке. Это желание и готовность оказать помощь, исходя из чувства заботы, сострадания и человеколюбия. Милосердие в тезаурусном подходе — это не просто абстрактная ценность, а конкретный культурный код, определяющий, какие социальные инновации будут восприняты обществом. Иерархия в тезаурусе строится по принципу «свое — чужое», где милосердие относится к категории «своего», становясь мотивом для помощи уязвимым группам (пожилым, детям, инвалидам). При этом ценность проявляется не в лозунгах, а в конкретных действиях и их социальном значении, практическом воплощении милосердия, когда ценность становится измеримым результатом, что отличает реальный проект от абстрактных рассуждений.

Таблица 3

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ПОНИМАНИЕ СТУДЕНТАМИ ЦЕННОСТИ «МИЛОСЕРДИЕ» В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОЕКТЕ

Table 3

REPRESENTATION AND UNDERSTANDING OF THE VALUE ‘MERCY’ BY STUDENTS IN A SOCIAL PROJECT

Студенческие общественные проекты	*Милосердие как ценность социального проектирования*
«На одной волне» — оперативная психологическая поддержка студентов, испытывающих стресс (2 чел., направление — психология)	— Безвозмездная помощь волонтеров-психологов, готовых тратить свои силы и время на развитие навыков саморегуляции и формирование культуры заботы о ментальном здоровье; проявление сострадания к переживаниям студентов в состояниях психоэмоционального напряжения
«Создание системы студенческого наставничества для детей из неполных семей, проживающих в Воскресенском районе М. О.» (4 чел., направление — эстрадно-джазовый вокал)	— Реализация свободного выбора студентов: помогать тем, кому сейчас тяжелее; студенческое наставничество как: 1. восполнение дефицита общения и поддержки, снижения риска беспризорности; 2. ресурс преодоления трудностей в учебе и социализации в ситуации роста числа неполных семей в Воскресенском районе (около 40% от общего количества)
Социально-адаптационный проект «Маркетинговая поддержка ветеранов СВО» (2 чел., направление — государственное и муниципальное управление)	— Забота о защитниках Отечества, их возвращение к активной экономической и общественной жизни; успешной реинтеграции через возможности самозанятости; преодоление низкой конкурентоспособности в области предпринимательства

	ввиду отсутствия навыков продвижения своих идей/продуктов
«Театр равных возможностей» для детей с ограниченными возможностями здоровья (2 чел., направление — эстрадно-джазовый вокал)	— Создание условий для успешной культурной социализации детей с ограниченными возможностями здоровья методами театральной педагогики и коллективного творчества. — Безвозмездная помощь и включение в театральную деятельность, преодоление социальной изоляции в инклюзивной театральной студии

Таким образом, милосердие выполняет функцию социального навигатора, определяя направления помощи и критерии оценки успешности проекта с точки зрения его гуманитарного (социального) воздействия. В социальном проекте милосердие — это не только проявление эмоций и чувств, возникающих при виде чужого страдания, формирование соответствующей мотивации, но и оказание помощи и конкретное решение проблемы при разработке и реализации социального проекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В тезаурусном подходе ценности как структурная основа тезауруса, цель и смысл проекта выполняют роль главного «навигатора» и «фильтра», они определяют саму суть проекта — что считается значимым, а что — чуждым, каким видится желаемое будущее с учетом ожидаемых последствий реализации проекта. Таким образом, выявляется аксиологическое (ценностное) измерение социального проектирования, в котором ценности — это «строительные блоки» тезауруса, выступающие и как источник проектного замысла, и как критерий оценки его результатов.

Ценностная рефлексия как критическое осмысление индивидом своих собственных ценностей в соотношении с реальными и декларируемыми, личными и общественными ценностными системами, проведенная в ходе изучения дисциплины «Общественный проект “Обучение служением”», показала, что студенческие социальные проекты отражают традиционные ценности, представленные в соответствующем Указе Президента РФ, в постсовременном проявлении (особое внимание к уязвимым группам, волонтерство, «забота о себе» в форме поддержания ментального здоровья, акцент на права индивида, роль местных сообществ, финансовая грамотность), что характерно для молодежи как инновационной социальной группы общества, определяющей его будущее.

Выявлено соответствие студенческих проектов традиционным ценностям, определены превалирующие в тезаурусе студенческой молодежи ценности социального проектирования. Постсовременное проявление традиционных ценностей не отрицает их содержательной сущности, родство (и немалое) присутствует, в то же время полной тождественности не наблюдается. Данная тенденция (ускорения сложившихся трендов, преломления, повышения уровня неопределенности) характерна в целом для поколения миллениалов (Радаев, 2025: 2–10).

Присутствующие в тезаурусе студенческой молодежи ценности социального проектирования (гуманизма, гражданственности и милосердия, которые относят-

ся к духовным, нематериальным ценностям, формирующим внутренний мир человека и общественные идеалы) рассмотрены более подробно с позиций репрезентации и понимания. Репрезентация оперирует на уровне информированности, это транслирование, демонстрация ценностей. Понимание — это процесс смыслообразования, интериоризации, глубинное осознание того, почему важна ценность. Модель естественного «присвоения» — интериоризации ценностей через практику социального проектирования предполагает вовлечение в социально значимую деятельность, в том числе по разработке и реализации практико-ориентированных проектов для решения социальных проблем современного общества. Ценности гражданственности, милосердия, гуманизма, патриотизма перестают быть абстракцией и становятся частью личного опыта в соответствии с моделью «от репрезентации к пониманию» независимо от тематики социального проекта. Гуманизм в тезаурусном социальном проектировании выступает как внутренний ценностный «двигатель» проекта по созданию ценности для человека человеком, исходя из его понимания «своего» и «чужого». В тезаурусе гражданственность как ценность формирует ядро «своего» (картину мира, чувство долга и причастности к общему). Милосердие в тезаурусном подходе — конкретный культурный код, в котором милосердие относится к категории «своего», становясь мотивом для помощи уязвимым группам (проекты по маркетинговой поддержке ветеранов специальной военной операции, созданию системы студенческого наставничества для детей из неполных семей, по культурной социализации детей с ограниченными возможностями). Проект, инициированный носителем такого тезауруса, неизбежно транслирует смыслы милосердия, превращая ценность в социальное действие. Таким образом, тезаурусное социальное проектирование позволяет перевести традиционные ценности гуманизма, гражданственности, милосердия из пассивного состояния в конструктивное русло, превращая «чувство» в реальные практики и проекты, решающие общественные проблемы как путь от репрезентации к пониманию ценностей. Методология тезаурусного социального проектирования снижает риски рассогласования, кризисов ценностей, связанных с гиперрепрезентацией (внутреннее непонимание в условиях популярности тематик в обществе).

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 27.06.2026).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ильинский, И. М. Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений [Электронный ресурс] // Сайт Игоря Михайловича Ильинского. URL: https://ilinskiy.ru/publications/sod/konts-vosp-5.php (дата обращения: 20.10.2025).

Ильинский, И. М. (2001) Молодежь и молодежная политика. М. : Голос. 692 с.

Ковалева, А. И. (2026) Основные направления развития кафедры философии, социологии и культурологии на 2026–2030 годы. М. : Московский гуманитарный университет. 39 с.

Ковалева, А. И., Луков, В. А. (1999) Социология молодежи: теоретические вопросы. М. : Социум. 351 с.

Костина, А. В. (2025) Ценности современной молодежи: идеалы и реальное воплощение // Высшее образование для XXI века. Государственная молодежная политика на современ-

ном этапе: проблемы воспитательной работы в российских вузах : доклады и материалы XXI Международной научной конференции, МосГУ, 20–22 ноября 2025 г.: / под общ. ред. Н. И. Ильинской. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 710 с. С. 64–69

Луков, Вал. А. (2018) Тезаурусная социология: в 4 т. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Т. 2. 576 с.

Луков, В. А., Луков Вл. А. (2006) Гуманитарное знание: тезаурусный подход // Вестник Международной академии наук (Русская секция). № 1. С. 69–74.

Луков, В. А. (2003) Тезаурусная концепция молодежи // Тезисы докладов и выступлений на II Всерос. социол. конгрессе. М. : Т. 3. С. 71.

Луков, В. А. (2003) Социальное проектирование : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии ; Флинта. С. 8–29.

Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений : докл. Ком. РФ по делам молодежи (1995) / И. М. Ильинский и др. ; Ком. РФ по делам молодежи. М. 256 с.

Радаев, В. В. (2025) Миллениалы. Как меняется российское общество. 4-е изд. М. : Изд-во Высшей школы экономики. 237 с.

Савельева, Е. А. (2013) Гражданская активность молодежи: варианты концептуализации // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 2. С. 21–31.

Солнышкина, М. Г. (2025) Обучение служением как современный проектный образовательно-воспитательный подход // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 20–29.

Солнышкина, М. Г. (2026) Рефлексия в Программе «Обучение служением» // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 45–55.

Социологическая энциклопедия. В 2. т. / Нац. обществ.-науч. фонд; [науч. ред. В. Н. Иванов (гл. ред.) и др.] (2003). М. : Мысль. С. 539–540.

Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. редакторы Ю. А. Зубок, В. И. Чупров (2008). М. : Academia. 606 с. С. 507–508.

Дата поступления: 12.07.2026 г.

VALUE BASES OF STUDENTS' SOCIAL PROJECTS IN THE CONTEXT OF THE THESAURUS CONCEPT OF SOCIAL DESIGN

M. G. Solnyshkina, A. I. Kovaleva
Moscow University for the Humanities

The article looks at the value content of social projects carried out by students while studying the new course «Learning Through Service,» which has been introduced by universities into curricula and educational program components. The values of humanism, citizenship, and compassion are presented as values of thesaurus-based social design. Using specific projects as examples, the article analyzes the representation and understanding of traditional values — humanism, citizenship, compassion — which relate to spiritual, intangible values that shape a person's inner world and societal ideals. It shows that thesaurus-based social design allows traditional values like humanism, citizenship, and compassion to move from a passive state into a constructive direction, turning «feeling» into real practices and projects that address social issues. The article presents a postmodern manifestation of traditional values in student social projects.

Keywords: thesaurus concept of youth; thesaurus concept of social design; public (social) project; traditional values; humanism; citizenship; mercy

REFERENCES

Il`inskij, I. M. Osnovy` koncepcii vospitaniya zhiznesposobny`x pokolenij. *Sajt Igorya Mixajlovicha Il`inskogo* [online] Available at: https://ilinskiy.ru/publications/sod/konts-vosp-5.php (accessed: 20.10.2025).

Il`inskij, I. M. (2001) *Molodezh` i molodezhnaya politika*. Moscow, Golos. 692 p.

Kovaleva, A. I. (2026) *Osnovny`e napravleniya razvitiya kafedry` filosofii, sociologii i kul`turologii na 2026–2030 gody`*. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. Un-ta. 39 p.

Kovaleva, A. I. and Lukov, V. A. (1999) *Sociologiya molodezhi: teoreticheskie voprosy`*. Moscow, Socium. 351 p.

Kostina, A. V. (2025) Cennosti sovremennoj molodezhi: idealy` i real`noe voploshhenie. In: *Vy`sshee obrazovanie dlya XXI veka. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika na sovremennom e`tape: problemy` vospitatel`noj raboty` v rossijskix vuzax: doklady` i materialy` XXI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, MosGU, 20–22 noyabrya 2025 g.* / ed. by N. I. Il`inskaya. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. Un-ta. 710 p. Pp. 64–69

Lukov, Val. A. (2018) *Tezaurusnaya sociologiya: v 4 tomah*. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. Un-ta. Vol. 2. 576 p.

Lukov, V. A. and Lukov, Vl. A. (2006) Gumanitarnoe znanie: tezaurusny`j podxod. *Vestnik Mezhdunarodnoj akademii nauk (Russkaya sekciya)*, no. 1, pp. 69–74.

Lukov, V. A. (2003) Tezaurusnaya koncepciya molodezhi. *Tezisy` dokladov i vy`stuplenij na II Vseros. Sociol. Kongresse*. Moscow. Vol. 3. P. 71.

Lukov, V. A. (2003) *Social`noe proektirovanie: Ucheb. posobie*. 3th ed., revised and compl. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit.-social`n. akademii: Flinta. Pp. 8–29.

Molodezh` Rossii: vospitanie zhiznesposobny`x pokolenij: dokl. Kom. RF po delam molodezhi (1995) / *I. M. Il`inskij et al., Kom. RF po delam molodezhi*. Moscow. 256 p.

Radaev, V. V. (2025) *Millenialy`. Kak menyaetsya rossijskoe obshhestvo*. 4th ed. Moscow, HSE University Publ. 237 p.

Savel`eva, E. A. (2013) Grazhdanskaya aktivnost` molodezhi: varianty` konceptualizacii. *Vestnik RUDN. Seriya Sociologiya*, no. 2, pp. 21–31.

Solny`shkina, M. G. (2025) Obuchenie sluzheniem kak sovremenny`j proektny`j obrazovatel`no-vospitatel`ny`j podxod. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 20–29.

Solny`shkina, M. G. (2026) Refleksiya v Programme «Obuchenie sluzheniem». *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 45–55.

*Sociologicheskaya e`nciklopediya: V 2. tomah.* / Nacz. obshhestv.-nauch. fond; ed. by V. N. Ivanov et al. (2003). Moscow, My`sl`. P. 539–540.

Sociologiya molodezhi. E`nciklopedicheskij slovar`/ ed. by Yu. A. Zubok and V. I. Chuprov (2008). Moscow, Academia. 606 p.

Submission date: 12.07.2026.

Ковалева Антонина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: aikovaleva@mail.ru

Солнышкина Марина Георгиевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374–60–21. Эл. адрес: solny2001@mail.ru

Kovaleva Antonina Ivanovna, Doctor of Sociology, Professor, Head, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374–60–21. E-mail: aikovaleva@mail.ru

Solnyshkina Marina Georgievna, Doctor of Sociology, Professor, Professor, Department of Philosophy, Sociology, and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: + 7 (495) 374-60-21. E-mail: socio@mosgu.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.13

Тезаурус уничтожения: на примере эдита Белого дома (США)

А. М. Вафин

Финансовый университет при Правительстве РФ

В статье рассматривается феномен эдита как современной формы монтажного высказывания на примере видеоролика, опубликованного на официальной странице Белого дома в социальной сети и связанного с репрезентацией военного уничтожения через эстетику компьютерной игры. Автор показывает, что монтаж способен не только организовывать визуальный материал, но и радикально трансформировать его смысл, формируя новые идеологические и эмоциональные рамки восприятия. Особое внимание уделяется сопоставлению игрового действия и физического насилия, в результате которого уничтожение реального объекта кодируется как развлекательный, технически нейтральный и эмоционально облегченный акт. С опорой на теорию монтажа, концепцию «мягкой силы», тезаурусный подход братьев Валерия Андреевича и Владимира Андреевича Луковых, а также идеи Жана Бодрийяра и исследователей цифровой войны анализируется процесс нормализации дистанционного насилия в условиях клиповой и виральной культуры. Вводится понятие «тезаурус уничтожения», обозначающее систему образов, значений и когнитивных связей, в рамках которой разрушение и ликвидация Другого воспринимаются как допустимые или нормативные формы действия.

Ключевые слова: эдит; монтаж; эффект Кулешова; пропаганда; «мягкая сила»; цифровая война; дистанционное насилие; тезаурус уничтожения; Белый дом; операция «Эпическая ярость»

ВВЕДЕНИЕ

Проблема статьи состоит в выявлении того, каким образом формально развлекательная, игровая и клиповая форма цифрового политического сообщения может участвовать в нормализации репрезентации реального военного насилия. В условиях, когда документальные кадры уничтожения монтируются с узнаваемыми образами видеоигры, между игровым действием и физическим разрушением устанавливается смысловая связь, способная изменить рамку интерпретации происходящего. Возникает исследовательский вопрос: какие монтажные и тезаурусные механизмы позволяют включить образ реального уничтожения в систему привычных игровых кодов и представить его как технически нейтральное и эмоционально облегченное действие? Цель статьи: показать, каким образом такое монтажное сопоставление конструирует систему образов и значений, которую предлагается определить как «тезаурус уничтожения».

Методологическую основу исследования составляет тезаурусный подход Вал. А. и Вл. А. Луковых, в рамках которого тезаурус понимается как субъектно организованная система знаний, представлений, ценностей и интерпретационных схем, обеспечивающих ориентацию человека в окружающей реальности. Существенное значение для тезаурусного подхода имеет структурирование мира в категориях «своего», «чужого» и «чуждого». «Свое» соотносится с освоенным, понятным и ценностно близким, «чужое» — с находящимся за пределами привычного культурного и смыслового пространства, тогда как «чуждое» воспринимается как принципиально несовместимое со «своим», вызывающее отторжение и способное становиться объектом отрицания (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2013; Луков Вал. А., 2018; Луков Вл. А., 2018). Такая оптика позволяет рассматривать репрезентацию

военного насилия в медиа не только как способ конструирования образа «чужого», но и как механизм его преобразования в «чуждое», по отношению к которому уничтожение может представляться допустимым или нормативным действием. Для анализа конкретного эдита тезаурусный подход дополняется теорией монтажа, концепцией «мягкой силы», а также исследованиями дистанционной и цифровой войны.

МОНТАЖ КАК МЕХАНИЗМ СМЫСЛОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Эдит (от англ. edit — «редактировать») — это короткий видеоролик, созданный путем монтажа. Монтаж — метод известный. В Советской России активно применялся как в эстетических, так и пропагандистских целях.

Так, эксперимент Льва Кулешова, проведенный ориентировочно в 1917–1918 гг., стал ключевым этапом в формировании теории монтажа. Работая с актером Иваном Мозжухиным, режиссер использовал один и тот же нейтральный крупный план лица, последовательно сочетая его с различными кадрами (тарелка супа, ребенок в гробу, женщина на диване). Зрители интерпретировали выражение лица актера по-разному в зависимости от контекста, приписывая ему голод, печаль или плотский интерес. Данный эксперимент, получивший название «эффект Кулешова», продемонстрировал, что смысл и эмоциональная интерпретация кадра формируются не изолированно, а в результате монтажного сопоставления. Это открытие стало фундаментом для развития теории монтажа и оказало значительное влияние на дальнейшее развитие кинематографа (Проценко, 2015).

Пропаганда также использовала метод монтажа. Немецкий фильм «Дантон» (1921), снятый русским эмигрантом первой волны Дмитрием Буховецким, в советском прокате был подвергнут радикальному перемонтажу, в результате которого изменился его исходный идейный смысл. Если в оригинале Робеспьер представлялся жестоким тираном, а Дантон — положительным героем, то в новой версии акценты были смещены: действия Робеспьера интерпретировались как продиктованные революционной необходимостью. Особенно показателен эпизод, описанный Сергеем Эйзенштейном, где смысл сцены был полностью трансформирован за счет минимального вмешательства в исходный материал:

«Пришла из-за границы картина с Яннингсом “Дантон”. У нас она стала “Гильотиной”. (Сейчас вообще вряд ли кто этот фильм помнит.) В советском варианте была сцена: Камилл Демулэн отправлен на гильотину. К Робеспьеру вбегает взволнованный Дантон. Робеспьер отворачивается и медленно вытирает слезу. Надпись гласила что-то вроде: “Во имя свободы я должен был пожертвовать другом...”

— Все благополучно.

Но кто же догадывался о том, что в немецком оригинале Дантон, гуляка и бабник, чудный парень и единственная положительная фигура среди стаи злодеев, что этот Дантон вбегал к злодею Робеспьеру и... плевал ему в лицо? Что Робеспьер платком стирал с лица плевок? И что титром сквозь зубы звучала угроза Робеспьера, угроза, становившаяся реальностью, когда в конце фильма на гильотину всходил Яннингс-Дантон?!

Два маленьких подреза в пленке извлекли кусочек фильма — от момента плевка до попадания. И оскорбительность плевка стала слезой сожаления по павшему другу...» (Эйзенштейн, 1968: 69–70).

Приведенный пример подтверждает, что даже минимальное изменение монтажной структуры способно радикально изменить интерпретацию происходящего, превращая один и тот же визуальный материал в противоположное по смыслу высказывание.

ЭДИТ БЕЛОГО ДОМА: ИГРОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

В запрещенной на территории России социальной сети Instagram на официальной странице (sic!) Белого дома мы можем обнаружить следующий эдит от 12.03.2026, связанный с пропагандой антииранской военной кампании США под названием операция «Эпическая ярость» (война с Ираном началась 28.02.2026 совместно с Израилем; израильская операция имеет название «Рев льва»): идут видео из серии Wii Sports, чередуемые с видео уничтожения объектов, которые взрослый зритель предположительно считывает как военные объекты. Поясним: Wii Sports — это простые спортивные игры для консоли Nintendo Wii, игра вышла в 2006 г. В Wii Sports есть несколько видов спорта: теннис, боулинг, бокс, гольф, бейсбол. Позднее появилась игра, где можно управлять самолетом (есть в эдите Белого дома). Главная особенность Wii Sports в том, что игрок управляет персонажем движениями руки через контроллер Wii Remote: машете рукой — персонаж бьет ракеткой, делает бросок — персонаж кидает шар в боулинге и т. д. Из игры нам показывают, например, удар персонажа по мячику, а далее цель переходит в реальный мир, мячик превращается в реальную бомбу, которая уничтожает объект.

В данном случае важно учитывать не только собственно монтажную технику, но и более широкий контекст американской «мягкой силы». В аналитическом докладе «Зарубежные институты, практики, инструменты и система организации государственной политики в сфере “мягкой силы”» подчеркивается, что институциональная архитектура «мягкой силы» США представляет собой многоуровневую и хорошо финансируемую государственную систему, направленную на продвижение американских интересов и ценностей путем несилового воздействия. При этом особое значение в докладе придается индустрии развлечений как одному из инструментов трансляции политических ценностей, культуры, образа жизни и моделей поведения (Зарубежные институты, практики, инструменты, 2026).

В этом смысле рассматриваемый эдит Белого дома оказывается не случайным: элементы игровой культуры, визуальный язык развлечения и образы дистанционного уничтожения соединяются в единую пропагандистскую форму. «Мягкая сила» здесь работает как нормализация определенного способа восприятия реальности: военное действие кодируется через привычные развлекательные формы, а уничтожение объекта предстает как продолжение игры. США, используя индустрию развлечений и цифровые платформы, не только транслируют собственную политическую оптику, но и формируют у аудитории эмоционально облегченный режим восприятия насилия, где война становится частью клиповой, игровой и виральной[1] культуры.

Подобный монтаж создает эффект стилистического и смыслового сближения игрового и реального насилия, формируя у зрителя ощущение их сопоставимости. Видео носит виральный характер и ориентировано не только на взрослую аудиторию, но и на более молодых пользователей.

ДИСТАНЦИОННОЕ НАСИЛИЕ И ГЕЙМИФИКАЦИЯ ВОЙНЫ

Монтаж соотносится с более широкой проблемой трансформации восприятия насилия в условиях технологизации войны. Еще Эрнст Юнгер в эссе «Тотальная мобилизация» указывал, что индустриальная война лишает конфликт прежнего героического измерения, превращая его в обезличенный технический процесс: «Страны превращались в гигантские фабрики, а производство армий было поставлено на конвейер, чтобы и днем и ночью посылать их на поля сражений, исполнявшие роль потребителя, столь же механически поглощавшего кровавые жертвы. Сколь бы мучительной именно для героического духа не была монотонность этого зрелища, напоминающего выверенную работу питаемой кровью турбины, все же не может оставаться никакого сомнения в том, что здесь присутствует свойственное ему символическое содержание. Тут обнаруживается строгая логическая последовательность, жесткий оттиск времени на воске войны», — рассуждает Юнгер о Первой мировой войне (Юнгер, 2000: 441–470).

Эта логика получает развитие в практике дистанционного уничтожения: уже опыт атомных бомбардировок Японии показывает, что участие в подобных актах не исключает, а зачастую провоцирует тяжелые психологические последствия. Так, майор ВВС США Клод Изерли, пилот разведывательного самолета, обеспечивавшего атаку на Хиросиму, в послевоенные годы страдал от выраженного чувства вины, совершал правонарушения и неоднократно проходил психиатрическое лечение. Впрочем, сбросивший бомбу Пол Тиббетс чувствовал себя прекрасно и был готов повторить свой «подвиг» (Kuznick, 2008).

Но совсем другое дело тотальная географическая дистанция и дальность нахождения от врага. Ламбер Рояккерс и Рини ван Эст ссылаются на книгу Питера Сингера «Война, подключенная к сети: роботизированная революция и конфликты в XXI веке», в которой приводятся следующие высказывания американского солдата, служившего в Ираке: «По правде говоря, все оказалось не таким, каким я это себе представлял. Я думал, что убийство человека станет каким-то переломным, судьбоносным опытом. Но когда я это сделал, я просто подумал: “Ну ладно, и что?” Убивать людей — это как раздавить муравья. То есть ты убиваешь кого-то и думаешь: “Ладно, пошли за пиццей”» (Royakkers, van Est, 2010: 292).

В этом контексте монтаж рассматриваемого эдита производит так называемый тезаурусный щелчок (в терминологии братьев Луковых): зритель бессознательно связывает игровое действие с реальным уничтожением, усваивая установку на легкость и допустимость насилия. Для усиления этого эффекта массовая культура систематически демонстрирует разрушение как зрелище, например, в супергеройском кино, где целые города обрушиваются в ходе битв без акцента на человеческие последствия. Хочется спросить, а живут ли в этих вымышленных домах люди? Или они уходят на время внезапных супербитв? В реальности все хуже: кому «повезло», тот сидит в бомбоубежище, кому совсем не повезло, тот бежит по улице или находится в своей квартире, своем доме, который уничтожает бездумный человек, сидящий в кресле геймера, американский оператор дрона.

Игры вкупе с уничтожаемыми безлюдными объектами в псевдореальности — это пустое означающее (Laclau, 1996), которое всегда можно заполнить значимым Другим в виде врага. Если Жан Бодрийяр (Бодрийяр, 2016), критикуя США и весь западный мир, писал, что войны в Заливе в 1991 г. не было, потому что западному

потребителю не сообщалось о жертвах среди иракцев, то сегодня можно утверждать, что сознательно воспитываются новые солдаты, которые не воюют, а играют. Эти новые солдаты не воспринимают жертву ни как человека, ни даже как животное — это просто NPC (аббревиатура от английского Non-Player Character, то есть «неигровой персонаж»; это персонаж в видеоигре, которым не управляет игрок; NPC управляется игрой (программой) и выполняет заданную роль (врага, торговца, случайного прохожего и т. д.): виртуальный, еле видимый персонаж, подлежащий уничтожению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОТ «ЧУЖОГО» К «ЧУЖДОМУ»

Почему я говорю про тезаурус уничтожения? Тезаурус — это не только слово, но и образ, кодирующий реальность. Тезаурус уничтожения — это тип тезауруса, в котором образы, значения и когнитивные связи организованы таким образом, что насилие, разрушение и ликвидация Другого воспринимаются как допустимые, нейтральные или даже нормативные формы действия. Тезаурус, направленный не просто на формирование образа «чужого», а на конструирование образа «чуждого» до такой степени, что вы перестаете замечать своего оппонента и низводите его до уровня микроба.

Здесь, в случае с эдитом, реальность кодируется явно не на подарок цветочков оппоненту. Это сигнал не только Ирану, но и всему миру, по крайней мере, той его части, которая понимает, что США готовят будущее поколение, которое будет убивать играючи. Впрочем, это поколение уже готово, оно уже есть.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] «Виральный» (от англ. viral — «вирусный») — это прилагательное, которое описывает контент, быстро и активно распространяющийся в информационной среде (в соцсетях, мессенджерах и т. п.) подобно вирусной инфекции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодрийяр, Ж. (2016) Дух терроризма; Войны в заливе не было. М. : РИПОЛ классик. 222 с.

Зарубежные институты, практики, инструменты и система организации государственной политики в сфере «мягкой силы»: аналитический доклад (2026) / под общ. ред. О. И. Габа, Р. Р. Садуни. М. : АНО «Экспертный институт стратегического анализа и прогнозного моделирования социальных процессов». 126 с.

Луков, Вал. А. (2018) Тезаурусная социология : в 4 т. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Т. 1. 608 с.; Т. 2. 576 с.; Т. 3. 608 с.; Т. 4. 640 с.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2013) Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

Луков, Вл. А. (2018) Европейская культура в русском тезаурусе: Энциклопедические очерки : в 3 т. М. : Издательство Московского гуманитарного университета. Т. 1. 560 с.; Т. 2. 640 с.; Т. 3. 544 с.

Проценко, Е. Г. (2015) Методика проведения занятия «эффект монтажа» по курсу «Психолого-педагогические основы формирования монтажного мышления режиссера-постановщика» // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. № 2. С. 166–173.

Эйзенштейн, С. М. (1968) Избранные произведения : в 6 т. Т. 5. М. : Искусство. 599 с.

Юнгер, Э. (2000) Рабочий. Господство и гештальт: Тотальная мобилизация; О боли. СПб. : Наука. 539 с.

Kuznick, P. J. (2008) Defending the Indefensible: A Meditation on the Life of Hiroshima Pilot Paul Tibbets, Jr. // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. Vol. 6. No. 1.

Laclau, E. (1996) Why Do Empty Signifiers Matter to Politics? //

Emancipation(s). London: Verso. P. 36-46.

Royakkers, L., van Est, R. (2010) The Cubicle Warrior: The Marionette of Digitalized Warfare // Ethics and Information Technology. Vol. 12. № 3. P. 289–296.

Дата поступления: 14.07.2026 г.

THESAURUS OF DESTRUCTION: THE CASE OF THE WHITE HOUSE EDIT (USA)

A. M. Vafin

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the phenomenon of the edit as a contemporary form of montage-based expression, using as its example a video posted on the official White House social media page and associated with the representation of military destruction through the aesthetics of a computer game. The author shows that montage is capable not only of organizing visual material but also of radically transforming its meaning, creating new ideological and emotional frameworks of perception. Particular attention is paid to the comparison between gameplay and physical violence, as a result of which the destruction of a real object is encoded as an entertaining, technically neutral, and emotionally lightened act. Drawing on the montage theory, the concept of soft power, the thesaurus approach of the Lukov brothers, as well as the ideas of Jean Baudrillard and scholars of digital war, the article analyzes the process of normalizing remote violence in the context of clip-based and viral culture. The concept of the «thesaurus of destruction» is introduced to denote a system of images, meanings, and cognitive associations within which destruction and the elimination of the Other are perceived as permissible or normative forms of action.

Keywords: edit; montage; Kuleshov effect; propaganda; soft power; digital warfare; remote violence; thesaurus of destruction; White House; Operation Epic Fury

REFERENCES

Baudrillard, J. (2016) *Dux terrorizma; Vojny` v zalive ne by`lo* / transl. from France by A. Kachalov. Moscow, RIPOL klassik. 222 p.

Zarubezhnye instituty, praktiki, instrumenty i sistema organizacii gosudarstvennoj politiki v sfere «myagkoj sily»: analiticheskij doklad (2026) / ed. by O. I. Gaba and R. R. Saduni. Moscow, ANO «Ekspertnyj institut strategicheskogo analiza i prognoznogo modelirovaniya social'nyh processov». 126 p.

Lukov, Val. A. (2018) *Tezaurusnaya sociologiya: v 4 tomah.* Moscow, Izd-vo Mosk. Gumanit. Un-ta, vol. 1, 608 p.; vol. 2, 576 p.; vol. 3, 608 p.; vol. 4, 640 p.

Lukov, Val. A. and Lukov, Vl. A. (2013) *Tezaurusy II: Tezaurusnyj podhod k ponimaniyu cheloveka i ego mira.* Moscow, Izd-vo Nac. In-ta biznesa. 640 p.

Lukov, Vl. A. (2018) *Evropejskaya kul'tura v russkom tezauruse: Enciklopedicheskie ocherki: v 3 tomah*. Moscow, Izd-vo Mosk. Gumanit. Un-ta, vol. 1, 560 p.; vol. 2, 640 p.; vol. 3, 544 p.

Procenko, E. G. (2015) Metodika provedeniya zanyatiya «effekt montazha» po kursu «Psihologo-pedagogicheskie osnovy formirovaniya montazhnogo myshleniya rezhissera-postanovshchika». *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psihologo-pedagogicheskie nauki,* no. 2, pp. 166–173.

Eizenshtein, S. M. (1968) *Izbrannye proizvedeniya: v 6 tomah*. Vol. 5, Moscow, Iskusstvo. 599 p.

Jünger, E. (2000) Total`naya mobilizaciya. In: *Rabochij. Gospodstvo i geshtal`t* / transl. from Germ. by A. V. Mixajlov. St. Petersburg, Nauka. 539 p.

Kuznick, P. J. (2008) Defending the Indefensible: A Meditation on the Life of Hiroshima Pilot Paul Tibbets, Jr. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*, vol. 6, no. 1.

Laclau, E. (1996) Why Do Empty Signifiers Matter to Politics? *Emancipation(s)*. London, Verso, pp. 36–46.

Royakkers, L. and van Est, R. (2010) The Cubicle Warrior: The Marionette of Digitalized Warfare. *Ethics and Information Technology*, vol. 12, no. 3, p. 289–296, 391–392.

Submission date: 14.07.2026.

Вафин Артур Мансурович — кандидат политических наук, доцент факультета социальных наук и массовых коммуникаций кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125167, Российская Федерация, г. Москва, Ленинградский проспект, 51, корпус 1, кабинет 0416. Тел.: +7 (499) 553-11-90. Эл. адрес: arthur.vafin@mail.ru

Vafin Artur Mansurovich, Candidate of Political Science, Associate Professor, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University under the Government of the Russian Federation. Postal address: 51, Leningradsky Ave., Bldg. 1, office 0416, Moscow, Russian Federation, 125167. Tel.: +7 (499) 553-11-90. E-mail: arthur.vafin@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.14

Методологический аспект подготовки диссертаций по научной специальности «уголовно-правовые науки» (науковедческие суждения)

Н. Г. Шурухнов

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний; Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Д. Н. Шурухнова

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана

Рассматривается определение науки, обозначается научная специальность 5.1.4 — уголовно-правовые науки (юридические науки) — подготовки диссертаций, включающая семь наук, в разной степени представляющих право.

Авторы объединяют их в две группы, к первой относят уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право. В их предмет включено изучение норм права, их комментирование, представление правовых оценок, определение эффективности регулирования конкретных жизненных ситуаций, выработка новых подходов к правоотношениям. Ко второй группе отнесли криминологию, криминалистику, судебную экспертологию, оперативно-разыскную деятельность, считая, что они не изучают нормы права, не «занимаются» их комментированием в целях раскрытия своего предмета, а заимствуют нормы права у отраслевых наук, специальных федеральных законов, регулирующих определенную сферу деятельности, и используют их в целях борьбы с преступностью.

В статье обращается внимание на специфику подготовки диссертаций по обозначенному шифру специальности, включающей несколько дисциплин. Говорится о комплексном подходе к проведению исследований, разрешении методологической проблемы, состоящей в определении иерархии избранных дисциплин и используемых научных методов познания. Это позволяет безошибочно определить объект, предмет, исходную гипотезу и в целом сформировать исследовательскую гносеологическую программу с ориентиром на положения, которые необходимо будет публично защитить. Для упрощения научной работы исследователей в статье приводятся философский, логический и эмпирический уровни используемых методов, раскрывается их краткое содержание

Ключевые слова: знания; наука; научная специальность; методы; методология; подготовка диссертации

ВВЕДЕНИЕ

Подготовка диссертации — многоступенчатый процесс, осуществляемый в значительный период времени с обязательным выполнением комплекса исследовательских работ (изучение научных исследований по теме, сбор эмпирических данных, формирование текста). Общая задача любого автора диссертации (вне за-

висимости от ее категории, определенного шифра специальности) состоит в том, чтобы вскрыть ранее не известные факты, их связи с определенными обстоятельствами, показывая влияние на разновидности жизненных, правовых ситуаций, формируя знания об этом. Причем, не просто создавая знания, а представляя их во время публичной защиты диссертации, сохраняя их путем публикаций основных положений исследования в статьях, монографиях.

Приведенное стало уже методологическим принципом, правильнее сказать требованием, состоящим в том, чтобы результат исследования был:

— следствием инновационного поиска, который мог быть воспроизведенным другим исследователем с получением аналогичного итога;

— доступен для проверки (общее количество опрошенных респондентов, процентное распределение ответов на вопросы в зависимости от их характера), обоснованной критики и внесения необходимых изменений;

— независимым от личности, ее статуса, репутации, используемые методы были обоснованы, а выводы, базирующиеся на них, объективны;

— аргументированным, выводы подкреплены статистическими и эмпирическими данными, выраженными в количественной форме (в виде таблиц, диаграмм) и подтверждены экспериментально (Квейд, 1969: 224).

Если ориентироваться на правоприменение, то можно заметить, что между произошедшим противоправным событием и его «аналогом», представленным материалами уголовного дела как результатом расследования, лежит непознанное «пространство». Оно является скрывшим и скрывающим различные факты в виде обстоятельств, предметов, материальных и идеальных следов. Однако комплекс полученных доказательств при производстве различных следственных действий создает определенный «образ» расследованного события. И уполномоченные должностные лица (дознаватель, следователь, прокурор, судьи различных судебных инстанций, выносящие итоговые решения) склонны принимать его за действительное. Как представляется, направленность исследователя ориентироваться на такой «образ» сужает его научный поиск, сковывает воображение, тормозит мысль, затрудняя прогнозирование, выдвижение гипотез.

Исследователь, как представляется, должен стремиться отходить от такого стереотипа, интеллектуально стимулируя свой гносеологический процесс на рассмотрение процесса совершения преступления и его расследование творчески, выходя за рамки указанного «образа», познанного ранее. Для чего нужно аппликировать («наложить») прежде изученные (или лично расследованные) преступления на анализируемые, исходя из профессионального опыта совершенствования гносеологического процесса. Значительной помощью здесь выступают результаты опроса респондентов, имеющих отношение к расследованию, и прежде всего дознавателей, следователей, которые, исходя из современных условий, могут указать на недостатки познания события, произошедшего в прошлом, допущенные ошибки, обстоятельства, которые не удалось доказать, а вероятную информацию не удалось подтвердить другими средствами. Заметим, что уникальным с точки зрения получения знаний о противоправной деятельности являются результаты опроса оперативных уполномоченных, которые осуществляли сопровождение расследования. Они порой располагают информацией о противозаконной деятельности конкретного определенного гражданина еще до совершения им конкретных действий, предусмотренных Уголовным кодексом РФ.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Представляя свои суждения, оперируем юридическими фактами, выражениями, результатами правовой деятельности, так как пытаемся представить подготовку диссертации по специальности 5.1.4 — уголовно-правовые науки (юридические науки), в соответствии с приказами Минобрнауки (приказ Минобрнауки России от 30.03.2023 № 349[1]; приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118[2]). И здесь не лишним будет сказать о том, что обозначенная научная специальность включает семь направлений исследований, объединяя семь наук, в разной степени представляющих право. По этой причине мы объединили их в две группы. К первой отнесли: уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право. Ко второй — криминологию, криминалистику, судебную экспертологию, оперативно-разыскную деятельность. Основанием нашего деления послужило «отношение» указанных дисциплин к нормам права. Уголовно-правовые дисциплины, входящие в первую группу, изучают нормы права, комментируют их, дают правовую оценку, определяют эффективность регулирования конкретных жизненных ситуаций, вырабатывают новые правовые установки. К предмету дисциплин, отнесенных нами ко второй группе, не относятся изучение норм права, их комментирование, в целях раскрытия своего предмета они заимствуют законодательные положения у отраслевых наук, специальных федеральных законов, регулирующих определенную сферу деятельности, и используют их в целях борьбы с преступностью.

Представляя юридические дисциплины, мы вслед за приведенными в сноске нормативными правовыми актами, исследованиями ученых употребили слово «наука». Это потребовало от нас привести ее понятие, дать интерпретацию применительно к предмету нашей статьи. Попытаться «...найти такой показатель (индикатор, референт), который отражал бы определенный и важный признак содержания понятия и который можно было бы измерить» (Медицинская диссертация ... , 2009: 60), ориентируясь на специальность 5.1.4. Однако сделать это оказалось делом не совсем простым. Как справедливо заметил Ю. Е. Аврутин, «...одним из характерных признаков современного состояния общественных наук можно считать не только наличие своеобразных “концептуальных тупиков”, но и “понятийного кризиса” в целом. Неупорядоченность категориального аппарата существенным образом затрудняет конкретную работу, споры и дискуссии» (Аврутин, 2017: 66).

Наш поиск привел нас к определению, содержащемуся в одном из документов ЮНЕСКО. Где «...наука» означает комплекс фактов и гипотез, в котором теоретический элемент, как правило, может быть подтвержден обычными методами...»[3] Однако приведенная дефиниция в полной мере нас не удовлетворила, что потребовало осуществить дальнейший библиографический розыск науковедческих работ различных авторов и разных исследовательских периодов. Так, в своей работе А. А. Зворыкин высказался о том, что наука охватывает:

«а) собственно науку как систему знаний о природе, обществе, мышлении и законах их развития;

б) научную деятельность как особый вид человеческой деятельности, направленной на производство знаний и разработку путей их применения;

в) общественные условия, определяющие формы взаимодействия науки с конкретными историческими условиями ее развития» (Зворыкин, 1971: 4).

Р. Мертон, высказал мнение о том, что термин «наука» служит для определения: «1) набора характерных методов, с помощью которых знания сертифицированы; 2) запаса накопленных знаний, вытекающих из применения этих методов; 3) набора культурных ценностей и нравов, регулирующих деятельность, называемую научной, или 4) любой комбинации вышеизложенного» (цит. по: Понкина, Лаптева, 2021: 23).

Не комментируя приведенное, скажем о том, что наука избавляет нас от надобности осмысления множества частных ситуаций, предоставляя возможность мыслить, ориентируясь на общие понятия (абстракции), и в этом ее преимущества. Как представляется, наука — это не только познание, но и творчество, она с точки зрения классической рациональности эпохи Нового времени (Степин, 2003) имеет дело с объектами (предметом познания) исключительно такими, какие они есть на самом деле (о чем мы сказали ранее). Дополняя приведенные положения, следует сказать о том, что наука представляет собой систему знаний, включающих совокупность полезных и практически значимых представлений, а также механизм их получения. «Научное знание отличается последовательным и систематическим характером» (Рузавин, 1974: 7).

Специально укажем, что В. С. Степин в теоретическом знании выделяет три типа научной рациональности: классику, неклассику и постнеклассику. При классической парадигме человек задает вопрос природе (объекту) природа отвечает (субъект ↔ средства ↔ (объект). При неклассической парадигме человек задает вопрос природе, природа отвечает, но ответ теперь зависит и от свойств изучаемого объекта, и от способа вопрошания, контекста вопроса (субъект ↔ (средства ↔ объект). Постклассическая парадигма: человек задает вопрос природе, природа отвечает, но ответ теперь зависит и от свойства объекта, и от способа вопрошания, и от способности понимания вопрошающего субъекта (субъект ↔ средства ↔ объект). Такой подход является комплексным, так как наука переключается на высокие технологии, генную инженерию, информационные и становится междисциплинарной (Степин, 2003).

Как было отмечено, в научную специальность под шифром 5.1.4 входят семь дисциплин, при любом желании подготовить диссертацию (любого уровня), в предмет которой входили бы все уголовно-правовые науки, вряд ли возможно. Однако, представляя юридические отраслевые науки, следует сказать о том, что несколько сопряженных становятся объектом индивидуального исследователя (возможно, и научного коллектива). Это предполагает объективное изучение фактов, правовых установок, коллизий, противоправной деятельности, ее причин, связей, получения знаний, объяснение их с помощью явлений, происходящих в обществе для установления истины, с целью формирования комплексных выводов, предложений, рекомендаций, положений, выносимых на защиту. Всякий раз требуется привести разъяснение введенных понятий, показать, в чем их преимущество по сравнению с имеющимися, раскрыть их связи с другими дефинициями. Показать их практическую значимость, роль рекомендаций по интенсификации деятельности правоохранительных и правозащитных органов, с демонстрацией реализации на практике. А также представить их теоретическую и эмпирическую значимость, опять же комплексную.

Демонстрация теоретической значимости должна осуществляться через анализ существенных свойств вводимых понятий, предложений с демонстрацией их пре-

имуществ в сравнении с уже предложенными. А также путем раскрытия их взаимосвязей с другими определениями, положениями основополагающих принципов науки и ее общей теорией, демонстрируя дополнительную эффективную ступень развития. Эмпирическая значимость должна состоять в определении практических значений основных теоретических понятий, их переводе на «рельсы» другой отрасли, с демонстрацией взаимопроникновения, подачей обоснованной интенсификации правоприменения, регулирования правоотношений.

Чтобы исключить целенаправленные упреки в наш адрес, скажем о том, что мы не исключаем комплексного подхода не только в изложении соответствующего содержания диссертации («материи»), но и в использовании научного инструментария. На такие науковедческие недостатки уже указывалось. «Именно комплексный характер исследования поставил науковедение перед целым рядом серьезнейших проблем методологического характера. Речь идет, прежде всего, о проблемах соотнесения и иерархии методов и методик различных дисциплин в рамках некой общей методологической концепции, об их сопряжении в ходе выработки исходной гипотезы и исследовательской программы, а соответственно, о выборе или создании языка для единообразной, понятной всем участникам формулировки исследовательских задач...» (Мирский, 1971: 90).

Стратегией и одновременно тактикой подготовки диссертации выступает методология, генерирующая знания (Рузавин, 2009: 4–21). Определяя методологию в широком смысле слова, Э. Г. Юдин говорит о ней как «...об учении, о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности. В современной литературе под методологией обычно понимают, прежде всего, методологию научного познания, т. е. учение о принципах построения, формах и способах гносеологической деятельности. Методология науки дает характеристику компетентности научного исследования — его объекта, предмета, задач (или проблем), совокупности исследовательских средств, необходимых для решения задач данного типа, а также формирует представление о последовательности движения исследователя в процессе решения задачи. Таким образом, вводя понятие методологии, мы фактически различаем два типа знания — знание о мире и знание о знании (или, точнее, о познании)» (Юдин, 1997: 56). Они являются результатом использования соответствующих научных методов (инструментария). И. П. Павлов указывал, что «...от метода, от способа действия зависит вся серьезность исследования. Все дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных» (Павлов, 1952: 26).

Использование методов исследования должно быть осознано исследователем, конкретно представляющим, на что они работают (служебная роль), для чего предназначены. Справедливости ради скажем, что это не всегда реализуется при проведении исследований, в силу чего результат иногда не является успешным. Как справедливо отметил В. М. Сырых, «...фактором, сдерживающим успешное восхождение юристов на теоретический Олимп, выступает их недостаточная методологическая оснащенность» (Сырых, 2000: 482).

Главной целью методологии при подготовке диссертации считается реализация тех методов, средств и приемов, которые способны привести к новому знанию в науке или науках, входящих в специальность 5.1.4. Специально подчеркнем: прежде чем приступить к работе, исследователю нужно выбрать (обстоятельно ознако-

миться) методы, которые предполагается использовать. Этому предшествует большая исследовательская работа, результатом которой должно стать безупречное знание предмета исследования.

Методы познания классифицируются по различным основаниям (Рузавин, 2009: 8–9; Митрошенков, Ляшенко, Рузавин, 2024: 255–270; Спиркин, 2006: 378–474) — уровню познания; точности предсказаний; функциям, которые они осуществляют в познании; по конкретным областям; по назначению в систематизации, объяснении. Не будем приводить другие основания, стараясь не усложнить деятельность исследователей, отразим прикладной аспект в этой теоретической проблеме, будем исходить из задач познания и оформления полученных знаний.

1. *Философский инструментарий* включает диалектический метод, состоящий в познании явлений действительности в их развитии, самодвижении, вызываемом внутренними противоречиями. Метод основан на восхождении от абстрактного к конкретному. При проведении исследования, особенно при сборе эмпирических данных, имеют значение и философские принципы, такие как объективность, всесторонность, конкретность, историзм, детерминизм. Наряду с диалектическим подходом в век междисциплинарности уместно сказать о таком направлении философии XX в., как герменевтика, которое рассматривает понимание как фундаментальный способ человеческого бытия. В исследованиях необходимо ориентироваться и на социальную феноменологию, исследующую механизмы, с помощью которых люди в общении и совместной деятельности создают общий, разделяемый мир значений (Шюц, 2004).

Ставился вопрос о и таком методе, как триалектика. Объектом ее изучения (исследования) является не противоречие противоположностей, а их единство, связь, взаимодействие (Сергиенко, 1995; 4).

2. *Общелогические методы и приемы:*

— анализ. Один из распространенных методов научного познания и осмысления при проведении прикладных исследований. Предполагает реализацию мыслительной деятельности по разделению познаваемого явления на составляющие элементы, с последующим их исследованием без ориентира на целое (Кокорин, 2009: 244);

— обобщение. Состоит в мысленном выделении существенных (общих) свойств и отношений между предметами. Это «...выборочное абстрагирование от некоторых особенностей конкретного явления» (Понкин, Лаптева, 2021: 628);

— идеализация. Виртуальное конструирование образов объектов «...несуществующих или неосуществимых в действительности, но таких, для которых существуют прообразы в реальном мире. Процесс идеализации характеризуется отвлечением от свойств и отношений, присущих объектам реальной действительности, и введением в содержание образуемых понятий таких признаков, которые в принципе не могут принадлежать их реальным прообразам» (Новиков А., Новиков Д., 2010: 83–84);

— дедукция. Позволяет логически частное состояние вывести из общего (отражая движение от общего к частному) и из общего знания вывести «единичное» знание (Понкин, Лаптева, 2021: 339). Считается, что дедукция распространена в юридической практике. Это подтверждается производством экспертиз; сбором доказательств; выдвижением версий; прогнозированием развития следственных ситуаций; анализом корреляций (взаимосвязей между составляющими криминалистическую характеристику); установлением причинной связи между событиями;

— индукция. Выводит общее положение из частного, отражая движение от частного к общему, и позволяет из частного знания вывести общее (Понкин, Лаптева, 2021: 352);

— аналогия. Мыслительная операция, позволяющая полученное из анализа одного объекта (модели) знание перенести «...на другой, менее изученный или менее доступный для изучения, менее наглядный объект, именуемый прототипом, оригиналом» (Кокорин, 2009: 84). В результате происходит перенос информации по аналогии от модели к прототипу;

— моделирование. «Исследование объекта моделирования, базирующееся на его подобии модели и включающее построение модели, изучение ее и перенос полученных сведений на объект моделирования» (Подобие и моделирование ... , 1987: 4);

— системный подход. Рассмотрение объекта «... как части или элемента единого, целостного образования. Эти части или элементы, взаимодействуя друг с другом, определяют новые, интегрированные свойства системы, которые отсутствуют у отдельных ее составляющих» (Рузавин, 2009: 201).

3. *Методы эмпирического исследования:*

— наблюдение: «...преднамеренное и целенаправленное восприятие, обусловленное задачей деятельности. Это активный, целенаправленный познавательный процесс, опирающийся, прежде всего, на работу органов чувств человека и его предметную материальную деятельность» (Медицинская диссертация, 2009: 41–42). Наблюдение может входить в гносеологический комплекс в качестве одного из его составляющих с другими эмпирическими методами, являясь источником знаний;

— сравнение: «...интеллектуальная операция и основанный на ней исследовательский метод, предусматривающий сопоставление объектов для выявления, фиксации и отражения наличия (или отсутствия) и степени их равенства / подобия, сходств / различий (по некоторым основаниям качества или количества), преимуществ / недостатков («интегральное сопоставление»), абсолютных или относительных величин» (Понкин, Лаптева, 2021: 495);

— измерение: «...процесс нахождения отношения данной величины к другой, принятой за единицу измерения. Результаты измерения обычно выражаются с помощью чисел, и благодаря этому их можно подвергнуть математической обработке» (Рузавин, 2009: 56);

— эксперимент: «...род опыта, имеющего целенаправленно исследовательский, методический характер, который проводится в специально заданных, воспроизводимых условиях путем их контролируемого изменения» (Ахутин, 2009: 1135);

— контент-анализ. Состоит в изучении содержания текстов (исследований ученых), документов (нормативных правовых актов) или других информационных источников (средств массовой информации, архивных материалов). Он позволяет переводить вербальную информацию в количественные показатели, установить закономерности, определенные тенденции правоприменительной деятельности.

4. *Методы теоретического исследования:*

— формализация. Представляет собой исследование «...самых разнообразных объектов путем отображения их содержания и структуры в знаковой форме, при помощи различных искусственных языков и специальной символики, что обеспечивает краткость и четкость фиксации научного знания» (Добреньков, 2009: 57).

Она позволяет уточнить содержание исследуемого объекта путем выявления его формы и последующего анализа этой формы без обращения к формализованным понятиям (Павлов В., Павлов М., Павлов О., 2013: 39). В праве — это, главным образом, словесно-текстуальная форма выражения (Трофимов, 2011);

— гипотетико-дедуктивный метод: «...вид научно-исследовательского и прикладного аналитического дедуктивного метода, состоящий в логически детерминированном выведении (...исходя из специально разрабатываемой или отбираемой гипотезы (гипотез) — производных частных умозаключений (выводов-следствий, иных конструктов) относительно исследуемого предмета, с последующей эмпирической (экспериментальной) проверкой» (Понкин, Лаптева, 2021: 348; Рузавин, 2009: 108–125).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Обозначая методологический аспект подготовки диссертаций по научной специальности 5.1.4, а равно по другим специальностям, обращаем внимание на тот факт, что для решения взаимосвязанных задач используются методы включенных в исследование наук (Масленникова, 2000). Заметим, что комплексный подход к исследованию дисциплин, входящих в научную специальность 5.1.4, предполагает решение проблем методологического характера как в отношении и иерархии дисциплин, так и используемых методов.

2. Главной целью методологии при подготовке диссертации является реализация тех методов, средств и приемов, которые способны привести к новому (новым) знанию в науке или науках, входящих в специальность с шифром 5.1.4. Один из главных вопросов, который стоит перед исследователем, прежде чем приступить к работе, это выбор (обстоятельное знакомство) с методами, которые предполагается использовать. Всякий раз этому должна предшествовать большая, обстоятельная, целенаправленная исследовательская работа с целью получения безупречного знания о предмете исследования.

3. Обозначая науковедческий подход к проведению исследований в рамках группы уголовно-правовых наук (юридических) под шифром 5.1.4, укажем и на роль общей теории конкретной науки. «Она включает систему ее мировоззренческих принципов, теоретических концепций, категорий и понятий, методов и связей, определений и терминов, это научное отражение всего предмета...» (Белкин, 1977: 163). Она служит таковой в том случае, когда распространяется на весь предмет науки, раскрывая устойчивую сущность предмета, закономерности процессов, познание которых является целью конкретной отрасли знаний, показывая функции — разновидности решаемых задач. И как таковая «...призвана в концентрированной форме выразить сущность научного знания, его специфику, структуру и функции, законы развития, раскрыть науку как особое общественное явление...» (Рачков, 1974: 23).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 30.03.2023 № 349 «О внесении изменений в номенклатуру научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденную приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118, и в соответствие направлений подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) научным спе-

циальностям, предусмотренным номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. №118, установленное приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 августа 2021 г. №786» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305040002 (дата обращения: 07.05.2026).

[2] Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 №118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. №1093» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043.

[3] Рекомендация ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников» (Вместе с «Международными актами и другими документами, касающимися трудящихся в целом или научно-исследовательских работников в частности») (Принята в г. Париже 20.11.1974 на 18 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО). // Электронный эколог. URL: https://e-ecolog.ru/docs/t3GKSlG5rnyTChnCS5E-2?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 07.05.2026).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврутин, Ю. Е. (2017) Избранные труды. О государстве и государственной власти, законности и правопорядке, публичном управлении и административном праве / вступит. статья Ю. Н. Старилова. СПб. : Юридический центр. 720 с.

Ахутин, А. В. (2009) Эксперимент // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : Канон+; Реабилитация. 1248 с.

Белкин, Р. С. (1977) Курс советской криминалистики. Т. I: Общая теория советской криминалистики. М. : Академия МВД СССР. 340 с.

Добреньков, В. И., Осипова Н. Г. (2009) Методология и методы научной работы : учеб. пособие. М. : КДУ. 276 с.

Зворыкин, А. А. (1971) Изучение науки как одного целого. Сов. социол. ассоциация. Ин-т конкретных социальных исследований АН СССР. М. 18 с.

Квейд, Э. С. (1969) Анализ сложных систем (методология анализа при подготовке военных решений) / пер. с англ. И. М. Верещагина [и др.]; под ред. И. И. Ануреева, И. М Верещагина; предисл. д-ра воен. наук И. И. Ануреева. М. : Сов. Радио. 519 с.

Кокорин, А. А. (2009) Анализ: теория, методология, методика (аксиоматическое эссе). Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Изд-во МГОУ. 292 с.

Масленникова, Л. Н. (2000) Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М. : Академия управления МВД России. 180 с.

Медицинская диссертация: современные требования к содержанию и оформлению (2009) / авт.- сост. С. А. Трущелев; под ред. И. Н. Денисова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : ГЭОТАР-Медиа. 415 с.

Мирский, Э. М. (1971) Науковедение в СССР (история, проблемы, перспективы) // Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 3–4. С. 86–98.

Митрошенков, О. А., Ляшенко, В. П., Рузавин, Г. И. (2024) Философия : учебник для вузов / 2-е изд., доп. М. : Изд-во Юрайт. 525 с.

Новиков, А. М., Новиков, Д. А. (2010) Методология научного исследования. М.: Либроком. 280 с.

Павлов, В. П., Павлов, М. В., Павлов, О. В. (2013) Проблемы системности в российском гражданском праве. Кн. 1: Адекватность применяемых моделей. М. : РГАИС. 1303 с.

Павлов, И. П. (1952) Полное собрание сочинений. Изд. 2-е, доп. Т. V. М.-Л. : Издательство АН СССР. 567 с.

Подобие и моделирование. Основные понятия. Терминология. Проект (1987) / отв. ред. В. А. Венников; Академия наук СССР; Комитет научно-технической терминологии. М. : Наука. 16 с.

Понкин, И. В., Лаптева, А. И. (2021) Методология научных исследований и прикладной аналитики: учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. М. : Буки Веди. 567 с.

Рачков, П. А. (1974) Науковедение. Проблемы, структура, элементы. М.: Изд-во МГУ. 243 с.

Рузавин, Г. И. (1974) Методы научного исследования. М. : Мысль. 237 с.

Рузавин, Г. И. (2009) Методология научного познания. М. : ЮНИТИ. 288 с.

Сергиенко, П. Я. (1995) Триалектика, Новое понимание мира. Пущино; Б. и. 74 с.

Спиркин, А. Г. (2006) Философия : учебник. 2-е изд. М. : Гардарики. 736 с.

Степин В. С. (2003) Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция. 744 с.

Сырых, В. М. (2000) Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. М. : Юстицинформ. 528 с.

Трофимов, В. В. (2011) Правообразование в современном обществе: Теоретико-методологический аспект : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб. 50 с.

Шюц, А. (2004) Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ.: В. Г. Николаев и др. ; сост.: Н. М. Смирнова ; общ. и науч. ред., послесл. Н. М. Смирновой. М. : РОССПЭН. 1054 с.

Юдин, Э. Г. (1997) Методология науки. Системность. Деятельность. М. : Эдиториал УРСС. 445 с.

Дата поступления: 10.05.2026 г.

METHODOLOGICAL ASPECT OF PREPARING DISSERTATIONS IN THE ACADEMIC SPECIALTY "CRIMINAL LAW SCIENCES" (OBSERVATIONS FROM THE SCIENCE STUDIES)

N. G. Shuruhnov
Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tula Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy, Ministry of Justice of Russia)
D. N. Shuruhnova
Bauman Moscow State Technical University

The article examines the definitions of science and identifies the scientific specialty 5.1.4 — criminal law (legal sciences) — for dissertation preparation, encompassing seven disciplines that represent law to varying degrees.

The authors group these disciplines into two groups. The first includes criminal law, criminal procedure law, and criminal executive law. Their subject matter includes the study of legal norms, their commentary, the presentation of legal assessments, the determination of the effectiveness of regulation in specific life situations, and the development of new approaches to legal relations. The second group includes criminology, forensic science, forensic expertology, and investigative operations. They believe that these disciplines do not study legal norms or engage in commentary on them for the purpose of exploring their subject matter. Instead, they borrow legal norms from specialized disciplines and specialized federal laws regulating a particular area of activity and use them to combat crime.

The article focuses on the specifics of dissertation preparation in a designated specialty, which encompasses several disciplines. It discusses an integrated approach to conducting research and resolving the methodological problem of defining the hierarchy of selected disciplines and the scientific methods employed. This allows for the accurate identification of the object, subject, and initial hypothesis, and the overall formulation of an epistemological research program focused on the propositions that must be publicly defended. To facilitate the research process, the article presents the philosophical, logical, and empirical levels of the methods used, and provides a brief summary.

Keywords: knowledge; science; scientific specialty; methods; methodology; dissertation preparation

REFERENCES

Avrutin, Yu. E. (2017) *Izbranny`e trudy`. O gosudarstve i gosudarstvennoj vlasti, zakonnosti i pravoporyadke, publichnom upravlenii i administrativnom prave* / Intr. by Yu. N. Starilova. St. Peterburg, Yuridicheskij centr. 720 p.

Axutin, A. V. (2009) E`ksperiment. In: *E`nciklopediya e`pistemologii i filosofii nauki*. Moscow, Kanon+; Reabilitaciya, 1248 p.

Belkin, R. S. (1977) *Kurs sovetskoj kriminalistiki*. Vol. I: Obshhaya teoriya sovetskoj kriminalistiki. Moscow, Akademiya MVD SSSR. 340 p.

Dobren`kov, V. I. and Osipova, N. G. (2009) *Metodologiya i metody` nauchnoj raboty`: ucheb. posobie*. Moscow, KDU. 276 p.

Zvory`kin, A. A. (1971) *Izuchenie nauki kak odnogo celogo. Sov. sociol. associaciya. In-t konkretny`x social`ny`x issledovanij* AN SSSR Publ., Moscow. 18 p.

Kvejd, E`. S. (1969) *Analiz slozhny`x sistem (metodologiya analiza pri podgtovke voenny`x reshenij)* / transl. from Eng. by I. M. Vereshhagin et al.; ed. by I. I. Anureev and I. M. Vereshhagin; intr. by I. I. Anureev. Moscow, Sovetskoe radio. 519 p.

Kokorin, A. A. (2009) *Analiz: teoriya, metodologiya, metodika (aksiomaticheskoe e`sse)*. 2nd ed., revised and comp. Moscow, MGOU Publ. 292 p.

Maslennikova, L. N. (2000) *Metodologiya poznaniya publichnogo i chastnogo (dispozitivnogo) nachal v ugolovnom sudoproizvodstve*. Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii. 180 p.

Medicinskaya dissertaciya: sovremenny`e trebovaniya k soderzhaniyu i oforleniyu (2009) / compil. by S.A. Trushhelev; ed. by I.N. Denisov. 3rd ed., revised and completed. Moscow, GEOTAR-Media. 415 p.

Mirskij, E`. M. (1971) Naukovedenie v SSSR (istoriya, problemy`, perspektivy`). *Voprosy` istorii estestvoznaniya i texniki*, issue 3–4, pp. 86–98.

Mitroshenkov, O. A., Lyashenko, V. P. and Ruzavin, G. I. (2024) *Filosofiya: uchebnik dlya vuzov* / 2nd ed., compl. Moscow, Yurajt Publ., 525 p.

Novikov, A. M. and Novikov, D. A. (2010) *Metodologiya nauchnogo issledovaniya*. Moscow, Librokom. 280 p.

Pavlov, V. P., Pavlov, M. V. and Pavlov, O. V. (2013) *Problemy` sistemnosti v rossijskom grazhdanskom prave. Vol. 1: Adekvatnost` primenyaemy`x modelej*, Moscow, RGAIS. 1303 p.

Pavlov, I. P. (1952) *Polnoe sobranie sochinenij*. 2nd ed., completed, vol. V, Moscow–Leningrad, AN SSSR Publ. 567 p.

Podobie i modelirovanie. Osnovny`e ponyatiya. Terminologiya. Proekt (1987) / ed. by V. A. Vennikov; Akademiya nauk SSSR; Komitet nauchno-texnicheskoj terminologii. Moscow, Nauka. 16 p.

Ponkin, I. V. and Lapteva, A. I. (2021) *Metodologiya nauchny`x issledovanij i prikladnoj analitiki: uchebnik*. 2nd ed., compl. and revised. Moscow, Buki Vedi. 567 p.

Rachkov, P. A. (1974) *Naukovedenie. Problemy`, struktura, e`lementy`*. Moscow, Moscow University Press. 243 p.

Ruzavin, G. I. (1974) *Metody` nauchnogo issledovaniya.* Moscow, Mysl Publ. 237 p.

Ruzavin, G. I. (2009) *Metodologiya nauchnogo poznaniya*. Moscow, UNITY. 288 p.

Sergienko, P. Ya. (1995) *Trialektika. Novoe ponimanie mira*. Pushhino. 74 p.

Spirkin, A. G. (2006) *Filosofiya: uchebnik*. 2nd ed. Moscow, Gardariki. 736 p.

Stepin V. S. (2003) *Teoreticheskoe znanie*. Moscow, Progress-Tradiciya. 744 p.

Sy`ry`x, V. M. (2000) *Logicheskie osnovaniya obshhej teorii prava: v 2 t*. Vol. 1: E`lementny`j sostav. Moscow, Yusticinform. 528 p.

Trofimov, V. V. (2011) *Pravoobrazovanie v sovremennom obshhestve: Teoretiko-metodologicheskij aspekt:* avtoref. dis. d-ra yurid. nauk. St. Petersburg. 50 p.

Schütz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashhijsya smy`slom* / transl. From Germ. and Eng. by V. G. Nikolaev et al., ed. and compiled by N. M. Smirnova; afterwords by N. M. Smirnova. Moscow, ROSSPEN. 1054 p.

Yudin, E`. G. (1997) *Metodologiya nauki*. Sistemnost`. Deyatel`nost`. Moscow, Editorial URSS. 445 p.

Submission date: 10.05.2026.

Шурухнов Николай Григорьевич — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научных и научно-педагогических кадров аппарата ученого секретаря, адъюнктуры, докторантуры Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний; профессор кафедры уголовного и уголовно-процессуального права Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). Адреса: 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15-а, строение 1. НИИ ФСИН России; 300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина 104. Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Тел.: 8-960-599-90-69. Эл. адрес: matros49@mail.ru.

Шурухнова Диана Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры безопасности в цифровом мире Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана. Адрес: 105005, Россия, Москва, 2-я Бауманская улица, 5, строение 4. Тел.: 8 (916) 134-49-07. Эл. адрес: diana_shu@inbox.ru.

Shurukhnov Nikolay Grigorievich, Doctor of Law, Professor, Leading Researcher, Group for the Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Office of the Academic Secretary, Postgraduate Military Studies, and Doctoral Studies, Research Institute, Federal Penitentiary Service, Professor, Department of Criminal and Criminal Procedure Law, Tula Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy, Ministry of Justice of Russia). Postal addresses: 15-a, Narvskaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 125130, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia; 104, Lenin Ave., Tula, Russian Federation, 300026, Tula Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Tel.: 8 (960) 599-90-69. E-mail: matros49@mail.ru.

Shuruhnova Diana Nikolayevna, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Security in the Digital World, Bauman Moscow State Technical University. Postal address: 5, 2nd Baumanskaya St, Bldg. 4, Moscow, Russian Federation, 105005. Tel.: 8 (916) 134-49-07. E-mail: diana_shu@inbox.ru.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВОЗНАНИЯ

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.15

Пластический текст как форма бытования фольклорного нарратива: культурологический анализ танца «Кийис Базаачылар» («Ковровщицы»)

Б. В. Курдяпов

Государственный национальный театр танца и песни «Алтам» Республики Алтай

Статья посвящена культурологическому анализу хореографической композиции «Кийис базаачылар» («Ковровщицы») театра «Алтам» (Республика Алтай), созданной А. И. Шинжиной в 1995–1997 гг. Автор рассматривает танец как пластический текст, сохраняющий и транслирующий архаические смыслы алтайской культуры. В основу исследования положены культурологический, историко-типологический и структурно-функциональный методы, а также многолетний опыт включенного наблюдения автора — репетитора-балетмейстера театра. Теоретической рамкой служит концепция архаизации и неотрадиционализма Ч. К. Ламажаа. В результате анализа показано, что данная постановка является формой проявления неотрадиционализма, воспроизводящей этническую идентичность через сценическую реконструкцию процесса изготовления войлока. Пластика танца интерпретируется как система знаков, соотносимая с мифологическими образами, запечатленными в петроглифах, героическом эпосе и обрядах. Включение пластических текстов в поле культурологии позволяет по-новому взглянуть на механизмы сохранения нематериального наследия.

Ключевые слова: культурология; пластический текст; неотрадиционализм; «Кийис базаачылар»; театр «Алтам»; алтайская культура; войлоковаляние

ВВЕДЕНИЕ

В Республике Алтай ключевую роль в сохранении и актуализации традиционной культуры играет Государственный национальный театр танца и песни «Алтам». Его деятельность — уникальный для региона опыт соединения научного исследования фольклорных источников и их сценической интерпретации. В центре нашего внимания — хореографическая композиция «Кийис базаачылар» («Ковровщицы»), созданная основателем и художественным руководителем театра А. И. Шинжиной в 1995–1997 гг.

В центре исследования — вопрос о том, каким образом танец «Кийис базаачылар» транслирует архаические смыслы алтайской культуры. Существует ли в пластике этого танца устойчивый семиотический код, восходящий к петроглифам,

эпосу и обряду? Можно ли интерпретировать его как форму культурного неотрадиционализма?

Фундаментальные исследования А. И. Шинжиной заложили основу для изучения алтайского танца, введя его в научный оборот как искусствоведческий объект. Настоящее исследование предлагает дополнительный культурологический ракурс, рассматривая танец как пластический текст, транслирующий архаические смыслы.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе использованы: культурологический анализ (его эвристический потенциал для изучения танцевальной культуры региона уже был обоснован нами: Курдяпов, 2022), позволяющий интерпретировать танец как семиотическую систему; историко-типологический метод для выявления истоков пластических элементов; структурно-функциональный анализ для определения социокультурных функций танца; метод включенного наблюдения, основанный на многолетней работе автора в качестве репетитора-балетмейстера театра «Алтам».

Сопоставление пластики танца с петроглифическими изображениями опирается на палеохореографический подход В. В. Ромма, который позволяет интерпретировать позы и жесты антропоморфных фигур как элементы танцевального действа (Ромм, 2003). Кроме того, мы опираемся на исследование Буксиковой и Шинжиной, где петроглифы Горного Алтая рассматриваются как источник изучения кинетического компонента традиционного искусства (Буксикова, Шинжина, 2014).

Базовой для анализа выступает концепция архаизации и неотрадиционализма Ч. К. Ламажаа, которая определяет архаизацию как стихийный процесс обращения к архаическим смыслам, а неотрадиционализм — как осознанное конструирование культурных форм на основе архаики для решения социокультурных задач (Ламажаа, 2013: 16; Ламажаа, 2021; Ламажаа, Абдулаева, 2014: 68). Методологическую базу дополняет тезаурусный подход, развиваемый в научной школе Московского гуманитарного университета (Луков Вал., Луков Вл., 2008; 2013). Это позволяет интерпретировать танец как элемент культурного тезауруса алтайского этноса. В русле семиотической традиции, восходящей к Ю. М. Лотману, мы трактуем пластический текст танца как знаковую систему, передающую архаическую семантику в невербальной форме (Лотман, 1996).

Эмпирическую основу составляет книга А. И. Шинжиной «Основы алтайского танца», где систематизирована хореографическая лексика и дана авторская рефлексия о связи орнамента и движения (Шинжина, 2004). Ключевое значение имеет ее статья, в которой петроглифы Калбак-Таша рассматриваются как источник реконструкции древних форм театрально-пластической выразительности. Шинжина интерпретирует топографию Калбак-Таша как «естественный амфитеатр» и «протосценическую площадку», а фигуры с «присогнутой» постановкой ног демонстрируют «устойчивость пластического кода на протяжении тысячелетий» (Шинжина, 2026: 16).

Под пластическим текстом мы понимаем семиотически упорядоченную систему движений, которая, подобно словесному высказыванию, закрепляет и транслирует устойчивое культурное значение.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: СЕМАНТИКА ВОЙЛОКА И ЕЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Войлок в алтайской культуре был не просто утилитарным материалом. Как отмечает Е. Е. Ямаева, войлочный ковер (шийрдек) в бурханистских обрядах[1] выполнял функцию «пограничной площадки» между миром людей и миром духов (Ямаева, 2023). На шийрдек «спускались» духи-хозяева местностей и сам Дух-Хозяин Алтая. Сакральный статус войлока подтверждается ритуалом «поднятия на войлоке» при избрании зайсана (главы рода) (Ябыштаев, 2018: 60), его использованием в погребальном обряде и описанием белой войлочной подстилки как символа высокого статуса.

Технологический процесс валяния был коллективным и сакрализованным. Его начинали в начале осени (Сарбашева, Чочкина, 2018: 53), уподобляли уходу за ребенком (старую кошму называли «эне-кис» — «мать-войлок», новый — «балакис» — «дитя-войлок»), а каждое действие сопровождалось благопожеланиями (Октябрьская, Черемисин, 2000: 112). Войлок был обязательным свадебным даром и считался приносящим благополучие роду. Традиционный цикл работ включал стрижку овец, очистку и мытье шерсти, ее взбивание деревянными прутьями, валяние и скатывание в рулоны (Енчинов, 2023: 16).

Айана Шинжина, первый профессиональный балетмейстер Алтая, создала танец как сценическую реконструкцию трудового обряда. Она пишет: «Орнаментальные узоры, как мне кажется, должны воспроизводиться и в рисунке построения танца, в его передвижениях, и в отдельных движениях всего тела человека, его рук, ног. Это сюжет, линии и цвет» (Шинжина, 2004: 29).

Композиция танца воспроизводит последовательную смену трудовых операций: от раскладки и взбивания шерсти до выкладки орнамента, поливки, сворачивания и катания, завершаясь разворачиванием белого войлочного полотна. Белый войлок — символ сакральной чистоты — превращает финал в космогонический акт творения. Каждый жест — не стилизация, а пластическая цитата труда, передающая его ритм и физическую тяжесть. Рисунок танца динамично меняется: линии сменяются кругами и диагоналями, отражая смену трудовых операций. Кульминация вызывает у сельских зрителей желание повторить номер, что подтверждает живую связь с традицией.

Именно эта точность воспроизведения трудовых операций, дополненная орнаментальной логикой движений, позволяет рассматривать танец как пластический текст, где каждый жест является знаком, отсылающим к архаическому культурному коду.

ИСТОЧНИКИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Хореографический язык танца восходит к трем источникам. Его лексика основана на технике академического народно-сценического танца, что позволяет профессионально воплотить на сцене архаический пластический код, реконструированный по петроглифам и этнографическим источникам. Характерная «присогнутая» постановка ног, зафиксированная в петроглифах Калбак-Таша, органично встраивается в систему народно-сценической хореографии, обеспечивая сценическую выразительность при сохранении этнической узнаваемости движений.

1. Петроглифы Калбак-Таша. Антропоморфные фигуры с «присогнутой» постановкой ног демонстрируют «устойчивость пластического кода на протяжении

тысячелетий». Исследователи рассматривают данные изображения не как иллюстрацию бытовых сцен, а как фиксацию ритуальных поз и движений (Шинжина, 2026: 16). Положение ног танцовщиц в «Кийис базаачылар» (опора на полупальцы, согнутые колени) воспроизводит эту кинетику, что позволяет рассматривать их как архаическую основу танцевальной пластики.

2. Героический эпос «Очи-Бала» содержит описание вращений на носках и прыжков (Шинжина, 2022).

3. Обрядовая практика — рисунок по кругу и спирали, воспроизводящий символику круговорота из благопожеланий (алкыш сёс).

Эти пластические элементы выступают как телесные корреляты мифологических концептов, выделенных Н. Р. Ойноткиновой: число, цвет, обрядовый предмет (Ойноткинова, 2021).

ТАНЕЦ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Рассмотрение танца в контексте неотрадиционализма позволяет выделить его ключевые социокультурные роли. Танец актуализирует этническую идентичность (идентификационная функция), транслирует архаические смыслы современному зрителю (коммуникативная функция) и сохраняет культурную память (кумулятивная функция). Как отмечает Э. В. Енчинов, в хозяйственной деятельности алтайцев наблюдается восстановление традиционных ремесел, и войлоковаляние получило «вторую жизнь» (Енчинов, 2023: 17). Танец «Кийис базаачылар» является художественным воплощением этого процесса, где сценическая реконструкция становится формой актуализации культурного наследия.

В репертуаре театра «Алтам» «Кийис базаачылар» занимает особое место. Если этнобалет «Курчулу От-Эне» реконструирует ритуальную пластику, а танец «Звенящие бусы» обращается к этнографическому материалу женских украшений, то «Кийис базаачылар» строится на реконструкции трудового обряда, что выделяет его среди других произведений репертуара.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Танец «Кийис базаачылар» является не просто хореографической постановкой, но пластическим текстом, транслирующим архаические смыслы. Его лексика восходит к петроглифам, эпосу и обрядовой практике, а композиция строится как телесное воспроизведение орнаментальной логики.

Согласно концепции Ч. К. Ламажаа, танец является формой культурного неотрадиционализма — осознанной реконструкции архаической традиции. Театр «Алтам» выступает как институция сохранения культурного наследия, а включение пластических текстов в поле культурологии расширяет представления о механизмах трансляции культурного опыта.

Результаты исследования могут быть использованы в практике хореографов и педагогов, а также в разработке методик культурологического анализа пластических текстов.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Бурханизм (самоназвание — Ак јанг, «Белая (или Чистая) Вера») — это синкретическая религия алтайцев, объединившая элементы шаманизма, тенгрианства и буддизма. Ее обряды

направлены на почитание верховного божества Алтая, установление связи с Верхним миром и сохранение гармонии в общине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буксикова, О. Б., Шинжина, А. И. (2014) Петроглифы Горного Алтая как источник изучения кинетического компонента в традиционном искусстве народа // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. №1. С. 274–277.

Енчинов, Э. В. (2023) Продукция животноводства: войлок в современной алтайской культуре // Universum: общественные науки. №10 (101). С. 16–17.

Ерохина, Е. А. (2020) Этноконфессиональный ландшафт Республики Алтай: глобальные вызовы и локальные ответы // Oriental Studies. Т. 13, №2. С. 436–454.

Курдяпов, Б. В. (2022) Танцевальная культура Республики Алтай: проблемы дефиниции, основные компоненты // Знание. Понимание. Умение. №2. С. 275–280. DOI: 10.17805/zpu.2022.2.21.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества : Тувинский феномен. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 272 с.

Ламажаа, Ч. К., Абдулаева, М. Ш. (2014) Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 68–80.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 190 с. ISBN 978-5-4469-2013-6.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2008) Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 784 с.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. (2013) Тезаурусы II : Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса. 640 с.

Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. М. : Языки русской культуры. 447 с.

Ойноткинова, Н. Р. (2021) Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты / Институт филологии СО РАН. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. 622 с.

Октябрьская, И. В., Черемисин, Д. В. (2000) Узорные войлоки Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. №1 (1). С. 109–117.

Ромм, В. В. (2003) Палеохореография // Человек. №1. С. 19–35.

Сарбашева, С. Б., Чочкина, М. П. (2018) Производственный обряд войлоковаляние у алтайцев и особенности благопожеланий алкыш сöс // Научное обозрение Саяно-Алтая. №3 (23). С. 52–55.

Шинжина, А. И. (2004) Основы алтайского танца. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское издательство. 164 с.

Шинжина, А. И. (2022) Женский танец в алтайском героическом эпосе «Очи-Бала» [Электронный ресурс] // Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире. URL: https://rodnoyyazyk.ru/index.php/journal/article/view/20 (дата обращения: 10.06.2026).

Шинжина, А. И. (2026) Петроглифы Калбак-Таша как источник реконструкции театрально-пластической выразительности в алтайской хореографии // Искусство и образование. №6–2 (173). С. 16–25.

Ябыштаев, Т. С. (2018) О причинах репрезентации «поднятия на войлоке» зайсана алтайских теелесов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. №24. С. 58–62.

Ямаева, Е. Е. (2023) Об одном бытовом предмете алтайцев // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. Т. 2. №1. С. 44–54.

Дата поступления: 11.06.2026 г.

PLASTIC TEXT AS A FORM OF EXISTENCE OF FOLKLORE NARRATIVE: CULTURAL ANALYSIS OF THE DANCE «KIYIS BASAACHYLAR» («CARPET WEAVERS»)

B. V. KURDYAPOV
STATE NATIONAL THEATER OF DANCE AND SONG "ALTAM", THE ALTAI REPUBLIC

The article offers a cultural analysis of the choreographic composition «Kiyis Basaachylar» («Carpet Weavers») by the Altam Theater (the Altai Republic), created by A. I. Shinzhina in 1995–1997. The author interprets dance as a plastic text that preserves and conveys archaic meanings of Altai culture. The study draws on the cultural, historical-typological, and structural-functional methods, as well as the author's long-term participant observation as a rehearsal choreographer at the theater. The theoretical framework is based on Ch. K. Lamazhaa's concept of archaization and neo-traditionalism. The analysis demonstrates that this production represents a form of neo-traditionalism, reproducing ethnic identity through the stage reconstruction of felt-making. The dance plastic elements are interpreted as a system of signs corresponding to mythological images recorded in petroglyphs, heroic epic, and rituals. Incorporating plastic texts into cultural studies offers a fresh perspective on the mechanisms of intangible heritage preservation.

Keywords: cultural studies; plastic text; neo-traditionalism; «Kiyis Basaachylar»; «Altam» theater; Altai culture; felt-making

REFERENCES

Buksikova, O. B. and Shinzhina, A. I. (2014) Petroglify Gornogo Altaia kak istochnik izucheniia kineticheskogo komponenta v traditsionnom iskusstve naroda. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 1, pp. 274–277.

Enchinov, E. V. (2023) Produktsiia zhivotnovodstva: voilok v sovremennoi altaiskoi kul'ture. *Universum: obshchestvennye nauki*, no. 10 (101), pp. 16–17.

Erokhina, E. A. (2020) Etnokonfessional'nyi landshaft Respubliki Altai: global'nye vyzovy i lokal'nye otvety. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 436–454.

Kurdiapov, B. V. (2022) Tantseval'naia kul'tura Respubliki Altai: problemy definitsii, osnovnye komponenty. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 275–280.

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva : Tuvinskii fenomen*. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM». 272 p.

Lamazhaa, Ch. K. and Abdulaeva, M. Sh. (2014) Arkhaizatsiia i neotraditsionalizm: rossiiskie regional'nye formy. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 68–80.

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 190 p.

Lukov Val. A., Lukov Vl. A. (2008) *Tezaurusy`: Sub``ektnaya organizaciya gumanitarnogo znaniya.* Moscow, Izd-vo Nacz. in-ta biznesa. 784 p.

Lukov Val. A., Lukov Vl. A. (2013) *Tezaurusy` II : Tezaurusny`j podxod k ponimaniyu cheloveka i ego mira*. Moscow, Izd-vo Nacz. in-ta biznesa. 640 p.

Lotman, Yu. M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov*. Moscow, Yazyki russkoy kultury. 464 p.

Oinotkinova, N. R. (2021) *Mifologicheskaia kartina mira altaitsev: kontsepty, motivy, siuzhety* / Institut filologii SO RAN. Novosibirsk, Novosibirskii natsional'nyi issledovatel'skii gosudarstvennyi universitet. 622 p.

Oktiabr'skaia, I. V. and Cheremisin, D. V. (2000) Uzornye voiloki Altaia. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, no. 1 (1), pp. 109–117.

Romm, V. V. (2003) Paleokhoreografiia. *Chelovek*, no. 1, pp. 19–35.

Sarbasheva, S. B. and Chochkina, M. P. (2018) Proizvodstvennyi obriad voilokovalianie u altai-tsev i osobennosti blagopozhelanii alkysh sųs. Nauchnoe obozrenie Saiano-Altaia, no. 3 (23), pp. 52–55.

Shinzhina, A. I. (2004) *Osnovy altaiskogo tantsa*. Gorno-Altaisk, Gorno-Altaiskoe izdatel'stvo. 164 p.

Shinzhina, A. I. (2022) Zhenskii tanets v altaiskom geroicheskom epose «Ochi-Bala». *Rodnye iazyki i kul'tury v sovremennom izmeniaiushchemsia mire*. (Online) Available at: https://rodnoyyazyk.ru/index.php/journal/article/view/20 (accessed 10.06.2026).

Shinzhina, A. I. (2026) Petroglify Kalbak-Tasha kak istochnik rekonstruktsii teatral'no-plasticheskoi vyrazitel'nosti v altaiskoi khoreografii. *Iskusstvo i obrazovanie*, no. 6–2 (173), pp. 16–25.

Iabyshtaev, T. S. (2018) O prichinakh reprezentatsii «podniatiia na voiloke» zaisana altaiskikh teelesov. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediia Altaiskogo kraia*, no. 24, pp. 58–62.

Iamaeva, E. E. (2023) Ob odnom bytovom predmete altaitsev. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. Seriia: Estestvennye i gumanitarnye nauki*, vol. 2, no. 1, pp. 44–54.

Submission date: 11.06.2026.

Курдяпов Байрам Вячеславович — выпускник аспирантуры кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Балетмейстер, Государственный национальный театр танца и песни «Алтам» Республики Алтай. Заслуженный артист Республики Алтай. Адрес: 649000, Российская Федерация, г. Горно-Алтайск, проспект Коммунистический, 16. Эл. адрес: kurdiapov@mail.ru

Kurdyapov Bayram Vyacheslavovich, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities, Choreographer, State National Theater of Dance and Song "Altam", the Altai Republic, Honored Artist of the Altai Republic. Postal address: 16, Kommunistichesky Ave., GornoAltaisk, Russian Federation, 649000. E-mail: kurdiapov@mail.ru

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.16

Алгоритмическая ностальгия и образ прошлого в социальных сетях: память между персонализированной подборкой и нарративной схемой

А. В. Головань

Московский гуманитарный университет

Статья посвящена анализу феномена алгоритмической ностальгии как специфического режима конструирования прошлого в социальных сетях. На основе концепций цифровой ностальгии и памяти, дополненных теоретическим аппаратом memory studies и культурфилософии, рассматриваются механизмы, посредством которых платформенные алгоритмы превращают пользовательские данные в персонализированные нарративы о прошлом. Особое внимание уделяется трем взаимосвязанным процессам: ностальгической петле (циклическому организованному воспроизводству ретроконтента), функции «воспоминаний» (timehop) как инструменту автоматизированной автобиографической рефлексии и рекомендательным системам (структурам, продвигающим ностальгический контент). Делается вывод о том, что алгоритмически опосредованная ностальгия конституирует противоречивый режим темпоральности: прошлое предстает одновременно как уникальная, персонализированная подборка и как унифицированная, основанная на принципах database-логики нарративная схема. При этом критическое осмысление алгоритмических механизмов конструирования прошлого представляется необходимым условием сохранения субъектности пользователя по отношению к собственной памяти; в противном случае автобиографический нарратив оказывается не результатом личной рефлексии, но продуктом платформенной оптимизации, подчиненной логике вовлеченности и монетизации.

Ключевые слова: алгоритмическая ностальгия; цифровая память; социальные сети; timehop; автобиографическая память; рекомендательные системы; database-нарратив

ВВЕДЕНИЕ

В течение последнего десятилетия социальные сети трансформировали саму онтологию индивидуального и коллективного воспоминания. Если в доцифровую эпоху память требовала сознательных, психически затратных усилий по фиксации, хранению и произвольному извлечению прошлого, описанных еще М. Хальбваксом (Хальбвакс, 2007) в терминах социальных рамок памяти (cadres sociaux de la mémoire), то сегодня платформы взяли на себя функцию автоматизи-

рованного мнемонического агента: они одновременно сохраняют пользовательский контент и активно классифицируют, ранжируют и презентуют его в качестве «воспоминаний». Как отмечают Б. Якобсен и Д. Бир, «даже такая интимная и личная вещь, как память, не может ускользнуть от внимания социальных сетей и их информационной логики», так социальные медиа превращают память из субъективного, трудоемкого процесса в автоматически производимый продукт (Jacobsen, Beer, 2021: 91).

Данная трансформация порождает принципиально новый феномен — алгоритмическую ностальгию, понимаемую как специфический режим репрезентации прошлого, в котором ностальгический аффект генерируется не спонтанно, а посредством автоматизированных систем цифровых платформ (Niemeyer, Siebert, 2023). В результате алгоритмическая ностальгия конституируется на пересечении трех процессов: метрификации, превращения воспоминаний в исчисляемые объекты, подлежащие ранжированию и оптимизации (Jacobsen, Beer, 2021: 8); таргетирования, персонализированной подборки контента на основе предсказательных моделей пользовательского поведения; коммодификации, встраивания ностальгического аффекта в логику удержания внимания и монетизации пользовательской активности.

Существенный теоретический ресурс для понимания технической природы этого процесса предоставляет концепция «третичной ретенции» Беранара Стиглера – термин, восходящий к феноменологическому различению Эдмунда Гуссерля между первичной ретенцией (удержанием только что прошедшего в живом настоящем) и вторичной ретенцией (воспоминанием, уже отделенным от непосредственного переживания). Стиглер добавляет третий уровень — внешние, технически опосредованные носители памяти, которые формируют саму возможность индивидуального и коллективного припоминания: «Сеть есть то, что дает доступ к такому пространству проекции и интроекции совместных цифровых третичных ретенций, и поэтому образует новое публичное пространство» (Стиглер, 2018: Электронный ресурс). Алгоритмическая ностальгия в этой перспективе предстает как предельная, гипертрофированная форма третичной ретенции: память делегируется техническому объекту настолько полно, что субъект утрачивает контроль не только над хранением, но и над самим отбором того, что подлежит запоминанию.

Ж. Деррида, сформулировав концепцию «архивной лихорадки» (mal d'archive), буквально охарактеризовал роль алгоритма в современных медиа. По Деррида архив никогда не является нейтральным хранилищем прошлого, само устройство архива (arkhē как одновременно «начало» и «командование») предполагает власть отбора, исключения и означивания (Derrida, 1996). Так алгоритм выступает цензором и редактором пользовательской автобиографии, причем операции отбора остаются непрозрачными для самого субъекта архива — с чем также связан важный этический вопрос возможности использования системами персональных данных (Kidd, Nieto McAvoy, 2023).

Цель данной статьи — анализ механизмов алгоритмической ностальгии в социальных сетях посредством исследования трех ключевых процессов: циклического воспроизводства ностальгического контента («ностальгической петли»), автоматизированной функции «воспоминаний» (timehop) и продвижения ностальгического контента рекомендательными системами.

НОСТАЛЬГИЧЕСКАЯ ПЕТЛЯ: АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ГЕНЕРАЦИЯ И ЦИРКУЛЯЦИЯ КОНТЕНТА

Фундаментальной характеристикой алгоритмической ностальгии является ее циклическая, самовоспроизводящаяся, кибернетически замкнутая природа. Алгоритмы социальных сетей, функционирующие на основе анализа больших данных о пользовательском поведении, не просто реагируют на явно выраженный интерес к ретроконтенту, но и активно прогнозируют его, формируя то, что можно обозначить как ностальгическую петлю — структуру, подразумевающую «программируемость» как фундаментальный режим существования цифровых медиа, требующий постоянного «обновления, чтобы оставаться тем же» (Chun, 2016: 2).

Механизм данной петли может быть описан следующим образом. Пользователь, взаимодействуя с ностальгическим контентом (просматривая старые фотографии, прослушивая музыку определенного десятилетия, участвуя в челленджах с хештегами #TBT или #ThrowbackThursday), генерирует поведенческие данные, которые система интерпретирует как сигнал предпочтения. В ответ алгоритм увеличивает долю ностальгического контента в рекомендательной ленте пользователя, что, в свою очередь, провоцирует новые взаимодействия и укрепляет поведенческий паттерн. Возникает эффект обратной связи: ностальгия порождает ностальгию (Niemeyer & Siebert, 2023), пользователь оказывается замкнут в мнемоническом кольце.

Особого внимания заслуживает тот факт, что алгоритмическая генерация ностальгии не является нейтральным или объективным процессом. Классификация и ранжирование воспоминаний на платформах подчинены коммерческим императивам: «хорошие» воспоминания определяются не их экзистенциальной значимостью для пользователя, а их способностью генерировать вовлеченность и удерживать пользователя на платформе (Jacobsen & Beer, 2021). Разрабатываемая платформами «таксономия тем памяти» позволяет алгоритмам присваивать различным типам воспоминаний разные веса, приоритизируя позитивные и эмоционально заряженные события и фильтруя негативные, травматичные или «неудобные» фрагменты прошлого. Ностальгическая петля оказывается одновременно техническим и глубоко нормативным, дисциплинирующим механизмом, формирующим не то, что пользователь помнит, а то, как ему предписано помнить.

Когда алгоритмические медиа становятся все более независимыми в своей способности отбирать, организовывать и создавать то, что и как мы помним в повседневной жизни, сама структура памяти претерпевает фундаментальную трансформацию — тогда она укоренена не в социально сконструированном опыте, а в истории кибернетики, где память понимается как техническая операция, а не как феномен сознания (Lee, 2020). Если память в традиционной парадигме memory studies (Хальбвакс, 2007; Ассман, 2004) всегда социальна, нарративна, выстроена в связный рассказ о себе, то алгоритмическая память вычислительна и операциональна — и представляет прошлое не как историю, а как множество дискретных, взаимозаменяемых элементов базы данных, из которой алгоритм синтаксически собирает видимость нарратива.

TIMEHOP И АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ АВТОБИОГРАФИЯ: ФУНКЦИЯ «ВОСПОМИНАНИЙ» КАК ТЕХНОЛОГИЯ ТРЕТИЧНОЙ РЕТЕНЦИИ

Наиболее последовательным воплощением алгоритмической ностальгии выступает функция «воспоминаний» (timehop), реализованная в большинстве крупных

социальных сетей и операционных систем (Memories, «Этот день» и др.). Данный инструмент автоматически извлекает из пользовательского архива публикации, сделанные в тот же день в предыдущие годы, и презентует их в ленте в качестве «воспоминаний», производит операцию, которую, следуя стиглеровской терминологии, можно квалифицировать как промышленное, серийное производство третичной ретенции, замещающей спонтанное, ассоциативное припоминание заранее структурированной подачей.

Методологически значимым является анализ того, как платформы конструируют систему категорий, определяющих, какие именно события удостаиваются статуса «воспоминания», — посредством считывания поведения пользователей формулируется представление об (условно) «хороших» воспоминаниях. Результатом становится формирование нормативного поля памяти, в котором алгоритм генерирует «желаемую версию прошлого», определяя, что может и должно быть запомнено (Jacobsen & Beer, 2021: 94). Данная процедура обнаруживает «инфраструктурную невидимость» классификационных систем: пользователь взаимодействует с готовым результатом категоризации, не имея доступа к самой инфраструктуре отбора, которая остается «погруженной» в техническую архитектуру платформы и потому ускользающей от рефлексивного контроля.

В итоге функция timehop выполняет несколько взаимосвязанных функций в контексте конструирования идентичности. Во-первых, она создает эффект автобиографической непрерывности: пользователь, регулярно сталкиваясь с фрагментами своего цифрового прошлого, выстраивает нарратив о себе как сохраняющем идентичность во времени. Во-вторых, она инициирует сравнительную рефлексию, сопоставление «себя тогда» и «себя сейчас», что служит механизмом самопознания и (само)оценки и представляется «перформативными упражнениями идентичности и сопричастности» (Mendelson, Papacharissi, 2010: 251). В-третьих, она нормализует ностальгию как регулярную, ритуализированную практику, вписанную в повседневный пользовательский опыт, что согласуется с концепцией «мнемонического воображения», согласно которой память воспроизводит прошлое не буквально, а творчески, нарративно реконструирует его в диалоге с настоящим и будущим (Keightley, Pickering, 2012).

Однако этот процесс не является нейтральным. Ранжирование воспоминаний приводит к тому, что определенные точки данных повышаются до статуса значимых, и в ситуации изобилия персонального визуального контента именно обмен этими материалами (публикация) становится «синонимом сохранения воспоминаний» (Serafinelli, 2020: 7). Прошлое, презентуемое в функции timehop, оказывается не репрезентацией реально прожитого опыта, а его отфильтрованной и коммодифицированной версией, подчиненной логике «социально-технического воображения прошлого» (Lee, 2020: 1).

Такие «опосредованные воспоминания» представляются триггерами ностальгии (Niemeyer & Keightley, 2020), и способ их хранения и возвращения посредством прошедших публикаций в социальных сетях создает возможности для ностальгии. Важно, что что помимо формирования практик социальные сети могут также формировать сами воспоминания пользователей, а также их отношение к этим воспоминаниям (Jacobsen & Beer, 2021). Сам факт осведомленности пользователей о том, что их контент может в будущем попасть в подборку воспоминаний, меняет их поведение в настоящем: люди начинают создавать «воспоминания для будущей но-

стальгии», превращая ностальгию в самоподдерживающийся, рекурсивный цикл. Timehop функционирует не только как инструмент ретроспекции, но и как проспективный механизм, формирующий пользовательские практики в настоящем под знаком будущего «ностальгирования».

РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ И ЭКОНОМИКА ВНИМАНИЯ: НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ КОНТЕНТ КАК АКТИВ

Третий ключевой механизм алгоритмической ностальгии связан с функционированием рекомендательных систем, которые селективно продвигают ностальгический контент, в результате чего человеческий опыт, включая мнемонический и аффективный, превращается в материал для извлечения поведенческих данных и последующего прогнозирования. Эмпирические исследования показывают, что ностальгический контент систематически привлекает большее количество пользователей: он генерирует более высокие показатели вовлеченности (лайки, комментарии, репосты), время удержания на платформе и такие эмоциональные реакции, как чувство субъективного благополучия (Cho & Li & Chen, 2022).

Система, «считывая» эти показатели как сигналы «выгодного» контента (в терминах платформенной экономики), во-первых, увеличивает охват ностальгического контента в индивидуальных лентах пользователей, демонстрировавших интерес к подобным материалам. Во-вторых, она начинает продвигать ретроконтент более широкой аудитории, включая пользователей, которые не демонстрировали явного интереса к прошлому, но чьи поведенческие паттерны (возраст, геолокация, история просмотров) позволяют алгоритму предсказать потенциальную восприимчивость к ностальгическому аффекту.

Результатом становится виральная («вирусная») циркуляция ностальгического контента, которая, в свою очередь, стимулирует рост блогов, пабликов и каналов, специализирующихся на юмористических, ностальгических и ретротематических материалах. Создатели контента, осознавая алгоритмические преференции, целенаправленно производят ностальгический контент, ориентируясь на прогнозируемую вовлеченность. Возникает рыночная экосистема, в которой производство ностальгического контента становится стратегией оптимизации алгоритмической видимости, что определяет отношения между памятью, временем и рынком. Прошлое становится ресурсом — не только культурным и эмоциональным, но и экономическим, подлежащим извлечению, упаковке и монетизации.

Важно отметить, что данная динамика порождает фундаментальную амбивалентность. С одной стороны, алгоритмическое продвижение ностальгического контента создает у пользователей ощущение эмоциональной непрерывности и общности. С другой, оно порождает обеспокоенность по поводу автономии и видимости данных. Такие процессы ставят под вопрос традиционное, во многом еще романтическое понимание ностальгии как сугубо приватного, аутентичного переживания. Безусловно, ностальгическое медиапотребление может служить формой эскапизма в периоды нестабильности (Wulf, Breuer & Schmitt, 2022), но одновременно оно встраивает пользователя в коммерческие логики платформ: субъект подтверждает свою идентичность именно посредством непрерывной, технически опосредованной модификации собственного мнемонического профиля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько ключевых выводов относительно природы и функций алгоритмической ностальгии в социальных сетях.

1. В отличие от классической ностальгии, укорененной в личном опыте и произвольном припоминании, алгоритмическая ностальгия индуцируется внешней технологической системой, которая классифицирует, ранжирует и селективно презентует прошлое в соответствии с логикой удержания внимания и коммерческой эффективности. Данный феномен может быть истолкован как радикализация «третичной ретенции» и материализация «архивной лихорадки»: память делегируется техническому объекту, власть отбора становится непрозрачной, а сам субъект памяти утрачивает привилегированный доступ к собственному прошлому.

2. Ключевые механизмы алгоритмической ностальгии (ностальгическая петля, функция timehop и рекомендательные системы) действуют в комплексе, создавая самоподдерживающийся, кибернетически организованный цикл производства и потребления прошлого. Этот цикл не только репрезентирует прошлое, но и активно конструирует его, формируя нормативное поле качества воспоминаний, причем это мнемотическое поле организовано не нарративно, а парадигматически — как набор взаимозаменяемых единиц, из которых алгоритм синтезирует и каждый раз заново формулирует связный автобиографический рассказ.

3. Прошлое, в контексте темпоральности, порожденной алгоритмической ностальгией, презентуемое пользователю, одновременно переживается как уникальная, персонализированная подборка (поскольку алгоритм апеллирует к его индивидуальной биографии) и как унифицированная нарративная схема (поскольку она подчинена единым законам, разработанными платформой). Идентичность, конструируемая в этом процессе, оказывается гибридной: личной и стандартизированной одновременно. Данный парадокс находит теоретическое объяснение в концепции Андреаса Реквица, изложенной в книге «Общество сингулярностей: к структурным изменениям эпохи модерна»: исследователь показывает, что цифровые платформы структурно настроены на производство эффекта уникальности при одновременной унификации культурного контента (Реквиц, 2022). Этот механизм Реквиц описывает как «сингуляризацию» массового, то есть превращение серийного продукта в переживаемый как неповторимый.

Алгоритмическая ностальгия проблематизирует классические представления о памяти, идентичности и аутентичности в цифровую эпоху — память более не является результатом субъективного усилия, а производится алгоритмически и архивируется в логике, ускользающей от рефлексии субъекта; прошлое не столько припоминается, сколько потребляется в виде готовых медийных продуктов, трансформируется сама структура ностальгического переживания и сама возможность мнемонического воображения. Эта трансформация ставит перед носителями памяти существенные аксиологические и онтологические вопросы: если делегирование памяти алгоритму сопряжено с риском утраты субъектом контроля над собственным автобиографическим нарративом и, шире, над механизмами формирования идентичности, то критическое отношение пользователя к алгоритмически сконструированному прошлому и дальнейшие исследования направления memory studies в области медиасреды представляются в этой связи необходимыми компе-

тенциями цифровой эпохи. В противном случае складывается риск формирования сообщества, лишенного критической рефлексии над вопросами исторической памяти: некритическое доверие к алгоритмически отобранным медиапродуктам порождает интернет-ностальгическую мифологию (устойчивый корпус идеализированных образов прошлого, не верифицированных личным опытом и не прошедших аналитической проверки), который, в свою очередь, создает благоприятную почву для управляемой идеологии, эксплуатирующей ностальгические нарративы в политических и коммерческих целях. Именно поэтому владение инструментами анализа алгоритмических механизмов конструирования прошлого, понимание того, как платформы отбирают, ранжируют и предъявляют воспоминания, становится условием сохранения мнемонической субъектности и интеллектуальной независимости пользователя в цифровой среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ассман, Я. (2004) Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры. 368 с.

Реквиц, А. (2022) Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна / М. : Директ-Медиа. 400 с.

Стиглер, Б. (2018) Дух просвещения в эпоху философской инженерии. [Электронный ресурс]// Московский художественный журнал. №106. URL: https://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775 (дата обращения: 03.07.2026).

Хальбвакс, М. (2007) Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое издательство. 348 с.

Cho, H., Li, P. and Chen, A. (2023) Nostalgia, Social Media, and Subjective Wellbeing: The Dualistic and Conditional Effects of Nostalgia During the COVID-19 Pandemic. Health Communication, vol. 39, no. 3, pp. 507–517.

Chun, W. H. K. (2016) Updating to Remain the Same: Habitual New Media. Cambridge, MA, MIT Press. 376 p.

Derrida, J. (1996) Archive Fever: A Freudian Impression / transl. by E. Prenowitz. Chicago, The University of Chicago Press. 112 p.

Jacobsen, B. N. and Beer, D. (2021) Social Media and the Automatic Production of Memory: Classification, Ranking and the Sorting of the Past. Bristol, Bristol University Press. 168 p.

Keightley, E. and Pickering, M. (2012) The Mnemonic Imagination: Remembering as Creative Practice. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 248 p.

Kidd, J. and Nieto McAvoy, E. (2023) Deep Nostalgia: Remediated memory, algorithmic nostalgia and technological ambivalence. Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies, vol. 29.

Lee, J. H. (2020) Algorithmic Uses of Cybernetic Memory: Google Photos and a Genealogy of Algorithmically Generated “Memory”. Social Media + Society, vol. 6, no. 4, pp. 1–12.

Mendelson, A. L. and Papacharissi, Z. (2010) Look at us: Collective narcissism in college student Facebook photo galleries. In: Z. Papacharissi (ed.) A Networked Self. New York, Routledge, pp. 251–273.

Serafinelli, E. (2020) Networked remembrance in the time of insta-memories. Social Media + Society, vol. 6, no. 3, pp. 1–12.

Wulf, T., Breuer, J. S. and Schmitt, J. B. (2022) Escaping the pandemic present: The relationship between nostalgic media use, escapism, and well-being during the COVID-19 pandemic. Psychology of Popular Media, vol. 11, no. 3, pp. 258–265.

Дата поступления: 04.07.2026 г.

ALGORITHMIC NOSTALGIA AND THE IMAGE OF THE PAST ON SOCIAL MEDIA: MEMORY BETWEEN PERSONALIZED SELECTION AND NARRATIVE SCHEME

A. V. Golovan
Moscow University for the Humanities

The paper is devoted to the analysis of the phenomenon of algorithmic nostalgia as a specific mode of constructing the past on social media. Based on the concepts of digital nostalgia and memory, supplemented by the theoretical framework of memory studies and cultural philosophy, the mechanisms by which platform algorithms transform user data into personalized narratives about the past are considered. Special attention is paid to three interrelated processes: the nostalgic loop (a cyclical, organized reproduction of retro content), the "memories" function (timehop) as a tool for automated autobiographical reflection, and recommendation systems (structures promoting nostalgic content). The author concludes that algorithmically mediated nostalgia constitutes a contradictory mode of temporality: the past appears simultaneously as a unique, personalized selection and as a unified narrative scheme based on the principles of database logic. At the same time, a critical understanding of the algorithmic mechanisms underlying the construction of the past appears to be a necessary condition for preserving the user's subjectivity in relation to their own memory. Otherwise, the autobiographical narrative turns out to be not the result of personal reflection, but the product of platform optimization, subordinated to the logic of engagement and monetization.

Keywords: algorithmic nostalgia; digital memory; social media; timehop; autobiographical memory; recommendation systems; database narrative

REFERENCES

Assmann, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* / transl. from Germ. by M. M. Sokol'skaya. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. 368 p.

Reckwitz, A. (2022) *Obshhestvo singulyarnostej. O strukturny`x izmeneniyax e`poxi moderna* / transl. from Germ. by T. Adamenko and I. Sokolovskaya. Moscow, Direkt-Media Publ. 480 p.

Stiegler, B. (2018) Die Aufklärung in the Age of Philosophical Engineering / transl. from Eng. *Moskovskiy khudozhestvennyy zhurnal*, no. 106 [online] Available at: https://moscowartmagazine.com/issue/81/article/1775 (accessed: 03.07.2026).

Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* / transl. from French and introd. article by S. N. Zenkin. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ. 348 p.

Cho, H., Li, P. and Chen, A. (2023) Nostalgia, Social Media and Subjective Wellbeing: The Dualistic and Conditional Effects of Nostalgia During the COVID-19 Pandemic. *Health Communication*, vol. 39, no. 3, pp. 507–517.

Chun, W. H. K. (2016) *Updating to Remain the Same: Habitual New Media.* Cambridge, MA, MIT Press. 376 p.

Derrida, J. (1996) *Mal d'archive: Une impression freudienne* / Transl. from French by E. Prenowitz. Chicago, The University of Chicago Press. 112 p.

Jacobsen, B. N. and Beer, D. (2021) *Social Media and the Automatic Production of Memory: Classification, Ranking and the Sorting of the Past*. Bristol, Bristol University Press. 168 p.

Keightley, E. and Pickering, M. (2012) *The Mnemonic Imagination: Remembering as Creative Practice.* Basingstoke, Palgrave Macmillan. 248 p.

Kidd, J. and Nieto McAvoy, E. (2023) Deep Nostalgia: Remediated memory, algorithmic nostalgia and technological ambivalence. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, vol. 29.

Lee, J. H. (2020) Algorithmic Uses of Cybernetic Memory: Google Photos and a Genealogy of Algorithmically Generated "Memory". *Social Media + Society*, vol. 6, no. 4, pp. 1–12.

Mendelson, A. L. and Papacharissi, Z. (2010) Look at us: Collective narcissism in college student Facebook photo galleries. In: Z. Papacharissi (ed.) *A Networked Self*. New York, Routledge Publ., pp. 251–273.

Serafinelli, E. (2020) Networked remembrance in the time of insta-memories. *Social Media + Society*, vol. 6, no. 3, pp. 1–12.

Wulf, T., Breuer, J. S. and Schmitt, J. B. (2022) Escaping the pandemic present: The relationship between nostalgic media use, escapism, and well-being during the COVID-19 pandemic. *Psychology of Popular Media*, vol. 11, no. 3, pp. 258–265.

Submission date: 04.07.2026.

Головань Андрей Владимирович — аспирант кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: andrey.golovan33@mail.ru

Golovan Andrey Vladimirovich, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: andrey.golovan33@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.17

Реклама как аксиологический институт: противоречия эволюции от индустриализма к алгоритмическому обществу

И. И. Лебедев

Московский гуманитарный университет

Культурфилософский и социологический анализ позволяет выявить тенденции трансформации рекламы как социокультурного института в ходе перехода от индустриального к постиндустриальному и информационному обществу. На каждом этапе реклама выполняла не только экономические, но и аксиологические функции: социального нормирования, производства символического капитала, конструирования идентичности. Автор выделяет ключевое противоречие каждого периода: в индустриальную эпоху — между декларируемой утилитарностью и скрытой нормативностью; в постиндустриальную — между риторикой уникальности и массовым воспроизводством моделей идентичности; в информационную — между иллюзией выбора и алгоритмической детерминацией. Разграничение постиндустриального и информационного этапов проводится в статье не по ключевому ресурсу — знание и информация остаются таковым в обоих случаях, — а по субъекту оценивания: в постиндустриальном обществе ценностные модели создаются человеческими экспертными и креативными институтами и публично предъявляются потребителю для выбора, тогда как в информационном эту функцию перенимает алгоритмическая инфраструктура, собирающая ценностное предложение индивидуально и до момента выбора. Вводится понятие алгоритмического конструктивизма — ситуации, где ценность товара формируется системами искусственного интеллекта на основе цифровых следов пользователя. В финале обосновывается тезис о превращении рекламы в аксиотехнику — технологию целенаправленного создания ценностных переживаний, которая заменяет традиционную экономику товаров «психологикой» — обменом символами, эмоциями и образами.

Ключевые слова: реклама; индустриальное общество; постиндустриальное общество; информационное общество; алгоритмический конструктивизм; аксиотехника; символический капитал; ценностные ориентации; симулякр.

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX–XXI вв. развитые общества вступили в фазу системной трансформации, характеризующейся сменой технологических укладов и культурных парадигм. Данный процесс, описываемый в социологии и социальной философии через триаду «индустриализм — постиндустриализм — информационализм» (исследования Д. Белла, а впоследствии — М. Кастельса), а в философии — через переход от модерна к постмодерну (теоретические построения Ж. Бодрийяра, Ж.-Ф. Лиотара), требует кардинального пересмотра устоявшихся представлений о роли социальных коммуникаций (Белл, 1999; Кастельс, 2000; Лиотар, 1998; Бодрийяр, 2015). Реклама, являясь не просто отраслью экономики и не только инструментом маркетинга, но и мощным институтом конструирования социальной реальности, формирования ценностных ориентиров и управления коллективным бессознательным, претерпевает в этих условиях фундаментальные, сущностные изменения.

Однако простая констатация этих изменений, их феноменологическое описание недостаточны для подлинно научного анализа; ключевой задачей исследователя становится выявление глубинных, часто латентных, противоречий в соотношении функциональных и ценностных оснований рекламы на каждом историческом этапе. Цель настоящей статьи — проследить эволюцию рекламы как аксиологического института от индустриальной стандартизации к алгоритмическому конструктивизму информационного общества и зафиксировать возникающие при этом фундаментальные противоречия, имеющие культурологическое значение.

Методологическую основу исследования составляет культурфилософский подход к пониманию ценности как отношения (Каган, 1997). В «Философской теории ценности» М. С. Каган показывает, что ценность не принадлежит ни объекту как его свойство, ни субъекту как его состояние: она возникает в акте оценивания как отношение между ними, а потому исторически подвижна и институционально опосредована. Это положение и позволяет рассматривать рекламу не как передатчик готовых ценностей, а как институт, встроенный в само отношение оценивания, — и, следовательно, поставить вопрос о том, кто занимает в этом отношении позицию оценивающего. Второй методологической опорой служат работы П. Бурдье «Формы капитала» и «Различение: социальная критика суждения» (Бурдье, 2002; 2004), в которых потребление трактуется как практика обозначения социальной позиции, а вкус — как превращенная форма классовой принадлежности. Используются методы теоретического синтеза, сравнительного анализа и историко-культурной реконструкции.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА: СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ЛАТЕНТНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ НОРМИРОВАНИЕ

Индустриальная эпоха, достигшая своего апогея в середине XX в., базировалась на незыблемом примате материального производства. Ее ключевыми, системообразующими характеристиками являлись массовость выпускаемой продукции, жесткая стандартизация как производственных процессов, так и потребительских

свойств, а также беспрецедентная концентрация промышленного и финансового капитала. Логика индустриализма с необходимостью требовала унификации не только технологических цепочек и трудовых операций, но и, что крайне важно, потребительского спроса. Например, фордистская модель конвейерного производства могла быть экономически эффективной лишь при условии существования столь же конвейерного, стандартизированного потребления.

В этих исторических условиях реклама сформировалась и институционализировалась как сугубо прикладной, вспомогательный инструмент маркетинга, призванный решать прагматичную, даже утилитарную задачу — обеспечивать гарантированный сбыт постоянно растущих объемов стандартизированной продукции. Она была «служанкой производства», его голосом на рынке.

Традиционный, во многом упрощенный взгляд на рекламу этого периода, доминирующий как в научной, так и учебной литературе, ограничивает ее понимание исключительно информационной функцией. Действительно, на поверхностном уровне реклама выступала транслятором фактических, поддающихся верификации сведений о товаре (цена, качество, доступность, технические характеристики). Однако редукция сложной природы рекламы исключительно к функции информирования является методологически несостоятельной и научно недостаточной. Уже в индустриальную эпоху, в ее зрелой фазе, реклама реализовывала латентную, глубоко скрытую, но крайне важную функцию социального нормирования и культурного программирования. Наиболее последовательно этот тезис обоснован в главе о культуриндустрии в работе М. Хоркхаймер и Т. Адорно «Диалектики Просвещения». Авторы показали, что массовая культура и обслуживающий ее рекламный аппарат работают как индустрия, производящая не столько товары, сколько согласие: стандартизированные схемы восприятия, в которых развлечение и повиновение перестают различаться. Реклама в этой оптике сливается с самой культуриндустрией — каждое ее произведение оказывается рекламой самого себя и того порядка, внутри которого оно произведено (Хоркхаймер, Адорно, 1997). Принципиально, что нормативность реализуется не вопреки утилитарной функции, а через нее: чем нейтральнее выглядит сообщение о свойствах товара, тем меньше поводов для рефлексии над предлагаемой вместе с ним моделью жизни.

Продвигая товары массового потребления — от автомобилей Ford, символизировавших мобильность и независимость для среднего класса, до бытовой техники, освобождающей время домохозяйки, и стандартизированных продуктов питания, гарантирующих безопасность, — реклама не просто информировала о наличии вещей. Она активно конструировала и транслировала в массовое сознание нормативный, эталонный образ «хорошей жизни», «американской мечты» или «советского благополучия» — универсальную модель успеха, комфорта, социальной респектабельности и даже семейного счастья, которая объявлялась достижимой исключительно и главным образом через обладание определенным набором материальных благ. Реклама создавала семиотическую связь между вещью и социальным статусом, между потреблением и идентичностью.

Базовое, фундаментальное противоречие индустриальной рекламы, которое будет только углубляться на последующих этапах ее развития, заключается в неразрешимом конфликте между ее декларируемой утилитарностью (позиционирование себя как нейтрального, объективного инструмента информирования и сбыта) и ее реальной, действенной нормативностью (функционирование в качестве

скрытого, но эффективного инструмента социализации, адаптации индивида к требованиям индустриального общества через потребление). Реклама, будучи яркой формой проявления «техноморфизма» — переноса логики работы машины, конвейера на сферу человеческих отношений, — механически переносила принципы стандартизации и массового производства на производство желаний, мотивов, моделей поведения (Якуба, 2014: 10–15). Она стандартизировала не только вещи, но и самих людей, их представления о счастье и успехе.

На этом этапе своего развития реклама еще не создает самостоятельной, автономной ценности; она пока лишь приписывает, атрибутирует социальную значимость и культурный смысл уже произведенному, материально существующему объекту. Экономика в целом остается классической экономикой товаров, где потребительная стоимость заключена непосредственно в вещи, а реклама выполняет роль усилителя сигнала о ее присутствии на рынке, не вторгаясь в онтологию самого товара.

Таким образом, индустриальная реклама заложила то фундаментальное, исходное противоречие, которое будет определять всю последующую эволюцию: противоречие между декларируемой утилитарной функцией объективного информирования о товаре и реальной, латентной функцией социального нормирования, стандартизации системы потребностей и представлений о «хорошей жизни» в соответствии с логикой и потребностями массового индустриального производства.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ СДВИГ: ПРОИЗВОДСТВО СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ПАРАДОКС «УНИКАЛЬНОСТИ»

Переход к постиндустриальному обществу, теоретически обоснованный и детально описанный Д. Беллом в его концепции трех стадий общественного развития (доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной), знаменует собой глубинный, тектонический сдвиг (Белл, 1999). Он заключается в радикальном смещении фокуса экономической активности с производства материальных вещей (товаров) на производство нематериальных благ (услуг) и, что еще более важно для нашего анализа, на производство теоретического знания и информации как ключевого ресурса развития. В социально-культурной сфере это выражается в беспрецедентном росте значимости символического обмена, теоретического знания и информации как стратегического ресурса, определяющего конкурентоспособность индивидов, корпораций и государств. Диагноз Д. Белла был развит в нескольких направлениях, каждое из которых существенно для анализа рекламы. Э. Тоффлер описал переход к «третьей волне» как демассификацию производства и вслед за ней демассификацию сознания и коммуникации: единый информационный поток дробится на множество узких, адресных потоков (Тоффлер, 2010). М. Маклюэн в «Понимании медиа» еще раньше показал, что решающим фактором культурных сдвигов выступает не содержание сообщений, а сама технология их передачи, переформатирующая соотношение органов чувств и, значит, структуру восприятия (Маклюэн, 2003). Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» перенес акцент с производства вещей на производство знаков, в системе которых вещь получает социальное значение (Бодрийяр, 1999), а П. Бурдье описал механизм конвертации экономического капитала в символический (Бурдье, 2002). Наконец, А. Реквиц предложил рассматривать поздний модерн как «общество сингулярностей», где

социальная логика всеобщего сменяется логикой особенного: ценностью обладает не стандартное, а уникальное — при том что производство самой уникальности остается индустриальным и потому воспроизводит стандарт на новом уровне (Реквиц, 2022). Последнее наблюдение прямо подводит к центральному противоречию данного раздела.

Для рекламы данный парадигмальный сдвиг имел поистине революционные, тектонические последствия, изменив саму ее природу. Центр тяжести коммуникации не просто смещается — он кардинально перемещается с объекта (товара) на субъекта (потребителя), а точнее — на его формирующуюся, текучую идентичность в условиях общества постмодерна. Понятие текучей идентичности отсылает к диагнозу З. Баумана: в «текучей современности» социальные формы утрачивают способность сохранять очертания дольше, чем требуется для их воспроизводства, а идентичность из данности превращается в задачу, которую индивид обязан решать заново и в одиночку (Бауман, 2008). Реклама постиндустриальной эпохи адресуется именно к этой обязанности: она предлагает не вещь, а готовый проект самоопределения — и тем самым делает потребление основным ресурсом непрерывной работы по сборке «я».

Критически важным для адекватного понимания глубины данной трансформации является обращение к концепции «экономики впечатлений» (experience economy), разработанной и детально обоснованной Б. Дж. Пайном и Дж. Х. Гилмором в их основополагающих работах (Пайн, Гилмор, 2019; Pine, Gilmore, 1998). Они убедительно и на обширном эмпирическом материале показали, что в исторической ретроспективе вслед за сырьевыми товарами (commodities) и промышленными товарами (goods), а затем и услугами (services) основной, доминирующей экономической ценностью становятся впечатления (experiences). Под впечатлениями понимаются запоминающиеся, эмоционально окрашенные, уникальные события, в которые компания вовлекает потребителя, используя продукты и услуги как сцену, а потребителя — как зрителя и соучастника.

В этой новой экономической парадигме реклама принципиально перестает быть просто носителем информации о товаре или даже об услуге. Она трансформируется в самостоятельный, автономный экономический фактор, непосредственно продуцирующий эти впечатления, выступая их первичным генератором. Рекламное сообщение — ролик, постер, спецпроект, иммерсивная инсталляция — само по себе становится товаром, законченным продуктом, точкой эмоционального и эстетического опыта, за который потребитель готов платить своим дефицитным вниманием, временем, эмоциональным вовлечением и, в конечном счете, формирующейся лояльностью к бренду. Реклама начинает производить самостоятельную ценность, не привязанную жестко к физическим свойствам рекламируемого объекта.

Реклама постиндустриальной эпохи продает уже не функциональность стирального порошка (способность отстирывать), а чистоту как зримое выражение заботы о семье и домашнем очаге; не технические характеристики кроссовок (амортизацию, удобство, безопасность), а героический дух преодоления, спортивный характер (иконические кампании Nike); не вычислительную мощность и тактовую частоту процессора, а творческую свободу и нестандартное мышление (стратегия Apple «Think Different»). В терминах и концептуальном аппарате П. Бурдье, реклама начинает активно, целенаправленно и в индустриальных масштабах про-

изводить, распределять и легитимировать символический капитал (Бурдье, 2002: 60–74). Существенно, что у Бурдье вкус не выражает индивидуальность, а маркирует позицию в социальном пространстве: «различение» работает как механизм классификации, который классифицирует и самих классифицирующих (Бурдье, 2004). Реклама постиндустриальной эпохи присваивает этот механизм и превращает стихийную социальную классификацию в управляемый производственный процесс. Она формирует не просто спрос на конкретные товарные категории, а целостные, системные стили жизни, предлагая потребителю не вещь-в-себе, а мощное средство самокатегоризации, самоидентификации и социальной дифференциации, маркер принадлежности к определенной статусной группе или ценностному сообществу.

Однако именно этот качественный переход порождает новое, еще более сложное и фундаментальное противоречие, коренящееся в самой природе массового производства символического. Постиндустриальная реклама, риторически апеллирующая к идеям уникальности, неповторимости, индивидуализации и самовыражения, на практике, в своей массовой реализации, создает лишь новую, более изощренную форму массовой культуры — культуру индивидуалистических симулякров. Как неоднократно отмечал Ж. Бодрийяр в своих работах «Система вещей» и «Симулякры и симуляция», вступая в эпоху тотальной гиперреальности, знак, образ, симулякр окончательно отрываются от своего референта (реального объекта, вещи) (Бодрийяр, 1999; 2015).

Стиль жизни, уникальная идентичность, предлагаемые рекламой миллионам потребителей, являются по своей сути конвейерно произведенными серийными шаблонами, которые тиражируются глобальными корпорациями в планетарном масштабе. Глубочайшее противоречие заключается в том, что, громогласно провозглашая ценность самовыражения и индивидуальности, реклама, по логике индустриального производства, навязывает готовые, предупакованные модели этого самого самовыражения. Сегментация рынка, приходящая на смену «грубому» массовому маркетингу, является не отказом от стандартизации как принципа, а ее значительным усложнением, переходом на новый уровень — от внешней, легко фиксируемой социодемографической стандартизации (пол, возраст, доход) к внутренней, глубинной, психографической стандартизации (деление по стилю жизни, ценностным ориентациям, системам убеждений, психотипам).

Реклама здесь выступает не как нейтральное зеркало, пассивно отражающее общественные процессы, а как активный, целеустремленный конструктор социальной реальности, легитимирующий и романтизирующий потребление как главный, а часто и единственный способ полноценного существования в современной культуре, как путь к счастью и самореализации. Постиндустриальная реклама, таким образом, совершила качественный скачок, сместив акцент на производство символического капитала и уникальных впечатлений, тем самым непосредственно став ключевым фактором формирующейся экономики переживаний. Однако именно на этом этапе со всей остротой проявилось порожденное ею глубинное противоречие между риторикой освобождения, уникальности и индивидуализации и реальной практикой массового тиражирования готовых, конвейерных моделей идентичности, что со всей очевидностью выявило во многом иллюзорный, симулятивный характер декларируемой постиндустриальной индивидуализации.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: «АЛГОРИТМИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТИВИЗМ» И ЗАМЕЩЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ТОВАРОВ «ПСИХОЛОГИКОЙ»

Информационное общество, которое М. Кастельс описывает как структуру, организованную вокруг сетей и основанную на информациональном способе развития, меняет рекламную коммуникацию (Кастельс, 2000). Технологическую основу этого этапа составляют Big Data, алгоритмы ИИ и машинное обучение, а также проникновение глобальных сетей во все сферы жизни (Михайлов, 2024: 317–320). В этих условиях экономика впечатлений достигает логического предела: реклама получает возможность создавать для каждого пользователя персонализированные виртуальные реальности, адаптированные к его контексту (Штовбонько, 2025: 751–762).

Анализ требует выхода за рамки линейной эволюции. В современном мире наблюдаются не последовательные этапы, а синтез и гипертрофия прежних тенденций. Информационная реклама объединяет нормативность индустриализма (алгоритм неявно определяет, что в данной группе и времени является «нормальным» или «престижным») и символическое производство постиндустриализма. Ключевой сдвиг — переход от маркетинга, ориентированного на абстрактного потребителя, к маркетингу, управляемому алгоритмом (Зубофф, 2022). Здесь требуется аппарат, описывающий не рекламу как таковую, а ее инфраструктурное основание. Ш. Зубофф в «Эпохе надзорного капитализма» предложила понятие надзорного капитализма — экономического порядка, в котором человеческий опыт односторонне присваивается как бесплатное сырье для «поведенческого прибавочного продукта», а конечным товаром становятся прогнозы поведения, обращающиеся на рынках будущего поведения (там же). Я. Варуфакис в «Технофеодализме» радикализирует этот диагноз: владельцы «облачного капитала» извлекают уже не столько прибыль, сколько ренту, а пользователи и производители оказываются в положении, структурно близком к феодальной зависимости (Варуфакис, 2025). С. Пфайффер в «Цифровом капитализме и распределительных силах», напротив, показывает, что цифровой капитализм следует анализировать через «распределительные силы» — технологические и организационные средства, обеспечивающие сбыт и обращение товара, и что реклама выступает не надстройкой над производством, а одним из ключевых элементов этих сил (Пфайффер, 2026). Для настоящего анализа принципиально, что все три позиции сходятся в одном: адресатом алгоритмической рекламы выступает не потребитель как носитель предпочтений, а его поведенческий прогноз.

Возникает феномен «алгоритмического конструктивизма»: субъективная ценность товара конструируется не производителем и не самим потребителем, а вероятностной моделью ИИ, основанной на анализе цифровых следов и поведенческих паттернов. Феномен активно обсуждается в литературе о цифровом капитализме и алгоритмическом управлении (Зубофф, 2022; Варуфакис, 2025; Пфайффер, 2026; Реквиц, 2022), однако в фокусе этих работ находится преимущественно экономико-политическое измерение. Культурологический ракурс требует поставить вопрос иначе: не о том, кто извлекает прибыль из цифрового следа, а о том, что происходит со структурой самого ценностного отношения, когда позицию оценивающего занимает не человек. Этот сдвиг порождает четыре взаимосвязанные проблемы.

Первая проблема — свобода и контроль (Зубофф, 2022; Варуфакис, 2025). Гиперперсонализация (геотаргетинг, ретаргетинг, рекомендательные алгоритмы) создает иллюзию свободы выбора. Потребитель ощущает, что система понимает его желания. Однако эта свобода вторична по отношению к закрытому коммерческому алгоритму, чья цель — вовлечение и конверсия. Реклама становится частью поведенческого интерфейса, направляющего действия пользователя и сужающего выбор до оптимальных для алгоритма опций.

Вторая проблема — онтологическая, касающаяся соотношения виртуального и реального (Клюкина, 2009: 103-110). Информационная экономика легитимирует товары без физического референта: NFT, виртуальная недвижимость, внутриигровые артефакты (Лукьянчикова, 2023: 128-133). Реклама социализирует индивида в этих симулированных мирах. Ценность формируется внутри замкнутой знаковой системы, не требуя отсылки к объективной реальности. Впечатление становится самодостаточной реальностью.

Третья проблема — кризис временной стратегии бренда. Информационная реклама подчинена логике момента (real-time marketing). Ее жизненный цикл сокращен: сообщение должно вызвать немедленную реакцию (клик, покупку) и быть забыто. Алгоритмы оптимизированы под сиюминутные метрики (CTR, конверсия), что создает разрыв с долгосрочным капиталом бренда — репутацией и смысловым полем, формируемым годами.

Четвертая проблема — трансформация креатива (Мальцев, 2025: 75-90). Генеративные нейросети (Midjourney, DALL-E, GPT) и A/B-тестирование в реальном времени делают креатив продуктом симбиоза человека и алгоритма. Алгоритм, оптимизированный под предсказуемую реакцию, не улавливает культурные контексты, иронию и тонкие смыслы. Это ведет к «оптимизационной серости» — усреднению и примитивизации креатива до статистически эффективного шаблона. Возникает конфликт между творческой сущностью рекламы и ее инженерно-количественной составляющей.

КЛЮЧЕВОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ СОВРЕМЕННОСТИ: СИМУЛЯКР СВОБОДЫ ВЫБОРА VERSUS АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ

Проблема соотношения рекламных парадигм в трех типах общества не может быть сведена к простой исторической последовательности, к линейной смене этапов. В данном случае мы имеем дело со сложным, нелинейным диалектическим процессом, в котором каждая последующая парадигма не просто отменяет предыдущую, но вбирает ее в себя, снимает, гипертрофируя и доводя до логического предела заложенные в ней противоречия. Такое понимание опирается на две теоретические традиции. Э. Тоффлер в «Третьей волне» описывает смену укладов не как вытеснение, а как наложение: элементы предшествующего уклада сохраняются и переопределяются внутри нового, порождая конфликтные гибридные формы (Тоффлер, 2010). Э. Гидденс в «Последствиях современности», в свою очередь, настаивает, что современность не сменяется чем-то принципиально иным, а радикализуется: механизмы высвобождения социальных отношений из локальных контекстов и их растущая зависимость от абстрактных экспертных систем не отменяются, а доводятся до предела (Гидденс, 2011). Алгоритмическая реклама представляет собой именно такой случай радикализации: она не отменяет ни индустриальную нормативность, ни постиндустриальное производство символическо-

го, а встраивает их в экспертную систему нового типа — автоматическую, непрозрачную и работающую с каждым пользователем по отдельности.

Индустриальная реклама заложила исходное противоречие между декларируемой утилитарностью и латентной нормативностью. Постиндустриальная реклама добавила противоречие между риторикой индивидуализации и массовым тиражированием моделей идентичности. Наконец, реклама информационного общества доводит предшествующие тенденции до крайнего выражения, вступая в эру алгоритмического конструктивизма.

Разграничение постиндустриального и информационного общества нуждается в оговорке. По критерию ведущего ресурса эти состояния неразличимы: знание и информация выступают определяющим фактором развития уже в модели Д. Белла, и в этом отношении информационное общество правомернее описывать как позднюю стадию постиндустриального, а не как самостоятельный тип общества. Различие обнаруживается по другому основанию — не по ресурсу, а по субъекту оценивания. В постиндустриальном обществе ценностные модели производятся человеческими профессиональными сообществами: исследователями рынка, стратегами, дизайнерами, авторами рекламных сообщений. Потребитель выбирает из конечного набора публично предъявленных вариантов, и сам этот набор доступен внешнему наблюдению, сопоставлению и критике. На алгоритмической стадии функция оценивания переходит к вычислительной инфраструктуре: набор вариантов складывается индивидуально, непублично и в реальном времени на основании цифрового следа, а ценностная модель не предъявляется потребителю для выбора, но собирается под него до момента выбора. Граница проходит, таким образом, не между производством вещей и производством знания, а между человеческим экспертным конструированием ценности и автоматизированным вероятностным. Именно в этом ограниченном смысле термин «информационное общество» употребляется далее — как обозначение алгоритмической стадии постиндустриализма.

Ключевым, системообразующим противоречием современной цифровой рекламы является разрыв между симулякром свободы выбора и алгоритмической детерминацией. На всех этапах рекламной коммуникации — от профилирования до нейрооптимизации — реклама создает у пользователя ощущение, что он сам делает осознанный выбор, соответствующий его глубинным ценностям. Однако этот выбор заранее предсказан и направлен коммерческим алгоритмом. Как отмечал в книге «За стеной фильтров» Э. Паризер, персонализация создает «фильтрующие пузыри», где пользователь видит только те ценности, которые алгоритм счел для него релевантными (Паризер, 2012).

Эта позиция, однако, требует уточнения. Тезис о «пузыре фильтров» подвергается серьезной эмпирической критике: А. Брунс в книге «Реальны ли пузыри фильтров?» показывает, что эффект систематически переоценивается. Медиарепертуар большинства пользователей остается заметно более разнообразным, чем предполагает модель замкнутого информационного горизонта; наблюдаемая поляризация объясняется прежде всего идеологическими и социальными расколами, а не работой рекомендательных систем; сама же метафора удобна тем, что позволяет переложить ответственность за политические процессы на технологию (Bruns, 2019). Методологически эта критика убедительна: «пузырь» не универсален и не детерминирует поведение, и строить на нем аргумент о тотальной несво-

боде потребителя было бы некорректно. Однако для аксиологического анализа значима не замкнутость информационного горизонта, а ценностная природа самого ранжирования. Любой рекомендательный алгоритм присваивает объектам относительную значимость и предъявляет ее пользователю как данность, не подлежащую обсуждению. Даже при широком и разнообразном репертуаре решение о том, что заслуживает внимания в первую очередь, принимается вне ситуации оценивания и без участия оценивающего. Поэтому далее речь идет не о герметичности информационной среды, а об алгоритмическом опосредовании самого акта оценки.

Вышеуказанное противоречие проявляется в нескольких измерениях:

Во-первых, как противоречие между обещанием уникальности и тиражируемостью переживания. Аксиотехника продает персонализированное, уникальное впечатление. Но в основе ее лежат стандартизированные алгоритмы, массовые нейротесты и типовые интерфейсные решения. Тысячи пользователей проходят через один и тот же AR-конфигуратор, получают похожие рекомендации. Уникальность оказывается симулякром — точно воспроизводимой конструкцией. Степень унификации переживания, однако различается по сегментам и по типу пользователя. Персонализация работает тем убедительнее, чем беднее история взаимодействия человека с системой: там, где устойчивых предпочтений еще нет, алгоритм не столько отражает вкус, сколько формирует его; там, где вкус отрефлексирован, рекомендация чаще воспринимается как промах. Симулятивной уникальность оказывается, следовательно, не всегда, а в типовом случае — при массовом, слабо отрефлексированном потреблении. Сопротивление ей требует того самого ресурса, который цифровая среда расходует в первую очередь, — времени на самостоятельное оценивание.

Это перекликается с тезисом Ж. Бодрийяра о гиперреальности, где копия утрачивает оригинал. Однако, в отличие от классического симулякра, цифровая аксиотехника создает не просто копию, а масштабируемую иллюзию — переживание, которое воспринимается как личное, но производится конвейерно.

Во-вторых, как противоречие между экспертностью и приватностью. Персонализированные рекомендации требуют сбора и анализа огромных массивов данных, включая биометрические. Пользователь получает удобство и релевантность, но платит за это утратой контроля над собственной цифровой идентичностью. Иллюзия индивидуального подхода оборачивается тотальным профилированием.

В-третьих, как противоречие между удовольствием и манипуляцией. Нейромаркетинг повышает запоминаемость рекламы и усиливает эмоциональное вовлечение, но вторгается в бессознательное без информированного согласия. Экспертность бренда оборачивается товаризацией, к примеру, феминизма или экологии, что западные критики называют «фемвертайзингом» и «гринвошингом». Эмпирические исследования показывают, что эффект такой коммуникации амбивалентен: апелляция к гендерному равенству улучшает отношение к бренду, но одновременно превращает саму повестку в рекламный ресурс (Åkestam, Rosengren, Dahlen, 2017), а систематическое расхождение между заявленными экологическими обязательствами и практикой описано как устойчивая стратегия, а не отдельные злоупотребления (Delmas, Burbano, 2011).

Таким образом, алгоритмический конструктивизм не отменяет, а гипертрофирует все предшествующие противоречия рекламы, придавая им новое, технологи-

чески опосредованное измерение. Реклама в информационном обществе окончательно превращается в аксиотехнику — технологию прямого воздействия на ценностные структуры сознания через формирование чувственного и символического опыта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция рекламы в контексте смены типов обществ предстает не как история технических усовершенствований, а как закономерный процесс неуклонного нарастания онтологической и аксиологической сложности, углубления внутренних, имманентно присущих ей противоречий.

Индустриальная реклама заложила фундаментальное противоречие между декларируемой утилитарной функцией информирования и реальной функцией социального нормирования, стандартизации потребностей в соответствии с логикой массового производства. Постиндустриальная реклама совершила качественный скачок, сместив акцент на производство символического капитала и уникальных впечатлений, но именно на этом этапе со всей остротой проявилось противоречие между риторикой освобождения и уникальности и реальной практикой массового тиражирования готовых моделей идентичности.

Реклама информационного общества доводит предшествующие тенденции до их крайнего, предельного выражения, вступая в принципиально новую эру алгоритмического конструктивизма. Ключевыми системообразующими проблемами здесь становятся: радикальное замещение человеческого выбора и агентности скрытой алгоритмической детерминацией при виртуозно выстроенной иллюзии тотальной свободы; окончательное стирание онтологических границ между реальным товаром и его виртуальным симулякром; глубокий кризис временной стратегии бренда в условиях доминирования сиюминутного кликового отклика над долгосрочным смыслом; неуклонная эрозия креативной, человекоцентрированной составляющей рекламы под давлением статистической оптимизации.

Этот процесс означает, что традиционная экономика, основанная на обмене товаров, все в большей степени замещается «психологикой» — обменом символами, эмоциями и образами. Это не означает, что материальное производство сворачивается: оно сохраняет и наращивает масштаб. Речь идет о другом — о смещении места, где создается добавленная стоимость и где принимается решение о ценности. Физическое производство не исчезает, но все чаще выступает исполнительным звеном по отношению к производству смыслов: маржа, конкурентное преимущество и власть над потребительским выбором концентрируются на стороне символического, тогда как материальный процесс подвергается аутсорсингу и удешевлению. Аксиологический центр тяжести экономики перемещается, но не отменяет ее материального базиса.

Понимание этих механизмов является необходимым условием для выработки критической медиаграмотности в эпоху, когда борьба за смыслы окончательно переместилась из академических аудиторий в алгоритмические ленты рекомендаций. Именно там сегодня решается, каким будет человек будущего — свободным субъектом, способным к рефлексивному выбору, или объектом алгоритмического управления, чьи ценностные ориентации программируются незаметно и эффективно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауман, З. (2008) Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер. 240 с.

Белл, Д. (1999) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia. 956 с.

Бодрийяр, Ж. (1999) Система вещей / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Рудомино. 224 с.

Бодрийяр, Ж. (2015) Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М. : ПОСТУМ. 240 с.

Бурдье, П. (2002) Формы капитала / пер. с англ. М. С. Добряковой // Экономическая социология. Т. 3, № 5. С. 60–74.

Бурдье, П. (2004) Различение: социальная критика суждения: пер. с фр. // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М. : РОССПЭН. С. 537–565.

Варуфакис, Я. (2025) Технофеодализм. Что убило капитализм / пер. с англ. А. Снигирова. М. : Ад Маргинем Пресс. 342 с.

Гидденс, Э. (2011) Последствия современности: пер. с англ. М. : Праксис. 352 с.

Зубофф, Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева. М. : Изд-во Института Гайдара. 784 с.

Каган, М. С. (1997) Философская теория ценности. СПб. : Петрополис. 205 с.

Кастельс, М. (2000) Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ. 608 с.

Клюкина, Л. А. (2009) К вопросу об онтологических основаниях культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 1 (25). С. 103–110.

Лиотар, Ж.-Ф. (1998) Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя. 160 с.

Лукьянчикова, А. С. (2023) Рекламные возможности в метавселенных // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. Т. 13, № 4. С. 128–133.

Маклюэн, М. (2003) Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. ; Жуковский : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле. 464 с.

Мальцев, Н. Д. (2025) Генеративные нейросети для создания новостного и рекламного контента: анализ развития технологии // Российская школа связей с общественностью. № 37. С. 75–90.

Михайлов, А. Н. (2024) Персонализация 2.0: как искусственный интеллект меняет подход к взаимодействию с клиентами // Вестник науки. Т. 2, № 12 (81). С. 317–320.

Пайн, Б. Дж., Гилмор, Дж. Х. (2019) Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие: пер. с англ. М. : Альпина Паблишер. 384 с.

Паризер, Э. (2012) За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / пер. с англ. А. Шириковой. М. : Альпина Бизнес Букс. 304 с.

Пфайффер, С. (2026) Цифровой капитализм и распределительные силы / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 524 с.

Реквиц, А. (2022) Общество сингулярностей: о структурных изменениях эпохи модерна / пер. с нем. Т. Ю. Адаменко, И. Г. Соколовской. М. ; Берлин : Директмедиа Паблишинг. 400 с.

Тоффлер, Э. (2010) Третья волна: пер. с англ. М. : АСТ. 784 с.

Хоркхаймер, М., Адорно, Т. В. (1997) Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М. ; СПб. : Медиум ; Ювента. 312 с.

Штовбонько, А. (2025) Персонализация в электронной коммерции: как предлагать клиентам то, что они действительно хотят // Экономика и социум. № 3–2 (130). С. 751–762.

Якуба, Э. В. (2014) Эмоции и СМИ в эпоху постмодерна // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 2 (180). С. 10–15.

Åkestam, N., Rosengren, S., Dahlen, M. (2017) Advertising “like a girl”: Toward a better understanding of “femvertising” and its effects // Psychology & Marketing. Vol. 34, no. 8. P. 795–806.

Bruns, A. (2019) Are Filter Bubbles Real? Cambridge : Polity Press. 180 p.

Delmas, M. A., Burbano, V. C. (2011) The Drivers of Greenwashing // California Management Review. Vol. 54, no. 1. P. 64–87.

Pine, B. J. II, Gilmore, J. H. (1998) Welcome to the Experience Economy // Harvard Business Review. Vol. 76, no. 4. P. 97–105.

Дата поступления: 14.05.2026 г.

ADVERTISING AS AN AXIOLOGICAL INSTITUTION: CONTRADICTIONS OF THE EVOLUTION FROM INDUSTRIALISM TO THE ALGORITHMIC SOCIETY

I. I. Lebedev

Moscow University for the Humanities

A culture-philosophical and sociological analysis traces how advertising, understood as a sociocultural institution, has been transformed in the transition from industrial to post-industrial and information society. At every stage advertising has performed not only economic but also axiological functions: social norm-setting, the production of symbolic capital and the construction of identity. The author identifies the key contradiction of each period. In the industrial epoch it lies between the declared utility of the advertising message and its latent normativity; in the post-industrial epoch — between the rhetoric of uniqueness and the mass reproduction of identity models; in the information epoch — between the illusion of choice and algorithmic determination. The distinction between the post-industrial and the information stage is drawn not by the leading resource — knowledge and information remain such in both cases — but by the subject of evaluation: in post-industrial society value models are produced by human expert and creative institutions and are publicly offered to the consumer for choice, whereas in the information society this function is taken over by an algorithmic infrastructure that assembles the value proposition individually and prior to the moment of choice. The article introduces the notion of algorithmic constructivism, a situation in which the value of a commodity is generated by artificial intelligence systems on the basis of the user's digital traces. In conclusion the author substantiates the thesis that advertising is turning into axiotechnics — a technology for the purposeful production of value experiences, which supplements the traditional economy of goods with "psychologics" — an exchange of symbols, emotions and images.

Keywords: advertising; industrial society; post-industrial society; information society; algorithmic constructivism; axiotechnics; symbolic capital; value orientations; simulacrum

REFERENCES

Bauman, Z. (2008) *Liquid modernity* / transl. from Eng. and ed. by Yu. V. Asochakov. St. Petersburg, Piter Publ. 240 p.

Bell, D. (1999) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting* / transl. from Eng., ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Academia Publ. 956 p.

Baudrillard, J. (1999) *Sistema veshchei* / transl. from French by S. N. Zenkin. Moscow, Rudomino Publ. 224 p.

Baudrillard, J. (2015) *Simuliakry i simuliatsiia* / transl. from French by A. Kachalov. Moscow, POSTUM Publ. 240 p.

Bourdieu, P. (2002) *Formy kapitala* / transl. from French by M. S. Dobriakov. *Ekonomicheskaia sotsiologiia*, vol. 3, no. 5, pp. 60–74.

Bourdieu, P. (2004) Razlichenie: sotsial'naia kritika suzhdeniia Transl. from French. In: *Zapadnaia ekonomicheskaia sotsiologiia: khrestomatiia sovremennoi klassiki* / comp. and ed. by V. V. Radaev. Moscow, ROSSPEN Publ. Pp. 537–565.

Varoufakis, Y. (2025) *Technofeudalism: What killed capitalism* / transl. from Eng. by A. Snigirov. Moscow, Ad Marginem Press Publ. 342 p.

Giddens, A. (2011) *The consequences of modernity* / transl. from Eng. Moscow, Praksis Publ. 352 p.

Zuboff, Sh. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power* / transl. from Eng. by A. F. Vasiliev. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ. 784 p.

Kagan, M. S. (1997) *Filosofskaia teoriia tsennosti*. St. Petersburg, Petropolis Publ. 205 p.

Castells, M. (2000) The information age: Economy, society and culture / transl. from Eng., ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, HSE University Publ. 608 p.

Kliukina, L. A. (2009) K voprosu ob ontologicheskikh osnovaniiakh kul'tury. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, no. 1 (25), pp. 103–110.

Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoianie postmoderna* / transl. from French by N. A. Shmatko. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.; St. Petersburg, Aleteiia Publ. 160 p.

Lukianchikova, A. S. (2023) Reklamnye vozmozhnosti v metavselennykh. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, vol. 13, no. 4, pp. 128–133.

McLuhan, M. (2003) *Understanding Media: The Extensions of Man* / transl. from Eng. by V. G. Nikolaev. Moscow, Zhukovsky city, KANON-press-Ts Publ., Kuchkovo pole Publ. 464 p.

Maltsev, N. D. (2025) Generativnye neiroseti dlia sozdaniia novostnogo i reklamnogo kontenta: analiz razvitiia tekhnologii. *Rossiiskaia shkola sviazei s obshchestvennost'iu*, no. 37, pp. 75–90.

Mikhailov, A. N. (2024) Personalizatsiia 2.0: kak iskusstvennyi intellekt meniaet podkhod k vzaimodeistviiu s klientami. *Vestnik nauki*, vol. 2, no. 12 (81), pp. 317–320.

Pine, B. J. and Gilmore, J. H. (2019) *The Experience Economy: Work Is Theatre & Every Business a Stage* / transl. from Eng. Moscow, Al'pina Pablisher Publ. 384 p.

Pariser, E. (2012) *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You* / transl. from Eng. by A. Shirikova. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ. 304 p.

Pfeiffer, S. (2026) *Digital Capitalism and Distributive Forces* / transl. from Eng. by D. Kralechkin. Moscow, HSE University Publ. 524 p.

Reckwitz, A. (2022) *Obshchestvo singuliarnostei: o strukturnykh izmeneniiakh epokhi moderna* / transl. from Germ by T. Yu. Adamenko et al. Moscow, Berlin, Direktmedia Publishing. 400 p.

Toffler, A. (2010) *The third wave* / transl. from Eng. Moscow, AST Publ. 784 p.

Horkheimer, M. and Adorno, T. W. (1997) *Dialektika Prosveshcheniia. Filosofskie fragmenty* / transl. from Germ. by M. Kuznetsov. Moscow, St. Petersburg, Medium Publ., Yuventa Publ. 312 p.

Shtovbonko, A. (2025). Personalizatsiia v elektronnoi kommertsii: kak predlagat' klientam to, chto oni deistvitel'no khotiat. *Ekonomika i sotsium*, no. 3–2 (130), pp. 751–762.

Yakuba, E. V. (2014) Emotsii i SMI v epokhu postmoderna. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 2 (180), pp. 10–15.

Åkestam, N., Rosengren, S. and Dahlen, M. (2017) Advertising "like a girl": Toward a better understanding of "femvertising" and its effects. *Psychology & Marketing*, vol. 34, no. 8, pp. 795–806.

Bruns, A. (2019) *Are Filter Bubbles Real?* Cambridge, Polity Press. 180 p.

Delmas, M. A. and Burbano, V. C. (2011) The drivers of greenwashing. *California Management Review, vol. 54, no. 1, pp. 64–87.*

Pine, B. J. and Gilmore, J. H. (1998) Welcome to the experience economy. *Harvard Business Review*, vol. 76, no. 4, pp. 97–105.

Submission date: 14.05.2026.

Лебедев Иван Игоревич — аспирант кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: lebedevivanlebedev@gmail.com

Lebedev Ivan Igorevich, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-55-11. E-mail: lebedevivanlebedev@gmail.com

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.18

Национальная идентификация как маркер ценностных трансформаций европейской ментальности (от Средних веков к Новому времени)

М. Д. Егоров

Московский гуманитарный университет

В статье представлен анализ роли национальной идентификации в системе ценностей европейского Возрождения как маркера смены фокуса в гуманистической системе ценностей в сравнении со Средними веками. Целью исследования является обращение к национальной идентификации как к ценности, ярко характеризующей сдвиг в принципах гуманистической философии по сравнению со средневековыми базовыми европейскими ценностями, так как возникновение данного аспекта ценностной системы является маркером смены мировосприятия в эпоху Возрождения.

В рамках исследования рассматриваются ценности Западной Европы Средних веков, эпохи Возрождения и национальная идентификация как ценность. Использование аксиологического подхода продиктовано спецификой исторического периода и фокусом исследования на изменения в основных ценностных принципах европейской цивилизации.

Ключевые слова: нация; национальная идентификация; Ренессанс; Возрождение; Средние века; ценности

ВВЕДЕНИЕ

Ценности в культурологии характеризуются исследователями как система базовых принципов в культуре, создающих «правила игры» в рамках использования культуры как инструмента саморегуляции общества (Флиер, 1995: 13). Для каждой общности характерен свой набор ключевых ценностей, на основе которых строится мировоззрение этой общности и вся философская база социального взаимодействия. Взаимосвязанность этих общностей, а также их структуру и иерархию (деление крупных общностей на суб-общности) также можно применять и при анализе ценностных систем, когда существует крупная ценностная система на уровне цивилизации, состоящая из региональных или национальных систем, в рамках которых можно выделять и более компактные общности. М. С. Каган охарактеризовал такое деление как наличие крупного субъекта творчества, делящегося на суб-субъекты (Каган, 1997: 50).

Ценности принято рассматривать как атрибут, принадлежащий определенному субъекту, в том числе на цивилизационном уровне. Европейское ценностное пространство принято объединять в европейскую цивилизацию (в современном контексте даже вернее — евроатлантическую цивилизацию) (Костина, 2016: 48). В контексте данной статьи рассматривается Западная Европа как общность католических европейских государств, объединенных единым историческим и конфессиональным контекстом на протяжении длительного периода — Средних веков. В фокусе исследования находится изменение ценностной системы этого макрорегиона при переходе от средневековой системы ценностей к ценностям эпохи Возрождения, в рамках которого возникли новые для европейской культуры понятия — нация и национальная идентификация. Это позволит проанализировать ранние этапы становления принципов разделения общества на крупные культурные группы «своих» и «чужих», которые остаются актуальными и для современной европейской цивилизации.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ СРЕДНИХ ВЕКОВ: РЕЛИГИОЗНОЕ ПОЗНАНИЕ

Одной из наиболее ярких черт Средневековья в целом и средневековой системы ценностей в частности является превалирование религиозного инструмента познания над разумом. Заложенные в патристике основы средневековой ценностной системы представлены альтруизмом, иерархичностью, экуменизмом (восприятием единства большого общего культурного пространства, в данном случае — единого христианского католического пространства), универсализмом и высоким значением авторитета. Августинианское учение о «духовном Риме» (Августин, 1998) предполагало не только отделение духовного Рима от физического местоположения, но и трансляции принципов устройства общества на небесах на земные реалии (что особенно ярко проявляется в универсализме и иерархичности общества).

Приоритет религиозного познания способствовал построению универсалистских институтов (главным из которых была сама Церковь) и определению приоритетов по включению в общность. Одним из базовых параметров в определении принадлежности к какой-либо общности является понимание характеристик «своих» (индивидов, входящих в общность) и «чужих» (индивидов, представляющих другие общности и отличающихся от «своих»). В средневековой Европе ключевой общностью, ввиду приоритета духовной стороны жизни, являлась общность христиан-католиков. Это было обусловлено не только базовыми принципами патристики и схоластики, но и общей духовной жизнью (универсальная Церковь на всем западноевропейском пространстве), слабо развитыми государственными аппаратами в регионах Европы, а также общеевропейской социальной иерархией, в которой большее значение имело сословное происхождение человека, чем его этнокультурная принадлежность.

Так, например, сам термин «natio» в Средние века в Европе означал не этнокультурную принадлежность, а принадлежность к определенной универсальной группе (цеховая или корпоративная принадлежность) (Юсим, 2015: 42) или к определенной группе внутри универсального института (яркий пример — «нации» в университетах, которые были скорее «землячествами») (Moncrieff, 1819: 18). В рамках феодальной системы также наблюдается подход к восприятию «нации» не как характеристики принадлежности феодала к этнокультурной группе, а как принадлежность к определенной феодальной системе (Гусарова, 2014).

ЦЕННОСТИ ВОЗРОЖДЕНИЯ: РАЦИОНАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ

Эпоха Возрождения является периодом перелома в европейской парадигме мышления и развития системы ценностей европейской цивилизации. В системе ценностей, сформированной ранними итальянскими гуманистами, на первое место выходят антропоцентризм, интерес к античному наследию, светский характер культуры и стремление к рациональному (в том числе критическому) познанию мира. Фокус восприятия гуманистических ценностей смещается с религиозного на светский и человекоцентричный, из-за чего религиозная картина мира и отношений внутри огромной общности европейской цивилизации постепенно начинает подвергаться эрозии.

В системе ценностей перешел пересмотр основных принципов, позволивший начать переход к рациональному познанию мира, из-за чего экуменистический подход, полностью основанный на религиозных догмах (восприятие Западной Европы как единого христианского пространства, где определяющим фактором принадлежности к основной общности было вероисповедание, а не происхождение, культура или государственная принадлежность), стал терять актуальность. При этом стоит отметить сохранявшуюся преемственность, так как гуманисты не отрицали средневековое наследие, а вступали с ключевыми авторами патристики и схоластики в заочную полемику, используя в качестве своего основного аргумента античное наследие и критическое отношение к объективной социальной реальности (Гене, 2002: 415).

Так, например, принцип антропоцентризма раскрывается в диалогах Петрарки с Блаженным Августином, в которых приводится сравнение человека с животным, отрицание человеческого существования как божественного проявления и переоценка ценности человека как явления в мире (Петрарка, 2017). Фокус на познание человека проявляется и в интересе гуманистов к локальной культуре и языку. Петрарка написал «Книгу песен» на вольгаре (простонародном языке Италии), на том же языке Боккаччо написал «Декамерон», совершив попытку систематизировать итальянские диалекты в «Трактате о народном красноречии» и вывести универсальный итальянский язык — volgare illustre (Алисова, Челышева, 2009: 350–354).

Интерес к античному наследию в культуре Ренессанса привел к восприятию Античности в данный период как образцового периода, гуманисты почерпнули из античных источников не только принципы критического мышления и художественно-исторические сюжеты, но и принципы восприятия общества, государства, власти, понимание гражданских ценностей (Горелов, Горелова, 2016: 167). Особенно ярко трансляция античного подхода проявилась в Италии благодаря развитым городским коммунами, состав населения которых Леонардо Бруни, итальянским гуманистом, писателем, историком и государственным деятелем эпохи Возрождения, был классифицирован на манер городского населения античного Рима (Брагина, 2002: 126).

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ

Национальная идентификация в данный период проявлялась не столько в самоидентификации (ввиду ограниченного набора групп, имевших доступ к дискуссии подобного рода в Европе эпохи Возрождения), сколько в идентификации «внешней» или определении. То есть автор-гуманист определял национальную принадлежность большой общности самостоятельно, не опираясь на восприятие данной характеристики всеми членами названной группы. Согласно М. С. Кагану, национальные образы (определение «своих» и «чужих») в определенные исторические периоды, для которых не характерна массовая культура, могут формироваться в рамках дискурса интеллектуальных элит и далее диалектически транслироваться на всю общность (Каган, 1997: 19). Схожие процессы описываются в современных исследованиях в отношении социального конструктивизма. Согласно данному подходу, социальная реальность формируется политическими и интеллектуальными элитами, создающими паттерны для дальнейшего развития идей в обществе и их

трансляции на основную массу населения (Андерсон, 2001; Тишков, 2023). В контексте обсуждения периода эпохи Возрождения стоит отметить, что основная масса так и оставалась за рамками дискурса о национальной идентификации (то есть являлась не актором, а только предметом обсуждения).

Понятие национальной идентификации как ценностной единицы, как и остальные ценности эпохи Возрождения, было сформулировано еще ранними итальянскими гуманистами. При этом стоит отметить подход итальянских гуманистов к идентификации: при открытии римского античного наследия они заявили о принадлежности этого наследия итальянцам, используя римское античное понимание этнокультурной географии Европы. Так, например, Петрарка своего оппонента из Франции в «Инвективе против того, кто хулит Италию» называл «галлом» (Петрарка, 1998: 371), обозначая варварский статус иностранцев по отношению к итальянцам.

«Приватизация» итальянскими гуманистами римского античного наследия привела к противодействию со стороны гуманистов из других регионов Западной Европы. Иностранцы начали искать собственные национальные сюжеты в Античности и Средневековье, запустив процесс «дегероизации Рима» и «национализации Средневековья». В результате этого заочного спора каждый регион Европы начал разрабатывать свой «миф о нации», оспаривающий исключительность итальянцев с их римским наследием (Доронин, 2011: 147).

Национальная идентификация как ценность является, как и любая ценность, продуктом тех исторических факторов, которые сложились в обществе в тот период. Ценности задают «правила игры», из-за чего их актуальность всегда обусловлена текущими характеристиками исторического развития. В эпоху Возрождения уже сложились крупные европейские макрорегионы, такие как Италия, Франция, Священная Римская империя и Англия, способные представляться в дискуссии о сформированных общностях Европы как полноценные самодостаточные единицы. Универсальные институты потеряли свое значение, а человекоцентризм, подкрепленный античным пониманием неоднородности Европы, послужил катализатором осознания различий.

Через призму изучения национальной идентификации как ценности можно проследить общий слом средневекового восприятия мира и ценностной системы в эпоху Ренессанса и поиск новых ценностей, которые смогли бы актуализировать «правила игры» и послужить новыми механизмами упорядочивания культуры. Сама национальная идентификация является ценностью с преимущественно объединительной функцией, позволяющей жителям регионов найти новые подходы к идентичности в условиях обесценивания религии в этой роли.

Стоит отметить, что данный тренд совпал и с усилением региональных центров в политическом отношении. Институт королевской и императорской власти как конструкт христианской иерархичной системы также устарел, поэтому власти наиболее успешных макрорегионов выступали заказчиками трудов гуманистов, развивавших идею локальной национальной идентификации. Это также способствовало дезинтеграции европейской политической системы средневекового образца, но при этом создавало идеологическую базу для устойчивого развития отдельных государств — наиболее успешными примерами могут выступать Англия и Франция.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальная идентификация не являлась базовой ценностью культуры эпох Возрождения, но в ней отразились все ее основные принципы: антропоцентризм, интерес к античному наследию, светский характер культуры и стремление к рациональному и критическому познанию мира. Кроме того, стоит отметить, что именно национальная идентификация являлась ценностью, активно эксплуатируемой политическими элитами Европы для укрепления собственной власти, из-за чего развитие данной ценности имело в основном вполне прикладное значение. В ходе дальнейшего развития эта ценность не исчезла из европейской культуры, достигнув максимальной точки своего развития в XIX–XX вв., когда массовая культура позволила транслировать эти принципы на всех членов этнонациональных групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Августин (1998) О Граде Божием // Блаженный Августин. Творения. Т. 3. СПб. : Алетейя. 596 с.

Алисова, Т. Б., Челышева, И. И. (2009) История итальянского языка от первых памятников до XVI в. М. : Издательство Московского университета. 438 с.

Андерсон, Б. (2001) Воображаемые сообщества : Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле. 286 с.

Брагина, Л. М. (2002) Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры, М. : Издательство Московского университета. 384 с.

Гене, Б. (2002) История и историческая культура средневекового Запада / пер. с фр. Е. В. Баевской, Э. М. Береговской ; отв. ред. И. И. Соколова. М. : Языки славянской культуры. 496 с.

Горелов, А. А., Горелова, Т. А. (2016) Этика : учеб. пособие. 5-е изд., стер. М. : Флинта. 416 с.

Гусарова, Т. П. (2014) Пожалования венгерского гражданства иностранцам во второй половине XVI — середине XVII вв. («indigenatio solemnis») // Электронный научно-образовательный журнал «История» №6 (29). М. : Интеграция: Образование и Наука [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://history.jes.su/s207987840000796-4-1/ (дата обращения: 16.06.2026).

Доронин, А. В. (2011) Миф нации: приглашение к дискуссии // Вестник Удмуртского университета. Вып. 3 (История и филология). С. 146–152.

Каган, М. С. (1997) Философская теория ценности. СПб. : Петрополис. 205 с.

Костина, А. В. (2016) Общество потребления и ценности российской цивилизации // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 45–55.

Петрарка, Ф. (1998) Инвектива против того, кто хулит Италию // Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические. М. : РОССПЭН. С. 367–390.

Петрарка, Ф. (2017) Канцоньере / Пер. А. Бердников. М. : Летний сад. 220 с.

Петрарка, Ф. (1989) De contemptu mundi // Лирика. Автобиографическая проза. М. : Правда. С. 325–448

Тишков, В. А. (2023) Нация наций: о подходах к пониманию России. М. : ИЭА РАН. 69 с.

Флиер, А. Я. (1995) Культурогенез. М. : б/и. 128 с.

Юсим, М. А. (2015) Медиевистика и национальный вопрос (о неопределенности определений) // Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н. А. Хачатурян. СПб. : Алетейя. С. 37–48.

Moncrieff, T. (1819) Miscellanea Scotica: Memoirs of the ancient alliance between France and Scotland. Vol. IV. Glasgow: John Wylie& Co. 312 p.

Дата поступления: 17.06.2026 г.

NATIONAL IDENTIFICATION AS A MARKER OF VALUE TRANSFORMATIONS OF EUROPEAN MENTALITY (FROM THE MIDDLE AGES TO THE NEW AGE)

M. D. Egorov
Moscow University for the Humanities

The article presents an analysis of the role of national identification in the value system of the European Renaissance as a marker of the change of focus in the humanistic value system in comparison with the Middle Ages. The purpose of the study is to address national identification as a value that vividly characterizes the shift in the principles of humanistic philosophy compared to medieval basic European values as the emergence of the given value system aspect is a marker of the change in the world perception during the Renaissance.

The study examines the values of Western Europe in the Middle Ages, the Renaissance and national identification as a value. The use of the axiological approach is dictated by the specifics of the historical period and the research focus on changes in the basic value principles of European civilization.

Keywords: nation; national identification; Renaissance; Middle Ages; values

REFERENCES

Augustine (1998) O Grade Boziem / *Blazhenniy Augustine. Tvoreniya*. Vol. 3. St. Petersburg, Aleteya. 596 p.

Alisova, T. B. and Chelysheva I. I. (2009) *Istoriya italyanskogo yazika ot pevich pamyatnikov do XVI v.* Moscow, Izdatelstvo Moscovskogo universiteta. 438 p.

Anderson, B. (2001). *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism* / transl. from Eng. by V.G. Nikolaev. Moscow, Kanon-Press-Cz, Kuchkovo pole. 286 p.

Bragina, L. M. (2002) *Ital`yanskij gumanizm e`poxi Vozrozhdeniya. Idealy` i praktika kul`tury`*. Moscow, Izdatel`stvo Moskovskogo universiteta. 384 p.

Guenée, B. (2002) *Istoriya i istoricheskaya kul`tura srednevekovogo Zapada* / transl. from French by Baevskaya E. V. et al., ed. by Sokolova I. I. Moscow, Yaziky slavianskoy kultury. 496 p.

Gorelov, A. A. and Gorelova, T. A. (2016) *E`tika: uchebnoe posobie*. Moscow, «Flinta». 416 p.

Gusarova, T. P. (2014) Pozhalovaniya vengerskogo grazhdanstva inostranczam vo vtoroj polovine XVI — seredine XVII vv. («indigenatio solemnis») *E`lektronny`j nauchno-obrazovatel`ny`j zhurnal «Istoriya»*, no. 6 (29), Moscow, Integraciya: Obrazovanie i Nauka [online]. Available at: https://history.jes.su/s207987840000796-4-1/ (accessed 16.06.2026)

Doronin, A. V. (2011) Mif nazii: pruglashenie k discussii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, Issue 3 (istoriya i filologiya), Izhevsk, pp. 146–152.

Kagan, M. S. (1997) *Filosofskaya teoriya cennosti*. St. Petersburg, Petropolis. 205 p.

Kostina, A. V. (2016) Obshhestvo potrebleniya i cennosti rossijskoj civilizacii. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 45–55.

Petrarca, F. (1998) Invektiva protiv togo, kto xulit Italiyu. In: Petrarca F. *Sochineniya filosofskie i polemicheskie*. Moscow, ROSSPEN. 477 p.

Petrarca, F. (2017) *Canzoniere* / transl. by Berdnikov A. A., Moscow, Letniy sad. 319 p.

Petrarca, F. (1989) De contempt mundi. In: Petrarca, Fr. Lirica. *Avtobiogaphicheskaya proza*. Moscow, Pravda. 480 p.

Tishkov, V. A. (2023) *Naciya nacij: o podxodax k ponimaniyu Rossii*. Moscow, IEA RAN. 67 p.

Flier, A. Ya. (1995) *Kulturogenez*. Moscow, RIK Publ. 128 p.

Yusim, M. A. (2015) Medievistika I natsionalniy vopros (o neopredeleoonsti opredeleniy). In: *Etnosi I natsii v Zapadnoy Evrope v Srednie veka I rannee Novoye vremia* / ed. by N. A. Hachaturyan. St. Petersburg, Aleteya. Pp. 37–48.

Moncrieff, Th. (1819) *Miscellanea Scotica: Memoirs of the ancient alliance between France and Scotland*. Vol. IV. Glasgow, John Wylie& Co. 312 p.

Submission date: 17.06.2026.

Егоров Михаил Дмитриевич — аспирант кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Эл. адрес: egorov.mihail1999@yandex.ru

Egorov Mikhail Dmitrievich, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. E-mail: egorov.mihail1999@yandex.ru

Содержание

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО 5

Ильинский И. М. Моисеевские чтения «Молодежь и Будущее: ответственность за Российскую цивилизацию». IX Национальная научная конференция (23–25 апреля 2026 г.) 5

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 21

Резник Ю. М. Феноменология российской цивилизации: метаморфозы пребывания человека 21

Бартош А. А. Стратегия гибридной обороны через призму стратегического партнерства России и Китая 37

Костина А. В. Техносубъект как утопический проект: между прогрессом и абсурдом 53

Воронин А. А. Изменения в коммуникативной роли техники 69

Ярославцева Е. И. Живой мир и цифровые технологии в призме человекоразмерности 80

СОЦИОЛОГИЯ И ЖИЗНЬ 93

Ковалева А. И. Ценности и гражданский потенциал современной российской молодежи 93

Костина А. В., Солнышкина М. Г. Цифровое неравенство: масштабы, структура, социологическое измерение 106

Короткова М. С. Образ субъектности студенчества в общественном договоре постсоветской России (1990-е годы) 120

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ 130

Соколов Ю. Е., Молитвина К. И. Маргинальные герои (героизм и девиантность в Скандинавии эпохи викингов) 130

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО 142

Миронова Т. Н. Управление креативными индустриями в культуре: зарубежный и российский опыт. Часть II 142

ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ 157

Солнышкина М. Г., Ковалева А. И. Ценностные основы общественных проектов студентов в контексте тезаурусной концепции социального проектирования 157

Вафин А. М. Тезаурус уничтожения: на примере эдита Белого дома (США) 169

ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ 176

Шурухнов Н. Г., Шурухнова Д. Н. Методологический аспект подготовки диссертаций по научной специальности «уголовно-правовые науки» (науковедческие суждения) 176

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ИСКУССТВОЗНАНИЯ 188

Курдяпов Б. В. Пластический текст как форма бытования фольклорного нарратива: культурологический анализ танца «Кийис Базаачылар» («Ковровщицы») 188

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ 195

Головань А. В. Алгоритмическая ностальгия и образ прошлого в социальных сетях: память между персонализированной подборкой и нарративной схемой 195

Лебедев И. И. Реклама как аксиологический институт: противоречия эволюции от индустриализма к алгоритмическому обществу 203

Егоров М. Д. Национальная идентификация как маркер ценностных трансформаций европейской ментальности (от Средних веков к Новому времени) 217

Contents

RUSSIAN SOCIETY 5

Ilinsky I. M. Moiseev Readings "Youth and the Future: Responsibility for the Russian Civilization". The 9th National Scientific Conference (23–25 April, 2026) 5

PHILOSOPHY AND MODERNITY 21

Reznik Yu. M. The Phenomenology of Russian Civilization: Metamorphoses of Human Presence 21

Bartosh A. A. Strategy of Hybrid Defence through the Prism of the Strategic Partnership between Russia and China 37

Kostina A. V. Technosubject as a Utopian Project: between Progress and Absurd 53

Voronin A. A. Changes in the Communicative Role of Technology 69

Yaroslavtseva E. I. Living World and Digital Technology in the Prism of Human Dimensions 80

SOCIOLOGY AND LIFE 93

Kovaleva A. I. Values and Civic Potential of Contemporary Russia's Youth 93

Kostina A. V., Solnyshkina M. G. Digital Inequality: Scale, Structure, Sociological Dimension 106

Korotkova M. S. The Image of Student Subjectivity in the Social Contract of post-Soviet Russia (1990s) 120

PROBLEMS OF CULTUROLOGY 130

Sokolov Yu. E., Molitvina K. I. Marginal Heroes (Heroism and Deviance in Viking Age Scandinavia) 130

CULTURE AND SOCIETY 142

Mironova T. N. Management of Creative Industries in Culture: Foreign and Russian Experience. Part II 142

THE THESAURUS APPROACH IN HUMANITIES KNOWLEDGE 157

Solnyshkina M. G., Kovaleva A. I. Value Bases of Students' Social Projects in the Context of the Thesaurus Concept of Social Design 157

Vafin A. M. Thesaurus of Destruction: the Case of the White House Edit (USA) 169

PROBLEMS OF PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY 176

Shuruhnov N. G., Shuruhnova D. N. Methodological Aspect of Preparing Dissertations in the Academic Specialty "Criminal Law Sciences" (Observations from the Science Studies) 176

PROBLEMS OF PHILOLOGY AND ART STUDIES 188

Kurdyapov B. V. Plastic Text as a Form of Existence of Folklore Narrative: Cultural Analysis of the Dance «Kiyis Basaachylar» («Carpet Weavers») 188

RESEARCH POTENTIAL: WORKS OF YOUNG SCHOLARS 195

Golovan A. V. Algorithmic Nostalgia and the Image of the Past on Social Media: Memory between Personalized Selection and Narrative Scheme 195

Lebedev I. I. Advertising as an Axiological Institution: Contradictions of the Evolution from Industrialism to the Algorithmic Society 203

Egorov M. D. National Identification as a Marker of Value Transformations of European Mentality (from the Middle Ages to the New Age) 217

Знание. Понимание. Умение
№ 3, 2026

Учредители:
И. М. Ильинский, Л. В. Романюк,
А. В. Костина, Е. Б. Крылова

Корректор *Т. Л. Ожиганова*
Редакторы переводов *О. Н. Мальцева, Ю. А. Монашева, С. Е. Старостин*

Художественно-техническое редактирование
и компьютерная верстка *Н. И. Луковой*

Подписано в печать 25.09.2026. Дата выхода в свет 29.09.2026. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 14,25. Тираж 1000 экз. Заказ № 177.

Цена свободная. Подписной индекс 20881.
Адрес редакции журнала: 111395, Москва, ул Юности, 5, корп. 6.

Адрес издательства и типографии Московского гуманитарного университета:
111395, Москва, ул. Юности, 5, корп. 11.
http://journals.mosgu.ru/zpu

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Приглашаем к сотрудничеству авторов, учебные заведения и организации

Оказываем полный комплекс издательских и полиграфических услуг: редактирование и корректуру, подготовку оригинал-макета; присвоение ISBN, УДК, ББК; оформление выходных сведений, печать и тиражирование книг, учебных пособий, журналов, альманахов и сборников.

Профессионально • качественно • по разумным ценам

КОНТАКТЫ

111395, г. Москва, ул. Юности, д. 5,

корп. 11 (здание Колледжа МосГУ)

+7 (499) 374-80-23, +7 (499) 374-72-35

omikhaile@mosgu.ru